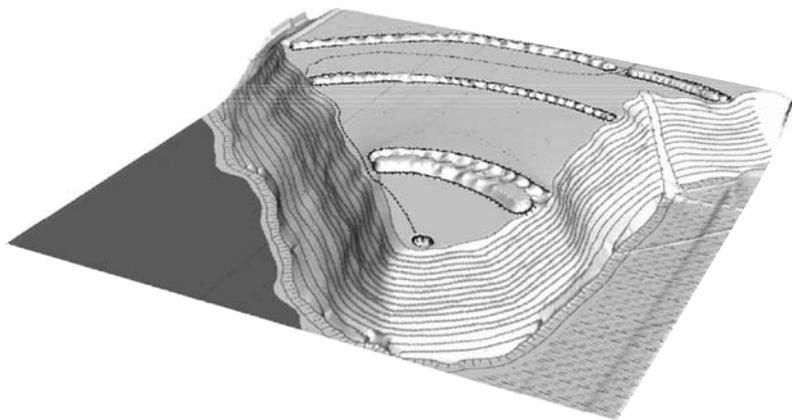

НАЦИОНАЛЬНАЯ АКАДЕМИЯ НАУК УКРАИНЫ
ИНСТИТУТ АРХЕОЛОГИИ

Д.В. КАРАВАЙКО

ПАМЯТНИКИ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

**НОВГОРОД-
СЕВЕРСКОГО
ПОЛЕСЬЯ**

КИЕВ • 2012

ББК Т4(4Укр1)273.22
УДК 903'1(477.51)~6383~
К 210

Каравайко Д.В.

К 210 Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. — Киев: ИА НАН Украины, 2012. — 276 с.; 129 рис.; 18 табл.
ISBN 978-966-02-6301-7

Работа посвящена изучению ряда памятников, оставленных населением юхновской археологической культуры, занимавшей в раннем железном веке значительные территории Лесной полосы и часть Лесостепной зоны Днепровского Левобережья.

Рассмотрены городища и поселения Новгород-Северского Полесья, поставлен вопрос о погребальной обрядности. Проанализирована материальная культура, что позволило не только уточнить хронологию, но и говорить о хозяйственном укладе данного населения, а также затронуть ряд иных вопросов, и в частности вопрос об этносе.

Для историков, археологов, работников музеев, краеведов, преподавателей высших учебных заведений, всех, кто интересуется древней историей Украины.

ББК Т4(4Укр1)273.22
УДК 903'1(477.51)~6383~

ISBN 978-966-02-6301-7

© Д.В. Каравайко, 2012
© Институт археологии
НАН Украины, 2012

Введение

Эпоха раннего железа, прежде всего, знаменуется последовательным появлением на евразийских просторах могущественных кочевых племен: киммерийцев, скифов, сарматов. Господство воинственных номадов, и в частности скифов, существенным образом повлияло на судьбы оседлого земледельческого населения Лесостепи. В меньшей степени это воздействие ощутили племена лесной полосы, однако и здесь нередкими находками являются вещи скифского облика. К сожалению, археологические культуры Леса изучены не настолько хорошо, как памятники степной и лесостепной полосы. В полной мере это касается и территории Новгород-Северского Полесья. В раннем железном веке здесь проживало население так называемой юхновской археологической культуры. В целом же, ареал ее памятников значительно шире. Он охватывает среднее течение Десны от места впадения р. Сейм до севера современной Брянской области, включая наибольший приток р. Судость. На востоке граница доходит до верховьев Сейма, а на западе — до р. Ипуть и Беседь (Каравайко, 2007а, с. 6—7). Таким образом, культура известна на территории России, Украины и, частично, Беларуси. В пределах Украины основная концентрация памятников юхновской культуры фиксируется именно в пределах Новгород-Северского Полесья.

Новгород-Северское Полесье — крайняя восточная часть Украинского Полесья (рис. 1). На западе оно граничит с Черниговским Полесьем. Здесь граница проходит от устья р. Ревна по линии населенных пунктов Холмы, Короп и Кролевец. На севере пределы данной территории — по границе с Россией. На востоке Новгород-Северское Полесье ограничено Среднерусской возвышенностью, а на юге — Сумской лесостепной областью (Природа..., 1985, с. 62). Основной речной артерией данной территории является р. Десна. Ее крутой и высокий правый берег, изрезанный оврагами, был весьма удобным местом для устройства городищ, которые здесь и появляются раннем железном веке (рис. 2).

Городища, обнесенные валами и рвами, вместе с курганами издавна привлекали внимание исследователей. Благодаря исследованию одно-

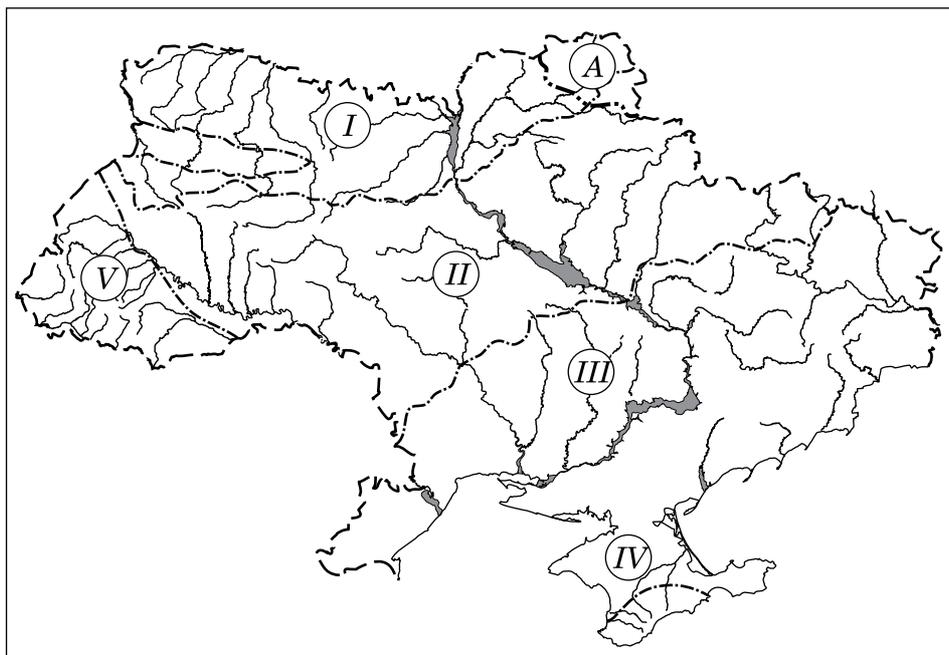

Рис. 1. Карата-схема расположения Новгород-Северского Полесья: I — Полесье, II — Лесостепь, III — Степь, IV — Крым, V — Карпаты, А — Новгород-Северское Полесье

го из них, а именно Юхновского городища, Д.Я. Самоквасовым в конце XIX в. и стали известны древности, выделенные М.В. Воеводским в отдельную археологическую культуру.

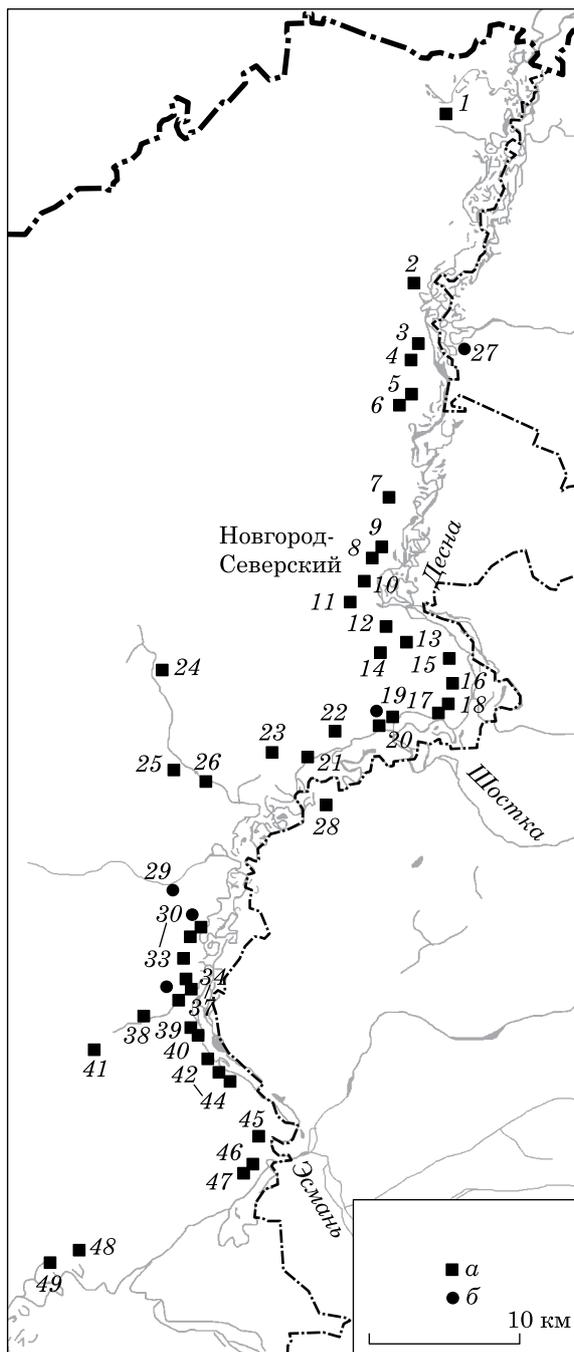
Памятники юхновской культуры исследуются уже более ста лет. Несмотря на это, не существует обобщающей работы, в которой не только были бы подведены итоги, но и сделаны обобщающие выводы. Как правило, в виде небольших статей или кратких сообщений, издавались результаты раскопок того или иного памятника. Порою материал не публиковался вообще или сдавался в архив и фонды на «вечное» хранение. Общие знания о юхновской культуре можно было почерпнуть лишь из трех изданий. Первая такая работа была опубликована М.В. Воеводским (1949). Исходя из того, что большинство городищ на то время было осмотрено поверхностно, а исследовалось лишь одно (Песочный Ров), информацию подано весьма кратко. Масштабные разведки и небольшие раскопки на городищах Брянщины провел В.П. Левенок. Ссылки на его статью (Левенок, 1963) присутствуют в работах и современных исследователей. Следует учесть, что В.П. Левенок оперировал материалом также незначительным и известным ему ко времени написания статьи. Работа и сейчас актуальна, хотя в определенной степени устарела.

И наконец, это небольшой раздел в «Археологии СССР», написанный В.А. Ильинской (1986), специально не занимавшейся юхновской культурой. К тому же в работе использованы материалы преимущественно одного памятника — Кузина Гора.

Как видим, материал находится в разрозненном виде. Многие вопросы, касающиеся юхновской культуры, не освещены вообще. Речь идет о материальном комплексе, характере планировки городищ и домостроительстве и многих других. К тому же следует отметить определенное падение интереса к юхновским древностям, начавшееся с середины 1970-х гг. и продолжавшееся около 30 лет. Все это не может не сказаться на общем изучении истории племен Восточной Европы в раннем железном веке. В определенной степени юхновская культура является «белым пятном» на общей археологической карте.

С 2004 г. под руководством автора начала рабо-

Рис. 2. Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья: а — городища, б — селища (номера на карте соответствуют номерам памятников в приложении I)

тать экспедиция по исследованию городищ юхновской культуры в Новгород-Северском Подесенье. Работы проводились на Западном Юхновском городище и поселении за валом, городищах Киселевка II и Бужанка I. Материалы этих городищ стали основой для написания работы. Кроме того использованы результаты исследований предыдущих лет. Частично в научный оборот вводятся материалы городища Кудлаевка, полностью исследованного О.Н. Мельниковской¹. Еще одним базовым памятником стало городище Песочный Ров (раскопки М.В. Воеводского, а позднее Л.Л. Зализняка). Весьма важный и многогранный материал дали городища Пушкари, Мезин и три укрепленных поселения у с. Свердловка. Кроме того задействованы результаты исследований многослойного городища Радичев (раскопки А.Л. Казакова)², шурфовок и поверхностного осмотра ряда памятников. На сегодняшний день общая раскопанная площадь этих памятников составляет чуть меньше 5000 м². Таким образом, был получен многочисленный материал, требующий систематизации, внимательного изучения, позволяющий дать характеристику юхновской культуры Новгород-Северского Полесья.

Монография выполнена на основе диссертационного исследования, существенно дополненного и исправленного.

1. О.Н. Мельниковской была подготовлена рукопись монографии, посвященной юхновской культуре. Безусловно, в ней результаты исследования городища Кудлаевка должны быть освещены более полно. В этой книге автор использовал отчеты О.Н. Мельниковской, хранящиеся в архиве ИА НАН Украины.

2. Юхновский слой практически не сохранился. В работе, с разрешения автора раскопок А.Л. Казакова, использован лишь керамический материал.

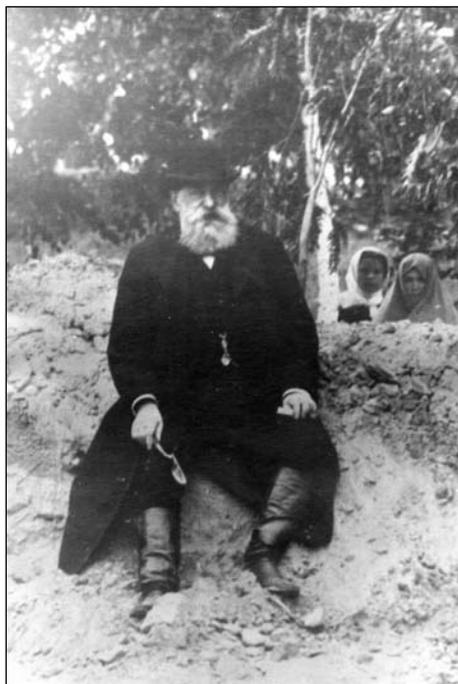
Глава 1

ИСТОРИЯ ИЗУЧЕНИЯ ПАМЯТНИКОВ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ НОВГОРОД-СЕВЕРСКОГО ПОЛЕСЬЯ

Археологическое изучение памятников юхновской культуры началось в 1870-х гг. До этого времени многочисленные городища Десны и ее притоков не привлекали внимание исследователей. Во-первых, основное внимание археологов и любителей древностей было сосредоточено на скифских и античных памятниках южной полосы, которые при незначительной затрате труда, учитывая методику раскопок того времени, позволяли получить яркий, выразительный материал. Во-вторых, долгое время бытовала теория Адама Чарноцкого, согласно которой городища лесной зоны в пределах Древнерусского государства представляли собой места языческих богослужений древних славян и не содержали ничего, кроме остатков жертвоприношений в виде пепла, угля и пережженных костей (Самоквасов, 1908, с. 1).

Наиболее ранние свидетельства о городищах, в частности в Черниговском уезде, содержатся в Черниговских епархиальных известиях (ЧЕИ, 1872, № 13, с. 282; № 14, с. 296; № 17, с. 349—350)¹. Как пример, поселение у с. Шептаки и городище в 2-х верстах от с. Мамекино. Относительно последнего говорится, что оно являлось городком одного из удельных Северских князей (ЧЕИ, 1872, с. 13—14). Подобная короткая информация подана и относительно иных «городков», их же описание отсутствует. Сведения данного издания, с учетом устной информации местных жителей, были использованы Д.Я. Самоквасовым. Только в округе Новгород-Северского он насчитал 32 городища, которые особенно кучно располагались от устья Ивотки до устья Эсмани. Несмотря на то, что археологических работ на них почти не проводилось, исследователь отмечал, что памятники разновременные (Самоквасов, 1908, с. 30). К безусловно ранним он относил «городки» Юхновские, у сс. Дегтяревка и Горки. По мнению Д.Я. Самоквасова, «по археологическим изысканиям, практически все городища, сохранившиеся в пределах Северянской земли 10 века, представляют собой остатки русских укрепленных общественных поселений до-татарско-

1. Смотри также другие выпуски данного издания.

Д.Я. Самоквасов (1843—1911)

го времени, разрушенных Батыем» (Самоквасов, 1908, с. 34).

К концу XIX в. относятся и первые профессиональные раскопки на двух городищах в 1 км от с. Юхново Новгород-Северского района Черниговской области, проведенные Д.Я. Самоквасовым. Во время исследований 1873 и 1876 гг. были заложены две траншеи, общей площадью около 120 м² и сделано несколько разведывательных шурфов. В результате работ получен хоть и немногочисленный, зато достаточно выразительный материал (Самоквасов, 1908а, с. 5), позволивший отнести данные памятники к эпохе металла: «... а остальные частью киммерийской эпохи, подобныя Юхновскому въ Новгород-сьверскомъ уездъ...» (Самоквасов, 1908, с. 24). Раскопки проводились на Западном и Восточном городищах, а также на неукрепленном поселении между ними, однако,

несмотря на это, исследователь не разделял материал по памятникам, считая их единым одновременным комплексом.

Кроме Юхновских городищ, Д.Я. Самоквасовым в конце XIX в. были обследованы еще ряд городищ бассейна Десны с похожей материальной культурой. Это Пушкаревское городище, «Замок» и «Старое Еврейское кладбище» в г. Новгород-Северский, у сел Домотканово и Комань, в урочище «Чайкин Лог» вблизи с. Стахорщина и некоторые другие (Самоквасов, 1908, с. 103—119).

В это же время краткий свод городищ Подесенья был составлен графией П.С. Уваровой. Лишь в пределах Новгород-Северского уезда она насчитала 21 укрепленное поселение (Уварова, 1906, с. 82). Более подробные сведения о городищах в бассейне Десны, в частности на р. Эсмань — их топография, размеры, характер укреплений и т. п. — подаются П.М. Еременко (1906, с. 97—98)¹.

В 1904 г. незначительные раскопки на двух городищах юхновской культуры (они находятся несколько западнее Новгород-Северского Полесья) были проведены Ю.Г. Гендуне в Корюковском районе Черниговской

1. Уже в наше время упомянутые городища были осмотрены В.В. Приймаком (1996, с. 164—165). На ряде из них выявлены материалы раннего железного века.

области. Результаты работ были представлены на XIV археологическом съезде в Чернигове, однако материал и результаты работ не были опубликованы (Каравайко, 2004).

В 1906—1907 г. С.А. Гатцуком обследован ряд городищ Средней Десны: Юхновские, Мезинское, у Кролевца, Радичевское Мещанское и Радичевское Московское, Городищенское, а также памятники соседней территории. Пробные раскопки проведены на городище Свердловка II. Найдена грубая, вылепленная от руки керамика, украшенная по шейке ямочными вдавлениями, и глиняные блоки различных форм, с отверстиями (Третьяков, 1941, с. 14—15; Мельниковська, 1978, с. 80).

В 1938 г. Н.В. Трубниковой были опубликованы находки с раскопок Д.Я. Самоквасова на Юхновских городищах. На основании их анализа исследовательница датировала городище IV—III вв. до н. э. и сделала вывод относительно сходства материальной культуры Юхновских городищ с комплексами северо-восточных городищ с одной стороны, и более южными памятниками — с другой. По ее мнению, Юхновское городище было пограничным пунктом между культурами юга и севера (Трубникова, 1938, с. 128). Фактически, данную работу можно считать началом аналитического изучения памятников юхновской культуры.

Качественно новый этап в исследовании городищ Подесенья начинается после создания Деснянской экспедиции (ИИМК, ИА АН УССР и Государственного музея антропологии МГУ) в 1936 г. под руководством М.В. Воеводского для систематического исследования археологических памятников разного времени в бассейне Десны. В довоенное время основное внимание уделялось изучению древностей эпохи палеолита — неолита. На городищах раннего железного века лишь проводится сбор подъемного материала и небольшие раскопки. Так, в 1938—1939 гг. разведочные работы проведены Ф.В. Лучицким на Десне в районе Новгород-Северского. Целью разведок было выявление и исследование палеолитических стоянок, поселений эпохи бронзы, городищ и селищ более позднего времени. В 1938 г. было обследовано пять городищ, собран подъемный материал, а на двух памятниках заложены шурфы (городище в окрестностях с. Пушкари и городище у с. Роговка) (Лучицкий, 1938). Памятники южнее Новгород-Северского в эти же года были осмотрены Т.Н. Тралло.

М.В. Воеводский (1917—1947)

Работы были продолжены в 1939 г. на севере Черниговской области, и, в частности, на территории Погарского района Брянской области. Было обследовано только одно городище у с. Случевск на правом берегу Судости, которое можно отнести ко времени раннего железа. Подъемный материал оказался подобен комплексам Пушкаревского городища и городища у с. Лесконоги (Лучицкий, 1939, с. 7, 8).

Пушкаревское городище исследовалось в 1939 г. Б.А. Рыбаковым. Был заложен небольшой раскоп (8 × 8 м). Материал, полученный во время раскопок, введен в научный оборот лишь в 1968 г. Позже работы были продолжены А.А. Попко. К сожалению, полевые записи и отчет не сохранились (Розенфельдт, 1968).

А.Е. Алихова (1902–1989)

В 1940 г. А.Е. Алиховой в составе Деснянской экспедиции М.В. Воеводского проведены незначительные разведочные раскопки на городищах у с. Юхново. На Западном и Восточном городищах заложено небольшие раскопы, позволившие выяснить структуру вала и его конструктивные особенности, изучить стратиграфию памятников. В результате проведенных раскопок собран незначительный материал, в основном фрагменты керамики. Был сделан вывод о разновременности этих двух городищ (Алихова, 1956).

Несмотря на незначительные работы на городищах Десны, уже в 1941 г. на основании особенностей керамического комплекса, находок глиняных блоков, характерных для городищ Подесенья, скифских городищ Левобережной Лесостепи и бассейна р. Сейм, П.Н. Третьяков выделяет локальную группу городищ Десны, Сейма и Ипути. Исследователь датировал эти памятники серединой I тыс. до н. э. — первыми веками нашей эры. По его мнению, городища принадлежали давним славянам, которые неизменно проживали на этой территории полторы тысячи лет (Третьяков, 1941, с. 14—16, 32). Таким образом, в работе подведены итоги многолетних и в большинстве случаев поверхностных исследований юхновских памятников.

Исследование городищ Подесенья возобновляется сразу после войны. В 1945—1947 гг. на городище Песочный Ров, у с. Роговка Новгород-Северского района, работает Деснянская экспедиция под руководством М.В. Воеводского. В 1946 г., подводя итоги работы экспедиции 1940 г., автор объединяет городища Десны в единую группу, которая находится

между северными племенами, оставившими памятники дьяковського типа, и южными лесостепными, отмечая наличие скифских элементов на Деснянских укрепленных поселениях (Воеводский, 1946а, с. 94).

Экспедицией 1946 г. было обследовано 16 городищ правого берега Десны, между Брянском и г. Сосница, и правого берега Сейма, от устья реки до г. Курск, а также проведены раскопки на городище Песочный Ров. Тот факт, что значительные культурные наслоения не были разделены стерильной прослойкой, позволил автору раскопок сделать вывод о непрерывном существовании и последовательности смены культур, начиная с середины I тыс. до н. э. и до времен Киевской Руси (Воеводский, 1948, с. 36, 37). Последний тезис, который был высказан еще В.П. Левенком и П.Н. Третьяковым, по причине слабой источниковой базы, был достаточно распространен на то время.

Кроме того, на основании различий в материальном комплексе, были выделены три этапа в развитии городищ: первый, датирующийся серединой I тыс. до н. э. — первыми веками новой эры, второй — время существования городищ роменского типа; третий — период Древнерусского государства (Воеводский, 1947, с. 45).

В результате проведенных исследований на городищах Подесенья, на основании особенностей домостроительства, форм и орнамента керамики, четко отличающейся от более северной дьяковской и южной лесостепной, а также находок своеобразных глиняных изделий (грузила, «рогатые кирпичи»), М.В. Воеводским в 1947 г. была выделена юхновская культура (Воеводский, 1949). Название культура получила по городищам у с. Юхново, где впервые были проведены раскопки Д.Я. Самоквасовым еще в конце XIX в.

М.В. Воеводский датировал культуру IV в. до н. э. — первыми веками новой эры. Нижняя дата устанавливалась на основании датировки Н.В. Трубниковой материала Юхновских городищ. Верхняя дата определялась находкой на городище Песочный Ров позднелатенского браслета. Территория распространения юхновских городищ, по предварительным данным, ограничивалась Средней Десной, от г. Сосница до Брянска (Воеводский, 1949, с. 67, 68).

Статья М.В. Воеводского 1949 г. является первым обобщающим трудом по данной тематике. Им очерчен ареал культуры, охарактеризован материальный комплекс, подано общее описание городищ и построек, сделан предварительный анализ хозяйственной деятельности юхновских племен, обозначены хронологические рамки культуры. В статье отмечается, что между поздним юхновским временем и ранним роменским существует значительный хронологический разрыв, что, фактически, можно считать отказом автора от предыдущего тезиса о непрерывном развитии населения деснянских городищ.

В послевоенное время значительно повышается интерес к городищам Подесенья. Раскопки и разведки проводятся также и на территории Брянского Подесенья экспедициями Б.А. Рыбакова, В.А. Падина, Л.В. Артишев-

ской, В.П. Левенком и другими исследователями. Отходя от темы, нельзя не упомянуть работу В.П. Левенка (1963). Будучи уроженцем Трубчевска, основное свое внимание он уделял юхновским древностям именно Брянщины. Его обобщающая статья по юхновской культуре надолго осталась единственным основательным трудом по юхновской культуре в целом. В своей работе В.П. Левенок отмечал постепенное увеличение роли укреплений городищ, замену удлинённых домов с плетеными стенами на небольшие сооружения столбовой конструкции и показал динамику развития всего комплекса культуры (Левенок, 1963, с. 87—92). Хотя работа на сегодня устарела и требует детального пересмотра ряда позиций, все же это единственное исследование, где приведена основательная характеристика культуры, показано изменение ее материального комплекса на протяжении всего времени существования, впервые разработана периодизация и обоснованы хронологические рамки.

Что же касается Новгород-Северского Полесья, после исследований А.Е. Алиховой и М.В. Воеводского, работу на Десне проводил сотрудник Черниговского государственного исторического музея И.И. Едомаха. Он осмотрел, описал и заложил шурфы на ряде юхновских городищ, в частности Комань, оба Юхновские, у сел Горки и Дегтяревка, Кудлаевское. Небольшие раскопки провел на детинце Новгород-Северского и осмотрел территорию за Спасо-Преображенским монастырем (Едомаха, 1959, с. 57—65, 69—71, 78—86).

О.Н. Мельниковская (1921—2008)

Пожалуй, наиболее весомый вклад в изучение юхновских древностей, и в частности на территории Новгород-Северского Полесья, был сделан О.Н. Мельниковской. В 1966 г. исследовательница начинает планомерные разведки по Десне, и раскопки памятников. За три полевые сезона она полностью раскопала городище Кудлаевка на р. Малотечка (Мельниковская, 1965; 1966; 1967, с. 11—17). Как результат, был установлен характер планировки юхновского городища, выяснены особенности домостроительства, получено достаточно полное представление о материальной культуре, освещены многие аспекты. Важным открытием стало обнаружение первого захоронения населения этой культуры. К сожалению, материал данного памятника был введен в научный оборот лишь в виде кратких сообщений в «АО» и тезисов конференций (Мельниковская, 1967б; 1968а; 1972а, с. 167).

В 1967—1968 гг. О.Н. Мельниковская исследовала Мезинское городище (1967, с. 18—22; 1968, с. 10—17; 1969, с. 59; 1972а, с. 167—168). Несмотря на то, что культурный слой был сильно поврежден поздним кладбищем, был собран выразительный материал. Кроме того, обнаружено шесть погребений юхновской культуры, совершенных по обряду ингумации. Учитывая материалы с городищ Кудлаевка, Мезин, а также захоронения у с. Долинское, О.Н. Мельниковская сделала три вывода относительно обряда захоронения юхновской культуры: **1)** наличие биритуализма, **2)** близость обряда захоронения юхновской и милоградской культур, и **3)** влияние обряда захоронения скифских лесостепных племен, благодаря которому в обеих культурах появляются труположения (Мельниковская, 1970а, с. 53, 54). На то время это были «первые сведения о погребальном обряде у племен юхновской культуры», и именно так называлась статья.

Тогда же, в 1968 г. О.Н. Мельниковская провела небольшие раскопки на трех городищах у с. Свердловка (1978). Но уже с 1969 г. исследовательница переключила свой интерес на памятники Брянщины. Вместе с тем раскопки и разведки, произведенные по всему ареалу культуры, позволили наиболее полно представить территорию ее распространения, охарактеризовать материальный комплекс, подойти ближе к решению многих вопросов (Мельниковская, 1975а; 1985).

Справедливости ради следует отметить, что в это же время на памятниках юхновской культуры соседней территории работают и другие археологи. Кроме того, именно в 1950—1960-х гг. в научный оборот вводятся результаты раскопок таких городищ как: Торфель (Горюнова, 1950), Кузина Гора (Алихова, 1962); Северное Долбатово (Артишевская, 1966), Южное Долбатово, Кудеяров Бугор, Лбище (Падин, 1966), Шабалиновское (Мельниковская, 1975).

Как видим, наиболее масштабные раскопки, как на городищах Новгород-Северского Полесья, так и иных территорий, проводились в послевоенное время, до начала 1970-х гг. Как итог, собран значительный материал, позволивший говорить об этнической принадлежности юхновского населения в целом, его генетических корнях, хронологии самой культуры и отдельных этапов ее развития. Полученный остеологический материал достаточно полно использован В.И. Цалкиным для характеристики видового состава стада, сравнения его с иными соседними культурами и выяснения основных объектов охоты (Цалкин, 1962, с. 24—57; 1966, с. 32—48).

Ситуация с изучением юхновских древностей кардинально меняется с 1970-х — начала 1980-х гг. Достаточно хорошо это прослеживается по количеству работ в сравнении с предыдущим периодом. Археологические исследования на юхновских памятниках продолжаются, однако, они проводятся на многослойных городищах специалистами по другим археологическим периодам и культурам. Так, в 1979—1984 гг. развернула свою деятельность древнерусская Новгород-Северская экспедиция. Были проведены значительные разведочные работы на городищах Подесенья.

Обследовано больше 30 памятников, содержащих слои раннего железного века (Коваленко, Орлов, 1980; Григорьев, 1983; Григорьев, Коваленко, Моця, 1986). Ряд юхновских городищ Новгород-Северского Полесья осмотрено разведочной экспедицией А.В. Шекуна. Составлены их схематические планы (Шеун, 1983).

Единичные раскопки проводятся на юхновских городищах Подесенья (многослойные памятники): Песочный Ров (Зализняк, 1984), Радичевском (Казаков, Потапов, Олейник, 1991). К сожалению, все сведения о материалах юхновской культуры подаются достаточно коротко — в текстах отчетов, небольших информациях в «Археологических открытиях», или не вводятся в научный оборот вообще.

Отдельно следует отметить работы краеведов, которые при исследовании некоторых регионов, так или иначе касались юхновской тематики. В частности, В.Е. Куриленком систематически проводились разведки в Мезинском районе Черниговской области. Им было обследовано ряд памятников, содержащих слои юхновской культуры. Однако в научное обращение результаты исследований введены достаточно ограниченно — на уровне отчетов или коротких тезисов докладов конференций (Куриленко, 1988; 1989; 1990; 1990а).

Таким образом, с начала 1980-х гг. изучение юхновских древностей Подесенья было не систематичным. Определенный регресс и падение интереса к истории лесных племен особенно заметны по сравнению с предыдущим периодом. Планомерные раскопки не проводятся, количество публикаций, посвященных юхновской культуре, незначительно.

С 2002 г. систематические и планомерные работы на памятниках юхновской культуры Новгород-Северского Полесья проводит автор данной работы. Раскопки велись на городищах Песочный Ров (нач. экспедиции Л.Л. Зализняк) (Зализняк, Каравайко, Маярчак, 2003; Зализняк, Шумова, Каравайко, Маярчак, 2003), Западное Юхновское и поселение за валом (Каравайко, 2005), Киселевка II (Каравайко, Ступак, 2006; Каравайко, 2007; 2009), Бужанка I (Каравайко, 2009а; 2010). Были осмотрены практически все городища указанного региона, а так же сделаны точные топографические планы некоторых из них.

Осуществлены раскопки и на городище Рассуха II, что на Брянщине (Гурьянов, Ефимов, 2003). Издаются результаты раскопок городища Случевск (Шинаков, 2002). Их автор косвенно касается материалов юхновской культуры, однако в работе присутствует реконструкция общего вида памятника в период раннего железа, что позволяет достаточно полно представить характер планировки городища (Шинаков, 2002, рис. 11).

В это же время выходит ряд статей белорусских археологов в той или иной мере затрагивающих вопросы изучения юхновской культуры (Рассадин, 2007; Дробушевский, 2008). Вполне очевидно, что изучение данного культурного явления постепенно возобновляется.

Таким образом, в истории исследования юхновских памятников, как Новгород-Северского Полесья, так и всего ареала культуры, выделяется

несколько периодов. *Первый*, достаточно условно можно начинать с раскопок Д.Я. Самоквасова в 1870-х гг. городищ около с. Юхново, что, фактически было первым археологическим исследованием данной тематики. В это время на городищах проводятся лишь разведки, подается общее описание памятников, их топография, характеристика оборонных сооружений и тому подобное. В виде исключения — небольшие разведочные раскопки, которые, практически, не отображались в научной литературе.

Информация о памятниках, на это время сводится к описанию городищ и вещей, найденных на них. Основной причиной данной ситуации является соответствующее развитие археологических знаний того времени и то, что сама юхновская культура не была выделена из общего круга древностей раннего железного века. Однако, несмотря на это, в 1941 г. П.Н. Третьяковым, на основании самобытности вещевого комплекса, была выделена локальная группа городищ Десны и Сейма (Третьяков, 1941, с. 14). Отмеченный труд является своеобразным итогом почти семи-десятилетнего исследования юхновских памятников.

Начало *второго* этапа несколько растянуто во времени. Так, в 1936 г. создана экспедиция под руководством М.В. Воеводского, целью которой было обследование и изучение памятников Подесенья, и в частности Новгород-Северского Полесья. Однако, в довоенное время основное внимание было сконцентрировано на изучении поселений каменного века. Городища эпохи раннего железа обследовались эпизодично. Лишь после Второй Мировой войны началось систематическое изучение последних. Экспедицией под руководством М.В. Воеводского обследован ряд памятников раннего железного века, а на некоторых заложены разведочные раскопы, начато исследование городища Песочный Ров. В результате работ был получен значительный материал, что и позволило М.В. Воеводскому выделить юхновскую культуру раннего железного века, получившую название по первому городищу, которое раскапывалось еще Д.Я. Самоквасовым.

Именно с этого времени начинается планомерное исследование юхновских памятников. Широкомасштабные работы позволили уточнить ареал культуры, выявить территориальные и хронологические особенности, подойти ближе к решению многих вопросов.

Памятники юхновской культуры Новгород-Северского Полесья активно изучались О.Н. Мельниковской. Полученный материал с городищ Кудлаевка, Мезин, Свердловка I, II и III существенно расширил представление о всей культуре в целом. Исследовались и юхновские памятники Сейма и Брянского Подесенья такие как Переверзево, Марица, Жадино, Благовещенская Гора, Посудичи, Поповка, Северное и южное Долбатово и некоторые другие.

Как итог, накоплен огромный материал, выявлены определенные особенности планировки памятников, характер домостроительства, сделаны выводы относительно хозяйственной деятельности населения, его этнической принадлежности, обнаружены первые захоронения, которые принадлежат населению юхновской культуры и т. д.

Масштабные работы, проведенные в течение первых послевоенных десятилетий, не только создали основательную базу для изучения культуры в целом, но и привели к возникновению дискуссионных вопросов. В частности, именно в это время, в научной литературе начинается активное обсуждение многих моментов, которые касались происхождения юхновской культуры, ее хронологических рамок, этнической принадлежности населения и ряда других. К сожалению, невзирая на относительно большое количество статей, посвященных юхновской тематике, еще и сегодня большинство этих вопросов остаются открытыми.

В следующий *третий* период, начало которого условно приходится на конец 1970-х — начало 1980-х гг., продолжают исследования на городищах Десны, однако, для этого времени характерно нецеленаправленное исследование юхновской культуры. На многослойных городищах изучаются слои каменного века, скифоидной и роменской культуры или же времени Киевской Руси. Юхновский материал остается вне поля зрения исследователей; подаются лишь достаточно ограниченные сведения.

Невзирая на достаточно масштабные работы, так и не была создана обобщающая работа по юхновской тематике, которая образует определенную лауну в изучении древностей раннего железного века Восточной Европы. Вместе с тем, накопленный материал позволяет не только дать общую характеристику тех или иных памятников и ряда комплексов, но и подойти ближе к решению некоторых проблем и вопросов.

С начала XXI в. изучение юхновских древностей возобновляется. Проведенные раскопки существенно дополняют источниковую базу (см. соответствующие отчеты автора). Что немало важно, результаты исследований активно вводятся в научный оборот. По сути, имеем все основания говорить о начале *четвертого периода* в изучении юхновских древностей.

Глава 2

ПАМЯТНИКИ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

2.1. ГОРОДИЩА И ПОСЕЛЕНИЯ

Основным типом поселений юхновской культуры, как в Новгород-Северском Полесье, так и на всей территории распространения, являются городища. Они составляют около 95 % всех памятников (рис. 2). Конечно же, нельзя исключать, что при проведении тщательных разведок будет обнаружено значительное число неукрепленных поселений, однако, на сегодняшний день, юхновскую культуру следует считать «городищенской» культурой. Возникновение подобной ситуации, возможно, следует объяснять межродовыми (межплеменными) неурядицами (Граков, 1947, с. 20; Левенок, 1963, с. 87). Появление укреплений у населения юхновской культуры связано так же с наличием потенциальной угрозы со стороны кочевников или же населения лесостепной зоны.

Городища Новгород-Северского Полесья сосредоточены по правому берегу Десны, на высотах (25—45 м) мысах, окруженных глубокими оврагами. Как исключение, левобережное городище у с. Собичи (рис. 3). Здесь чуть ли не единственный пригодный мыс был использован под городище. Значительно реже укрепленные поселения удалены от русла и располагаются по берегам малых речушек, впадающих в Десну. Как пример, памятники на мысах балки, по которой протекает р. Малотечка. Интересно, что на наиболее дальнем от Десны городище у с. Бугриновка разведками О.Н. Мельниковской не было выявлено культурного слоя (1967, с. 3—4). Возможно, подобные поселения были временными убежищами, однако утверждать это до более полных исследований нельзя.

На выбор места для будущего поселения влиял ряд факторов: наличие питьевой воды (реки), удобный мыс, создание укреплений на котором не создавало особых усилий, лес, а так же уголья, пригодные для ведения земледелия и скотоводства. Как правило, городища небольшие, 0,1 — 0,5 га. Наибольшим по площади городищем на территории Новгород-Се-

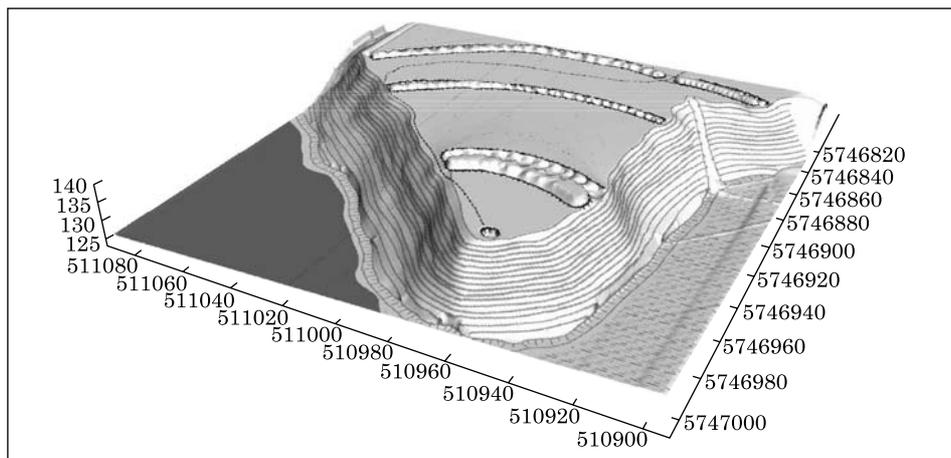

Рис. 3. Городище Собичи (А. Коротя, Е. Осадчий)

верского Полесья является Киселевка II (около 1,5 га). Об определенной системе в размещении памятников на сегодня говорить не приходится. Их расположение полностью подчинено рельефу.

Укрепления городищ состояли, чаще всего, из одного вала со стороны поля и рва. Такие простейшие укрепления имели городища Песочный Ров, Киселевка I, Пушкари, Бужанка I и многие другие. Реже устраивали два вала и два рва. Так, городище Киселевка II с северной стороны было защищено тремя валами и двумя рвами, хорошо заметными на сегодняшний день. Два вала и ров между ними прослежены на Втором Бужанском городище. Вал и два рва за ним выявлены на Кудлаевском городище (Мельниковская, 1965, с. 13).

Достаточно мощное укрепление имеет городище у с. Собичи. Небольшая площадка отделена от поля тремя валами и рвами (рис. 3; 4). Сложная система укреплений возникла лишь в том случае, если мыс был не совсем удобным, и природно слабо защищен. Однако такие памятники единичны.

Высота валов различная — от 0,5 до 5 м¹. В среднем 0,5—1,5 м. Такая же глубина и рвов. К сожалению, должного внимания изучению земляных укреплений не уделялось. Как пример, на полностью раскопанном городище Кудлаевка было сделано 5 разрезов вала, однако информация об этом крайне скудна. На раннем этапе существования данного памятника валы отсутствовали. Вал был насыпан позже, на тонкой прослойке культурного слоя, в котором выявлены следы от столбовых ямок и двойной канавки, т. е. остатки стены, огораживающей площадку по всему периметру. Вал насы-

1. Пятиметровый вал — редкость для юхновских городищ. Такую высоту вала зафиксировал М.В. Воеводский на городище Горки II (1949, с. 68). На сегодняшний день памятник сильно поврежден карьером.

Рис. 4. Валу городища Собичи: 1 — внутренний; 2 — средний; 3 — внешний

пался в три приема, после чего его высота должна была достигать более чем 3 м. С внутренней стороны вала прослежены следы обугленных деревянных конструкций. Видимо, земляной вал подпирала деревянная стена. На верхушке вала выявлены следы трех канавок глубиной до 1 м и шириной 0,4—0,6 м.

Мощная стена проходила по гребню вала и спускалась на боковые стороны площадки. Интересным фактом является обнаружение в двух столбовых ямках, связанных с оборонительной системой, черепов собаки и лошади. По мнению автора раскопок, их захоронения, совершенные при закладке стен, являются ритуальными (Мельниковская, 1967, с. 12).

На городище Песочный Ров некоторое время население, так же как и на Кудлаевском, проживало на неукрепленном месте. Стратиграфически удалось проследить, что культурный слой заходит под насыпь вала, состоящей из плотной супеси, частично взятой из рва, а частично из культурного слоя (Воеводский, 1946, с. 4). Был ли построен по краю частокол, остается не выясненным. Аналогичную ситуацию прослежено и на городище Кудеяров Бугор в Брянском Подесенье (Падин, 1966, с. 137). В ранний период существования отсутствовали земляные укрепления и на городищах Верхнего Днепра (Шмидт, 1963, с. 7; Шадыро, 1985, с. 23).

На городище Киселевка II, по краю площадки, были прослежены две параллельные канавки. Внутренняя канавка неглубокая (до 0,3 м) с пологими и неровными стенками. Ее ширина достигала 0,8—1 м. По дну и краям фиксировались ямки от столбов различной глубины и диаметра. Данная канавка располагалась на самом краю площадки. На 2,1 м ниже ее, в пределах траншеи 1, параллельно проходила еще одна канавка. Она не такая широкая и глубокая. Ее ширина достигала всего 0,2 м, а глуби-

на от уровня материка — 0,18 м. Между этими канавками была зафиксирована довольно глубокая (0,75 м) столбовая ямка диаметром 0,35 м. Возможно, мы имеем дело с остатками двух оборонительных стен. Не исключено, что пространство между ними было заполнено землей, т. е. это был вал, края которого укреплялись деревянными стенами. Аналогичную конструкцию вала выявлено и на городищах Посеймья: Жадино и Кузина Гора. Вал с двух сторон огораживался деревянными стенами, соединенными между собой перпендикулярными перемычками (Мельниковская, 1968, с. 23, 24; Алихова, 1962, с. 94). Необходимость подобной конструкции вполне очевидна, так как супесчаный лесной грунт легко размывается.

Деревом укрепляли не только земляную насыпь вала. Вероятно, практически на всех юхновских городищах земляные укрепления дополнялись деревянной стеной или частоколом, огораживая всю площадку. Так, например, остатки горелых деревянных стен выявлено и на верхушке вала Западного Юхновского городища (Алихова, 1956, с. 32).

Практически не изученными оказались и рвы. На Кудлаевском городище были сделаны несколько разрезов, однако информация о них практически отсутствует. Так, первый ров прослежен на глубину 1,65 м от поверхности траншей. Второй ров располагался в 6,5 м от первого. Его ширина 3—3,5 м, глубина 1,4 м. Рвы разделены материковым бугром без следов насыпи вала (Мельниковская, 1965, с. 13; 1967, с. 15). Зачистка рва проведена и в юго-западной части городища Песочный Ров (Серов, 1982, рис. 69). Глубина рва составляла около 1 м, ширина — 2 м (рис. 5). Со сто-

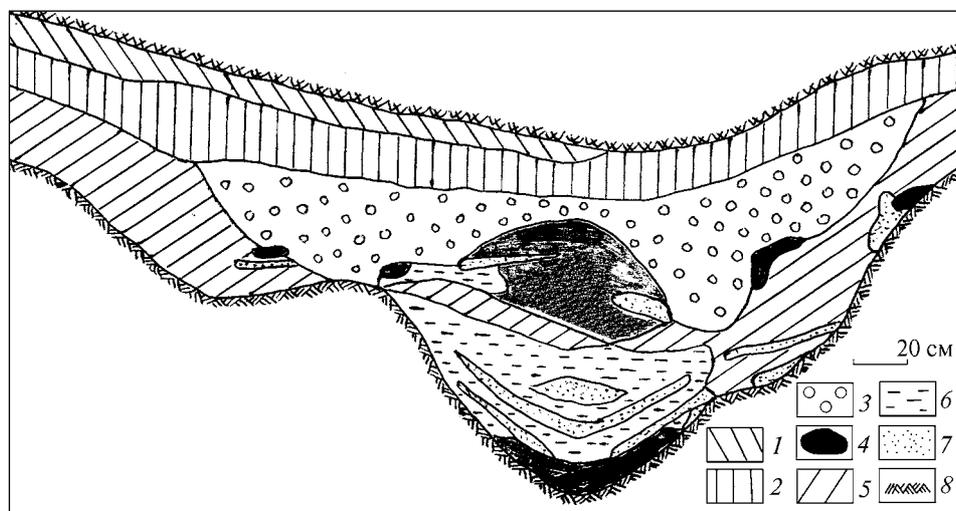

Рис. 5. Городище Песочный Ров; стратиграфический разрез рва (по: Седов, 1982): 1 — светло-желтая супесь, 2 — желтая супесь, 3 — темно-серая земля с вкраплениями угля, 4 — черная горелая земля, 5 — черная горелая земля с вкраплениями бурой глины, 6 — бурая земля, 7 — прослойки светло-серого песка, 8 — материковый желтый песок

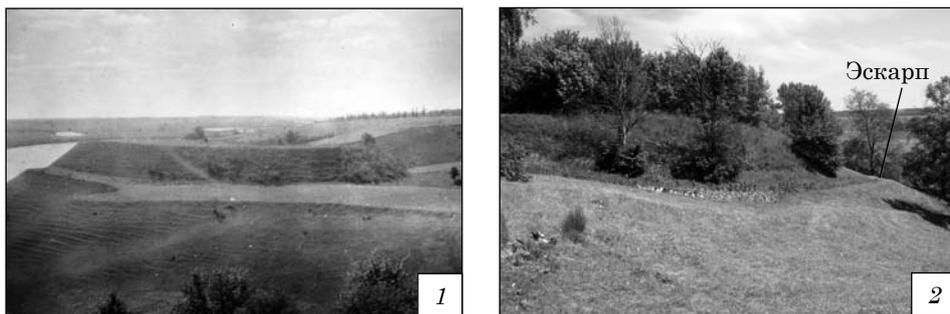

Рис. 6. Эскарпы на юхновских городищах. 1 — городище Бужанка I (фото М.Я. Рудынского); 2 — городище Мезин (фото автора)

роны поля во рву сделана небольшая приступочка. Стена рва с боку вала более крутая. Основная часть заполнения представляла собою темную супесь различных оттенков. Непосредственно на дне прослежен горелый слой. Следы пожара выявлены и верхней части заполнения. Вероятнее всего, это остатки сгоревших конструкций вала. Два слоя пожара соответствуют двум этапам в существовании оборонительной системы городища. Два одновременных юхновских слоя выявлены и на самой площадке (Залізняк, Шумова, Каравайко, Маерчак, 2003, с. 110, 111).

Важным компонентом оборонительной системы были эскарпы (рис. 6). Их средняя глубина составляла 3—5 м. Эскарпировали, прежде всего, стрелку мыса, наиболее пологую, а соответственно слабо защищенную часть. Так, на Киселевке II четко визуальнo фиксируются три линии эскарпов. На большинстве же других памятников присутствует лишь один эскарп, проходящий не только в мысовой части, но и по краям площадки, со стороны оврагов. Интересно, что подрезали не только пологие склоны. На городище Бужанка I, несмотря на достаточно крутые природные склоны, эскарп обрамлял площадку практически со всех сторон и плавно переходил в ров с напольной стороны. Следует отметить, что на территории Новгород-Северского Полесья не известно ни одного городища, где бы ни был зафиксирован эскарп, хотя в ряде случаев их следы практически не прослеживаются.

Сложно что-либо говорить и о конструкции въездов. Археологически они изучены не были. Визуально же прослеживаются на ряде памятников, например, Киселевке II. Однако, следует учитывать то, что практически на всех городищах в XX в. осуществлялась распашка. Соответственно въезд на площадку мог быть создан «искусственно». Следует так же учитывать точку зрения, относительно того, что ни одно из городищ лесной зоны не имело разрывов валов (Розенфельдт, 1983, с. 37). Наличие двух входов можем предполагать на Западном Юхновском городище. Рациональность входа со стороны поймы обуславливалось удобством для выгула скота. Наличие входа с поля так же возможно предполагать, так как рядом находилось одновременное неукрепленное поселение.

На юхновских городищах соседней территории прослежено, что площадку для будущего поселения подготавливали: ее края выкладывались слоем глины или же всю площадь выпаливали (Левенок, 1963, с. 88; Алихова, 1962, с. 122). Целью таких действий, вероятнее всего, является укрепление или выравнивание площадки (ее краев), однако не следует исключать выполнение определенных ритуальных действий вследствие страха перед предыдущим населением (Мельниковская, 1970, с. 14, 15; Алихова, 1962, с. 122). Подобные действия не удалось зафиксировать на памятниках Новгород-Северского Полесья. Интересен факт размещения двух разновременных городищ невдалеке друг от друга, на соседних мысах. Возможно, что древнее население опасалось заброшенного поселения (тот самый страх перед предыдущим населением), считая его, например, «мертвым городом», и соответственно, выбирало другой мыс для устройства городища.

Городища юхновской культуры по своему характеру и размерам сходны с памятниками Верхней Оки, днепро-двинскими и милоградскими. Разница состоит лишь в топографических условиях. Так, для территории Новгород-Северского Полесья абсолютно не характерны холмовые городища (как в днепро-двинской культуре) и болотные (как в милоградской)¹. В отличие от лесостепных, юхновские городища имеют значительно меньшую площадь и более «слабые» укрепления. Лесостепные городища размещаются несколько в стороне от русла (Ильинская, 1950, с. 17), в то время как юхновские — непосредственно на берегу.

Как уже говорилось выше, *неукрепленные поселения* практически неизвестны. Немногочисленные же, выявленные поселения имеют небольшую площадь — от 0,1 га и более. По топографическим условиям их можем подразделить на две группы.

1. Расположены вблизи мысового городища, за его валом. Вероятнее всего, данный комплекс являлся единовременным. Такие поселения известны у городищ Западное Юхновское, Пушкари, Горки II. Раскопки проводились лишь на поселении за валом Юхновского². Исследованиями Д.Я. Самоквасова и А.Е. Алиховой объектов выявлено не было. В 2004 г. автором данной работы на поселении, невдалеке от края террасы, был заложен раскоп (96 м²). На большей его части культурный слой достигал 0,3 м, был слабо насыщен материалом и сильно поврежден распашкой. Тут расчищена лишь одна яма глубиной 0,32 м и диаметром 1,36—1,44 м. Заполнение однородное, а материал невыразительный. Ближе к краю, в южной части раскопа, выявлена углубленная в материк постройка. К ее описанию вернемся позже. Сейчас же отметим, что на площади постройки, в верхней части заполнения, найдены наиболее интересные вещи. Среди них — одна целая посоховидная булавка с подтреугольной петлей

1. Как исключение, городище в с. Оболонье, однако достоверная информация об этом памятнике отсутствует.

2. Исследованиями за валами некоторых городищ или не выявлены следы поселений, или же обнаружены могильники (Горки II).

и две фрагментированные. Рядом с одной из булавок найдена и бронзовая бусина — пронизка. К предметам, связанным с бронзолитейным делом, относятся находки трех литейных формочек. Есть все основания предполагать, что большинство бронзовых вещей из коллекции Д.Я. Самоквасова (Трубникова, 1938, рис., 8, 9, 13) происходят именно с поселения. Не исключено, что данная постройка является мастерской бронзолитейщика, вынесенной за пределы укреплений в целях пожарной безопасности.

Как разновидность подобных поселений, можно выделить и поселения, находящиеся в сходных топографических условиях, т.е. на первой (второй) высокой террасе правого берега (Попова, Забродки Средние). К сожалению, они известны исключительно по данным разведок, исследованию не подвергались, а, соответственно, и дать их характеристику невозможно.

2. Расположенные на возвышенностях в пойме. Данные поселения, вероятнее всего, представляли собою временные стойбища скотоводов или рыболовов. На их недолговременный характер указывал В.П. Левенок, отмечая наличие слабонасыщенного маленького культурного слоя (1963, с. 79). Такие поселения, как правило, размещены возле брода и городища, на другом берегу. Скопление таких временных стоянок обнаружено напротив трех городищ у сел Роговка и Пушкири (Воеводский, 1949, с. 74). Здесь же, у балки Масолов Ров, существует и брод.

К сожалению, разведки по поймам рек, и в частности Десны, с целью выявления поселений юхновской культуры не проводились. Не исследовались поселения и стационарно, что крайне затрудняет их характеристику. Таким образом, следует констатировать, что вопрос о неукрепленных поселениях изучен крайне слабо.

2.2. ПЛАНИРОВКА ГОРОДИЩ. ХАРАКТЕРИСТИКА ДОМОСТРОИТЕЛЬСТВА

На сегодняшний день полностью раскопаны четыре городища¹ юхновской культуры, и лишь одно из них — Кудлаевское — находится на территории Новгород-Северского Полесья. Учитывая данные этих памятников, а так же материалы с частично раскопанных городищ, можно попытаться установить планировку древних поселений юхновской культуры.

Исследованная площадь Кудлаевского городища составила 3250 м² (Мельниковская, 1972а, с. 167). Площадка городища состояла из двух

1. Городища Посеймья Марица и Переверзево во внимание не берутся, так как основной слой на них принадлежит населению лесостепной скифоидной культуры.

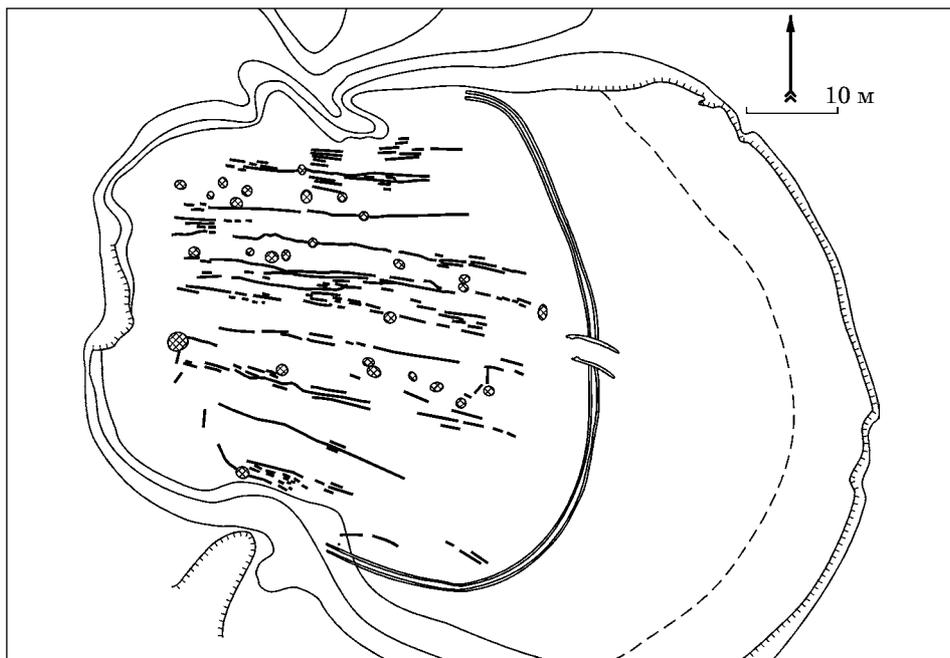

Рис. 7. Кудлаевское городище (по: Мельниковская, 1967)

частей (рис. 7). Жилая часть была ограждена «со всех сторон мощными деревянными стенами, от которых сохранились двойные канавы с остатками сгоревшего дерева. Параллельно канavam с внутренней стороны прослежены два ряда глубоких столбовых ям, бесспорно, связанных с этим оборонительным сооружением. Судя по остаткам сожженного дерева, как в плане, так и в профилях, пространство между канавами от стен и линиями связанных с ними столбов, было перекрыто в древности настилом из тонких бревен или жердей» (Мельниковская, 1965, с. 13; 1966, с. 2)¹. У южного и северного краев данной оборонительной стены открыты две большие округлые ямы (диаметр — 2 м, глубина от уровня материка — 1,6—1,7 м) с уступчатыми спусками. По мнению О.Н. Мельниковской, обе ямы являются подземной частью сооружения типа башен. В центральной части данной стены (по линии оси городища) прослежен вход-ворота шириною 3—3,5 м. С двух сторон он обрамлен поперечными канавами большей глубины, нежели канавки от стены.

В данной части городища, занимавшей 2/3 общей площади памятника, выявлено 4 параллельно стоящих дома, ориентированных по линии

1. Здесь и далее информация об исследованиях Кудлаевского городища базируется на отчетах О.Н. Мельниковской. По понятным причинам она весьма поверхностна.

2.2. Планировка городищ. Характеристика домостроительства

восток—запад (рис. 7). Меньшая часть (1/3 городища) не имела следов построек. Здесь расчищены лишь столбовые ямки, определенную систему в расположении которых проследить не удалось. По предположению автора исследований, данная часть поселения использовалась в качестве загона для скота.

На 1960-е гг. данный тип планировки был абсолютно новым. Ближайшие аналогии ему О.Н. Мельниковская нашла на городище лужицкой культуры Бискупин в Польше (Мельниковская, 1965, с. 12). Последующие исследования позволили предполагать наличие схожей планировки и на ряде других памятников. Так, раскопками Западного Юхновского городища (2004 г., исследования автора) практически в центре площадки выявлены остатки трех параллельно стоящих домов. Юго-западная мысовая часть городища, вероятнее всего, была не застроена (рис. 8).

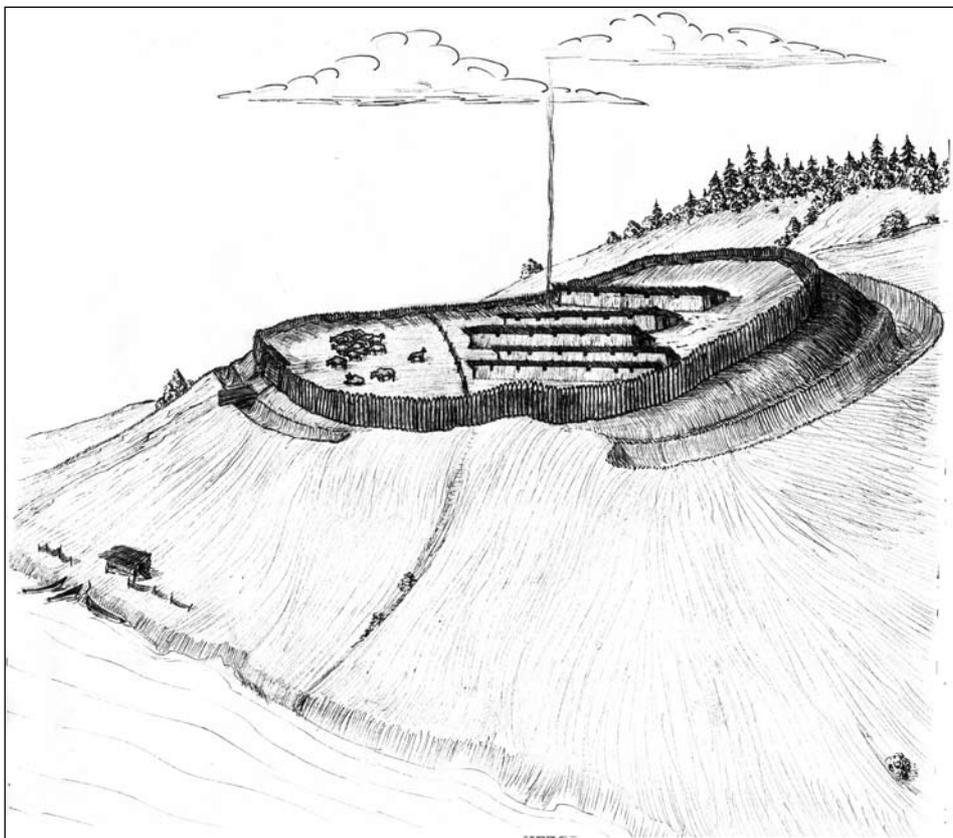

Рис. 8. Западное Юхновское городище (реконструкция автора, рисунок С.Н. Разумова)

Не противоречит этому и исследования А.Е. Алиховой (1956, с. 34). Дом в центральной части площадки выявлен и на городище Киселевка П. К сожалению, небольшая исследованная площадь не позволяет точно восстановить планировку — на сегодняшний день на ряде памятниках лишь предполагается организация жилого и хозяйственного пространства аналогичного Кудлаевскому.

На соседней юхновской территории схожую планировку прослежено на городище Брянщины Невструево-Горислово¹. Здесь, на площади 211 м², выявлены следы четырех длинных домов, размещенных параллельно (или же в шахматном порядке). Само городище состоит из двух площадок, визуально выделяющихся топографически. Раскопки проводились на большей. Меньшая площадка, по аналогии с Кудлаевским городищем, могла быть незастроенной и использовалась в хозяйственных нуждах. Схожая планировка может быть выявлена при масштабных работах на Моисеевском городище бассейна р. Сейм (Алихова, 1962, с. 123).

Аналогичное расположение построек известно и на ряде памятников соседних северных культур (дьяковская, днепро-двинская), в частности на городище Анакшино (Короткевич, 2003).

Абсолютно иной тип планировки прослежен на полностью раскопанных городищах Благовещенская Гора (рис. 9, 1) и Кузина Гора. Данные памятники находятся вне пределов изучаемой территории, однако напомним, что в Новгород-Северском Полесье исследовано лишь одно городище. Принцип планировки Благовещенской и Кузиной Горы состоит в следующем. По краю площадки, по кругу, строился длинный дом. Задняя стена практически полностью примыкала к валу. Центр площадки оставался свободен от застройки. Такой тип планировки прослежен и на городище Случевск (рис. 9, 2) (Шинаков, 2002, с. 71). В Новгород-Северском Подесенье предполагать наличие длинного дома по краю площадки можем на городище Песочный Ров (нижний юхновский слой). На данном памятнике была вскрыта достаточно большая площадь и именно на краю мыса. Четких следов длинного дома зафиксировано не было, да и подобной цели не ставилось. Исследования данного памятника проводилось специалистами в области археологии эпохи камня (М.Я. Рудынский, М.В. Воеводский, Л.Л. Зализняк). Предположения о наличии длинного дома по краю основаны преимущественно на наблюдениях при раскопках памятника в 2002 г. (наличие глиняной обмазки, столбовые ямки, очаг), и практически не подтверждены документально (Зализняк, Каравайко, Маерчак, 2003, с. 11).

Подобная планировка была выгодна не только в целях экономия места для хозяйственных нужд, но и была подчинена оборонной цели. Длинный дом по краю площадки, вместе с валом и частоколом (стеной), рвом

1. Результаты исследований городища Невструево-Горислово не были освещены даже на уровне отчета. С материалами и полевым чертежами ознакомлено с разрешения автора раскопок Е.А. Шинакова.

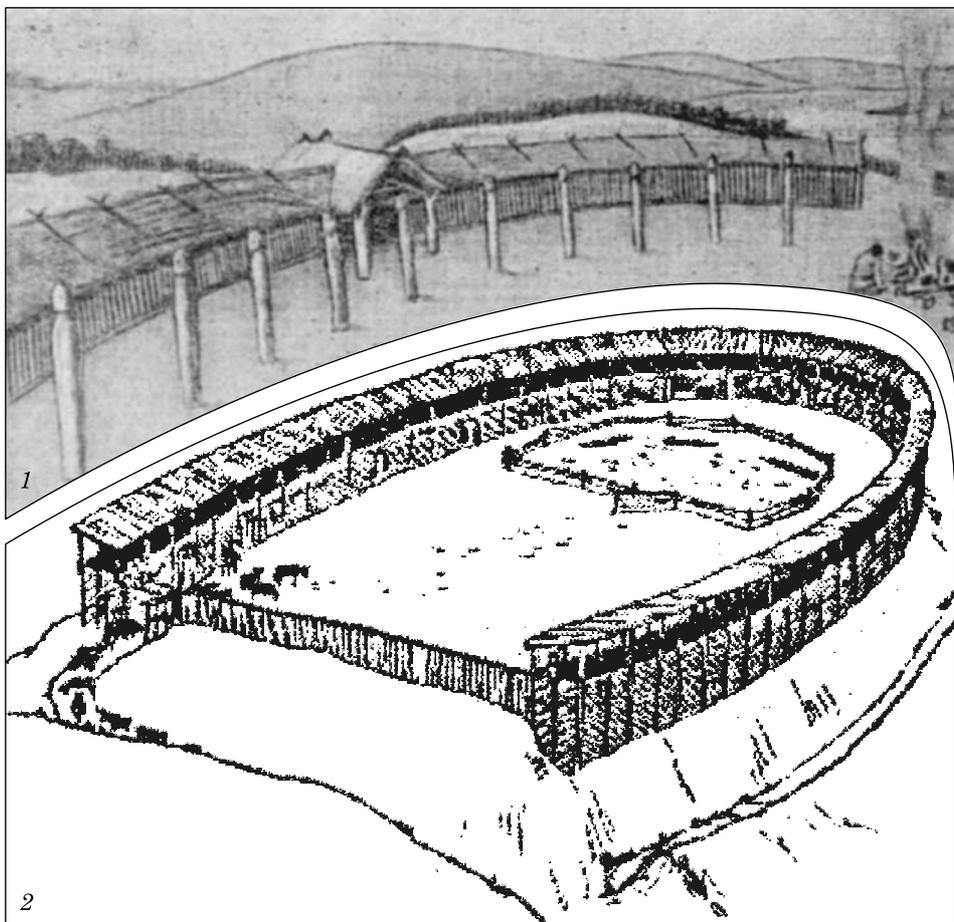

Рис. 9. Реконструкция общего вида юховских городищ: 1 — Благовещанская Гора (по: Рыбаков, 1953); 2 — Случевск (по: Шинаков, 2002)

и эскарпом, составлял единую оборонную линию, одновременно являясь жилым помещением. Интересен факт, что на территории распространения юховской культуры, у современного населения, сохранились легенды, в которых речь идет о наличии на площадке городища длинного дома по краю, в котором жили древние люди ¹.

Таким образом, основным принципом планировки городищ был принцип разделения площадки на две части. В значительной степени характер планировки мог зависеть от формы мыса. Так, для округлой площадки более удобным и рациональным было размещение одного или двух длин-

1. Информация получена от к. и. н. А.А. Чубура.

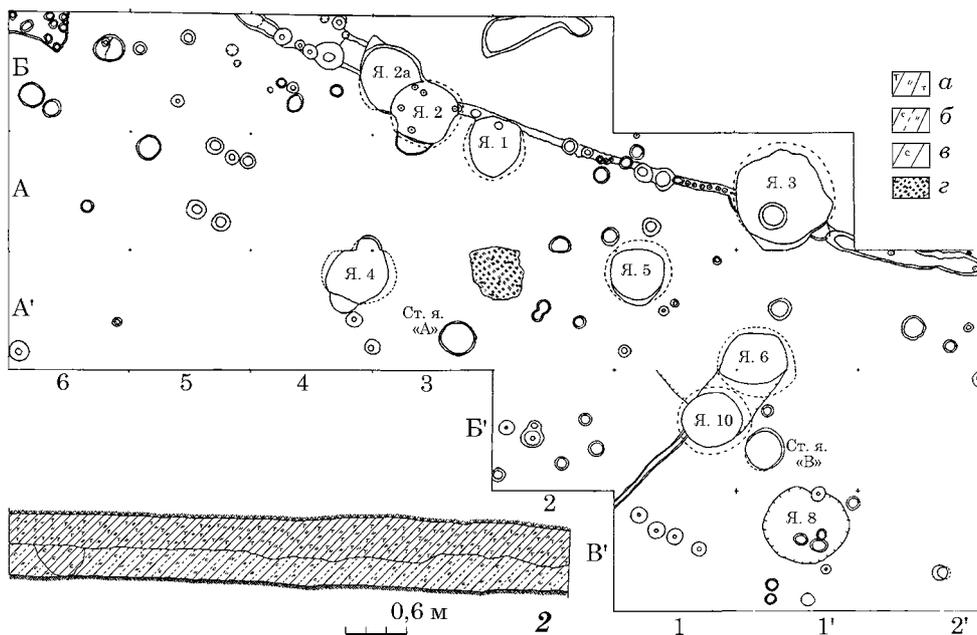
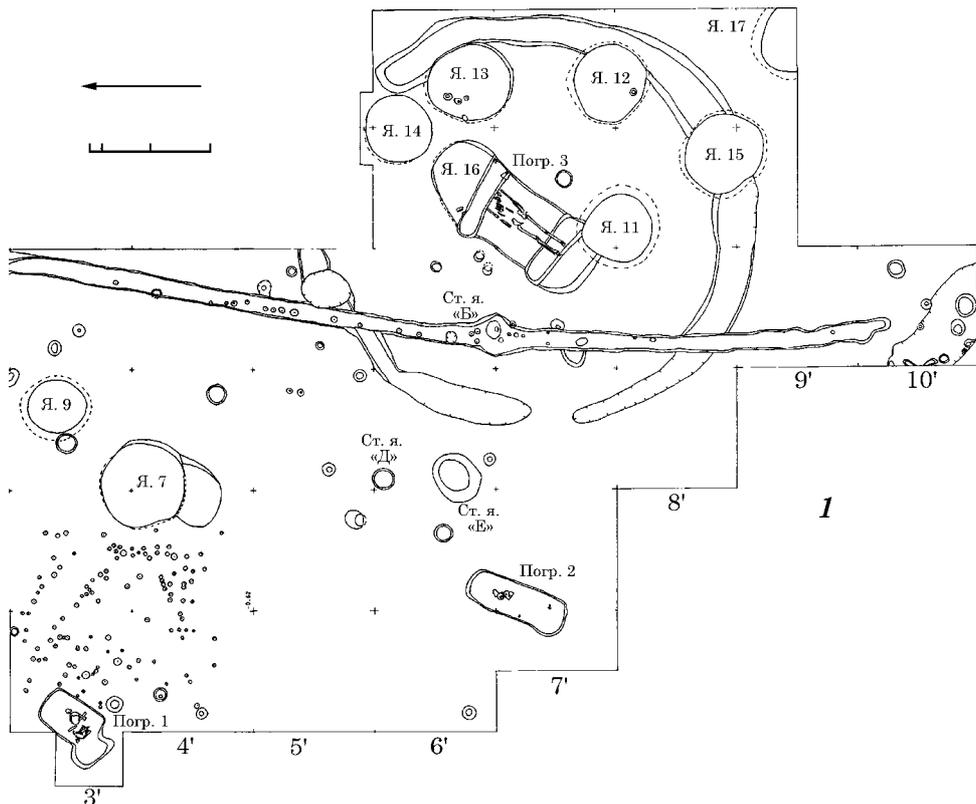

Рис. 10. Городище Киселевка II: 1 — сводный план раскопов 2005—2008 гг.; 2 — стратиграфия; а — темно-серая пятнистая супесь (слой юхновской культуры), б — серо-желтая лесовидная супесь (слой практически без находок), в — светло-серая супесь (объекты юхновской культуры), г — очаг

ных домов по краю площадки. На продолговатом мысу логичнее строить параллельно стоящие длинные дома, размещенные в одной части.

Отдельно следует остановиться на характеристике юхновских построек. Несмотря на достаточно масштабные исследования, их описание крайне не скудно. В целом оно сводится к следующему. Для юхновской культуры характерны длинные наземные дома столбовой конструкции с легкими плетневыми стенами, которые обмазывали глиной. Такое определение вполне приемлемо, однако не учитываются многие конструктивные особенности. Вне внимания остаются и углубленные постройки, которые хоть и редки, но известны на ряде памятников.

Длинные дома. Наиболее характерные постройки на большинстве памятников юхновской культуры. Их следы выявлены на городищах Киселевка II, Западное Юхновское, Кудлаевское, Свердловка I. Подробная характеристика данных сооружений крайне затруднительна. Прежде всего, это объясняется наземным характером построек. Их следы в культурном слое практически не фиксируются, нечетки они и на уровне материка. Кроме того, длина домов может составлять не один десяток метров.

Для полного изучения подобной постройки необходимо вскрытие значительных площадей. Такие исследования на территории Новгород-Северского Полесья проводились лишь на Кудлаевском городище. Здесь было выявлено четыре длинных дома, расположенных в направлении с запада на восток, что соответствует продольной оси городища (рис. 7). Их остатки фиксировались в виде мелких и узких канавок (0,3—0,4 м). Ширина между ними (т. е. ширина дома) равнялась 4—6 м. Дома прослежены на 40 м. Реальная же длина была несколько большей (края построек не фиксировались на уровне материка). Не исключено, что дома имели некие пристройки-сени. В канавках и рядом с ними прослежены ямы от столбов различных диаметров и глубины. Судя по ямкам во внутреннем пространстве, постройки были разделены на небольшие помещения. Об этом же свидетельствует и наличие нескольких очагов в одном длинном доме¹. Одна постройка не имела очагов, что позволяет трактовать ее как хозяйс-

1. К сожалению, по отчетам О.Н. Мельниковской невозможно определить площадь малых помещений, их количество в одном длинном доме и количество очагов.

Рис. 11. Городище Киселевка II. Хозяйственные ямы и канавка от стены (фото автора)

твенное, нежилое помещение. Характерной особенностью данных домов являлось то, что одна стена фиксировалась в виде канавки, в то время как вторая — в виде нескольких. Схожая ситуация прослежена и в постройке на городище Киселевка II. За четыре года исследований была вскрыта площадь 240 м². Выявлена часть длинного дома, одна стена которого фиксировалась в виде канавки шириною 0,3 м и глубиною до 0,35 м, т. е. по размерам аналогична канавкам на Кудлаевском городище. По дну канавки и в ее заполнении выявлены небольшие ямочки от кольев. Стену удалось проследить на 27,5 м. Интересно, что на общем плане канавка несколько выгнута, т. е. не проходит по прямой линии. Четко проследить вторую, северо-западную стену не удалось. Возможно, ее следами являются глубокие ямки от массивных столбов. Предполагаемая ширина дома 6 м (рис. 10, 1).

Таким образом, длинный дом, частично исследованный на городище Киселевка II, имел стены различной конструкции. Юго-восточная стена представляла собою плетень. Как правило, такие стены обмазывали глиной, однакостораживает незначительное количество находок глиняной обмазки. Вторая, северо-западная стена конструктивно отличалась от первой. Она состояла из довольно массивных столбов диаметром 0,2—0,25 м, поставленных на небольшом расстоянии друг от друга.

Еще одной конструктивной особенностью длинного дома с городища Киселевка II является расположение четырех хозяйственных ям, которые словно «прорезают» канавку от юго-восточной стены (рис. 10, 1; 11). При этом отметим, что говорить о наличии двух слоев юхновской культуры на памятнике нет оснований (рис. 10, 2), а, соответственно, данные ямы и канавка одновременны. Две ямы имеют небольшие ступеньки (вход) с западной стороны, т. е. со стороны внутреннего пространства дома. С внешней стороны они, вероятно, имели перекрытие. Такое расположение ям

позволяло экономить внутреннее пространство, а возможно, и соблюдать определенные санитарные нормы. Впервые данная конструкция была отмечена автором данной работы на Западном Юхновском городище, однако многократная перестройка длинного дома не позволила четко зафиксировать ее.

Остальные хозяйственные ямы обычно неглубокие — 0,4—0,6 м. Стенки несколько расширяются ко дну. Зачастую рядом находится одна-две столбовые ямки, что позволяет предполагать наличие перекрытия над ними. Вероятно, не все ямы одновременны, а выкапывались постепенно, по мере необходимости, что подтверждается стратиграфическими наблюдениями. Всего на площади постройки было исследовано 10 ям.

Как и на Кудлаевском городище, внутреннее пространство длинного юхновского дома было разделено на хозяйственную и жилую части. Судя по ряду (скоплению) небольших столбовых ямочек, практически в центре исследованной площади проходила внутренняя перегородка, разделявшая, условно, северную жилую и южную хозяйственную часть. В первой, в нижней части слоя темно-серой супеси расчищены остатки небольшого (0,45 × 0,6 м) округлого очага, размещенного непосредственно на полу постройки, на границе темно-серого и светлого серо-желтого слоев. В северной части раскопа также обнаружен ряд столбовых ямок, перпендикулярный длинной стене. Если принять его за еще одну внутреннюю перегородку, то площадь жилой части должна составить 42 м². Для сравнения: на юхновском городище Невструево-Горислово (Брянская область) жилая часть дома, где был устроен очаг, равнялась около 18 м², меньшая хозяйственная — 10—12 м².

Рис. 12. Городище Киселевка II; часть хозяйственного объекта, исследованного в 2007 г. (фото автора)

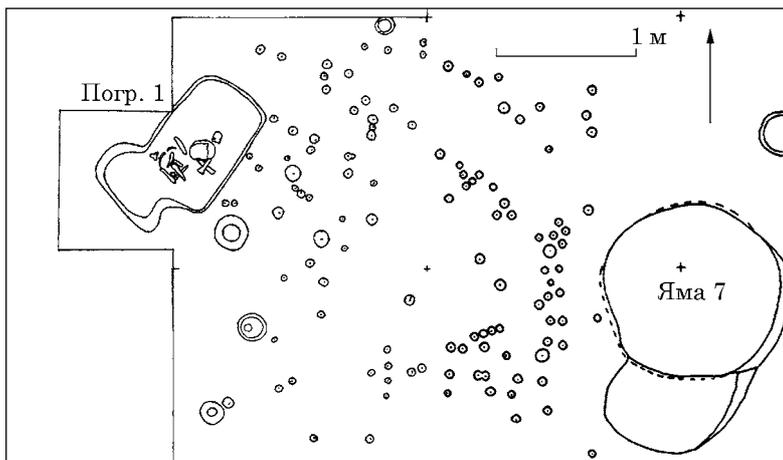

Рис. 13. Городище Киселевка II; хозяйственный объект в виде скопления множества ямочек для кольев

В южной части постройки исследован хозяйственный комплекс, состоящий из небольшой ямы со ступенькой и ряда маленьких ямок от кольев, глубиной от 4 до 20 см и диаметром 4—12 см (рис. 12; 13). В разрезе все имели форму треугольника с опущенной вершиной. Диаметр данного скопления составил приблизительно 3 м. В самой яме, а также в слое над ней и ямочками, фиксировалось наибольшее количество керамики и находок. Допускаем наличие в данной части постройки хозяйственного «сооружения», возможно, сезонного характера. Его предназначение не совсем ясно. Возможно, данные кольшки использовались для сушки рыбацких сетей. Именно в этом мест было найдено наибольшее количество глиняных грузил. По приблизительным подсчетам площадь хозяйственного помещения данной постройки должна составлять около 120—130 м². Безусловно, для уточнения границ постройки, размеров отдельных помещений и выявления ряда конструктивных особенностей необходимы раскопки значительно больших площадей.

Остатки трех длинных домов обнаружены и при исследованиях Западного Юхновского городища в 2004 г. (рис. 14; 15). Параллельно стоящие жилища ориентированы углами по сторонам света. Каждая из построек перестраивалась по нескольку раз. Дома 1 и 2 имели пять периодов перестройки (рис. 16; 17), а в доме 3 удалось зафиксировать лишь два периода. Каждая такая перестройка сопровождалась настилом нового пола, устройством отопительного сооружения, существенным ремонтом стен. Контуры построек фиксировались уже с глубины 0,3—0,5 м. На этой глубине юго-западная стена постройки 1 имела вид тонкой полоски пережженной глины шириною 0,1—0,06 м и в высоту до 0,24 м (рис. 18). На иных уровнях, в том числе и на материке, четких контуров не прослеживалось.

2.2. Планировка городищ. Характеристика домостроительства

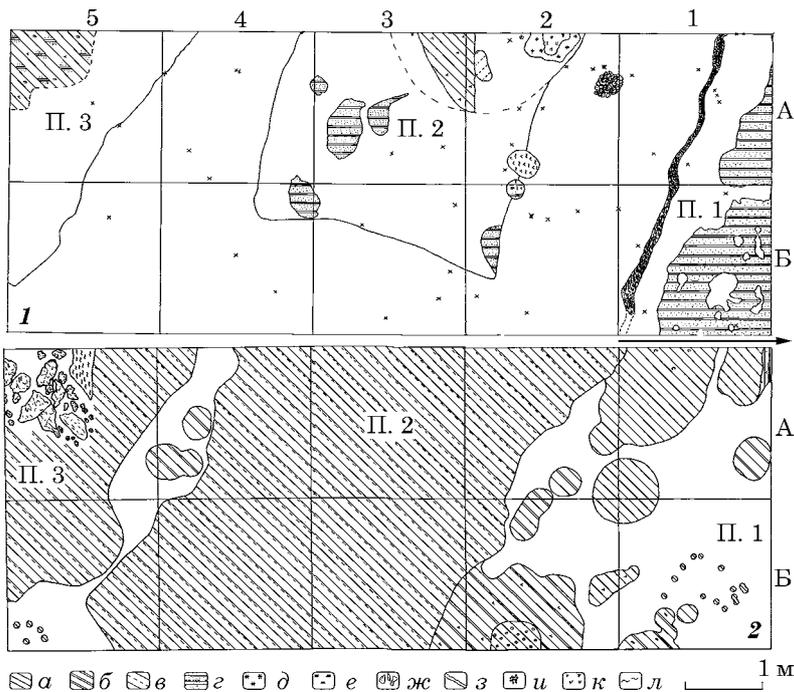

Рис. 14. Городище Западное Юхновское (2004 г.); план раскопа: 1 — верхний слой; 2 — уровень материка. **Условные обозначения:** а—в — серая супесь различных оттенков, г — белая глина (мергель, мел), д, е — остатки очага в виде печины, пережженной глины и пепла, ж — камни, з — остатки стены (глина), и — скопление глиняных вальков, к — уголь, л — остатки дерева

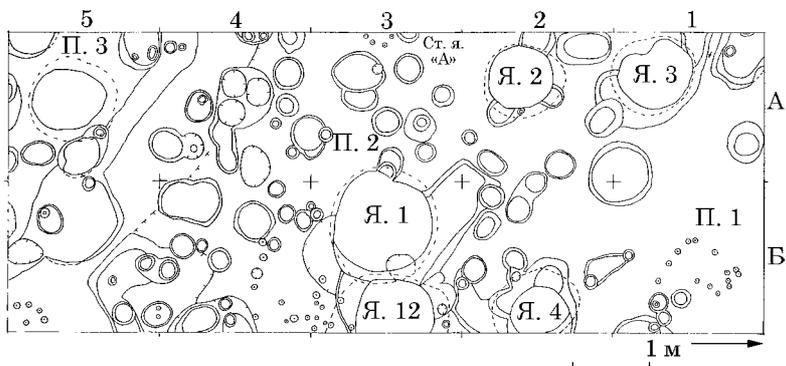

Рис. 15. Городище Западное Юхновское (2004 г.); план раскопа по матерiku

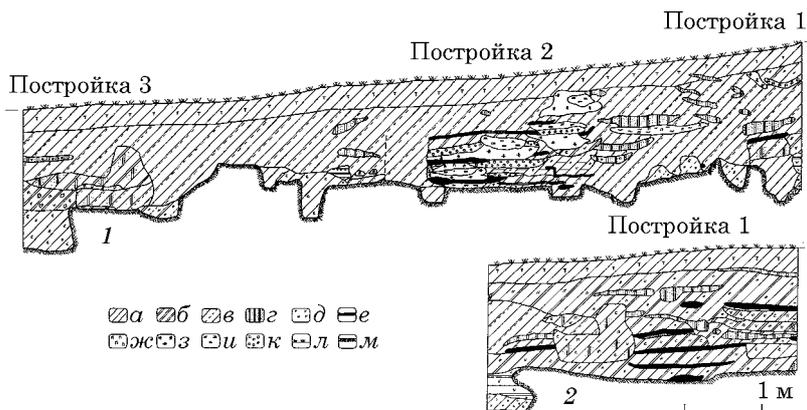

Рис. 16. Городище Западное Юхновское (2004 г.); стратиграфические разрезы: 1 — западная стенка раскопа; 2 — северная стенка раскопа (постройка 1). **Условные обозначения:** а—в — серая супесь различных оттенков, г — белая глина (мергель, мел), д — уголь, е — тлен, остатки деревянного пола, ж—к — остатки очага в виде печины, пережженной глины и пепла, л — дерн, м — материк

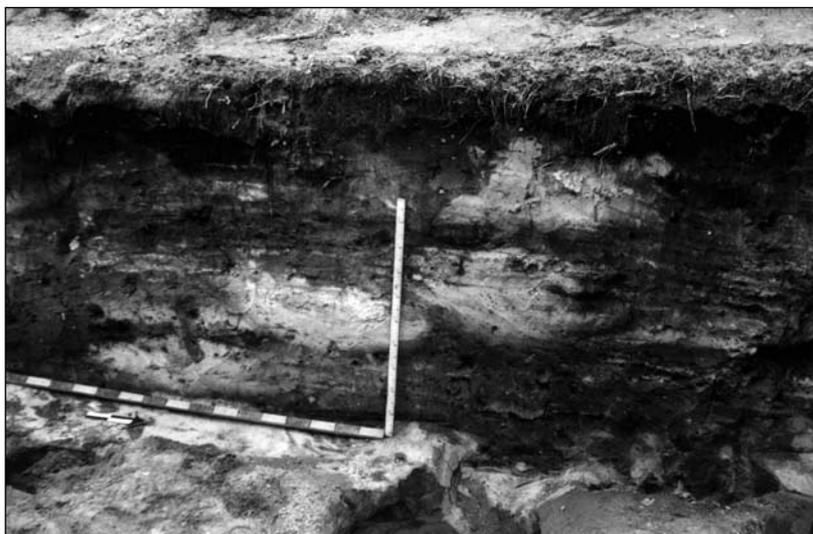

Рис. 17. Городище Западное Юхновское (2004 г.); постройка 2 (фото автора)

Постройка 2 вошла в раскоп по ширине полностью. В наиболее поздний период своего существования ее ширина была 3,4 м, в самый ранний — 4,5 м. Северо-восточная стена дома 3 четко фиксировалась лишь на уровне материка. Удалось проследить, что при ремонте (перестройке)

Рис. 18. Городище Западное Юхновское (2004 г.); постройка 1 (фото автора)

контуры жилищ изменялись, при этом направление стен оставалось прежним (рис. 14; 15).

Конструктивные особенности построек удалось зафиксировать лишь на материке. Данные сооружения несколько отличались от описанных выше. Их основой были массивные столбы диаметром 0,3—0,45 м, промежуток между которыми мог заполняться плетнем, обмазанным глиною.

Еще один немаловажный момент, на котором следует остановиться. В наиболее ранний период своего существования постройки были расположены на разных уровнях. Так, первая не была углублена в материк, вторая углублена на 0,2—0,3 м и третья — на 0,4—0,5 м (рис. 15).

Таким образом, изначально дома стояли как бы каскадом в сторону поймы (рис. 8). К сожалению, не удалось выяснить, сохранялось ли подобное расположение при последующих перестройках.

Разделение дома на хозяйственную и жилую части, по причине малой площади раскопа, прослежено лишь в постройке 2. В юго-восточной, хозяйственной части, расчищено несколько ям-погребов. Жилая часть имела отопительное сооружение. Их разделяла стена, следы которой зафиксированы в виде глубоких столбовых ям (рис. 15).

Постройки иных размеров и конструкций. К ним относим наземные, отдельно стоящие дома с незначительной площадью и землянки (полуземлянки). Подобные сооружения встречаются на юхновских памятниках значительно реже. Так, на городище Песочный Ров еще работами М.В. Воеводского была расчищена часть небольшой по площади наземной сгоревшей постройки (Воеводский, Артишевская, 1947; Воеводский, 1949, с. 69). Полностью удалось зафиксировать торцевую стенку длиной 3,4 м и части двух боковых стен (1,2 и 2,4 м). По углам и середине длинных сторон были вкопаны дубовые столбы толщиной 0,25—0,3 м. Стены состояли из тонких (0,05—0,06 м) хвойных бревен лежащих друг на друге (сохранились два) горизонтально (рис. 19, 1). Проследить способ их крепления к столбам четко не удалось, возможно лишь предположить, что их концы были впущены в пазы столбов (рис. 19, 2). Сте-

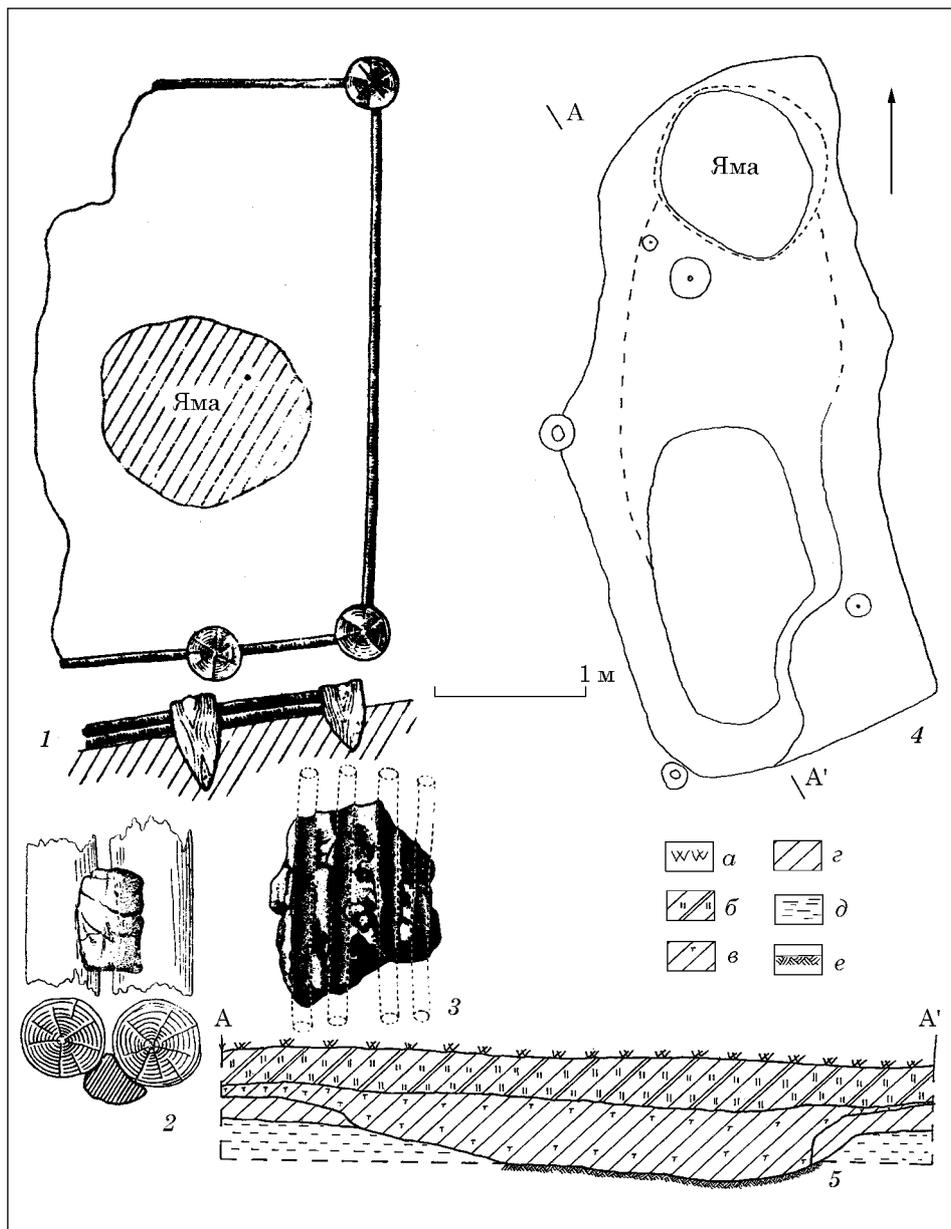

Рис. 19. Наземные постройки с городища Песочный Ров: 1—3 — раскопки 1947 г. (по: Воеводский, 1949); 4, 5 — раскопки 2002 г. **Условные обозначения:** а — дерн, б — серо-коричневая супесь (пахотный слой), в — темно-серая супесь, г — серый золистый слой, д — лесовидная супесь, е — материк

2.2. Планировка городищ. Характеристика домостроительства

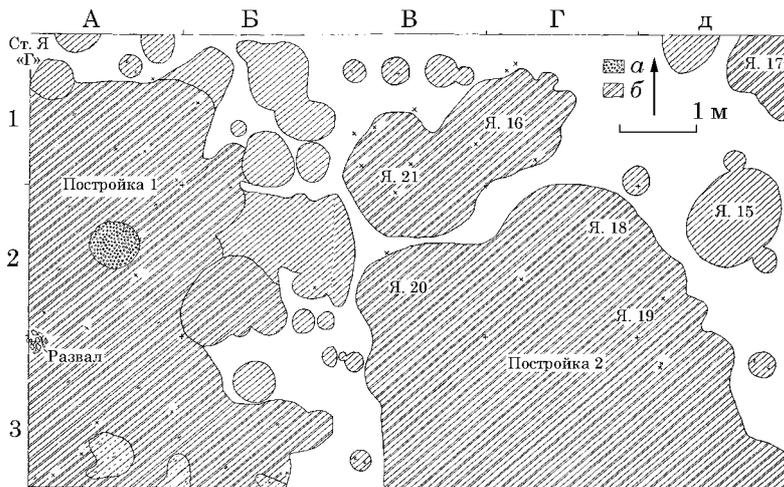

Рис. 20. План раскопов на городище Бужанка I; контуры объектов. **Условные обозначения:** а — остатки очага, б — серая супесь различных оттенков

ны были обмазаны глиною. Благодаря многочисленным находкам глиняной обмазки, (рис. 19, 3) установлена толщина бревен (5—10 см) и жердин (1,5—2 см). Постройка представляла собою жилой дом, о чем свидетельствует наличие остатков очага в виде многочисленных находок угля и печины.

Остатки наземной постройки хозяйственного предназначения выявлены на данном городище и в 2002 г. Она фиксировалась в виде небольшого углубления (до 0,45 м от уровня запуска) площадью около 9 м². В северной части дома находилась хозяйственная яма (рис. 19, 4). Обе описанные выше постройки с городища Песочный Ров относятся ко второму периоду заселения мыса юхновским населением. Четко удалось проследить, что постройка 2002 г. запущена с верхнего юхновского слоя и пререзает нижний (рис. 19, 5). Напомним, что по нашему предположению, в более раннее время на городище стоял длинный дом, опоясывающий площадку по краю. В связи с этим, вспомним тезис о замене длинных домов отдельно стоящими, что характерно для большинства балтских культур Леса в эпоху раннего железа (Седов, 1969, с. 120; Апалс, 1985, с. 35; Шадьро, 1985, с. 28, 30). Подобная ситуация на юхновских памятниках прослежена не только на городище Песочный Ров. Подтвердить данную гипотезу удалось при исследовании городища Бужанка I. На сегодняшний день данный памятник один из наиболее поздних, и не только для изучаемой территории, но и для всего ареала культуры. Наиболее вероятная его дата — рубеж эр. В результате раскопок выявлены остатки двух отдельно стоящих построек (рис. 20; 21)¹. Обе вошли в раскоп

1. Контуры наземных построек неплохо фиксировались на уровне материка (рис. 20). После выборки объектов их границы улавливались значительно хуже (рис. 21).

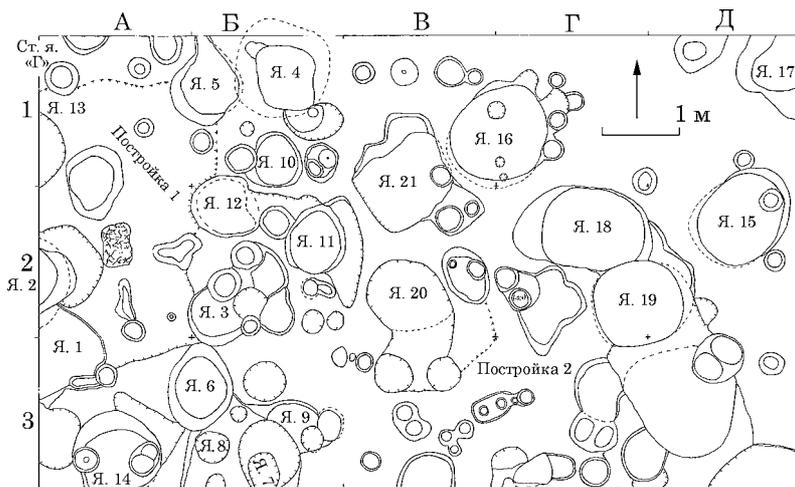

Рис. 21. План раскопов на городище Бужанка I; объекты после выборки

не полностью. Они ориентированы углами по сторонам света с небольшим отклонением. Северо-восточная стена постройки 1 прослежена почти вся. Ее длина составила 5,6 м, а в ширину удалось вскрыть лишь 2,8 м. Фактическая ширина постройки 2—4,8 м. На столько же вскрыт дом и в длину. По приблизительным подсчетам общая площадь каждого из данных сооружений не превышала 36 м².

Обе постройки практически полностью наземные. Их котлованы максимально углублены лишь на 0,1—0,15 м. Дно неровное, с многочисленными углублениями разных форм и размеров (рис. 21). Конструкцию стен возможно было четко проследить лишь в северо-восточном «борту» постройки 2, в котором расчищено 4 ямы (одна вошла в раскоп частично). По своим размерам они практически одинаковы (диаметром в среднем 1,1—1,3 м и глубиной 0,55—0,6 м). В борту данной стены выбрана «двойная» ямка от столбов, которые и составляли основу стены. Еще несколько ямок в борту фиксировались значительно хуже. По приблизительным подсчетам, расстояние между столбами в северо-восточной стене составляло 0,2—0,3 м. Скорее всего, данные столбы в основном были предназначены для поддержания крыши и лишь служили основой стены. Последняя представляла собою легкий плетень, обмазанный глиной. Его остатки в виде тонкой прослойки глины с горелым деревом (с глубины 0,25 м от уровня материка) прослеживались вдоль этой же стены. Многочисленные обломки глиняной обмазки найдены в пределах обеих сооружений. Судя по отпечаткам на них, диаметр прутьев составлял 1,5—2,7 см. Так же следует отметить и находки весьма значительного количества необработанного камня. Вполне возможно, что он применялся при строительстве,

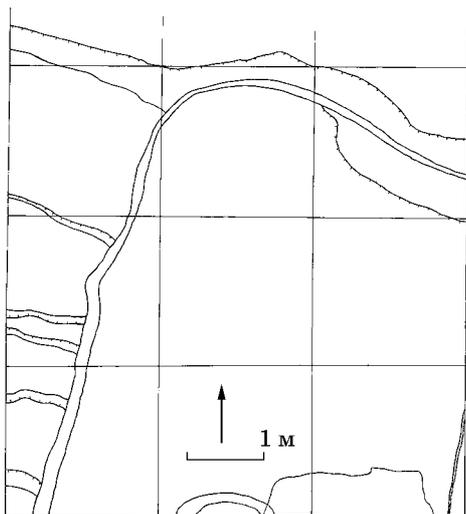

Рис. 22. Поселение за валом Западного Юхновского городища; план углубленной постройки

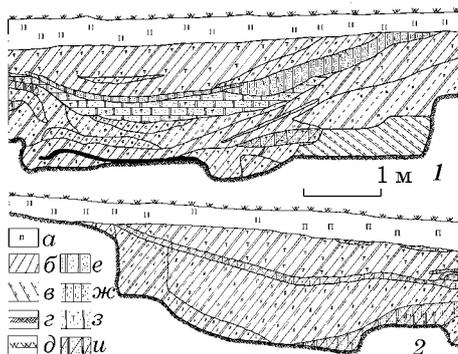

Рис. 23. Поселение за валом Западного Юхновского городища; стратиграфические разрезы постройки: 1 — южная стенка; 2 — восточная стенка. **Условные обозначения:** а — пахотный слой, б — супесь различных оттенков, в — суглинков, г — материк, д — дерн, е — слой с высоким содержанием мела (мергеля), ж—и — прослойки супеси различных оттенков с включениями мела (мергеля)

однако его функция не установлена. О жилом характере обеих построек свидетельствуют остатки разрушенных очагов.

Незначительные по площади отдельно стоящие дома известны и на других юхновских городищах, вне пределов Новгород-Северского Полесья. Небольшую постройку площадью 14 м^2 ($5 \times 2,75 \text{ м}$) расчищено на Трубчевском городище (Левенок, 1963, рис. 2). Судя по чертежу, основу стен составляли вертикально поставленные столбы, между которыми находился плетень, обмазанный глиною.

Еще одной разновидностью построек населения юхновской культуры являются полуземлянки. Подобные дома известны на поселениях Гришешка (Ковальова, 1979), Никитенко II (АКР Брянская обл., 1993, с. 90) и городищах Кудеяров Бугор (Падин, 1966, с. 140), Торфель (Горюнова, 1950, с. 149; 150). Все эти памятники находятся вне Новгород-Северского Полесья. На изучаемой же территории единственное сооружение, значительно углубленное, было исследовано на поселении у Западного Юхновского городища в 2004 г (рис. 22). Ширина постройки 5 м, в длину она максимально прослежена на 6 м. Ориентирована углами по сторонам света. В исследованной части она была углублена на 1,6—1,7 м от уровня материка. Тот факт, что постройка располагалась на краю террасы (перпендикулярно ему) и уровень падения материковых стенок позволяют предположить, что остальная половина дома могла быть и не углубленной. В процессе выборки заполнения, в темном слое, фиксировались следы от столбов. На

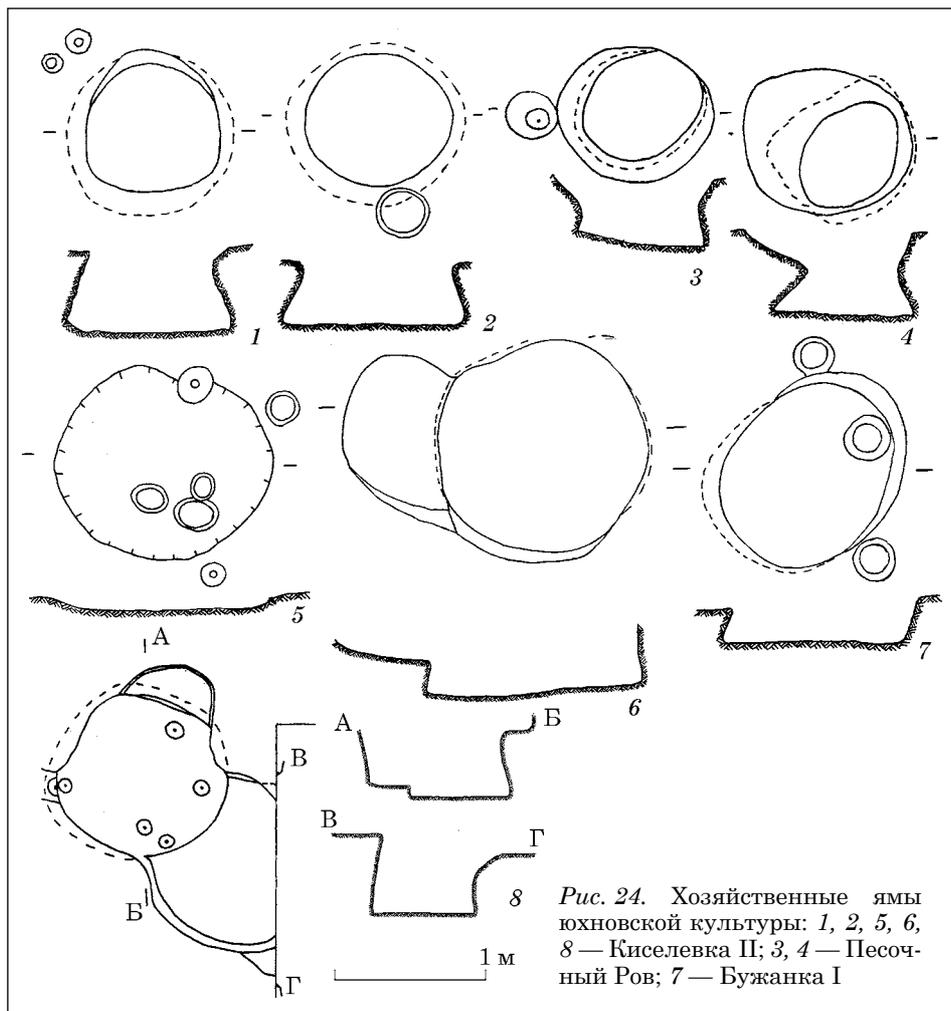

Рис. 24. Хозяйственные ямы юхновской культуры: 1, 2, 5, 6, 8 — Киселевка II; 3, 4 — Песочный Ров; 7 — Бужанка I

уровне материка они не прослеживались. Таким образом, столбовую конструкцию постройки можем лишь предполагать.

Как и в постройках с одновременного Западного Юхновского городища, в верхних слоях заполнения данного сооружения, прослежена прослойка мела (мергеля) мощностью до 0,1 м. Слои рядом с ней так же насыщены вкраплениями мела. На дне зафиксированы остатки пола, в виде тонкой (до 5 см) линзы тлена (рис. 23, 1).

Еще одно немаловажное наблюдение. Основное количество находок концентрировалось в верхней части заполнения над твердой прослойкой с высоким содержанием мела. Ниже, в 0,6—0,8 м от материка, материал

практически полностью отсутствовал. Не может ли это свидетельствовать о том, что постройка была двухэтажной? И, кроме того, на стратиграфии, с восточной стороны, четко видны два слоя содержащих мел: один в верхней части заполнения, другой — непосредственно на материке (рис. 23, 2) К сожалению, до проведения дополнительных исследований на вопрос о нескольких этажах утвердительно ответить невозможно.

Как видим, памятники, на которых выявлены отдельно стоящие дома, незначительные по площади, исследованы крайне слабо. Говорить о каком либо типе планировки на них не приходится. Нельзя исключать, что система и вовсе отсутствовала.

Неотъемлемой частью любого юхновского дома были хозяйственные ямы (рис. 24; 25). В длинных постройках они сосредоточены преимущественно в пределах сооружения, реже за его стенами. На памятниках с отдельно стоящими домами ямы выявлены в равной степени и там, и там. Подавляющее большинство ям представляли собою погреба, т. е. использовались в хозяйственных нуждах. Как правило, они округлой формы в диаметре около 0,6—1,2 м. Глубина — 0,4—0,8 м. Характерной особеннос-

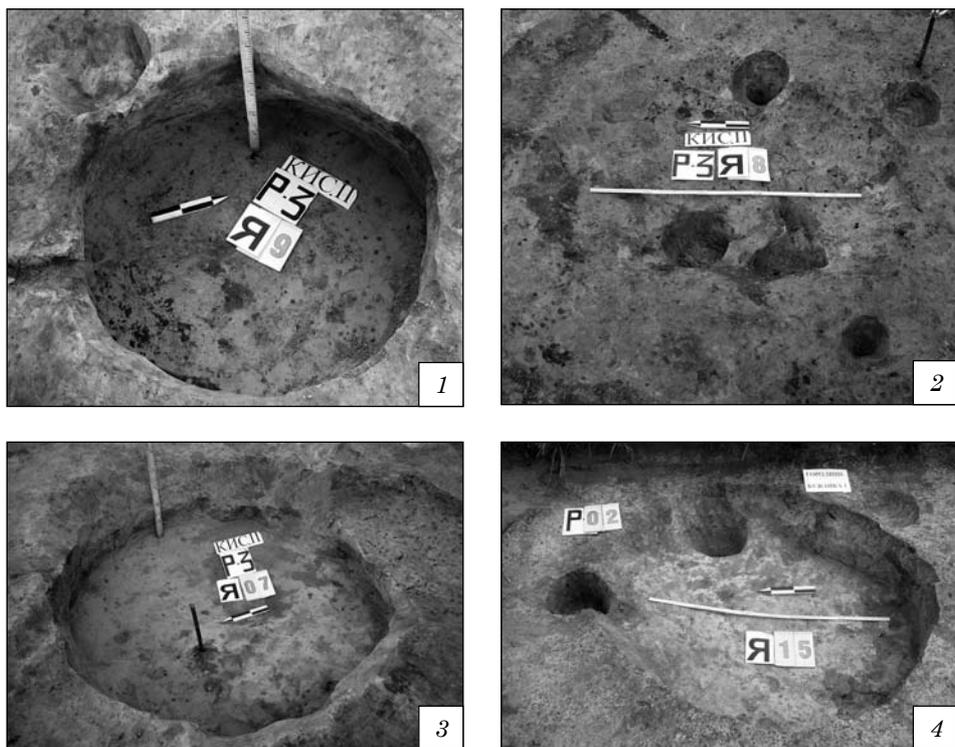

Рис. 25. Хозяйственные ямы юхновской культуры (фото автора)

тью большинства данных ям является то, что в разрезе они имеют форму трапеции — диаметр дна превышает диаметр по верху (рис. 24, 1, 2; 25, 1)¹. Такой погреб позволял сохранять температурный режим и являлся своеобразным холодильником. Интересно, что даже на культовом комплексе с городища Киселевка II, речь о котором пойдет ниже, ритуальные ямы, правда не все, имели тоже форму трапеции. Вероятно, традиция сооружения именно таких ям была настолько сильна, что даже при отсутствии функциональной надобности нижнюю часть расширяли.

Реже встречаются ямы иных форм, как пример в форме линзовидной западины (рис. 24, 5; 25, 2). Их глубина значительно меньшая — 0,1—0,2 м, в среднем. Как правило, материал в них практически отсутствует, и судить об их функциональном предназначении весьма сложно.

Нередко ямы — погребки имели с одной стороны ступеньку (рис. 24, 6; 25, 3). Они известны практически на всех городищах Новгород-Северского Полесья. Над некоторыми ямами устраивался навес, о чем свидетельствуют небольшие ямочки по краю (рис. 24, 7; 25, 4). При этом хорошо фиксируется с какой стороны находился вход. Со временем яма приходила в негодность (частично оплывала или же замусоривалась). Соответственно приходилось устраивать новый погреб, порою в непосредственной близости (рис. 24, 8). Именно поэтому на однослойном Западном Юхновском городище ямы находятся в большом числе, и естественно, что все они не одновременны.

Отдельного внимания заслуживает характер устройства и конструкция крыши домов. Как правило, археологически этот момент фиксируется очень слабо либо не прослеживается вообще. Сразу же отметим, что на сегодняшний день практически нет никаких оснований говорить об устройстве крыши в небольших по площади домах. Речь пойдет лишь о длинных юхновских постройках. По выше названной причине исследователи почти не касались данного вопроса, лишь предполагалось наличие легкой кровли из камыша либо соломы (Левенок, 1963, с. 89). Этому не противоречат и данные этнографии. Кроме того, дома имели весьма легкий каркас, требующий постоянного ремонта или же полной перестройки. Последний факт неоднократно прослежен исследователями на ряде городищ Брянской области, например, Рябцево² и Трубчевск (Левенок, 1963, рис. 2). На территории Новгород-Северского Полесья — это Западное Юхновское городище, о чем речь шла выше. На данном памятнике, над отопительным сооружением, прослежены пласты белой глинистой массы с включением мергеля. Возможно, это следы обмазки крыши, сделанной в целях пожарной безопасности. На одном из таких пластов выявлены округлые отверстия диаметром по 8 мм без следов обжига (рис. 26). Не ис-

1. Как разновидность трапециевидных ям, можно рассматривать ямы в форме катушки (битрапециевидные) (рис. 24, 3, 4).

2. Исследования А.В. Кузы и В.П. Коваленко 1981 г. С копией отчета автор ознакомился с разрешения В.П. Коваленко.

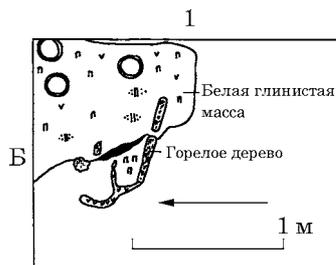

Рис. 26. Городище Западное Юхновское; постройка 1, пласты белой глинистой массы (раскопки автора, 2004 г.)

ключено, что это так называемые дымовые отверстия. Прослойки плотной белой глины отмечены и в постройке с городища «Красное» в Брянской области (Заверняев, 1982, с. 8—10). Известны они и на ряде других памятниках культуры, где их трактовали как остатки стен. При последующих исследованиях данная точка зрения может оказаться неправомерной.

Полученные в последнее время данные, с учетом предыдущих исследований, позволяют говорить и о форме крыши. Так, три постройки на Западном Юхновском городище размещались параллельно, а расстояние между ними не превышало 1 м. Судя по разной степени углубленности, крыша первого дома возвышалась над крышей второго, а та в свою очередь — над крышей третьего (рис. 8). Возможно, это было сделано с целью доступа света или же увеличения обзора. При такой реконструкции логично предположить, что кровля была односкатной.

Естественно, данные построения базируются по большей части на логических размышлениях и слабо подтверждаются археологически, что и обуславливает необходимость привлечь материалы иных памятников и не только с территории Новгород-Северского Полесья.

При исследованиях Кудлаевского городища О.Н. Мельниковской отмечалась следующая особенность всех четырех построек. Одна стена фиксировалась в виде одной канавки, другая — в виде двух (Мельниковская, 1966, с. 8). На городище Киселевка II стены также имели различную конструкцию (рис. 10). Вполне вероятно, что одна из стен несла большую нагрузку, а это возможно лишь при наличии односкатной крыши.

Все три перечисленных памятника имели одинаковый тип планировки. На юхновских городищах соседней территории, где прослежено иное расположение домов (постройки располагались по кругу площадки), ситуация следующая. На городище Кузина Гора внутренняя стена дома была более массивная (Алихова, 1958, с. 198, 199). Не исключено, что подобная конструкция предусматривала односкатную кровлю, возвышающийся край которой приходился на внешнюю сторону. Вместе с частоколом,

такой дом одновременно являлся и жильем и оборонным сооружением (рис. 9, 2). Наличие аналогичного дома-крепости предполагается и на городище Случевск (Шинаков, 2002, рис. 11, б).

Возможность существования односкатной крыши в сторону площадки городища отмечал и А.Г. Митрофанов (цит. по: Седов, 1975, с. 281, 282). Как видим, большинство моментов указывают на односкатную форму кровли. Однако, на Благовещанской Горе внешняя стена дома (та, что ближе к валу) была плетневая, а внутренняя состояла из плотно поставленных плах. В обеих стенах на расстоянии 4—5 м зафиксированы ямки от массивных столбов, на которые опиралась крыша (Рыбаков, 1953, с. 109, 110). На приведенной автором раскопок городища реконструкции (рис. 9, 1) крыша изображена двухскатной. Тогда становится непонятным различная конструкция стен.

Подводя краткие итоги, отметим, что, скорее всего, длинные дома юхновской культуры имели односкатную крышу, полностью же отбрасывать второй вариант не следует. Причиной тому — слабая возможность доказать археологически тот или иной вариант, о чем речь уже шла выше.

Полы построек обоих типов могли быть земляными, деревянными или же обмазанными глиною. Относительно возможности наличия земляного пола, в частности в домах с городища Бужанка I, свидетельствует факт наличия огромного количества ям в пределах сооружений (рис. 21). Хотя они и разновременные, но выкопать их при деревянном полу практически невозможно. С другой стороны, в супесчаных грунтах дерево очень плохо, а зачастую вообще не сохраняется. Таким образом, в ряде случаев, невозможно сказать был ли пол земляной или покрыт деревом.

Наличие деревянного пола, в виде тонкой прослойки тлена, четко зафиксировано в постройках Западного Юхновского городища (рис. 16). Реже известны глиняные полы. На городище Свердловка пол постройки представлял собою обожженную глиняную площадку (Мельниковская, 1968, с. 18). На городище Брянщины Торфель следов обжига глины не выявлено (Горюнова, 1950, с. 149). Глиняные полы фиксировались и М.В. Воеводским (1949, с. 69).

Еще один вопрос — вопрос об отопительных сооружениях. Как правило, юхновские жилища отапливались при помощи открытого очага, на котором одновременно готовили пищу. Они фиксируются в виде скопления пепла (Киселевка II), порою сильно затвердевшего (Бужанка I, постройка 1) (рис. 27, 1), в виде небольшой, сильно обожженной площадки глины, или же темного золистого пятна (Мельниковская, 1965, с. 9). Подмазка глины для будущего очага делалась значительно реже. Зачастую огонь разводился непосредственно на полу. Иногда очаг обкладывался камнем (рис. 27, 2), что зафиксировано в жилище 3 Западного Юхновского городища. Порою рядом с очагом находятся скопления (скопление) глиняных грузил (Песочный Ров, исследования М.В. Воеводского, 1946 г.). На Кудлаевском городище глиняные грузила образовывали вымостку в центре очажной ямы, а по ее краям располагались фрагменты керами-

Рис. 27. Очаги: 1 — городище Бужанка I; 2 — городище Западное Юхновское (фото автора)

ки (Мельниковская, 1965, с. 9). Возможно, они могли использоваться для поддержания температуры, в то время как огонь практически погас, и оставались лишь угли.

Нередко очаг устраивался в неглубокой (0,3—0,4 м) яме, заполненной золой и углями (Мельниковская, 1965, с. 9).

Кроме открытых очагов, есть немногочисленные свидетельства того, что население юхновской культуры использовало печи. Они были найдены на городище Южное Долбатово (Брянская обл.). К сожалению, автор раскопок не подал какой-либо их характеристики (Падин, 1966, с. 144). На существование печей на позднем этапе юхновской культуры указывал В.П. Левенок. Согласно его описанию, это «сложенные без «прирубки в черту» и зарубки на углах, с двусторонними стойками у стен, что замечено нами при раскопках на Радутинском и других городищах» (Левенок, 1957, с. 51, 52). На ранних памятниках Новгород-Северского Полесья печи не были известны, что полностью согласуется с точкой зрения В.П. Левенка. Они впервые найдены на памятнике IV—III вв. до н. э. Западном Юхновском городище в 2004 г. Остатки 5 печей в постройке 2 (они четко маркировали 5 периодов перестройки дома) попали в раскоп частично, лишь наполовину (рис. 16, 1; 17). Они представляли собою массивные завалы сильно обожженной глины, и восстановить какую-либо конструкцию было невозможно. Только на уровне материка прослеживались небольшие ямочки от кольев 6 мм в диаметре (рис. 15) ¹. Определенной системы в их размещении не наблюдалось. Вероятнее всего, это деревянный каркас из прутьев, который впоследствии был обмазан глиною. Т. е. речь может идти о самой примитивной печи с одной топкой, являющейся одновременно и камерой.

1. На чертеже эти ямочки видны по центру западной стены раскопа, в его северо-восточном и юго-восточном углах.

Подводя итог сказанному, отметим, что на сегодняшний день крайне слабо изучены небольшие по площади наземные постройки, как собственно и памятники, на которых они выявлены. Причиной того, на наш взгляд, является то, что таких городищ — единицы, а исследование их большими площадями крайне затруднительно. Так же не удалось уловить момент и причины смены характера домостроительства. Эти направления достаточно перспективны и нуждаются в детальной разработке.

2.3. ПРОБЛЕМА ПОГРЕБАЛЬНОГО ОБРЯДА ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Всестороннее изучение какой-либо археологической культуры невозможно без проведения анализа погребального обряда. Именно погребения являются важнейшим источником для решения многих вопросов, связанных с древним населением того или иного региона. Вместе с тем, для ряда археологических культур захоронения неизвестны. В полной мере это касается культур эпохи раннего железного века в Лесном Поднепровье и на некоторых соседних территориях. Как исключение, милоградская культура Беларуси и севера Украины (Мельниковская, 1967а, с. 41—54; 1970а, с. 53), а также подгорцевские памятники (Даниленко, 1953, с. 207; Петровська, 1971, с. 14—16). Хотя и здесь некоторые вопросы остаются открытыми и требуют детального рассмотрения. Так, несмотря на значительное количество исследованных погребений, информация должным образом не систематизирована. Как итог, не получило объяснения многообразие погребального обряда.

Достаточно сложной и слабо изученной является проблема могильников населения юхновской культуры. Невзирая на значительные раскопки, проведенные в послевоенные годы, лишь в 1966 г. на Кудлаевском городище было исследовано первое захоронение, осуществленное по обряду частичной кремации (Мельниковская, 1967, с. 6—7). В последующие годы обнаружены захоронения на Мезинском городище и Долинском поселении (Мельниковская, 1969; 1977). В результате О.Н. Мельниковской были сделаны три вывода относительно обряда захоронения юхновской культуры, о которых речь уже шла в первой главе. Для понимания наличия проблемы напомним их: 1) наличие биритуализма, 2) близость обряда захоронения юхновской и милоградской культур, и 3) влияние обряда захоронения скифских лесостепных племен, благодаря которому в обеих культурах появляются трупоположения (Мельниковская, 1970а, с. 53, 54).

А.И. Пузиковой на городище Марица в 1973 г. исследовано 10 безинвентарных захоронений, оставленных юхновским населением (Пузикова, 1981, с. 33—40). Все осуществлены по обряду ингумации.

Вышеназванными публикациями исчерпывается историографическая база относительно погребального обряда юхновской культуры. Отдельно, следует отметить недокументированные находки захоронений на поселений у с. Долинское и Мезинском городище (Мельниковская, 1950; 1967, с. 17, 18), а также упоминание В.П. Левенка о первом (?) юхновском (?) захоронении вблизи с. Малиновка, которое, к сожалению, не введено в научный оборот (Левенок, 1963, с. 90, рис. 5, 16). Могильник, обнаруженный в верхней части юхновского слоя городища Случевск (Шинаков, 1985), достоверно относится к более позднему времени (Шинаков, 2002, с. 62).

Как видим, на сегодня известно не так много находок юхновских захоронений (рис. 28). Ниже приведем их описание. Отметим также, что ряд безинвентарных погребений, расположенных в контактной зоне с други-

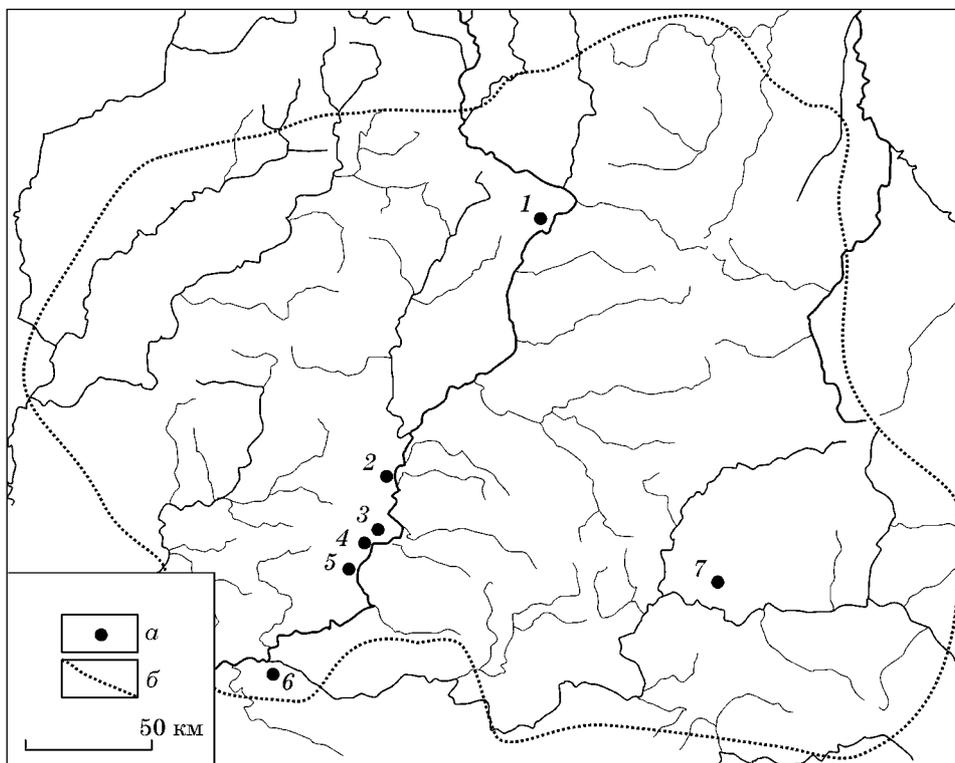

Рис. 28. Карта территории юхновской культуры с обозначением местонахождений погребений: 1 — городище Полужье, 2 — городище Киселевка II, 3 — городище Горбово, 4 — городище Кудлаевка, 5 — городище Мезин, 6 — поселение и могильник у с. Долинское, 7 — городище Марица. **Условные обозначения:** а — местонахождения погребений населения юхновской культуры, б — ареал юхновской культуры

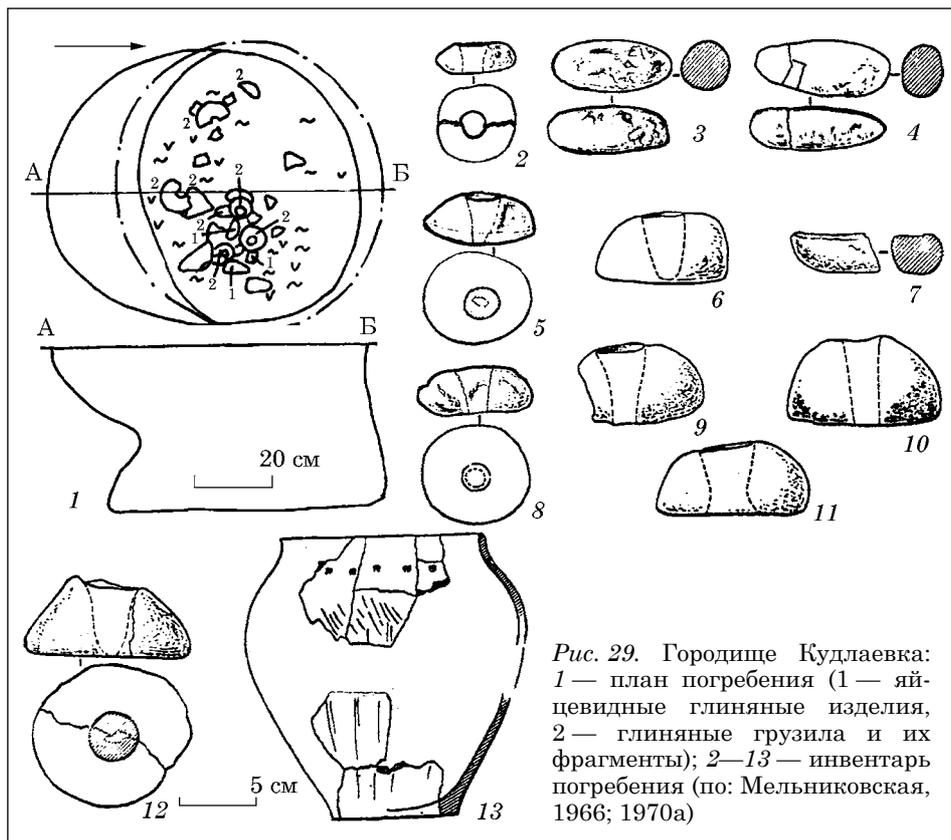

Рис. 29. Городище Кудлаевка: 1 — план погребения (1 — яйцевидные глиняные изделия, 2 — глиняные грузила и их фрагменты); 2—13 — инвентарь погребения (по: Мельниковская, 1966; 1970а)

ми культурами, во внимание не берутся, так как их культурная интерпретация точно не определена.

Кудлаевское городище. В 1966 г. на площадке городища обнаружено первое погребение юхновской культуры (Мельниковская, 1966, с. 6, 7; 1967б; 1970а). В округлой ямке диаметром 0,8 м и глубиной 0,45 м было расчищено скопление кальцинированных костей подростка 8—11 лет (рис. 29, 1). Инвентарь захоронения достаточно бедный: обломки глиняных сосудов, один из которых имел незначительные размеры, глиняные грузила, в том числе и миниатюрные, и глиняные блоки или хлебцы (рис. 29, 2—13). Отметим, что практически все вещи фрагментированы или разбиты. В могилу была положена только часть глиняного горшка, специально разбитого при совершении погребального обряда. В заполнении ямы фиксировались также мелкие древесные угли и зола. Кроме того, найдены два необожженных зуба жеребенка, и ребро рыбы (Мельниковская. 1970а, с. 50; 51).

Мезинское городище. Остатки погребений на памятнике были зафиксированы еще работами местных краеведов. К сожалению, исследова-

ния не были должным образом задокументированы, а, соответственно, они малоинформативны и не пригодны для работы. Раскопками О.Н. Мельниковской на данном памятнике было исследовано 20 захоронений, 6 из которых были отнесены к эпохе раннего железа, а именно к юхновской культуре (Мельниковская, 1967, с. 18—21; 1968, с. 10—15; 1970а, с. 51—53). Все погребения осуществлены по обряду ингумации, в вытянутом положении, на спине. Их подробное описание (по О.Н. Мельниковской) приводим ниже.

1967 г., раскоп 1, погребение 1 (рис. 30, 1). Обнаружено на глубине 0,5—0,6 м. Судя по отчету, могильная яма прослежена не была. Скелет подростка ориентирован ЮВ—СЗ (головой на юго-восток). Череп отсутс-

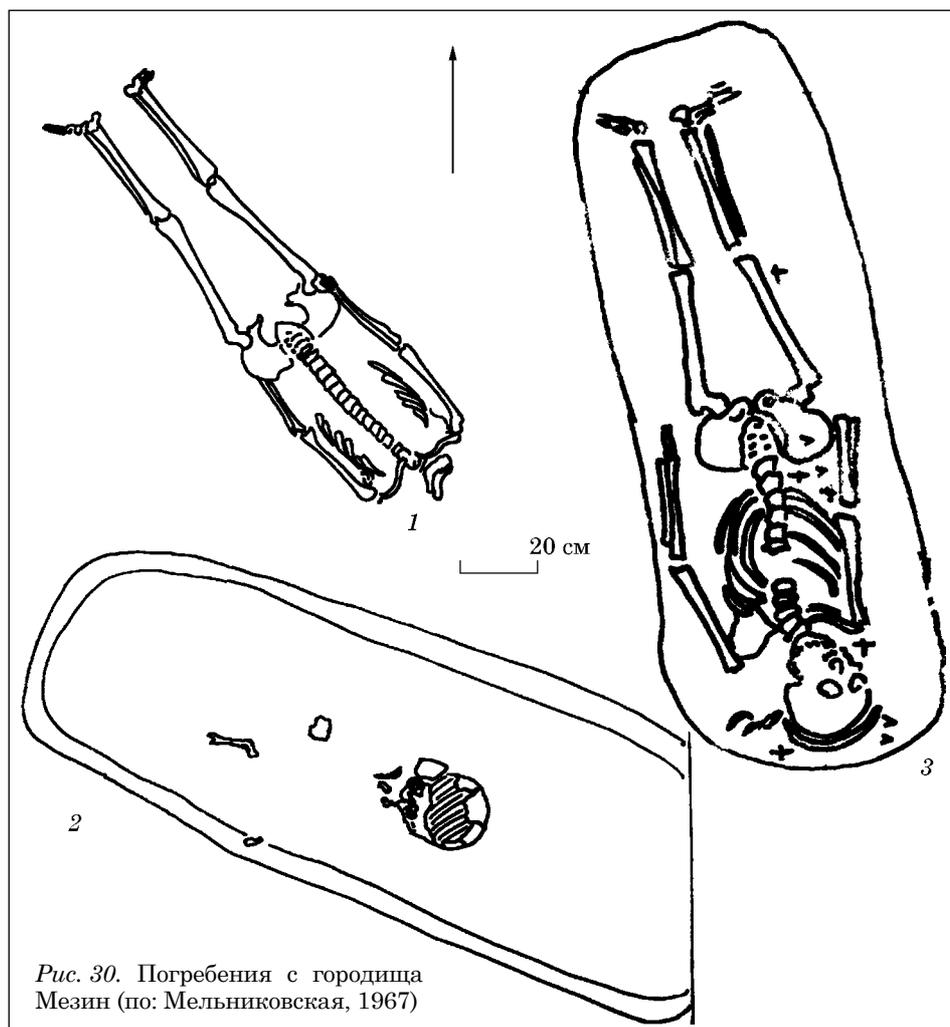

Рис. 30. Погребения с городища Мезин (по: Мельниковская, 1967)

твовал, хотя нижняя челюсть находилась *in situ*. Вытянутые руки лежали так, что пальцы оказались под тазом.

Раскоп 1, погребение 3 (рис. 30, 2). Выявлено на глубине 0,7—0,85 м. Контуры могильной ямы, ориентированной в направлении ЮЮВ—СЗЗ, четко зафиксированы на уровне материка (размеры не указаны). В юго-восточной части ямы обнаружен детский череп плохой сохранности. В других частях ямы находились плохо сохранившиеся кости детского костяка в возрасте примерно 8 лет. Инвентарь отсутствовал.

Раскоп 3, погребение 7. На глубине 0,75—0,9 м прослежена прямоугольная яма. Расчищен скелет взрослого человека в вытянутом положении на спине. Он ориентирован головой на Ю с небольшим отклонением к В. Руки расположены вдоль туловища. У головы и таза найдено несколько мелких угольков. Голову окаймляет ребро животного, которое, по мнению исследовательницы, положено преднамеренно (рис. 30, 3). Остальной инвентарь отсутствует.

1968 г. *Раскоп 1, погребение 3* (рис. 31, 1). Могильная яма прямоугольной формы с сильно округленными краями фиксировалась на глубине

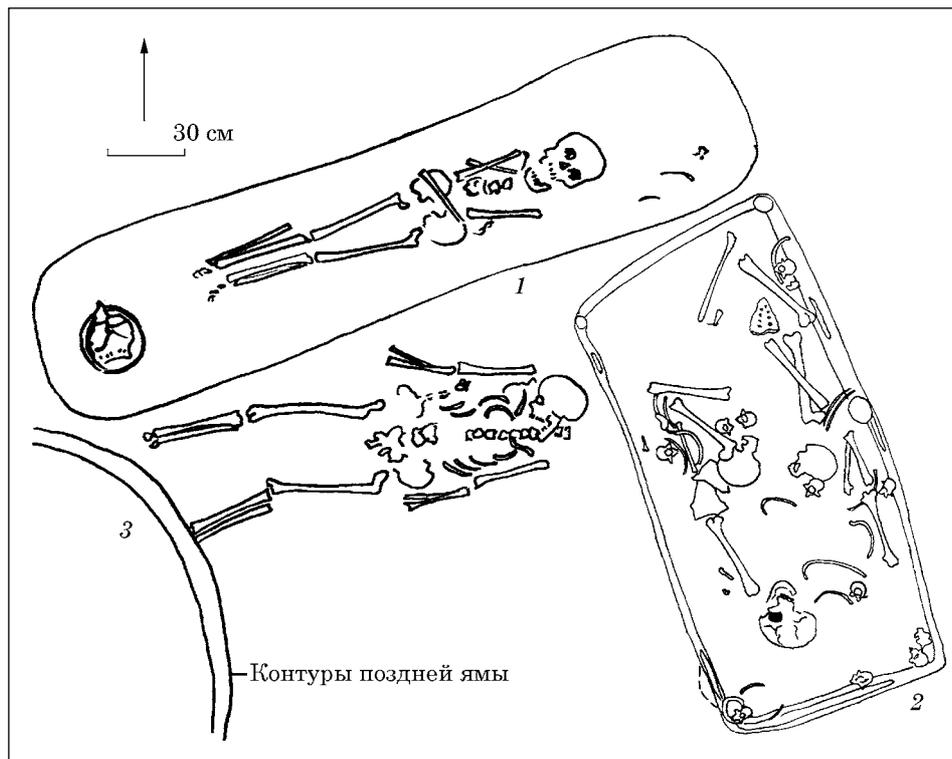

Рис. 31. Юхновские погребения с городища Мезин (по: Мельниковская, 1968)

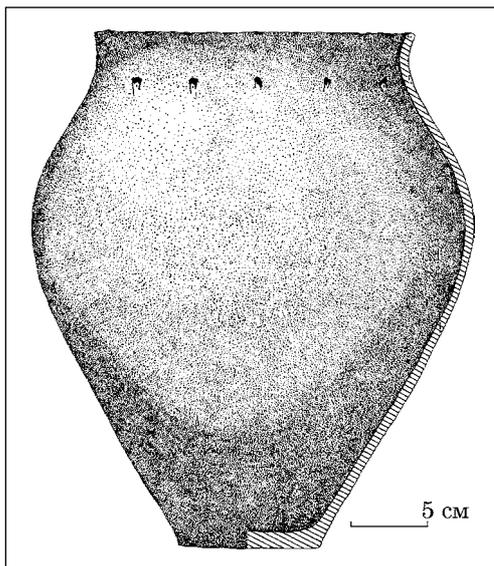
Рис. 32. Горшок юхновской культуры из погребения на городище Мезин (по: Мельниковская, 1968)

приблизительно 0,75 м. Ее размеры — 2,8 × 0,7—0,8 м. Яма углублена в материк на 0,05—0,1 м. Скелет женщины находился в вытянутом положении, на спине, головою на СВВ. Руки располагались вдоль туловища. Положение костей рук ниже плечевых нарушено, остальные кости скелета не потревожены.

Несколько выше костяка, в заполнении могильной ямы, найден разбитый горшок юхновской культуры, причем фрагменты его верха были сложены внутри придонной части

(рис. 31, 1). Сосуд восстановлен полностью (рис. 32). Горшок слабопрофилированный. Венчик (диаметр 21 см) плавно отогнут. Наибольшее расширение приходится на верхнюю треть (29,4 см). Его высота — 34,2 см, диаметр дна — 9,3 см. Стенки тонкие — 0,6—0,7 см и 1,1 см толщина дна. Сосуд украшен по верху плечиков косыми насечками. По верху венчика располагаются вдавления схожих форм. По предположению О.Н. Мельниковской, горшок стоял в ногах погребенной. Судя из описанию и рисунку, сложно понять все ли его фрагменты были найдены в развале. Прочий инвентарь отсутствует.

Раскоп 4, погребение 1 (рис. 31, 2). На уровне материка (0,1 м) было зафиксировано темное пятно могильной ямы прямоугольной формы (2 × 1 м). Глубина 0,1 м. Отметим, что ее контуры были видны и выше. Далее описание погребения приведем дословно. «Яма ориентирована Ю—С, с небольшим отклонением на Ю—В. Скелет лежал головою на Ю, на спине с вытянутыми руками и, по-видимому, вытянутыми ногами. Расположение костей частично нарушено, как в центральной части, так и в ногах. ... По предварительному определению погребение женское. Возле черепа на ребре лежала железная булавка или игла (сохранность металла очень плохая), слева у плеча — лепной черепок, а немного выше (0,4 м от поверхности, над изголовьем погребенной) найден кремневый клиновидный топор из серого непрозрачного кремня со следами полировки. Не исключено, что топорик может быть связан с погребением, и еще более вероятна связь с погребением железного изделия, хотя нарушенность скелета, а так же наличие над ним культурного слоя не позволяют утверждать этого наверняка. Большой интерес представляет устройство могильной

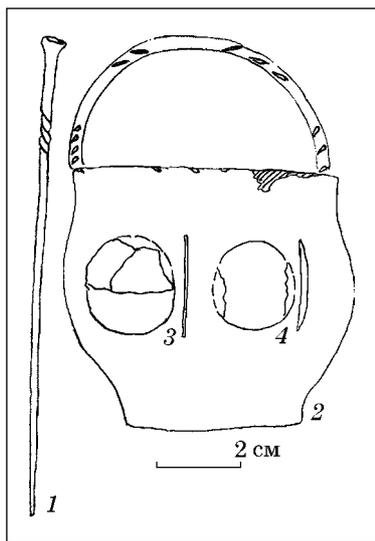

Рис. 33. Инвентарь погребения, расчищенного В.Е. Куриленко в 1964 г. (по: Мельниковская, 1968)

ямы. Она имела края в виде глубокой узкой канавки (глубина от уровня материка 0,15—0,2 м, ширина 0,05—0,07 м) со следами столбиков по углам и по одной из стен. ... Местами в канавке прослежен белый порошок и угольные крошки. Следы охры и угольная крошка были так же и на дне могилы, среди костей скелета» (Мельниковская, 1968, с. 12).

Раскоп 5, погребение 11 (рис. 31, 3). Погребение совершено в нижней части культурного слоя, из-за чего проследить могильную яму не удалось. Скелет взрослого человека с вытянутыми вдоль туловища руками, ориентирован головой на В.

Под костями найдено несколько черепков юхновских горшков. Инвентарь отсутствует.

Кроме данных погребений, по словам О.Н. Мельниковской, «При охранной зачистке на восточном склоне городища местным краеведом В.Е. Куриленко в 1964 г. был обнаружен в основании слоя скелет взрослого человека, ориентированный головой на восток. Зачисткой были выявлены череп и кости плечевого пояса. Далее погребение не расчищалось. Возле черепа лежали небольшой горшочек грубой лепки с дресвой, выделенной шейкой и косыми врезами по верху венчика и вплотную к нему, бронзовая гвоздевидная булавка с насечками в верхней части стержня. Непосредственно на черепе лежали две бронзовые округлые бляшки диаметром 2—2,5 см (рис. 33). На хранящемся в школьном музее черепе от этого погребения (имевшего, как и все древние погребения на городище, коричневатый цвет) сохранились следы окиси меди. На север от черепа был найден разбитый крупный орнаментированный юхновский сосуд, связь которого с погребением, хотя и вероятна, но не документирована» (Мельниковская, 1968, с. 15, 16).

Подведем краткие итоги. Прежде всего, бросается в глаза разнообразие ориентировки покойных. В четырех случаях погребенные лежали головой на ЮЮВ, в двух случаях — головой на В и в одном — на СВ. В четырех погребениях инвентарь отсутствовал (ребро у головы из погребения 7, раскопа 3 во внимание не берем). В трех могилах найдены горшки или их фрагменты. Возможно, их следует связывать с проведением неких погребальных обрядов, в то время как находки бронзовых булавок и бляшек, а так же железной булавки (иглы), скорее всего, являются остатками костюма и не связаны с обрядовыми действиями (не являются вещами преднамеренно

положенными в могилу). Кремневый топор из погребения 1 раскопа 4, вероятно, попал в могилу случайно, что не исключает и О.Н. Мельниковская. На сегодняшний день находки кремневых артефактов, которые принадлежат населению юхновской культуры, практически не известны. С другой стороны, общеизвестным является факт использования древними кремневых изделий предшествующего населения в ритуальных целях.

Обращает на себя внимание и половозростная дифференциация погребенных. В двух случаях похоронены женщины, еще в двух — подросток и ребенок. Три погребения принадлежат взрослым, при этом не указывается пол. В данном случае важно то, что стопроцентно говорить о погребениях мужчин не приходится. Естественно, выборка из шести погребений слишком мала и непоказательна. Кроме того, отсутствие антропологических данных несколько уменьшает ценность данного могильника и не позволяет сделать выводы относительно пола погребенных.

Необходимо остановится еще на одном немаловажном наблюдении. В четырех случаях из шести (погребение, частично исследованное В.Е. Куриленко, во внимание не берется) кости скелета находились в разной степени перемешанном (нарушенном) состоянии. В погребении 1 раскопа 1, 1967 г. еще и отсутствовал череп. Разбитый горшок из погребения 3, раскопа 1, 1968 г. располагался несколько выше скелета, т. е. в заполнении могильной ямы. Предполагать ограбление могил вряд ли правомерно. Вещи, найденные в слое Мезинского городища, не представляют собой какой-либо ценности, впрочем, и весь материальный комплекс юхновской культуры достаточно бедный. К примеру, даже изделия из бронзы являются редкостью, не говоря уже о вещах из драгоценных металлов. Таким образом, предполагаем, что в древности имело место вторичное проникновение в могилы. К этому вопросу мы вернемся позже. Сейчас лишь отметим тот факт, что яма погребения 3, раскопа 1 1968 г. имела слишком большую длину (2,8 м!). Не является ли часть этой ямы следами позднего проникновения? К сожалению, судя по отчету, стратиграфически это проследить не удалось.

Могильник у с. Долинское. Первые погребения на данном памятнике были выявлены еще в 1930-х гг. Судя по инвентарю, и, к сожалению, неполной публикации (Мельниковская, 1950), их следует отнести к населению скифской (скифоидной) культуры. Исключение составляет одно погребение, исследованное сотрудником Сосницкого музея Ю.С. Виноградским. Им было расчищено детское захоронение с миниатюрным тонкостенным горшочком (венчик обломан) у головы. Он орнаментирован несколькими косыми вдавлениями. Подобный орнамент характерен для посуды юхновской культуры. Иной инвентарь обнаружен не был, хотя на нижней челюсти сохранился окись меди. К сожалению, данное погребение слабо задокументировано. Обращает на себя внимание тот факт, что кости скелета находились в перемешанном состоянии (Мельниковская, 1950, с. 72).

Еще два погребения, которые достоверно можно отнести к населению юхновской культуры, были обнаружены раскопками 1968 г.

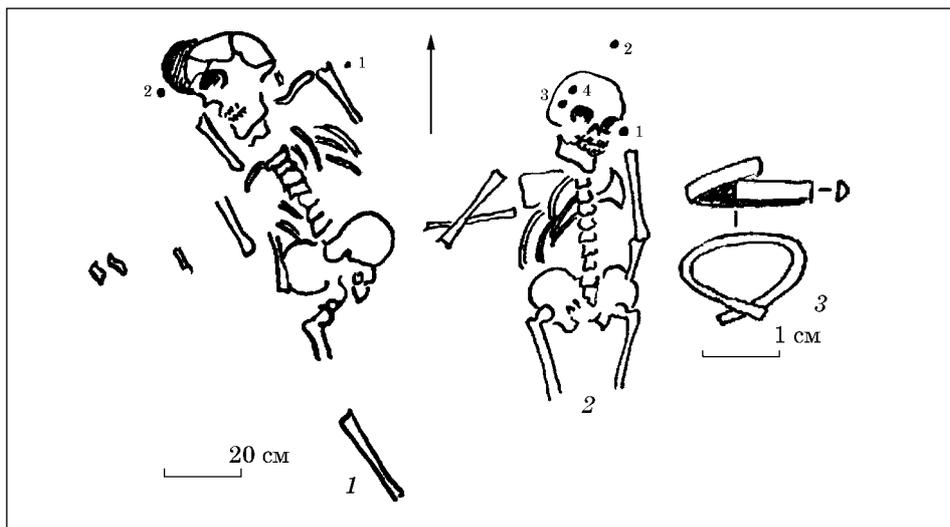

Рис. 34. Юхновские погребения у с. Долинское: 1 — погребение 1 (1 — ракушка, 2 — горшок); 2 — погребение 3 (1 — бронзовая пронизка, 2 — фрагмент керамики, 3 — бронзовая серьга, 4 — зуб взрослого человека), 3 — бронзовая пластинчатая серьга (по: Мельниковская, 1968)

Погребение 1 (рис. 34, 1). Могильная яма не была зафиксирована. Захоронение мальчика обнаружено на глубине 0,4—0,5 м в нижней части чернозема. Погребение совершено по обряду труположения, в вытянутом положении, на спине. Руки вытянуты вдоль туловища. Умерший ориентирован головой на ССЗ. Верхняя часть скелета сохранилась в неповрежденном виде, костей одной ноги нет, другая сохранилась частично. Череп лежал в нижней части небольшого лепного горшка, а у левого плеча находилась разбитая створка раковины *unio* (Мельниковская, 1968, с. 6, 7; 1977, с. 64).

Погребение 3 (рис. 34, 2). Так же обнаружено в нижней части чернозема на глубине 0,35—0,4 м. Пятно могильной ямы прослежено не было. Захоронение ребенка в возрасте 7—8 лет, возможно девочки, совершено по обряду труположения, в вытянутом положении, на спине, головой на С. Ноги ниже бедер не сохранились. Внутри черепа найдена бронзовая пластинчатая серьга, согнутая в 1,5 оборота (рис. 34, 3). Рядом с глазницами находилась бронзовая бусина — пронизка, а ниже черепа — фрагмент лепной керамики. Под черепом находился зуб взрослого человека (Мельниковская, 1968, с. 7; 1977, с. 64).

Таким образом, на могильнике у с. Долинское было исследовано три могилы, которые достоверно можем связывать с населением юхновской культурой. Они отличаются от вышеописанных более «богатым» инвентарем. Однако следует учитывать, что на данном памятнике выявлены

и погребения с характерным для более южных культур инвентарем. Возможно, в данном случае следует учитывать определенное влияние лесостепного населения. Отметим, что все трое погребенных дети. В двух захоронениях установлена северная (и ССЗ) ориентировка покойных. Положение костяка в могиле, расчищенной Ю.С. Виноградским, неизвестно. Интересно, что в двух случаях (а возможно и во всех трех погребениях) зафиксировано нарушение костяков покойников.

Городище Полужье. В основании слоя, на глубине 1,5—1,55 м, обнаружено погребение ребенка с молочным зубом. Могильная яма не прослежена. Костяк ориентирован головой на Ю с небольшим отклонением на В. Выше могилы расчищены кости и череп собаки. Их связь с погребением не исключена (Мельниковская, 1969, с. 21; 1970б, с. 62).

Марицкое городище на Сейме. Во время исследования обнаружено 10 погребений, относящихся к населению юхновской культуры (18 скелетов, 11 из которых принадлежат детям, 3 — женщинам и 4 — мужчинам). Детальное описание могильника сделано автором раскопок А.И. Пузиковой (1981, с. 33—40, рис. 17). Во избежание повтора, остановимся лишь на некоторых моментах. Так же как и на Мезинском городище, ориентировка покойников разнообразна. Наиболее часто умерших клали головой на СВ, реже зафиксированы иные направления. Лишь в одном случае скелет ориентирован головой на З, однако, это парное погребение, вальтом. Характерной особенностью данного могильника является не только нестабильность ориентировки, но и наличие парных погребений (зачастую покойники положены вальтом), захоронения в заброшенной мусорной (хозяйственной?) яме, разнообразии поз костяков. Вполне возможно, хотя не факт, что данный могильник возник после какого-то военного столкновения. На это указывают находки у одного из костяков железных наконечников стрел с раздвоенными черешками в виде ласточкиного хвоста. На черепе другого погребенного следы от удара каким-то предметом, кости еще одного сильно обожжены.

Интересен тот факт, что кости 5 умерших находились в разной степени перемешанном состоянии. По предположению А.И. Пузиковой, подобная ситуация возникла в результате деятельности грызунов. Однако, «в заполненном грунтом пространстве абсолютно невозможно передвинуть даже мельчайший предмет, не освободив его от сцепления с грунтом по всей поверхности. Такое изредка может произойти, но лишь в том случае, когда грызун не может обойти предмет. Крупные же кости и черепа грызуны обходят всегда, тем более они не могут передвинуть кости сложной конфигурации (нижние челюсти, тазовые) и длинные» (Флёров, 2007, с. 32, 33). Исходя из сказанного, вероятно и другая причина нарушения костяков.

Как и на других памятниках, в погребениях на Марицком городище инвентарь практически полностью отсутствовал. Так, в трех разных могилах найдены бронзовое колечко с несомкнутыми концами, сильно коррозированное железное кольцо и миниатюрный горшочек. По мне-

нию А.И. Пузиковой, эти вещи могли попасть в могилы вместе с грунтом культурного слоя (Пузикова, 1981, с. 40, рис. 18). Между тем, не следует исключать возможности связи вещей с погребениями. В особенности это касается миниатюрного горшочка. Напомним, что схожие сосудики найдены и в могилах Мезинского городища.

Особый интерес представляет открытие юхновских погребений на городище **Киселевка II** (раскопки автора 2008 г.). Памятник исследовался с 2005 по 2008 гг. Общая раскопанная площадь составила 240 м². В 2007 г., в пределах канавки от стены постройки¹ были найдены разрозненные кости ребенка возрастом не более 2-х лет². Сохранились мелкие фрагменты черепа, фрагменты плечевой и локтевой костей, часть бедренной кости и лопатка. Установить положение костяка не удалось. Изначально данное погребение было принято за строительную жертву (Каравайко, 2009, с. 224). Однако последующие исследования показали ошибочность данной точки зрения.

В 2008 г. было расчищено еще три погребения, на подробном описании которых следует остановиться. Они располагались вдоль центральной части юго-восточного края площадки городища.

Погребение 1. Погребальная яма прямоугольной формы имела размеры 0,7 × 1,05 м. Юго-западную часть могилы прорезала округлая яма размерами 0,6 × 0,7 м приблизительно. Глубина обеих ям одинакова — 0,19 м от уровня материка. Как в этом, так и в других погребениях, выше материка контуры практически не читались. Разновременность ям стратиграфически подтвердить не удалось. Их заполнение однородное и однотонное. В данном случае это предположение основывается в большей мере на интуиции автора и на общем контексте находок.

Остатки черепа и нижней челюсти находились практически в центре ямы. Остальные, немногочисленные кости посткраниального скелета находились юго-западнее черепа и были в перемешанном состоянии. Сохранились кости верхних и нижних конечностей (плечевая — правая и левая). Их состояние крайне плохое, впрочем, как и в остальных погребениях. На длинных трубчатых костях разрушены эпифизы, поэтому измерения были невозможны (приложение IV). Лишь на основании состояния зубной системы (на нижней челюсти прорезались постоянные зубы — первый моляр и прорезается второй) удалось установить возраст ребенка в пределах 1,5—2 года. Судя по расположению костей, хотя они и были в перемешанном состоянии, погребенный лежал головой на северо-восток (рис. 35, 1).

Инвентарь крайне беден. Выше (северо-восточнее) черепа лежал лепной миниатюрный горшочек (рис. 35, 3).

1. Точное место находки, к сожалению, не установлено.

2. Определения антропологического материала с городища Киселевка II были выполнены н. с. Отдела антропологии НАН Украины к. и. н. Л.В. Литвиновой (приложение IV), за что автор искренне благодарит ее.

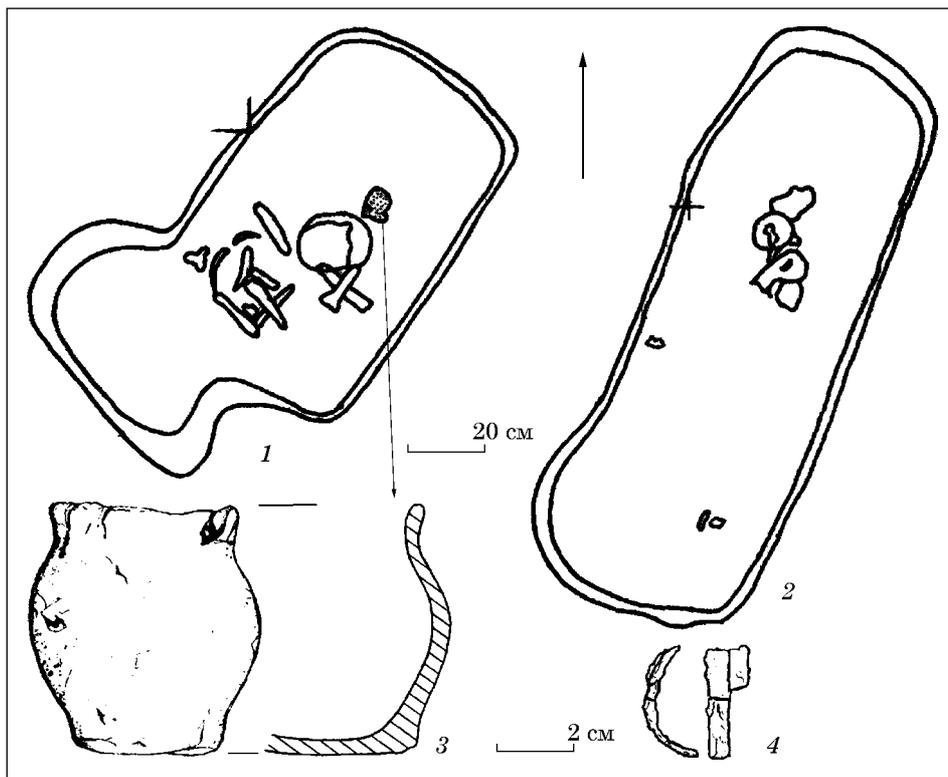

Рис. 35. Юхновские погребения с городища Киселевка II

Очевидно, что скелет был разрушен в древности. Следы «проникновения», вероятнее всего, является яма в юго-западной части погребения.

Погребение 2 располагалось в 6,4 м на юг (с небольшим отклонением к востоку) от первого погребения. Пятно прямоугольной формы с округлыми «углами». Заполнение однородное — темная, серо-коричневая супесь. Размеры погребальной ямы — 0,6 × 1,72 м. Глубина от уровня материка — 0,1 м. Так же как и в погребении 1, все кости находились в перемешанном состоянии (рис. 35, 2). Разрушенные кости черепной коробки (сохранились крупные фрагменты черепа, нижняя челюсть и фрагменты верхней) обнаружены в северо-восточной части ямы. Остальные, очень немногочисленные и мелкие кости посткраниального скелета (обломки верхних и нижних конечностей) находились в заполнении. В заполнении найдены неопределенный костяной предмет очень плохой сохранности (к сожалению, рассыпался полностью) и фрагмент железного пластинчатого браслета с заходящими друг за друга в одной плоскости концами (рис. 35, 4).

Пятно могильной ямы не имело следов перекопа, однако, большинство костей скелета отсутствовало, а остальные, в основном остатки черепа, находились в перемешанном состоянии. Судя по расположению костей черепной коробки, погребенный лежал головой на СВ.

Исходя из состояния зубной системы (все молочные зубы прорезались), а так же из размеров длинных костей, возраст ребенка определен в пределах 2-х лет (приложение IV). Исходя из этого, удивляют размеры погребальной ямы, а именно длина (1,72 м). Кажется нерациональным совершать захоронение ребенка в столь большой яме. Возможно, что часть ямы является следами проникновения в могилу, но, так как заполнение однородное, проследить это не удалось. Т. е., как и в первом случае, погребение было разрушено, и, безусловно, в древности.

Погребение 3. Яма находилась в 5 м на восток от погребения 2. Она прямоугольной формы; ее размеры: 2,2 × 1,3—1,4 м. Заполнение однородное — серо-коричневая супесь. Глубина ямы от уровня материка — 0,16—0,2 м. Скелет сохранился практически полностью, не хватало лишь черепа. Кости, как и в двух других погребениях, очень плохой сохранности. Погребенный лежал головой на СВ, в вытянутом положении на спине. Кости рук располагались вдоль скелета (приложение IV). Под шейными и берцовыми костями скелета прослежены неглубокие (0,1—0,15 м) канавки размерами

0,2 × 1,3 м (рис. 36). Вероятнее всего, покойника положили на какой-то помост из досок. Он был скреплен двумя плахами, следы от которых и удалось зафиксировать.

Наиболее интересным оказался сам погребальный комплекс. Погребение 3 было совершено под курганной насыпью. Ее остатки и структуру не удалось проследить. К моменту исследований насыпь была сnivelирована в результате распахки. О ее наличии свидетельствует курганный ровик диаметром 6,6—7,3 м. Глубина незначительная — до 0,26 м (рис. 37, 1). В западной части ровик имеет наименьшую глубину, и его стенки плавно сужаются ко дну. В южной и восточной частях ров в разрезе имеет форму трапеции. Его стенки более четкие. В западном и северо-восточном учас-

Рис. 36. Погребение 3; городище Киселевка II (фото автора)

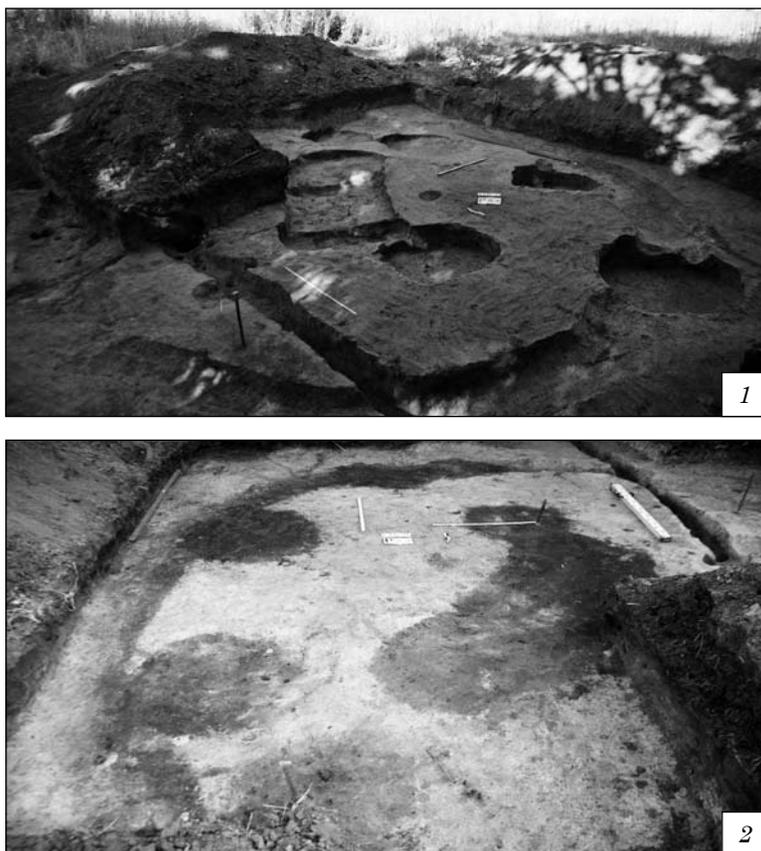

Рис. 37. Городище Киселевка II; погребение 3, курганный ровик и прорезающие его ямы (фото автора)

тках рва удалось зафиксировать перемычки шириною около 0,7 м. Возможно, еще одна перемычка располагалась в южной части рва. На материке она не фиксировалась, однако, судя по пятнам, ее наличие вполне вероятно.

Четко удалось зафиксировать, что с восточной стороны курганный ровик был прорезан четырьмя ямами (рис. 37, 2; 38). Это отчетливо видно не только в плане, но и благодаря стратиграфическим разрезам (рис. 39). Подробнее остановимся на описании данных ям.

*Яма 12*¹. Округлая в плане. Диаметр по верху — 1,2—1,3 м. Глубина от уровня материка — 0,5 м. Стенки несколько расширяются ко дну. Диаметр последнего — 1,3—1,4 м. На дне зафиксирована небольшая ямочка (рис. 40, 1). Заполнение однородное — темно-серая пятнистая супесь. Возле стенок

1. Нумерация ям подана согласно полевой документации.

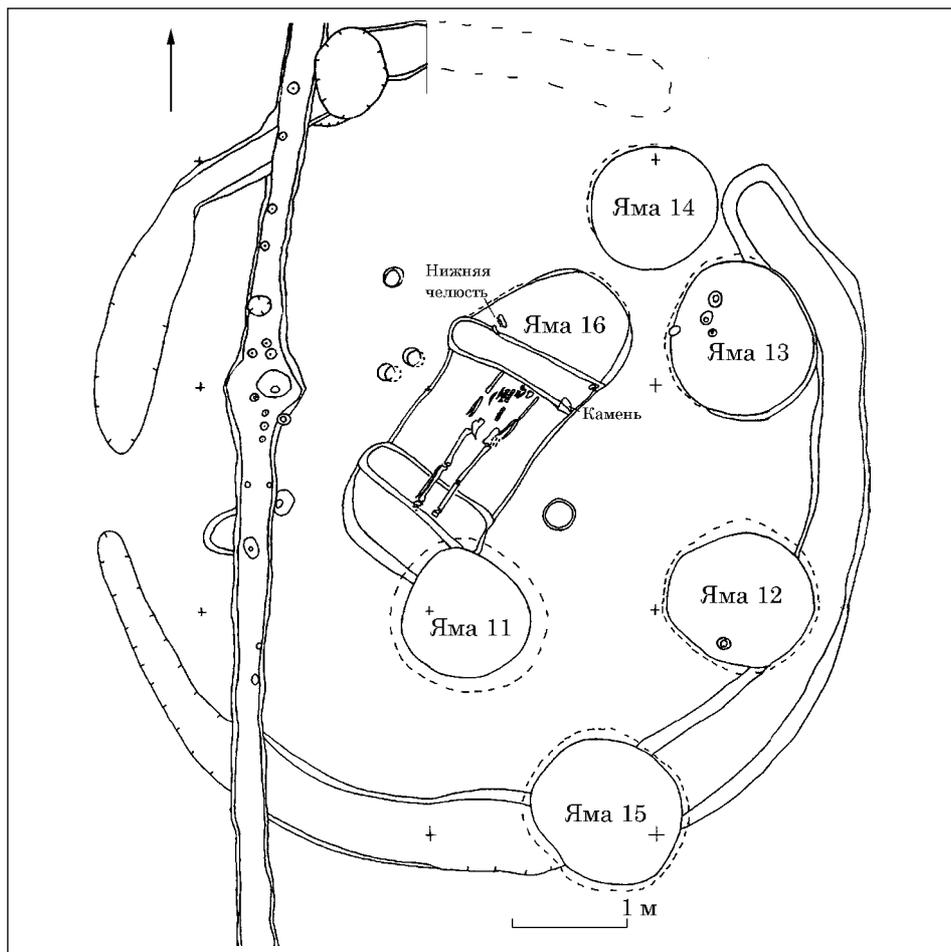

Рис. 38. Городище Киселевка II; план подкурганного погребения 3

видны следы замывов более светлых оттенков супеси. В заполнении найдены несколько выразительных венчиков сосудов (рис. 41, 6, 7), развалы трех доньшек горшков (рис. 42, 1, 3), а также мелкие фрагменты юхновской керамики. Основная концентрация керамики приходится на глубину 0,1—0,37 м и лишь один фрагмент горшка находился непосредственно на дне ямы. В развалах фиксировались небольшие фрагменты мела. На глубине 0,35 м от уровня материка был найден миниатюрный горшочек (рис. 43, 1). В южной части ямы, край стенки на уровне дна был обложен обломками глиняных грузил, типичными для культурного слоя городища.

Яма 13. Диаметр ямы — 1,3—1,4 м. Глубина от уровня материка — 0,22 м. Яма имеет небольшой «подбой» с севера и запада. Диаметр дна равен

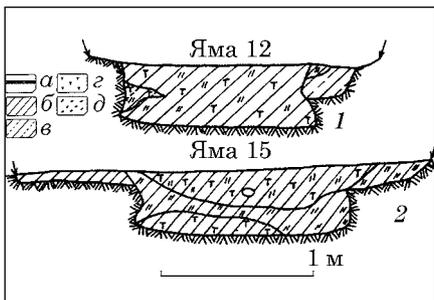

Рис. 39. Городище Киселевка II; стратиграфия ям, прорезавших курганный ровик (3 — фото автора). **Условные обозначения:** а — материк, б — серая супесь, в — серо-желтая лесовидная супесь, г — темный, д — пятнистый

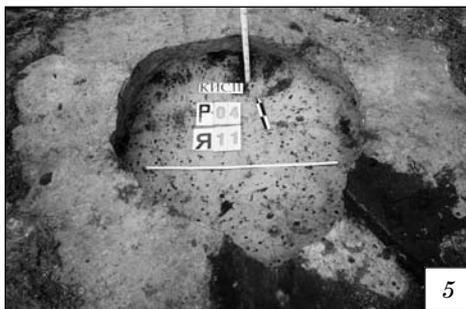
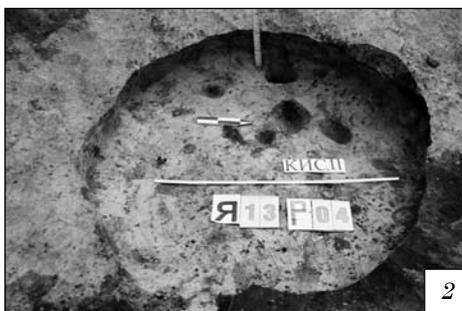
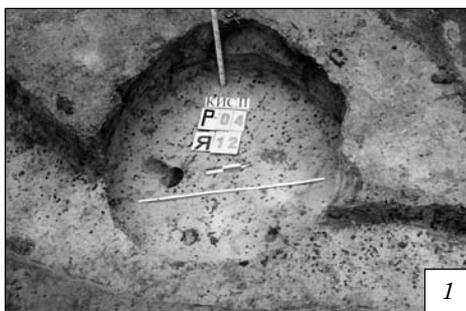
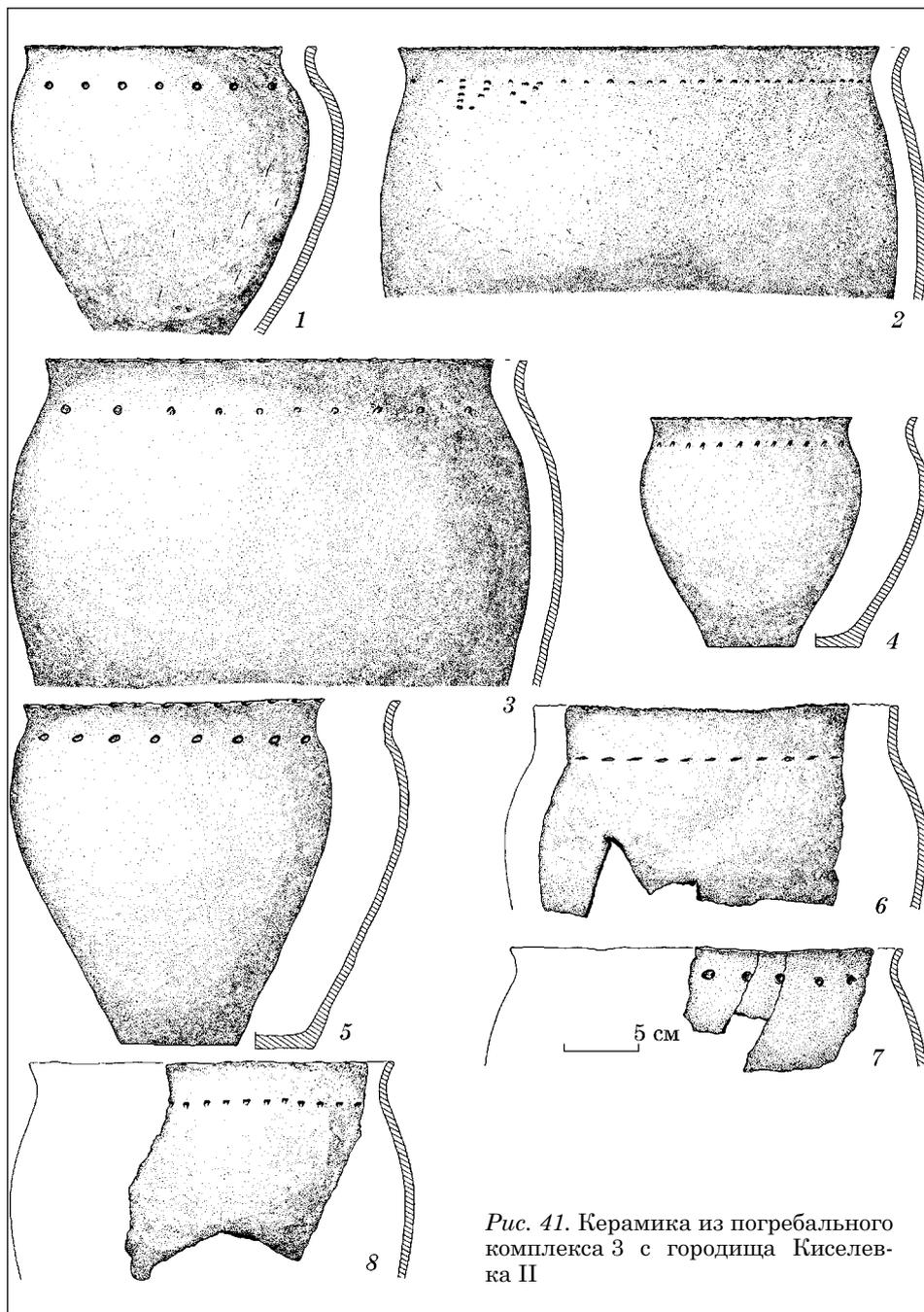

Рис. 40. Культовые ямы погребального комплекса 3 с городища Киселевка II (фото автора)

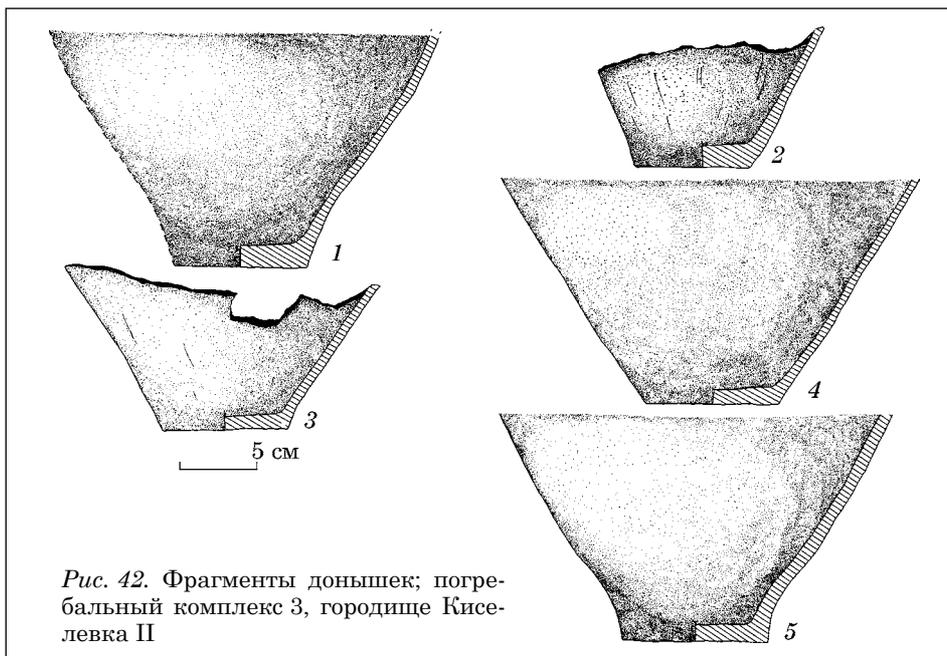

Рис. 42. Фрагменты доньшек; погребальный комплекс 3, городище Киселевка II

диаметру по верху (рис. 40, 2). Заполнение однородное. В яме расчищены развал горшка (целая форма), большой фрагмент доньшка сосуда, а так же найдены небольшие обломки юхновских горшков (рис. 41, 4; 42, 5). Среди других находок — многочисленные фрагменты и целые формы глиняных хлебцов (рис. 43, 2—5), а также целое глиняное грузило. Вполне возможно, что оно попало в яму из культурного слоя. Кроме того, в ямах 13 и 14 найдено большое количество фрагментов глиняных грузил с очень плохим обжигом.

На дне ямы расчищено несколько мелких столбовых ямочек.

Яма 14. Находилась возле северо-восточной перемычки ровика. Она округлой формы диаметром 1,1—1,6 м. Глубина от уровня материка — 0,18 м. Стенки почти отвесные, и лишь в северо-западной части яма имела незначительный подбой (рис. 40, 3). Заполнение однородное — темно-серая пятнистая супесь. Среди находок — одно целое глиняное грузило и 9 мелких фрагментов глиняных хлебцов. В яме найден лишь один развал доньшка (рис. 41, 4) и несколько невыразительных фрагментов юхновской керамики.

Яма 15 прорезала ровик в его ЮЮВ части. Она имела округлую форму диаметром 1,2—1,3 м. Стенки расширяются ко дну, диаметр которого — 1,4—1,5 м. Глубина от уровня материка — 0,44 м (рис. 40, 4). Заполнение представляло собою серую супесь различных оттенков. На глубине 0,4 м от уровня материка расчищен развал юхновского горшка (рис. 41, 5), который впоследствии склеился полностью. Горшок слабопрофилированный. Его высота — 24,2 см, диаметр венчика — 21 см, дно — 8 см. Наибольшее расши-

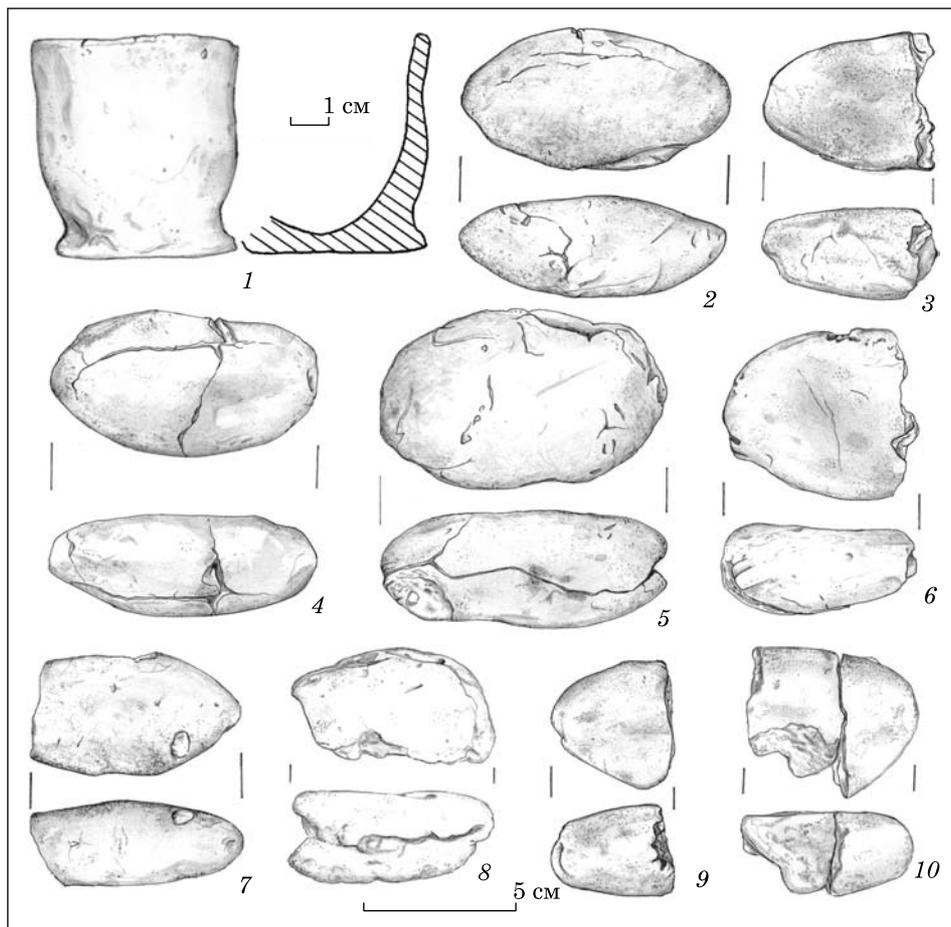

Рис. 43. Миниатюрный горшочек и ритуальные глиняные хлебцы из погребально-го комплекса 3, городища Киселевка II

рение приходится на верхнюю треть (22,3 см). Толщина стенок — 5—6 мм, дна — 1 см. Орнамент в виде округлых вдавлений нанесен на плечики. Край венчика украшен продолговатыми вдавлениями. Остальная керамика немногочисленна. Среди прочих находок лишь два целых глиняных грузила, одно из которых имеет небрежные вдавления. Так же не исключаем возможность попадания данных изделий в яму из культурного слоя.

Еще две ямы прорезали погребальную яму в ее южном углу и в районе головы.

Яма 11 (южный угол погребения). Имела округлую форму диаметром 1,1—1,15 м. Глубина от уровня материка — 0,4 м. Стенки незначительно расширялись ко дну. Диаметр дна — 1,4 м (рис. 40, 5). Заполнение однородное.

В верхней части заполнения был найден череп, над которым было положено несколько глиняных хлебцов. Над черепом и возле него, на глубине 0,23 м от уровня материка, расчищены развалы юхновских горшков (рис. 40, 6; 41, 1—3). Их формы, размеры и орнаментация ни чем не отличаются от посуды, найденной как в слое Киселёвского городища, так и на ряде других памятников юхновской культуры (рис. 41, 8). То же можно сказать и относительно керамики, найденной в ямах, прорезавших ров. Помимо этого, в яме 11 было найдено несколько мелких и невыразительных обломков горшков юхновской культуры.

В северо-восточной части погребения также зафиксирована *яма 16*, которая его прорезала. Приблизительный диаметр ямы — 1—1,2 м. Стенки неровные. Заполнение однородное (такое же, как и в погребении 3). Яма была неглубокой — 0,19 м, т. е. ее глубина была аналогичной глубине погребения 3. В ее пределах найдены фрагменты челюсти и небольшой необработанный камень, несколько фрагментов юхновской керамики, глиняный хлебец и грузило (рис. 43, 4).

Таким образом, в отличие от двух предыдущих захоронений, скелет погребения 3 сохранился более полно, что позволяет дать достаточно подробную антропологическую характеристику. К сожалению, из-за плохой сохранности кости, определения не настолько полны, как того хотелось бы.

Сохранились незначительные фрагменты черепа (лобная кость, правая височная кость, основание черепа, нижняя челюсть без правой ветви), мелкие фрагменты костей верхних и нижних конечностей (правая и левая стороны), кости стопы (приложение IV).

Скелет принадлежал мужчине (пол определен с некоторой долей сомнения), в возрасте 25—30 лет.

Возвращаясь к описанию погребального комплекса 3, следует более подробно остановиться на стратиграфической ситуации. Последовательность сооружения ям в пределах кургана, вероятно, была следующая (рис. 38). Изначально была выкопана яма 11, которая лишь незначительно затронула погребальную яму. Обезвредить ¹ покойника, разрушив скелет, удалось при помощи ямы 16, при этом череп был выброшен в первую яму (11). К этому времени яма уже заплывла землей. Напомним, что черепная коробка находилась в заполнении. В качестве заупокойных даров, над и возле черепа, были положены разбитые горшки и ритуальные глиняные хлебцы. Отметим любопытный факт: лишь в одной из ям в пределах кургана был найден абсолютно целый горшок, деформированный под давлением почвы ². В остальных случаях, несмотря на тщательность исследования, не удалось обнаружить какой-то, порой значительной, части горшка. Интересно, но данная ситуация характерна также для ряда хозяйственных ям, и не только на городище Киселевка II. Следующим этапом (не хронологическим, а обрядовым) стало сооружение ям по восточному краю рва. В них так же видим следы поминального обряда, в

1. Вероятно, более правильно говорить о проведении определенного ритуала.

2. Не хватало лишь двух очень маленьких фрагментов.

виде тех же разбитых горшков и глиняных хлебцов. Не исключено, что миниатюрный горшочек из ямы 12 находился у головы погребенного, как и в погребении 1, и лишь при проведении поминального обряда оказался в яме, однако доказать это не представляется возможным. Заупокойные дары были положены в ямы не сразу. Практически весь материал находился в нижней части заполнения, а не на материке. Вероятнее всего, приношения покойному неслучайно находились в ямах. Безусловно, они являются ритуальными, а их цель — передача вещей в нижний мир, страну мертвых. Определенным образом это находит отражение и в данных этнографии (Косарев, 2008, с. 6).

Таким образом, исследованный объект представляет собою сложный погребальный комплекс. Подводя итог, кратко остановимся и на стратиграфии самого городища Киселевка II. Выявленные исследованиями 2005—2008 гг. объекты были разновременными. Изначально, на городище стоял длинный дом, одна из стен которого надежно зафиксирована (об этом речь шла выше). Затем, на этом месте (юго-западная часть) сооружается курган. Удалось четко проследить, что курганный ровик прорезает канавку от стены дома. Вероятно, со времени прекращения жизни на городище до совершения погребений (все три исследованных погребения являются синхронными) прошел короткий отрезок времени, не более 20—25 лет. Кости из разрушенных погребений были найдены в заполнении хозяйственной ямы 7 и культурном слое. Среди находок — мелкие обломки черепа со следами сожжения (возможно, взрослый), и отдельные кости, принадлежавшие взрослому и возмужало-зрелому (*adultus-maturus*) индивидам, а так же кости ребенка 6—12 месяцев. Таким образом, остатки разрушенного дома ко времени совершения погребений были еще хорошо видны на поверхности. Разрушение погребений также произошло через непродолжительный час.

Естественно, любая реконструкция обрядовых действий (опираясь на археологический материал) при совершении похорон является слабо доказуемой. Тем не менее, на основе погребения 3, позволим себе предположить каким же образом проходил ритуал. С большой долей вероятности можно говорить о том, что погребенный (при жизни) отличался от остальных — имел определенный статус, возможно, некие психические или физические отклонения и т. д. Соответственно его воскрешение (возвращение или переселение души) было не только крайне нежелательно, но и опасно. В связи с этим, были проведены определенные ритуальные действия. Особого внимания заслуживает факт несколько необычной расположенности перемычек во рву, который ограничивал мир живых и мертвых. Так, наличие перемычки с западной стороны вполне закономерно. Как пример, большинство скифских курганов с этой стороны имели разрыв во рву. Это своеобразная «дорога мертвых». Однако в этих же курганах вторая перемычка находилась строго напротив. При наличии четырех перемычек они также были друг напротив друга. В данном же случае вторая перемычка устроена с северо-востока, т. е. прямо напротив головы умершего и проходила по длинной оси погребальной ямы. Очевидно, подобное расположение неслучайно. Гипотетически возможно предположить следующие действия при захоронении. Участники похорон, несущие носилки

с умершим, зашли со стороны запада и положили тело в яму. Этой же дорогой вернуться нельзя — «дорога мертвых». Покойника положили с небольшим отклонением, что бы душа не сразу могла (а может и вообще не могла) найти дорогу в иной мир. Выйти из сакрального пространства, ограниченного рвом, так что бы не видел покойник и не запомнил дорогу назад, можно было только со стороны головы — единственная точка, невидимая для лежащего. Именно так можно объяснить наличие перемычки с северо-восточной стороны.

Возникает вопрос о времени разрушения могилы. Судя по наличию ям в центре кургана, это произошло некоторое время спустя. Курганная насыпь оплыла, что и не позволило найти погребение с первого раза. Не исключено, что проведение такого обряда требовало определенной даты. Как и в современном христианстве, у многих древних народов сакральными были 3, 9, 40 дней и год. Именно за 1 год и могла оплыть супесчаная насыпь кургана. Интересно, что существует поверье о кратковременном возвращении души на землю через год после смерти.

Целью проведения обряда было полное обезвреживание покойника. В этой связи отметим факт отделения головы. У ряда народов, в том числе и кочевников — номадов, существовало представление о том, что голова символизирует наиважнейшую сущность человека, определенную магическую силу, а по сути, является вместилищем жизни и ее символом, местом, где находится душа (Шауб, 1987, с. 16; Гутнов, 1998, с. 21).

Подобный постпогребальный обряд¹, обряд обезвреживания покойника, на памятниках юхновской культуры четко зафиксирован (*подчеркнуто мной — Д. К.*) впервые. Есть все основания предполагать, что вдоль края площадки городища в результате последующих раскопок будут обнаружены подобные погребения. Также полагаем, что погребения 1 и 2 были подкурганскими, однако зафиксировать неглубокие ровики не удалось. О наличии насыпи косвенно свидетельствует значительное расстояние между могилами. Кроме того, на краю мыса городища Киселевка II расположены два (три?) кургана. В связи с открытиями 2008 г. встает вопрос об их культурной принадлежности. Если ранее считали, что они оставлены населением роменской культуры, то сейчас вполне вероятно связывать их с юхновской АК. К сожалению, центральная часть наибольшего кургана варварски уничтожена современными кладоискателями.

Таким образом, все перечисленные погребения на шести вышеназванных памятниках можем соотносить с населением юхновской культуры. Однако использовать их для характеристики погребального обряда следует крайне осторожно. Прежде всего, это связано с тем, что все погребения совершены на площади городища, а не в специально отведенном для этого месте (говоря современным языком, на кладбище). Если не брать во внимание Кудлаевское городище, то все захоронения были совершены после того как поселение опустело. Возникает вопрос, а где же хоронили

1. Данный термин, введенный В.С. Флеровым (2007, с. 121), по мнению автора данной работы, наиболее подходящий для данной ситуации.

покойников, когда население проживало на городище? Вместе с тем, данные погребения имеют много общего, в результате чего мы вправе сделать осторожные выводы относительно погребальной обрядности юхновского населения или же выделить какие-либо особенные черты.

Прежде всего, бросается в глаза то, что на площадках городищ похоронены исключительно женщины, дети и люди пожилого возраста. Практически полностью отсутствуют погребения мужчин в возрасте 20—40 лет. Исключение составляет погребение 3 Киселевского городища, однако и здесь пол определен с определенной долей вероятности. Возможно, это связано с тем, что взрослые (зрелые) мужчины были более полноценными членами общества, нежели старики, дети, не прошедшие инициации, и женщины. Соответственно, их захоронения совершались без отступлений от традиционного обряда. Данный вывод не может считаться окончательным, так как определения костей не всегда осуществляли профессиональные антропологи. Как видим, погребений найдено не так уж много. Кроме того, мы так и не смогли ответить на поставленный выше вопрос. Однако сбрасывать со счетов подобное предположение на сегодняшний день не стоит.

На нетрадиционность подобных погребений, а именно труположений, указывает отсутствие стабильной ориентировки. Как правило, покойника клали головой на север или юг с незначительным (или значительным, как в случае на городище Киселевка II) отклонением к востоку. Известна и восточная ориентировка. Общим же является то, что покойных не клали головой на запад (северо-запад и юго-запад). Западная ориентировка встречена лишь в погребениях на Марицком городище, только в парных погребениях, когда умерших клали «валетом». Однако, данный могильник, в отличие от остальных, скорее всего, возник в результате военного столкновения и погребения совершались на скорую руку (не факт, что именно населением юхновской культуры).

Именно стабильная ориентировка покойных является одним из этноопределяющих признаков населения большинства археологических культур, наиважнейшей составной ингумации. Сейчас, а впрочем как и в ближайшем будущем, мы не сможем установить причины определенной ориентировки погребенных на юхновских городищах. Однако следует учитывать и данные этнографии. Так, у многих (если не у всех) древних народов существовало представление о пространстве и о «хорошей» и «плохой» сторонах (Косарев, 2008а, с. 350, 351). Вполне вероятно, что подобные верования присутствовали и у населения юхновской культуры, иначе сложно объяснить, почему не хоронили головой в направлении запада.

Еще одним общим признаком в погребальной обрядности с данных шести городищ является практически полное отсутствие в могилах инвентаря. Как правило, погребения — безинвентарные. Реже клали фрагмент сосуда, разбитый горшок, без какой либо значительной части, или же фрагмент по известному принципу парцеллярной магии «часть — вместо целого». Последний «принцип» мог трактоваться и по-другому. Известен обычай умышленной порчи погребального имущества, как способ освобождения души для отправления

в мир мертвых. То, что являлось частью в мире живых, может стать целым в мире мертвых (Косарев, 2008а, с. 125, 177). В связи с этим, вспомним погребение на Кудлаевском городище, где зафиксирована умышленная порча вещей. Отметим также находки фрагментов горшков в Мезинском, Долинском и Киселевском могильниках. В последнем найдены поломанные (?) глиняные хлебы и обломки грузил на дне одной из ям. Подобные вещи, безусловно, являлись даром покойному и сопровождали его в мир мертвых.

Наиболее интересной особенностью данного погребального обряда (имеется в виду ингумация на площади городища) является обряд вторичного проникновения в могилу и разрушение скелетов. Достоверно он был впервые зафиксирован на городище Киселевка II. Однако, при детальном рассмотрении материалов могильников юхновской культуры, раскопанных прежде, данное «открытие» не является новым. Обратимся к фактам. Прежде всего, это отсутствие черепа в одном из погребений Мезинского городища. Еще в двух могилах некоторые кости скелета были в потревоженном состоянии. Достоверно говорить о разрушении костяков на Долинском могильнике мы не вправе, однако, судя по приведенным выше описаниям, это вполне вероятно. Перемешанными оказались кости от пяти индивидов из погребений на Марицком городище, о чем речь шла выше.

Еще раз отметим, что нарушение костяков не следует связывать с ограблением могил. На основе имеющихся материалов, с определенной долей вероятности, можем говорить о вторичном проникновении с целью обезвредить покойника, или же по иной причине. Он мог представлять опасность для мира живых, потому и был погребен без, или с частичным соблюдением похоронных традиций. Сама же причина появления таких погребений остается открытым вопросом. Объяснить это лишь тем, что могилы устраивались на скорую руку после военных конфликтов с иностранным населением, вряд ли возможно. Такая схема, с учетом раскопок на Киселевском городище, выглядит слишком упрощенно.

На нетрадиционность ингумации в ямах или под курганными насыпями для юхновского населения могут указывать отдельные следы кремации. На них также остановимся подробнее.

Поиски могильника, как правило, велись за пределами вала городища, т. е. с напольной стороны. Так, возле Кудлаевского городища была исследована значительная (2632 м²) площадь именно с этой целью. Согласно О.Н. Мельниковской, следов могильника выявить не удалось (Мельниковская, 1970а, с. 50). Однако в этой же работе и в отчете исследовательница отмечает наличие нечетких остатков кремации в неглубоких ямках в сопровождении фрагментов керамики (Мельниковская, 1965, с. 14, 15; 1970а, с. 50).

Напротив левобережного Авдеевского поселения (городища) юхновской культуры на р. Сейм были обнаружены отдельные кальцинированные косточки и фрагменты юхновской керамики (Мельниковская, 1972, с. 88). Исходя из этой краткой заметки в «АО», было бы заманчиво связывать погребения с юхновским населением. Однако, как А.Е. Алихова так и О.Н. Мельниковская, проводившие здесь работы, были склонны со-

относить их с более поздним временем (Алихова, 1949; Мельниковская, 1971, с. 6, 7). На сегодняшний день данные погребения рассматриваются в контексте изучения колочинских древностей (Шпилев, 2009, с. 189).

В свете вышеописанных погребений на Киселевском втором городище, любопытно отметить находки кальцинированных костей за его валами (Мельниковская, 1965, с. 1).

Учитывая, что остатки кремации достаточно нечеткие, и связь их с населением юхновской культуры может лишь предполагаться, особый интерес представляет комплекс, открытый А.В. Григорьевым в 70 м от вала Горкинского городища на Средней Десне (Григорьев, 1981; 1983). На его описании следует остановиться более подробно¹. В 1981—1982 гг. было исследовано углубление, условно названное ямой. Ее размеры по линии СЗ—ЮВ достигали 7,3 м. Глубина колебалась, в зависимости от уровня материка, от 0,2 до 0,4 м. Заполнение однородное. К сожалению, часть комплекса повреждена более поздней постройкой (рис. 44). Внутри ямы и по краям были прослежены столбовые ямки, однако все они, кроме одной, относились к более позднему времени. К описываемому комплексу принадлежит ямка в центральной части объекта. Она имела округлую форму диаметром 0,4 м при глубине 0,1 м. Ее заполнение золистое, а на дне обнаружены скопления керамики и угли.

На площади ямы, в ее заполнении, расчищено 9 скоплений керамики, угля и кальцинированных косточек (рис. 44). Их описание, согласно отчету автора исследований, приводим ниже.

Скопление 1. Представляло собой небольшую округлую кучку фрагментов керамики (но не развал), перемешанных с углем и очень мелкими кальцинированными косточками. Размеры скопления 0,4 × 0,45 м, максимальная мощность — 0,14 м.

Скопление 2. Состояло из семи крупных фрагментов керамики, лежащих плотной кучкой (размеры 0,25—0,3 м). Тут же найдены несколько угольков и 5 мелких кальцинированных косточек.

Скопление 3. На площади 0,3 × 0,3 м найдено несколько крупных стенок сосуда, угли и 2—3 кальцинированные косточки.

Скопление 4. По форме и содержанию напоминало предыдущее, но керамика представлена более мелкими фрагментами, хотя и в большем количестве.

Скопление 5. Отличалось от описанных выше тем, что находилось в небольшой ямке 0,7 × 0,25—0,35 м, глубиной 0,02—0,04 м. Выше границ ямки расчищена кучка керамики. В самой же ямке, в ее восточной части и в 3 см над уровнем дна, лежала половинка небольшого сосуда, внутри которого находилось 7—10 кальцинированных косточек. Внутри сосуда и около него встречены угольки, которых в основной части скопления не было. В западной части ямки, так же над дном, найден фрагмент глиняного грузила.

1. Материал используется с разрешения автора раскопок. Приношу искреннюю благодарность А.В. Григорьеву.

Рис. 44. Погребальный комплекс юхновской культуры у сел Горбово и Горки (по: Григорьев, 1981)

Скопление 6. Не отличалось от первых четырех, за исключением более крупных фрагментов керамики, возможно от одного сосуда.

В северо-западной части объект прослежен лишь как пятно культурного слоя, не углубленного в материк и отличавшегося по цвету и струк-

туре. Не исключено, что его границы были шире, однако комплекс сильно поврежден распашкой. В этой части исследовано 3 скопления.

Скопление 7. Находилось в верхней части слоя и было сильно повреждено распашкой.

Скопление 8. Состояло из крупных фрагментов одного или двух юхновских горшков и глиняного пряслица. Развал был вытянут более чем на 1 м по линии З—В. Керамика находилась не на материке, а на несколько сантиметров выше. Ни углей, ни костей не зафиксировано.

Скопление 9. Фрагменты керамики располагались по всей толщине слоя и были вытянуты узкой полоской по линии ЮВ—СЗ. В юго-восточной части найдены также мелкие угольки и небольшое количество кальцинированных костей.

Таким образом, сооружение представляло собою округлую яму со столбом в центре. По ее периметру находились скопления керамики, углей и кальцинированных костей. Вполне вероятно и иная форма объекта, однако зафиксировать ее на уровне материка не удалось. Интересно отметить, что практически во всех случаях фрагменты керамики относятся к одному или двум сосудам и никогда не составляют развалов. Была положена лишь часть горшка. Эта черта прослежена и в погребениях, осуществленных по обряду ингумации. Вполне можно согласится с точкой зрения А.В. Григорьева, который видит в данном комплексе могильник или культовый комплекс юхновской культуры (Григорьев, 1981, с. 62). Важность данного объекта еще и в том, что это первый могильник юхновской культуры, совершенный по обряду кремации и вынесенный за пределы самого городища.

Отсутствие подобных могильников за валами других городищ и в их округе вполне объяснимо. Во-первых, целенаправленные работы в этом направлении практически не велись. Во-вторых, методика исследований округа городища большими площадями при помощи техники абсолютно не пригодна для поисков могильников. В-третьих, окружающая территория, впрочем, как и сама площадка городища, долгое время распахи- валась. Если предположить, что захоронения по обряду кремации совершались на небольшой глубине, то на сегодняшний день подавляющее большинство подобных могильников должно быть уничтожено. Погребения же у Горкинского городища сохранились, так как были совершены в пределах какого-то углубления (объекта). Те же из них, что находились выше в слое, сильно повреждены распашкой.

На сегодняшний день юхновская культура ставится в один генетический ряд с бондарихинской. Эта точка зрения нашла поддержку в работах многих исследователей (Ильинская, 1957, с. 22, 23; 1961, с. 44, 45; Ковальова, 1976, с. 22; 1979, с. 88; Буйнов, 2006, с. 47, 48). В связи с этим, обратимся к погребальному обряду бондарихинского населения, ибо, как известно, именно похоронный ритуал слабо подвержен изменениям. Традиции погребального обряда, и прежде всего верования в загробный мир, передавались из поколения в поколение.

На могильнике бондарихинской культуры между селами Тимченки и Миргороды (Змеевский район Харьковской области) исследовано 8 небольших ямок (0,5—0,6 м от уровня дневной поверхности, диаметром 0,3—0,7 м), в которых выявлены остатки кальцинированных косточек, перекрытых обломками посуды. Именно такой обряд погребения характерен для населения бондарихинской культуры по всему ее ареалу и на протяжении всего времени ее существования (Буйнов, 1977, с. 211, 215). Как видим, бондарихинские могильники, а вернее обряд погребения, достаточно близок могильнику у с. Горбово. Вышесказанное позволяет нам предполагать, что у населения юхновской культуры основным обрядом погребения была кремация, а погребения совершались в неглубоких ямках за пределами площадки городища.

Таким образом, на сегодняшний день имеем свидетельства захоронений юхновского населения в виде ингумации (в обычных ямах и ямах под курганной насыпью — все находятся на площадке городища) и в виде кремации. Среди культур раннего железного века лесной полосы ближайшие аналогии погребальной обрядности находим у населения милоградской культуры. Здесь также известны труположения в ямах, труположения или кремация в ямах под курганной насыпью (в лесостепной части культуры) и кремация в небольших ямках. В последнем случае особое сходство проявляется в том, что никогда не ставился целый сосуд, в основном лишь какая-то часть. Отличаются же погребения тем, что в милоградских находится более разнообразный материал. Впрочем, и известно их значительно больше (Мельниковская, 1967а, с. 41—54).

Проанализировав известные для своего времени погребения юхновской культуры, О.Н. Мельниковская сделала вывод о биритуализме в погребальной обрядности (Мельниковская, 1970а, с. 53). Причины данного явления остаются полностью не выясненными. Повторюсь, что мы привыкли воспринимать погребальный обряд как наиболее устойчивый признак какой-либо археологической культуры, при котором нежелательны отступления от норм, правил и традиций. Однако история и этнография дают нам примеры, что это возможно. Так у чукчей до недавнего времени покойника хоронили, сжигая его, или же тело выносили в тундру (обряд оставления). При этом кремация была более престижной и давала преимущественное право на последующее возрождение (Косарев, 2008а, с. 191). В современном Тибете астрологи определяли оптимальный способ погребения: захоронить в земле, утопить в воде или отдать на съедение стервятникам (Церинг, 2005, с. 95). Данные примеры не могут быть напрямую экстраполированы на племена древности. Они приведены лишь для того, что бы показать возможность наличия биритуализма. Объяснить его лишь на основе археологического материала крайне сложно.

В связи с этим, возвращаясь к погребениям юхновской культуры, отметим, что их появление на площадке городищ вряд ли стоит связывать с военными столкновениями и поспешными захоронениями. Подтверждение тому является погребение под курганной насыпью на Киселевском городище.

Подводя итоги, отметим, что говорить о наличии биритуализма следует крайне осторожно. Вероятно, что при труположении погребальная обрядность соблюдалась, но лишь частично. Кремация может рассматриваться как предварительный акт в ритуальных действиях с покойным, за которым возможно погребение праха в землю в форме той же ингумации (Смирнов, 1997, с. 14, 16). Соответственно достигалась одна из основных целей, а именно изоляция покойника путем зарывания тела (или праха) в землю. С другой стороны, следует помнить, что «основная идея погребальной обрядности — это идея жизненного круговорота. Зарывание покойника в землю, ориентация, положение с умершим могильного имущества, надмогильное сооружение, напутственное слово погребенному, обряд провожания души и т. д. — все это работало на бесперебойность циклов возрождения. Малейшее отступление от погребального канона было чревато сбоями на пути осуществления жизненного круговорота» (Косарев, 2008а, с. 197, 223). Не по этой ли причине подвергался разрушению ряд юхновских погребений, совершенных на площадке городища? Вероятно, такие умершие были погребены не по должному обряду, а по обряду, чуждому юхновскому населению. Они могли представлять собой так называемых «опасных покойников», что и привело к ритуальному разрушению могил. После этого умерший не мог возродиться и соответственно не представлял опасности для живущих¹. Вспомним пассаж Ж. Дюмезиля о том, как Батраз отрубал руку Сайнаг-алдара (или Тотрадз Созырько), а по традиции нартов хоронить без какой либо части нельзя (Дюмезиль, 1990, с. 190—192). Причиной тому, скорее всего, является то, что без какой либо части тела нежелательно «воскрешение» героя. Исходя из этого, а так же вышесказанного, наиболее вероятным способом погребения для населения юхновской культуры является кремация с последующим захоронением праха в неглубоких ямках за пределами городища. Естественно, это только предположение, требующее последующих исследований. Допускать иные способы погребений, как то: выставление, оставление, водное погребение и т. д. — вряд ли правомерно, так как в таком случае не было бы погребений в ямах (кремация и ингумация), т. е. передачи тела в нижний (подземный?) мир.

В целом же, должны констатировать, что на сегодняшний день проблема погребальной обрядности юхновского населения остается открытой. Можно наметить лишь основные пути ее решения и сделать предварительные выводы. Их правильность или ошибочность смогут показать лишь последующие целенаправленные исследования по изучению погребального обряда юхновского населения.

1. Приведенная реконструкция ритуальных действий — лишь один из возможных вариантов. Фактом остается лишь вторичное проникновение в могилу.

Глава 3

МАТЕРИАЛЬНАЯ КУЛЬТУРА

Вещевой комплекс юхновской культуры весьма разнообразен. Вместе с тем, в сравнении с более южными культурами, он относительно «бедный» и не такой яркий. Это и не удивительно. Лесное население обитало на значительном расстоянии от скифского (позднее сарматского) и античного миров. Такая удаленность и отсутствие постоянных, налаженных торгово-экономических связей с «югом» привела к некой консервации, сохранению патриархальных устройств. Вероятно, именно этим следует объяснять слабую изменчивость во времени всего материального комплекса юхновской культуры.

3.1. ИЗДЕЛИЯ ИЗ ГЛИНЫ

Посуда. Наиболее массовым материалом являются фрагменты керамической посуды, в большей степени горшков. Все они вылеплены от руки. Население юхновской культуры знало и примитивный ручной гончарный круг. Его использовали как поворотный столик, который облегчал ручную лепку и заглаживание посуды (рис. 45, 1). Образцы керамических доньшек сосудов со следами использования гончарного круга происходят преимущественно с памятников Посеймья, но известны они и с городища у с. Пушкари Новгород-Северского района, Черниговской области (Бобринский, Мельниковская, 1977).

Процесс изготовления глиняной посуды у населения Восточной Европы, в том числе и у юхновского, подробно рассмотрен А.А. Бобринским (1978). Им было зафиксировано, что юхновские гончары применяли лоскутный налеп, но есть образцы керамики с явными признаками спиралеобразного наращивания стенок отдельными кусочками глины продолговатой формы (Бобринский, 1978, с. 158, 159). При формообразовании

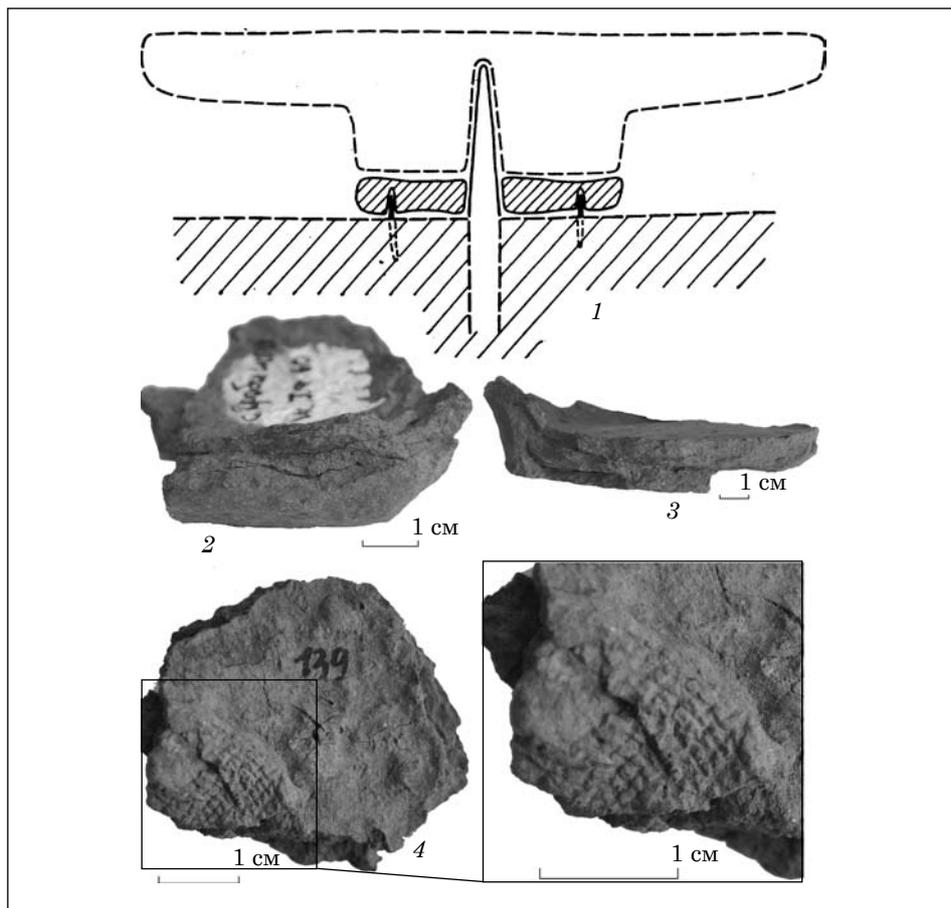

Рис. 45. Реконструкция гончарного круга с грибовидным диском и фрагменты доншпек: 1 — реконструкция (по: Бобринский, Мельниковская, 1977); 2 — городище Дробышев II; 3, 4 — городище Песочный Ров

применялось обстругивание внешней поверхности горшка. Вертикальные расчесы, оставленные деревянным предметом, а иногда и пучком травы, хорошо видны на многих фрагментах горшков, в их нижней части. На это обратил внимание еще М.В. Воеводский (1949, с. 69—72, рис. 17а, 3). Естественно, лепка сосуда начиналась со дна, которое в процессе наращивания иногда деформировалось и теряло нужную толщину. На некоторых доншпках прослежено, как мастер добавлял пласты глины, иногда три или четыре толщиной от 0,3 до 1,1 см (рис. 45, 2, 3). В качестве подсыпки на подставку (круг) использовали органические вещества или же песок. В одном случае зафиксировано применение ткани простого полотняного

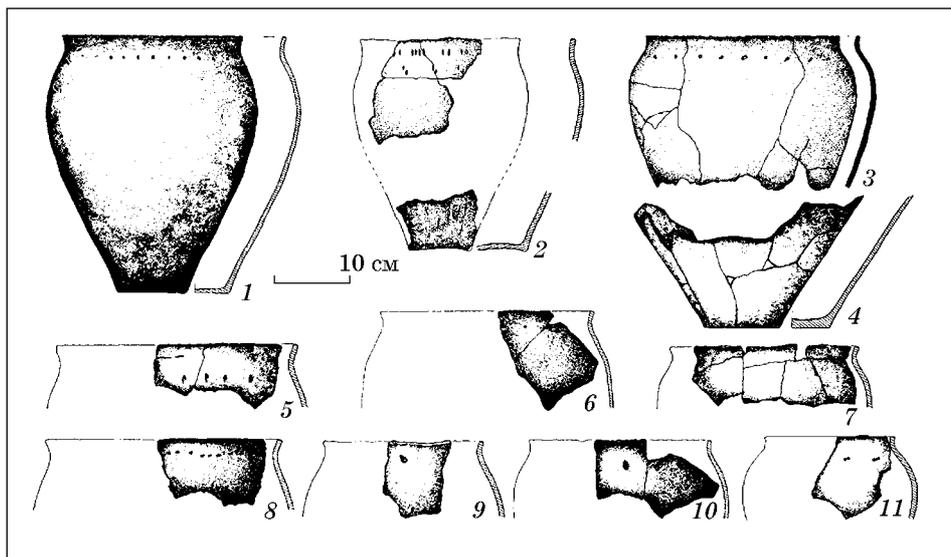

Рис. 46. Керамический комплекс городища Киселевка II

плетения (рис. 45, 4). Как известно, на днищах горшков с памятников Лесостепи зачастую находят отпечатки проса. Интересно, что при осмотре доньшек с городища Песочный Ров подобных следов не выявлено. Впрочем, и на других памятниках юхновской культуры они практически не встречаются.

Основными примесями в тесте были дресва, песок и шамот. Зачастую присутствуют и органические примеси. Состав и количества добавок в разные периоды не были однообразны. В керамике памятников VI—V вв. до н. э. (городища Кудлаевское, Мезин, Свердловка I и II, Киселевка II) присутствуют дресва и песок, причем первая доминирует. Чем древнее керамика, тем поверхность сосудов более грубая, примеси дресвы крупные и порою выступают на поверхность. Такую грубую керамику найдено на городище Дробышев I, вероятно, являющимся одним из древнейших памятников на территории Новгород-Северского Полесья. Схожая керамика, имеющая ввиду качество обработки поверхности, присутствует на юхновском поселении Гришевка, датируемом VII—VI вв. до н. э.¹ (Ковалева, 1979).

Приблизительно с V в. до н. э. дресва становится мельче. В это же время начинают добавлять органику, а порою непластичные примеси вообще не удается заметить (Бобринский, Мельниковская, 1977, с. 172). Поверх-

1. Коллекция материалов с данного поселения хранится в фондах ИА НАН Украины.

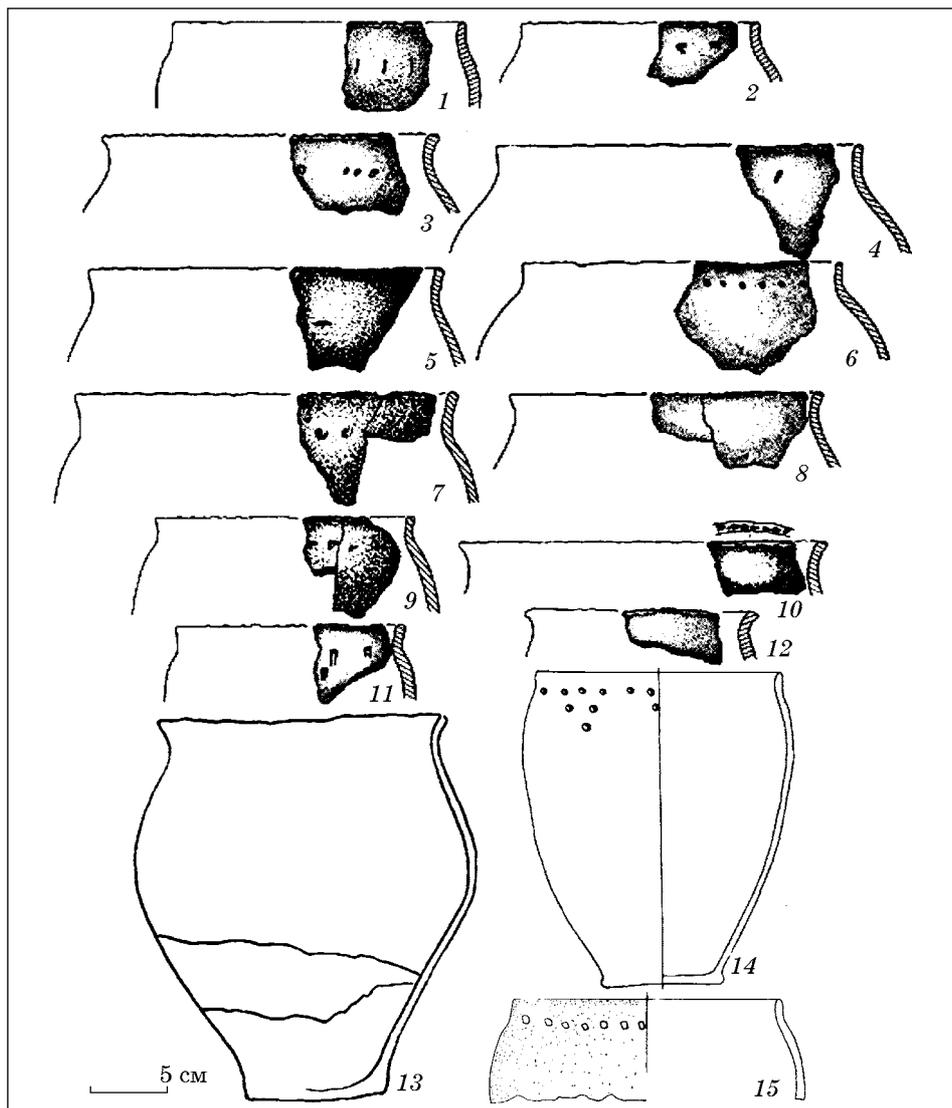

Рис. 47. Керамика с юхновских городищ: 1—12 — Киселевка II; 13 — Мезин (по: Мельниковская, 1967); 14, 15 — Радичев III «Хотыньское» (по: Казаков, Потапов, Олейник, 1991)

ность сосудов хорошо заглажена. Смена керамического комплекса по составу теста наиболее хорошо фиксируется на материалах двух соседних городищ Дробышев I и II. Первое из них наиболее раннее, второе — наиболее позднее. Схожую ситуацию удалось проследить и на памятниках

соседней территории в частности на городище Северное Долбатово (Артишевская, 1966, с. 100, 101). Интересно, что два разновременных слоя городища Песочный Ров не различаются по керамическому комплексу (ни формой горшков, ни примесями, ни характером обработки поверхности).

На памятниках Новгород-Северского Полесья встречается керамика, где в качестве отошителя применяли шамот. Последний, как правило, очень мелкий и еле заметный. Могли добавлять одновременно шамот и дресву.

Обжиг посуды проводился на открытом огне. Сама поверхность горшков имеет коричневатый цвет с различными оттенками. Как правило, местами присутствуют участки с сильным прокалом, что невозможно при обжиге в закрытой печи.

Посуду юхновской культуры можем условно поделить на 3 группы: горшки, миски и миниатюрные сосудики.

Горшки являются наиболее многочисленной категорией. Они тонкостенны: 0,6—0,8 см по тулубу и в районе 1 см в придонной части и по дну. Толщина шейки чуть меньшая, нежели стенок и венчика. Наиболее распространенными являются слабопрофилированные горшки. Значительно реже встречаются банковидные. Несмотря на то, что полученный при раскопках керамический материал достаточно велик, до сегодняшнего дня не существует типологии сосудов юхновской культуры. Причин тому несколько. Прежде всего, не так много целых форм, а именно на них следует делать упор. Кроме того, материал многих памятников опубликован лишь частично, а порою и не введен в научный оборот вообще. Главной же причиной является то, что форма юхновских горшков достаточно однообразна и слабо подвержена изменениям на разных территориях и в разное время. Справедливости ради, следует отметить попытки исследователей создать типологию горшков для отдельных памятников: Западное Юхновское городище (Алихова, 1956, с. 34, 36); городища Посеймья — Кузина Гора, Марица, Переверзево (Алихова, 1962, с. 112; Пузикова, 1981, с. 44—58; 1997, с. 38—40). Цель данных работ очевидна: упростить и упорядочить подачу материала публикуемых памятников. Применить же данную типологию для всей культуры или ее отдельных регионов не всегда представляется возможным. Прежде всего, основной упор делался на верхнюю часть сосудов, а не на целые формы. Кроме того, данные «схемь» учитывают особенности керамического комплекса лишь отдельных памятников. Учитывая все вышесказанное, рассмотрим горшки юхновских памятников Новгород-Северского Полесья, подразделяя их на два типа: слабопрофилированные и банковидные.

Слабопрофилированные горшки (рис. 46—52). Составляют основную часть всего керамического комплекса. Все они тонкостенные — 0,5—0,8 см по тулубу и 1 см по доньшку и придонной части. Высота таких сосудов колеблется в пределах от 32 до 15 см. Диаметр венчиков — от 25 до 12 см. От небольшого в диаметре доньшка (в среднем 0,5—0,7 см) стенки плавно расширяются кверху. Наибольшая ширина горшка находится в

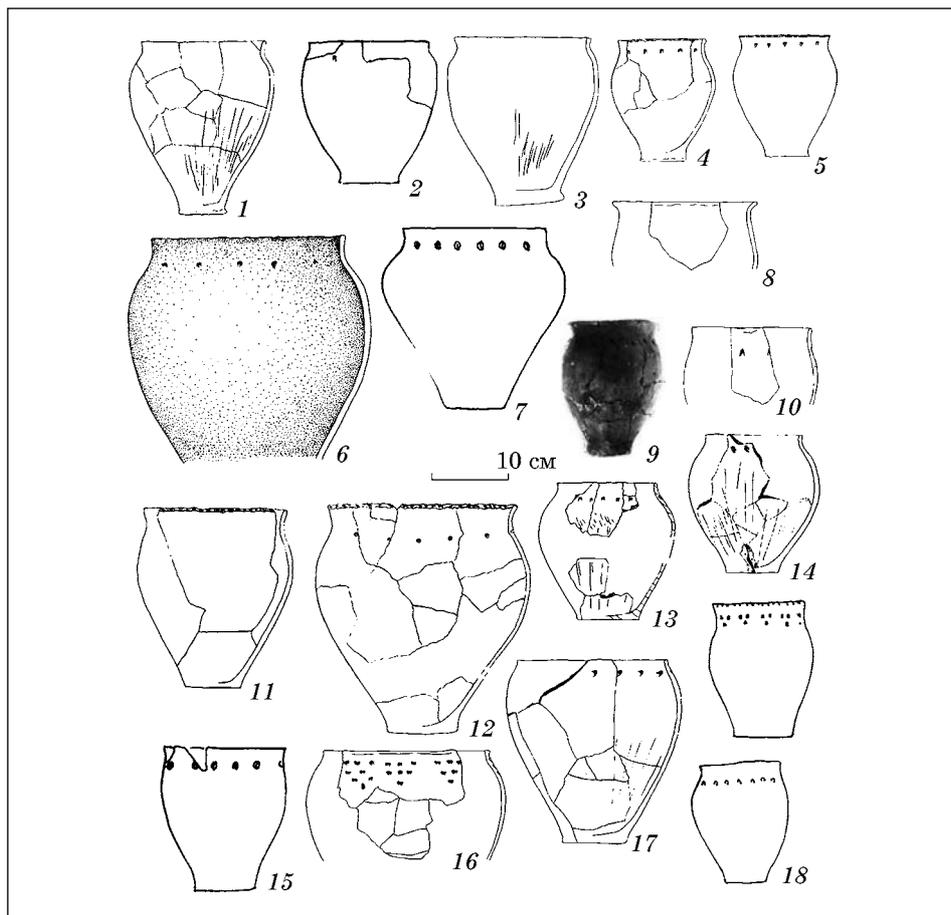

Рис. 48. Керамика с городища Кудлаевка (по: Мельниковская, 1965; 1966; 1967)

верхней трети сосуда. Для территории Новгород-Северского Полесья характерны те, у которых диаметр венчика не превышает диаметра в месте наибольшего расширения. Соотношение этих величин составляет в среднем 1/0,88.

Верхняя часть таких сосудов оформлена несколько разнообразней. Так, на одних горшках венчик практически прямой, слегка отогнутый. Четко намеченная шейка переходит в высоко поднятые плечики. На других — переход от шейки к плечикам достаточно плавный, порою неуловимый визуально. Различается и величина (высота) венчика и степень его отогнутости, а так же величина (ширина) шейки и степень поднятия плечиков. Возможно, данные показатели могли бы послужить основой для выделения вариантов. Однако такое типологическое членение не бу-

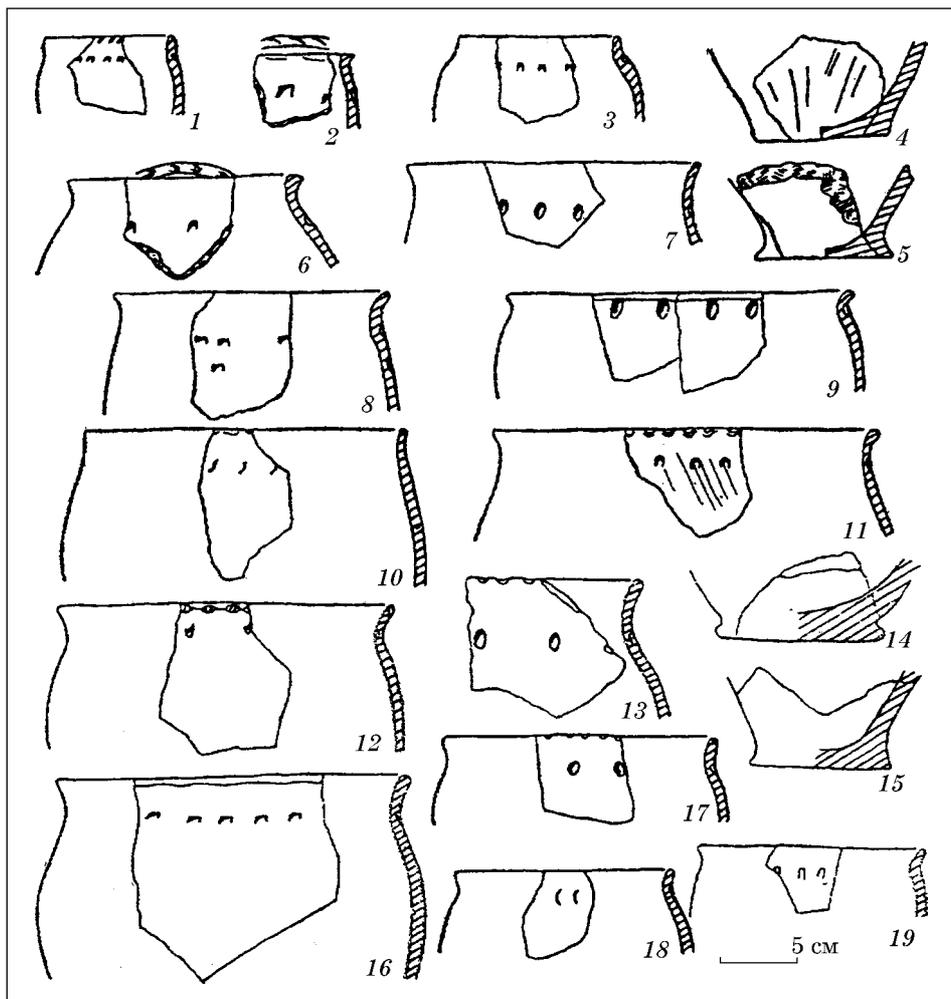

Рис. 49. Керамика с городищ у с. Свердловка (по: Мельниковская, 1978): 1—11 — Свердловка I; 12—15 — Свердловка II; 16—19 — Свердловка III

дет отражать изменения форм горшков во времени и (или) пространстве. Ярким примером тому керамические комплексы ранних городищ (Кудлаевка, Киселевка II и др.) с одной стороны (рис. 46—50), и материал наиболее поздних (Бужанка I, Дробышев II) — с другой (рис. 52). Даже при поверхностном сравнении, очевидно, что характер оформления верхней части сосудов очень схожий, а порою, идентичен. Одинаковые формы имеют горшки из разновременных слоев городища Песочный Ров (рис. 50, 1—11).

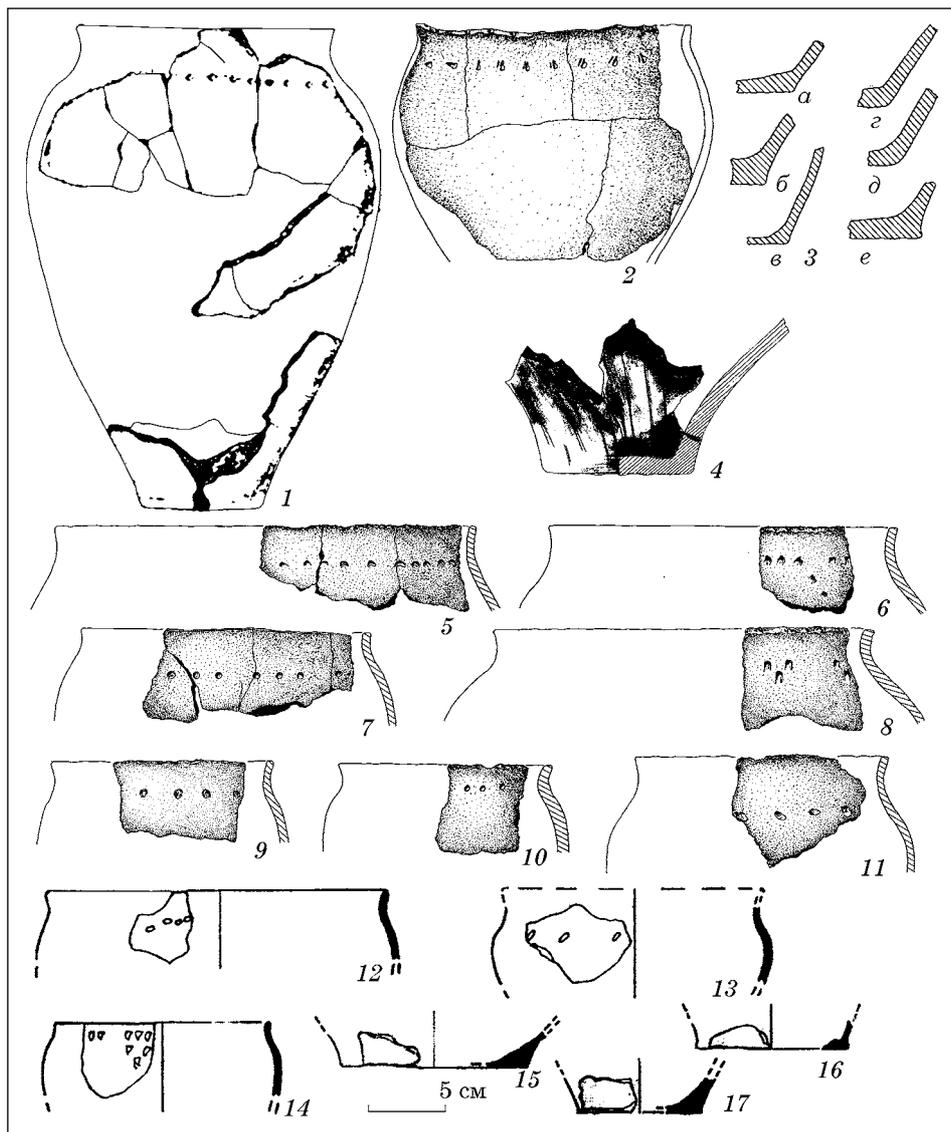

Рис. 50. Керамика с городищ южновской культуры: 1—11 — Песочный Ров; 12—17 — Собичи (по: Петраускас О., Петраускас А., 2004)

Банковидные горшки. Данный термин достаточно плотно прижился в археологической литературе. Вместе с тем, исследователи подразумевают под ним абсолютно разные по форме сосуды, порою вообще не напоминающие банку. В данном случае под банковидными сосудами подразумеваются горшки с

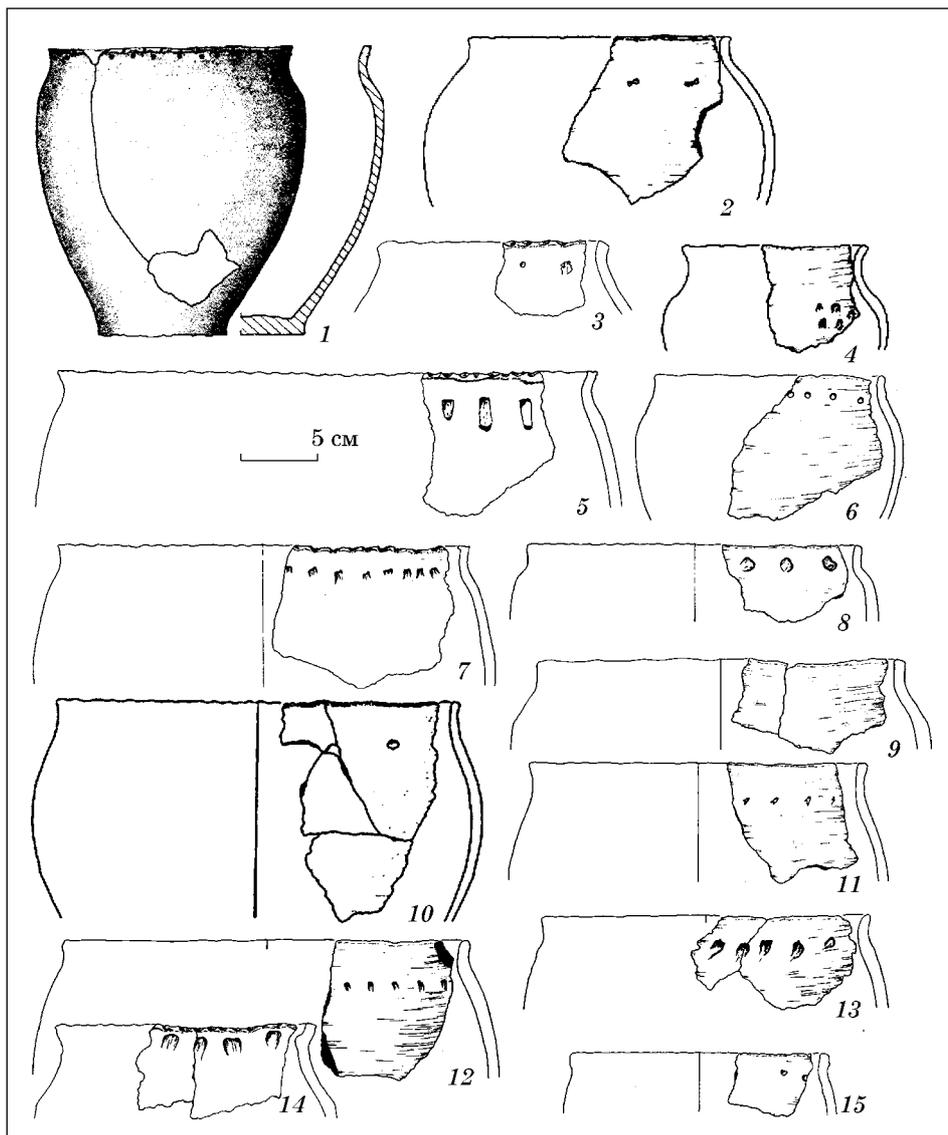

Рис. 51. Керамика с городища Западное Юхновское и поселения за валом

прямым высоким венчиком без четко выделенных шейки и плечиков. Диаметр их доньшек несколько больший, чем у слабопрофилированных сосудов.

Как уже было сказано выше, сосуды подобной формы на городищах Новгород-Северского Полесья практически неизвестны. В частности не

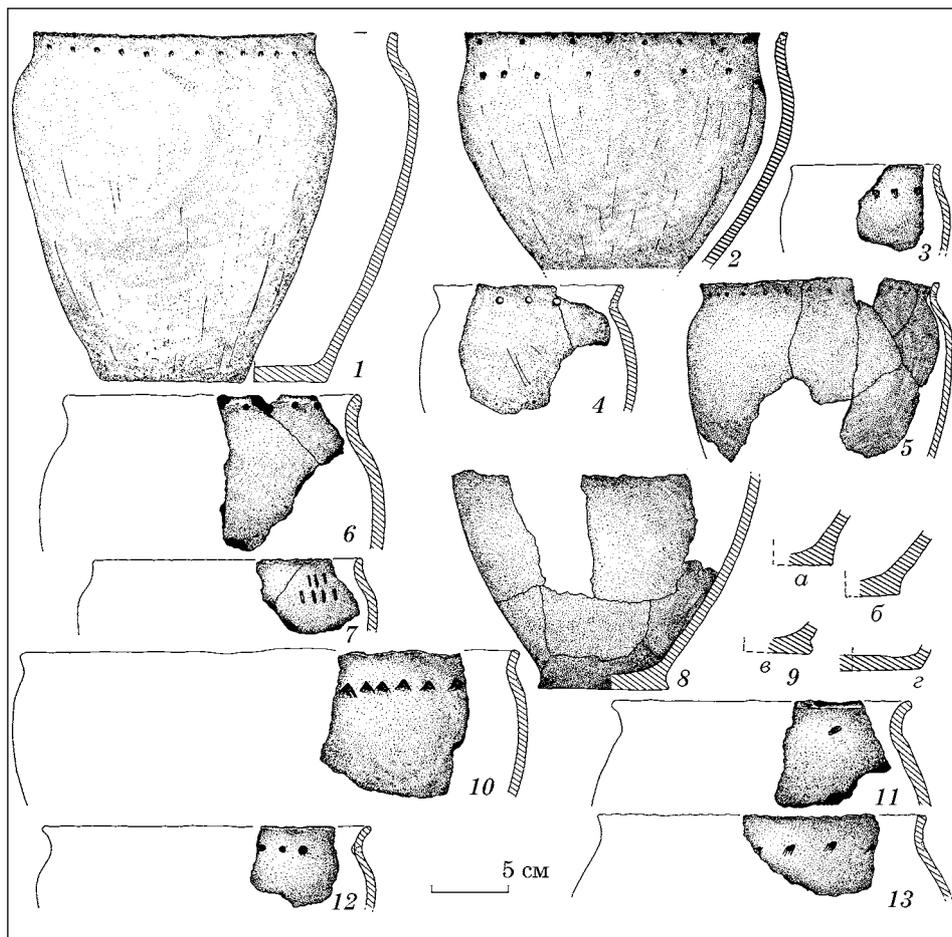

Рис. 52. Керамика с городищ Бужанка I (1—12) и Дробышев II (13)

было найдено целых форм. Представление о последних дают материалы памятников Курского Посеймья (Пузикова, 1997, рис. 18, 4, 9). Впрочем, и там они не получили большого распространения. Исходя из сказанного, ряд фрагментов верхней части горшков с южновских городищ изучаемой территории относим к банковидным условно (рис. 53). Визуально их можно разделить на несколько вариантов. *Первый*: ровный венчик как бы наклонен вовнутрь сосуда (рис. 53, 1, 2, 7). *Второй*: венчик прямой или слегка отогнут (рис. 53, 4—6, 8—14). В этих двух случаях вполне возможен вариант, когда плечики сосуда находятся несколько ниже. Исходя из этого, горшок будет выглядеть как слабопрофилированный, что еще раз подчеркивает необходимость использовать при типологии целые формы.

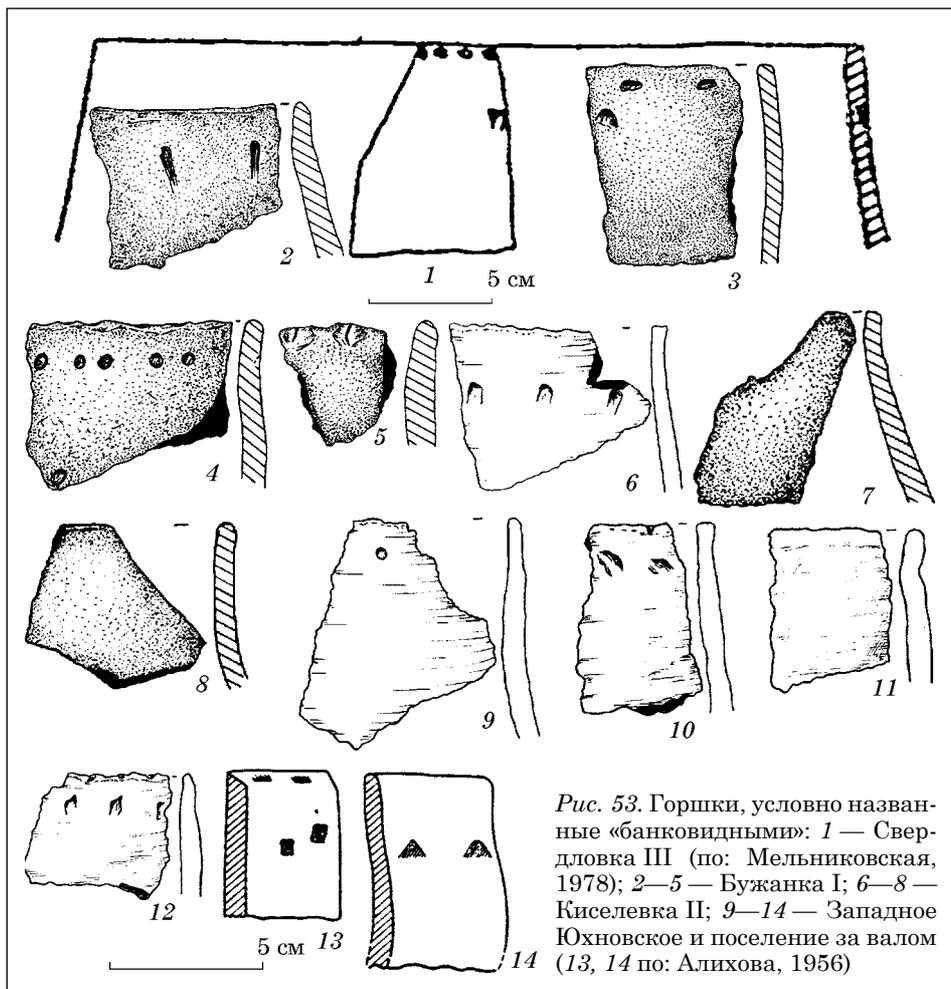

Рис. 53. Горшки, условно названные «банковидными»: 1 — Свердловка III (по: Мельниковская, 1978); 2—5 — Бужанка I; 6—8 — Киселевка II; 9—14 — Западное Юхновское и поселение за валом (13, 14 по: Алихова, 1956)

Третий: венчик слегка загнут (рис. 53, 3). Такие сосуды, безусловно, являются баночными. Как и в случае со слабопрофилированными посудинами, данное подразделение не отражает каких-либо изменений, а лишь способствует подаче материала.

Как видим, слабая вариабельность форм не позволяет говорить о каких-либо изменениях во времени, что крайне усложняет хронологические построения. Одни и те же формы бытуют на протяжении всего времени существования культуры. Несмотря на это, некие различия между формами ранних и поздних сосудов все же существуют. Так, по нашим наблюдениям, со временем имеет место тенденция к увеличению отгиба венчика, отчего сосуды приобретают более «открытую» форму. На сегодняшний день

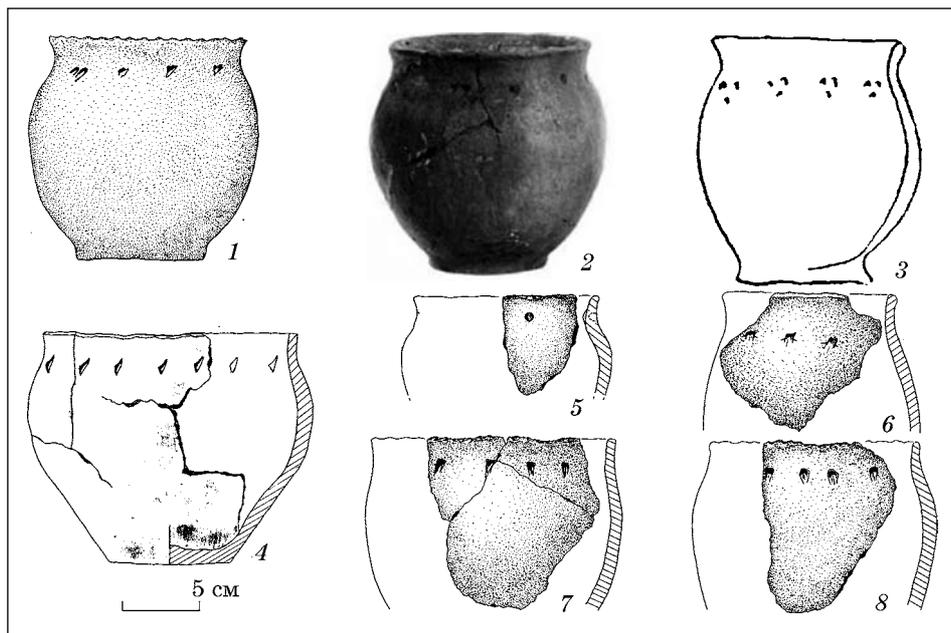

Рис. 54. Горшки малых размеров: 1, 2 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1965; 1966; 1967); 3 — Мезин (по: Мельниковская, 1967); 4 — Песочный Ров; 5 — Бужанка I; 6—8 — Киселевка II

это лишь гипотеза, не имеющая под собою должных аргументов. Вполне возможно, что за этим стоит локальная особенность отдельных памятников. Более обоснована точка зрения об увеличении размеров доньшек у горшков с поздних памятников. Это прослежено на материалах городища Бужанка I, где их средний диаметр составляет 8—9 см, в то время как на ранних памятниках эта цифра ниже — 5—7 см. Однако, и в данном случае подобное наблюдение требует проверки с привлечением широкого круга комплексов разных памятников. Таким образом, определить временной интервал существования того или иного сосуда (и то в пределах нескольких столетий) возможно лишь на основе ряда признаков вместе взятых, а именно: характера обработки поверхности, состава примесей, формы и орнаментации.

Отдельно следует рассмотреть и *небольшие сосуды*, высота которых колеблется в пределах от 8 до 14 см (рис. 54). Сразу же отметим, что четкой границы между обычными горшками и небольшими не существует, как не существует ее между маленькими и миниатюрными сосудиками. Как правило, форма венчика, степень его отгиба, а так же шейка и плечики выполнены так же, как и у горшков больших размеров. Данные горшочки отличаются своей приземистостью, что и позволяет выделить их в

особую группу. Как пример, два экземпляра с Кудлаевского городища и один — с Мезинского (рис. 54, 1—3). Они округлобокие, или же, по иной терминологии — боченовидные (Бессонова, Скорый, 2001, с. 57, рис. 27, 3, 6, 7). Несколько отличается от описанных выше, собственно как и от «больших» горшков, сосуд с городища Песочный Ров (рис. 54, 4). Его высота значительно превышает размеры наибольшего расширения (соотношение 1/1,23). Как видим верхняя часть таких сосудов оформлена так же как и экземпляров больших форм (рис. 54, 5—8), вместе с тем, их общий вид отличается.

Миниатюрные горшочки. К ним относим сосуды, высота которых не превышает 7—9 см (рис. 55—56). Их формы достаточно разнообразны. Одни копируют, но не повторяют, форму больших сосудов (рис. 55). Такие горшочки практически аналогичны вышеописанным (рис. 54), однако, скорее всего, отличаются своим утилитарным предназначением. В силу незначительного объема, они вряд ли могли использоваться для приготовления пищи.

Другие миниатюрные горшочки по форме напоминают рюмку или стакан (рис. 56, 1—6, 10, 19), тигель (рис. 56, 7) или же миски-плошки (рис. 56, 8—9, 15). Значительная часть таких изделий представлена небольшими фрагментами доньшек (рис. 56, 11—14, 16, 17).

Интересен по своей форме горшочек, найденный на Западном Юхновском городище (рис. 56, 18). Его сложно отнести к какой-либо из перечисленных групп, что может говорить об отсутствии определенных стандартов, при изготовлении такой посуды.

Предназначение данной категории вещей не совсем ясно. Не исключено, что часть из них были детскими игрушками (Левенок, 1957, с. 51). Более вероятным представляется их использование в качестве столовой посуды, например, для питья настоев трав, лекарственных растворов. Эта точка зрения не исключает возможность применения миниатюрных горшочков в вотивных целях. Сакральная функция данных предметов подтверждается их находками в погребениях (Пузикова, 1981, с. 37, рис. 18, 3; Мельниковская, 1970а, рис. 3). Связь двух сосудиков (рис. 35, 3; 43, 1) с погребениями на городище Киселевка II очевидна. Находки данных вещей достаточно многочисленны на поселенческих памятниках Лесостепи (см. напр. Шрамко, 1987; Бессонова, Скорый, 2001). Известны они и в погребальных комплексах, в частности курганов Посулья (Ильинская, 1968, с. 168—170, табл. LX—LXII) и иных территорий (Ковпаненко, 1967, рис. 39; 40; Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, рис. 33, 2—4, 6—10, 12).

Еще одна категория посуды представлена *мисками и плошками*. Их предназначение в качестве столовой посуды вполне вероятно. Высота мисок — 6—9 см, диаметр венчиков — 12—27 см. Таких находок, как в ареале Новгород-Северского Полесья, так и за его пределами, крайне мало. Еще меньше выявлено целых форм, что затрудняет построение типологического ряда. Тем не менее, визуально все же можно выделить два

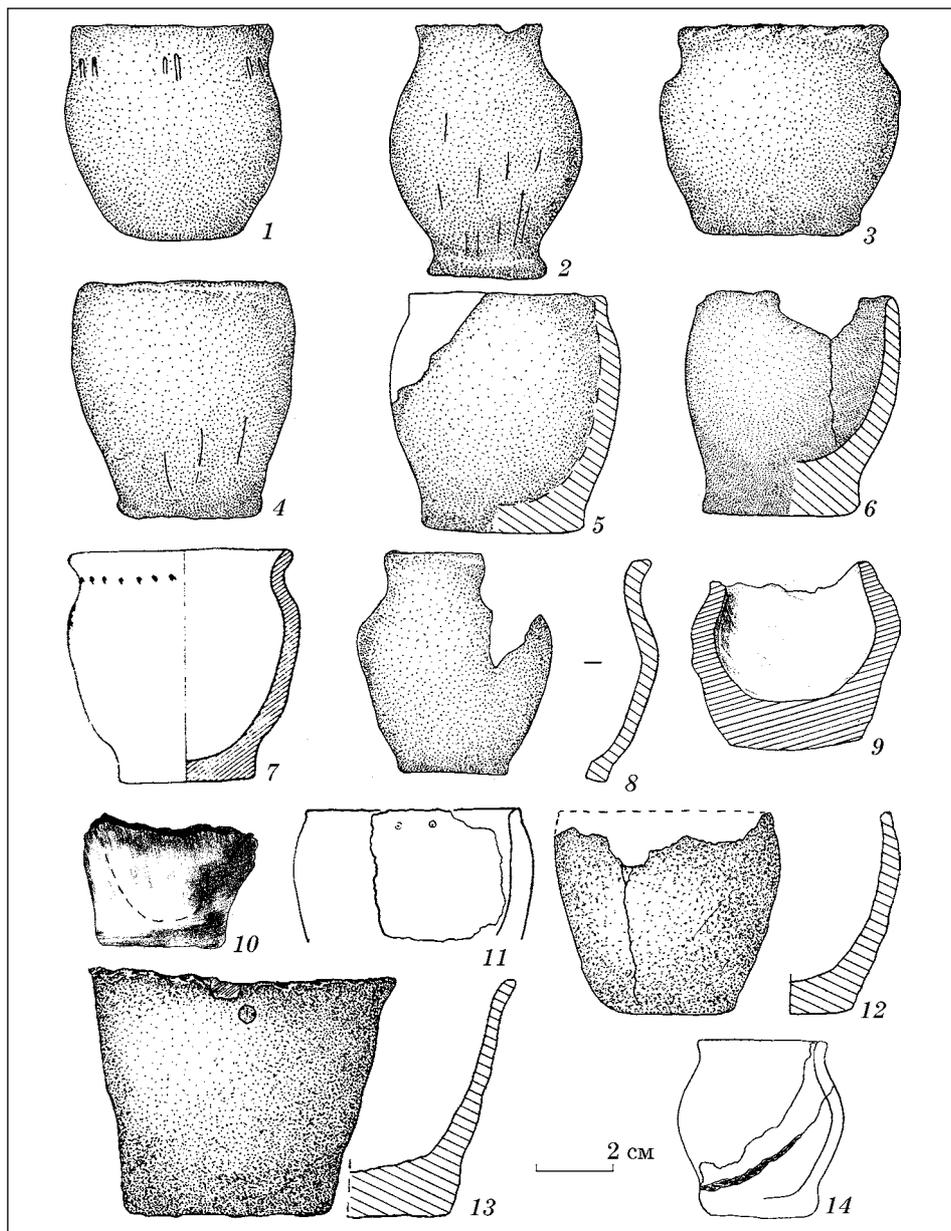

Рис. 55. Миниатюрные горшочки: 1—4 — Мезин (по: Мельниковская, 1967; 1968); 5 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1965; 1966; 1967); 6 — Бужанка I; 7 — Пушкири (по: Розенфельдт, 1968); 8—10 — Песочный Ров (8 — по: Зализняк, 1982); 11 — Западное Юхновское; 12—14 — Киселевка II

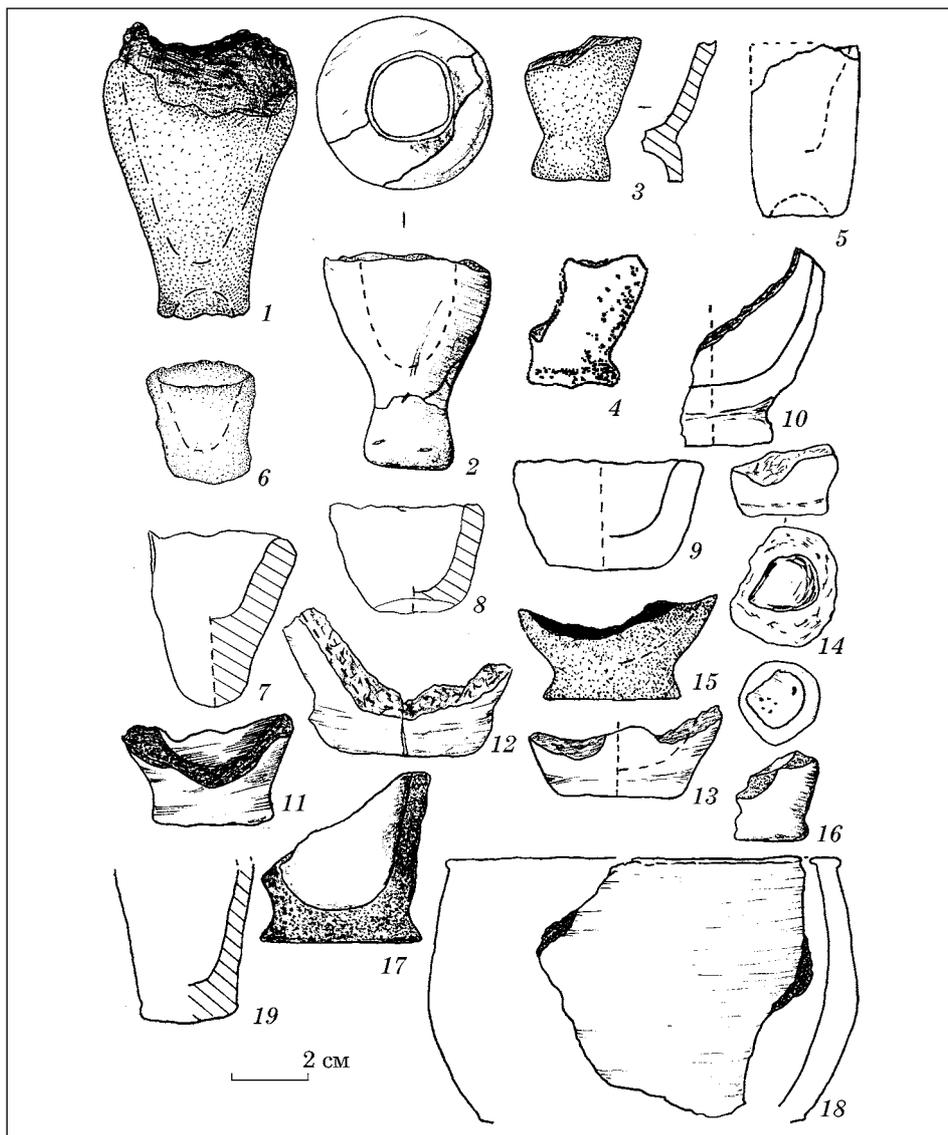

Рис. 56. Миниатюрные сосудики: 1 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1965; 1966; 1967); 2—3, 16—17 — Песочный Ров (3 — по: Зализняк, 1982); 4 — Горки (по: Воеводский, 1949); 5, 15 — Киселевка II; 6—14, 18 — Западное Юхновское; 19 — Бужанка I

типа. Первый: миски с прямым (слегка наклоненным) высоким венчиком плавно переходящим к придонной части (рис. 57). Второй: миски с коротким прямым венчиком и относительно резким перегибом под ним

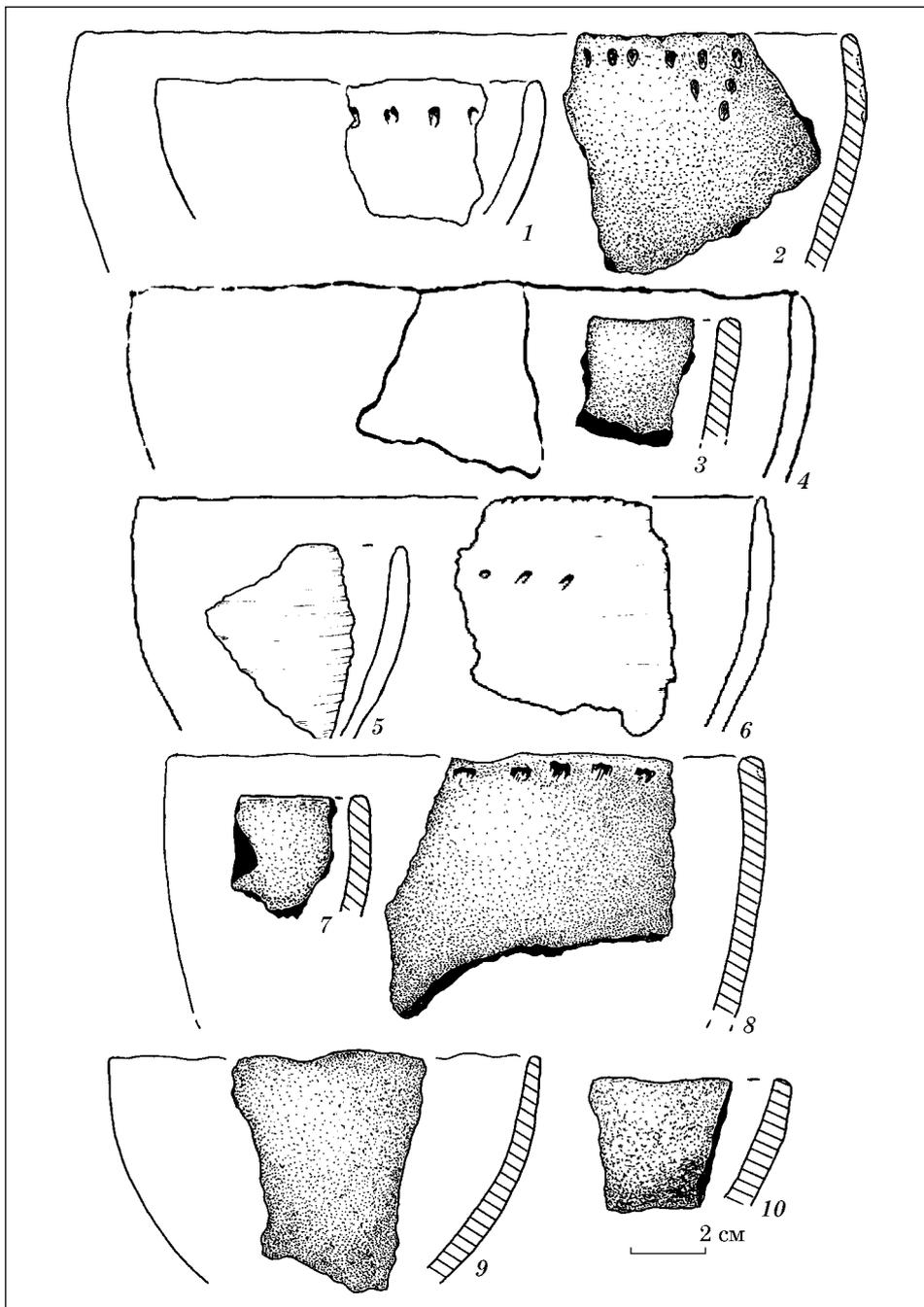

Рис. 57. Миски: 1, 5, 6 — Западное Юхновское; 2, 3, 7 — Бужанка I; 4 — Мезин (по: Мельниковская, 1967); 8, 9 — Дробышев II; 10 — Дробышев I

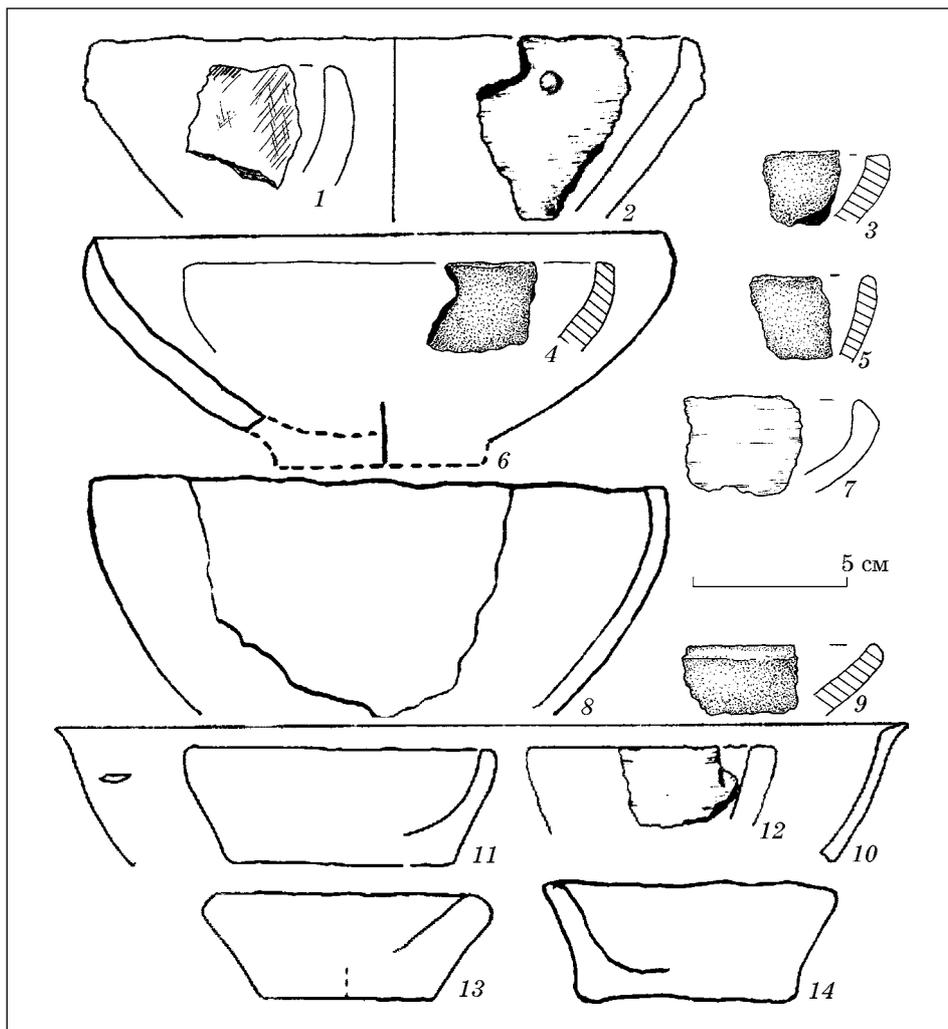

Рис. 58. Миски и плошки: 1 — поселение Западное Юхновское; 2, 7, 11 — Западное Юхновское городище; 3—5, 9 — Бужанка I; 6 — Восточное Юхновское (по: Алихова, 1956); 8—14 — Мезин (по: Мельниковская, 1967); 10 — Радичев III (по: Казаков, Потапов, Олейник, 1991); 12, 13 — Киселевка II

(рис. 58, 1—9). Последние имеют меньшую глубину. Различается и форма верхней части венчика. Она могла быть несколько заостренной, прямой и, как исключение, с небольшим косым срезом. На других памятниках юхновской культуры, вне пределов изучаемой территории, большинство мисок имеют аналогичную форму.

Обращает на себя внимание находка миски с городища Радичев III (рис. 58, 10). Аналогов ей среди материалов юхновской культуры мы не находим. При этом и указанный памятник многослойный. Учитывая это, рассматривать ее в контексте изучения древностей юхновской культуры, на сегодняшний день нецелесообразно, однако и игнорировать не стоит.

Плошки отличаются трапецевидной формой с относительно широким доньшком и прямыми слегка расширяющимися стенками (рис. 58, 11—14). Все они небольшие по размерам: высотой 3,5—4 см, диаметром по верху 9—10 см, по низу — 5—7 см в среднем. В раннее время их могли изготавливать из доньшка разбитого сосуда путем заточки его краев. Подобный экземпляр найден на городище Киселевка II (рис. 58, 13). Позднее их изготавливали так же как и иную посуду (Мельниковская, 1975, с. 99).

Находки мисок и плошек на юхновских городищах Новгород-Северского Полесья, как уже говорилось, относительно немногочисленны, что позволяет предположить изготовление части такой посуды из дерева. Следует отметить, что на ранних памятниках находки мисок довольно редкие. Так, при раскопках городища Киселевка II не было найдено ни единого фрагмента. Исключение составляют материалы Мезина (рис. 57, 4; 58, 8). Начиная с IV в. до н. э., данная категория посуды получает большее распространение. Как уже было сказано выше, хронологическим индикатором выступает технология изготовления плошек.

* * *

Орнаментация юхновской посуды достаточно скромная и относительно однообразная. Декор наносили на край (срез) венчика, шейку или плечики, т. е. на верхнюю часть сосуда. Нередко украшали лишь край венчика или только плечики (шейку). Ряд сосудов не имел орнамента. Соотношения керамики с декором и без, на разных памятниках различно. Например, на Западном Юхновском городище орнамент по венчику и плечиках зафиксирован в 57 % случаев; только по плечикам (шейке) — 34 % и неорнаментированные горшки составили лишь 5 %. Вместе с тем на одновременном поселении за валом городища соотношение несколько иное. Неорнаментированная посуда более многочисленна (26,8 %), орнамент, нанесенный по плечикам и венчику, присутствует в 32,2 % случаев, а декор только по плечикам — в 33,3 %. Ничтожен процент неорнаментированной керамики с городища Бужанка I — всего 4 %. Орнамент по венчику и плечикам встречается на 31 % фрагментах, а декор по плечикам — на 36 %. Естественно, что на разных памятниках соотношение будет различаться. В данном случае важно отметить, что ни на одном из памятников Новгород-Северского Полесья неорнаментированная керамика не составляет большинства, а зачастую представлена незначительным количеством посуды.

Абсолютно доминирует углубленный орнамент в виде насечек, сделанных косо поставленной палочкой. Как правило, они имеют П-видную

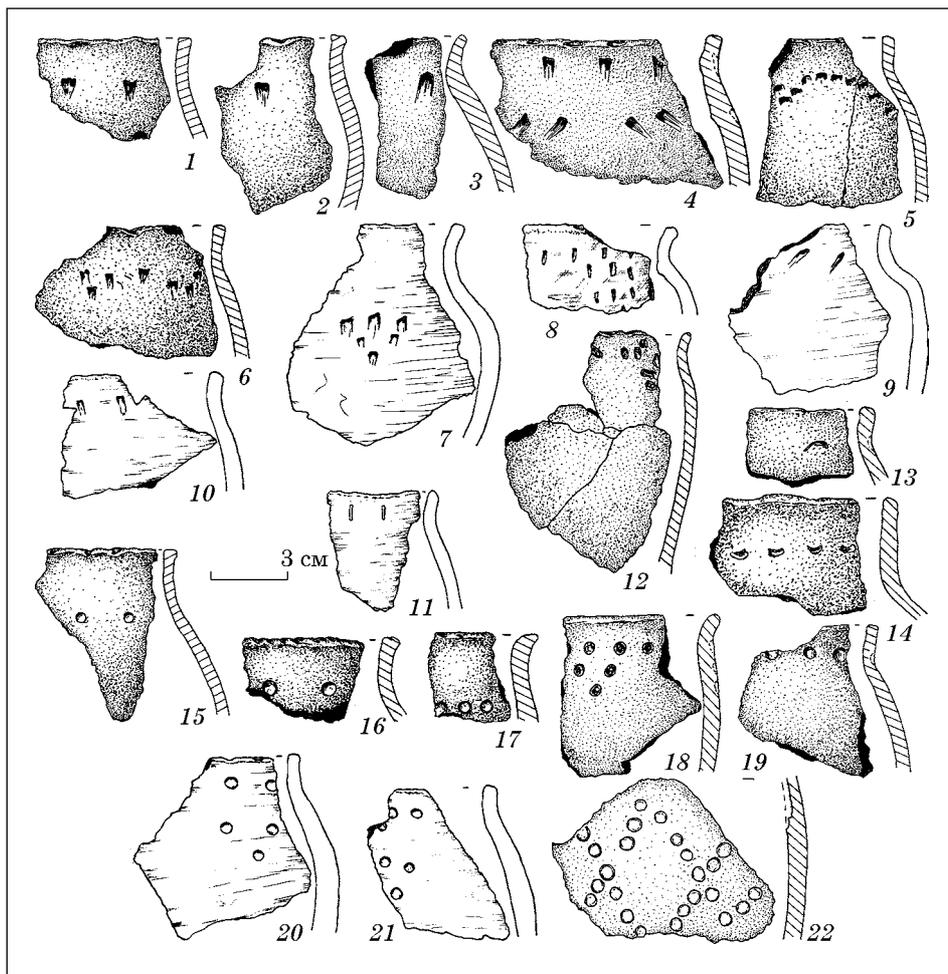

Рис. 59. Орнаментированная керамика юхновской культуры: 1, 2, 5, 6, 14—17 — Киселевка II; 3, 4, 12, 13, 18, 19 — Бужанка I; 7—11, 20, 21 — Западное Юхновское городище и поселение; 22 — Песочный Ров

форму (зачастую под наклоном) с наибольшим углублением в верхней части. Такие насечки образуют один ряд или «волну» (реже два и три) по плечикам или шейке (рис. 59, 1—6). Порою такой ряд дополняется насечками, которые образуют треугольник с опущенной вниз вершиной, так называемую «виноградную гроздь» (рис. 59, 7, 8) ¹. Иногда насечки вы-

1. Такой орнамент характерен и для горшков бондарихинской культуры, что является еще одним свидетельством в пользу ее генетического родства с юхновской.

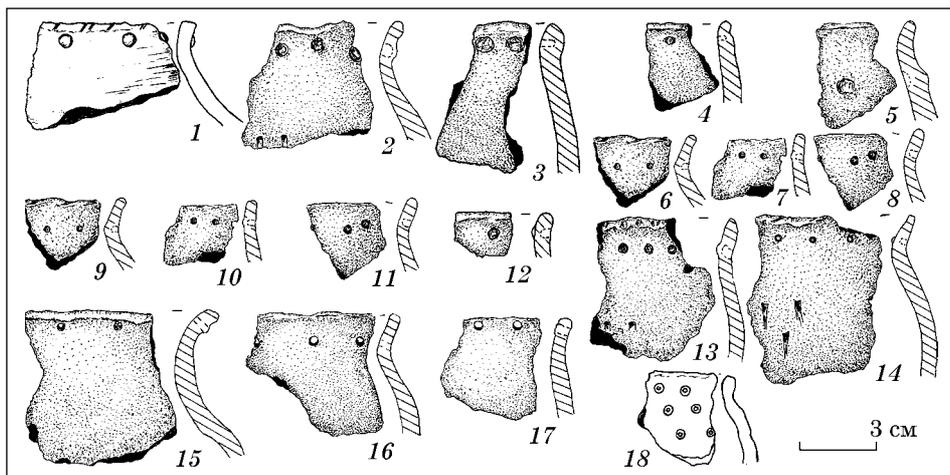

Рис. 60. Редкие виды орнамента на посуде юхновской культуры: 1 — Западное Юхновское; 2—17 — Бужанка I; 18 — Песочный Ров

полнены очень тоненькой палочкой и имеют удлиненную форму (рис. 59, 9—11). И не так редко встречаются абсолютно небрежные наколы-насечки, которые условно можно назвать бесформенными (рис. 59, 12).

Для создания таких орнаментальных мотивов не требовались специальные инструменты. Гончары пользовались первой попавшейся щепкой или палочкой. Вышеописанный декор присутствует на юхновской посуде на протяжении всего времени существования культуры.

Также был распространен орнамент в виде ногтевых вдавлений, вдавлений, сделанных пальцем, пустотелой косточкой или иным предметом. Зачастую, как и в первом случае, они расположены в один ряд по плечикам (шейке) и (или) сгруппированы в треугольники (рис. 59, 13—21). Как исключение — узоры более сложного характера (рис. 59, 22).

К редким типам орнамента следует отнести «жемчужный» (рис. 60, 1—5). С внутренней поверхности венчика тонкой палочкой делался накол, отчего на внешней стороне образовывался бугорок. Керамика с таким украшением известна на многих городищах и в частности Западном Юхновском (Алихова, 1956, с. 37), Кудлаевском (Мельниковская, 1965, с. 10), Бужанке I (Каравайко, 2009а, рис. 2, 4—6) и на некоторых других. Во всех случаях процент такой посуды незначителен.

Для посуды юхновской культуры редким является орнамент в виде тонких наколов, и проколов (рис. 60, 6—17). Горшки с таким декором не многочисленны. Исключение представляет керамика городища Бужанка I, где подобную орнаментацию имеют 17,5 % сосудов. При этом проколы и вдавления нередко сочетаются с типичными насечками (рис. 60, 2, 13, 14). Единичны находки керамики, украшенной циркульным орнаментом (рис. 60, 18).

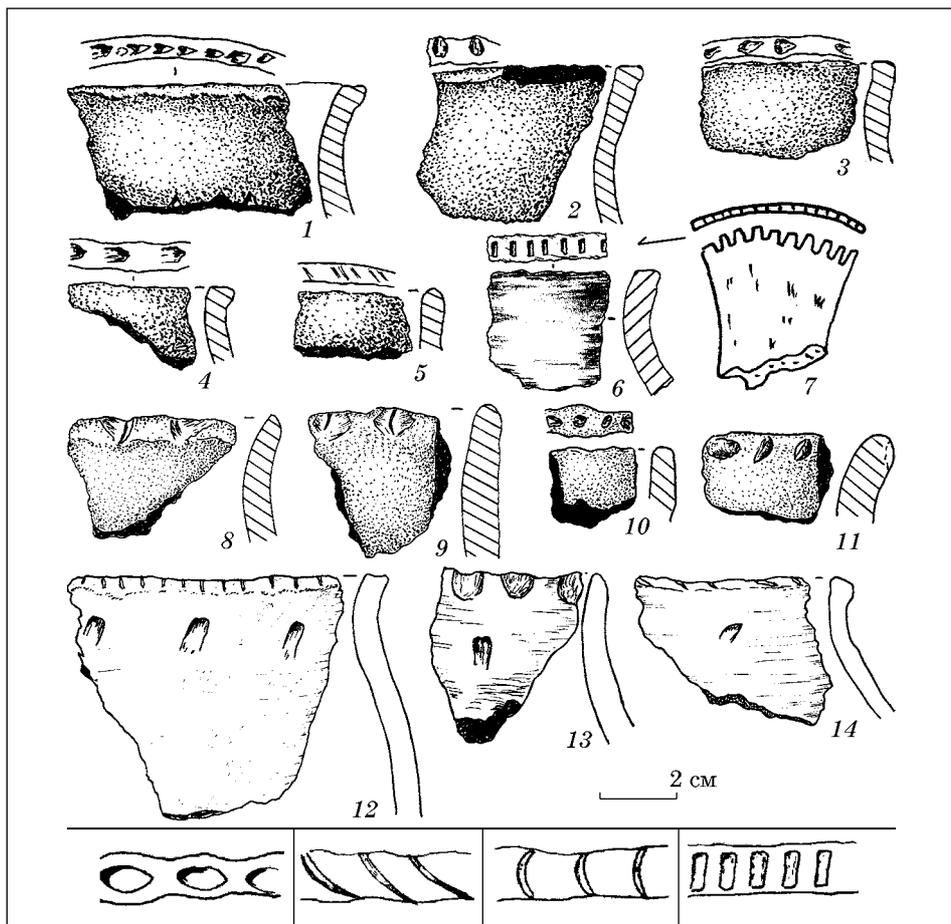

Рис. 61. Образцы орнамента, нанесенного на край (срез) венчика

Вышеназванные орнаментальные мотивы имеют близкие аналогии на керамике иных культур раннего железного века. Так, «жемчужинами» украшались горшки милоградской культуры, а проколы и наколы характерны для керамики Лесостепи. Нельзя исключать, что появление таких декоров на посуде с южновских городищ связано с неким влиянием соседнего населения, а возможно и непосредственным присутствием какой-то его части (брачные связи?).

Несколько беднее украшали край венчика (рис. 61). Как правило, это разнообразные вдавления и ямки, нанесенные порою небрежно, отчего они имеют разные формы. Известен также орнамент в виде прямоугольных вдавлений, нанесенный специальным инструментом (так называе-

мый зубчатый штамп). Существует лишь одна находка изделия, с помощью которого наносили такой узор. Она происходит с городища Поповка в Брянской области.

Вариабельность орнамента юхновской керамики не ограничивается вышеперечисленными типами. Так, на городище Поповка горшки украшены более разнообразно. Это прочерченные линии, полосы зубчатого штампа, образующие определенные узоры. Подобный декор не встречен на памятниках Новгород-Северского Полесья.

Если большинство горшков имело орнамент, то миски декорировали значительно реже (рис. 57, 1, 2, 6, 8; 58, 2). Миниатюрные сосуды, за редким исключением (рис. 55, 1, 7, 11, 13), не орнаментированы.

Орнамент керамики юхновской культуры достаточно статичен и слабо подвержен изменениям. Насечки, сделанные косо поставленной палочкой, присутствуют на горшках как ранних, так и наиболее поздних памятников. Единственные изменения, которые на сегодняшний день возможно проследить, заключаются в появлении на горшках декора в виде зубчатого штампа. Подобная орнаментация появляется на сосудах в V в. до н. э. и существует в более позднее время (Мельниковская, 1975, с. 101).

Как видим, керамика большинства юхновских городищ Новгород-Северского Полесья орнаментирована весьма однообразно. Имея общие элементы с декором милоградских и более южных, лесостепных горшков, юхновские сосуды по своей форме и украшениям выглядят вполне самобытными. Нельзя не отметить и схожесть орнаментальных мотивов с горшками дьяковской культуры. Разнообразные насечки, округлые вдавления, порою образующие треугольники вершиною вниз, присутствуют в керамическом комплексе обеих культур (Розенфельдт, 1974, рис. 26, 19, 22, 29; 27, 6, 8). Некоторые элементы юхновского орнамента встречены на сосудах днепродвинской и верхнеокской культур. Не исключено, что подобная схожесть возникла по причине этнической близости данных культур, их принадлежности к одному миру.

Второй по массовости категорией находок являются обломки и целые формы **глиняных грузил** (рис. 62; 63). Как правило, они имеют форму усеченного конуса высотой в среднем около 7 см, с отверстием 1,5—2,5 см. Диаметр верхней части равен 3—4 см. Нижняя часть (диаметр 7—10 см) в разрезе имеет несколько дуговидную (овальную) форму, что не позволяет изделию находиться в ровном положении на плоскости (рис. 62, 1—7). Известны и грузила, имеющие в разрезе форму круга с неправильными очертаниями (рис. 62, 8—12). Диаметр их по верху несколько больше (4—4,5 см). Наибольшее расширение находится на линии чуть ниже середины высоты.

В своем большинстве выше описанные грузила изготовлены довольно небрежно, поверхность неровная. Обжиг некачественный, примеси в тесте, как правило, отсутствуют, и лишь изредка видны незначительные включения песка или органики. О.Н. Мельниковская отмечала, что при попытке взять такое грузило в руки — оно распадалось (Мельниковская,

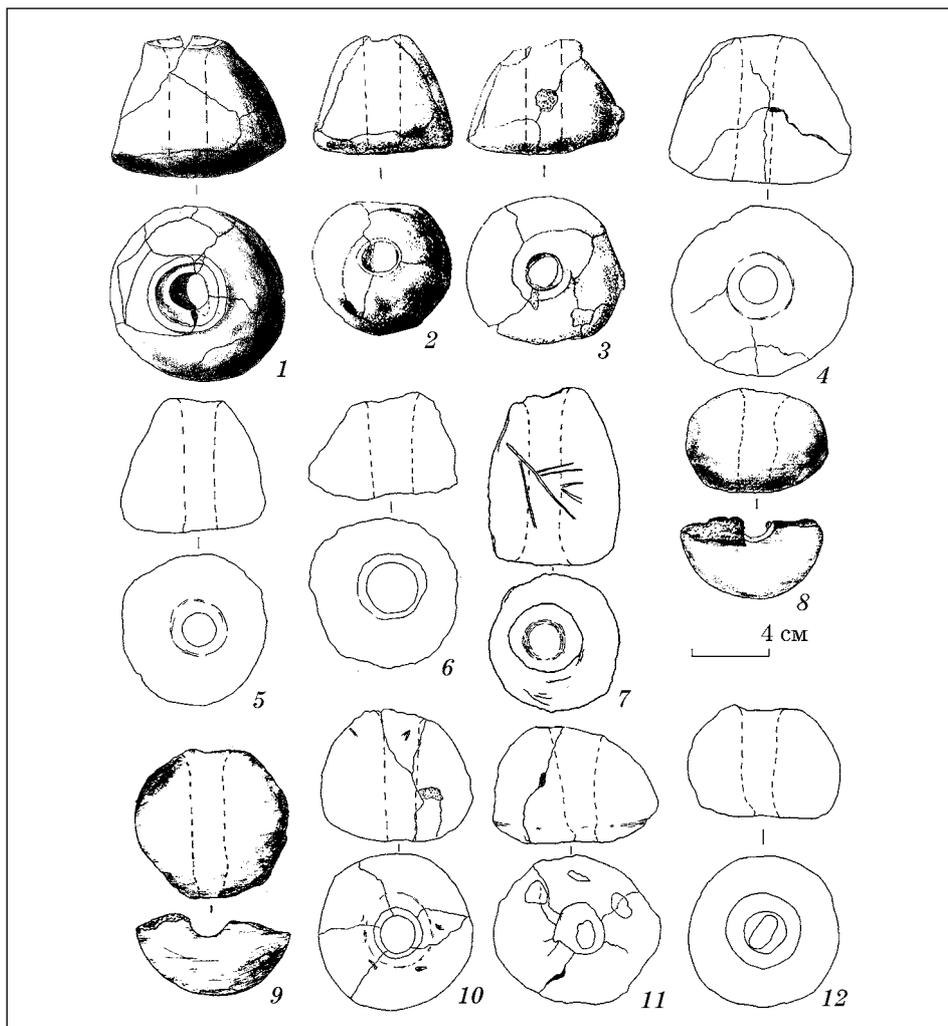

Рис. 62. Глиняные грузила: 1—3, 8, 9 — Песочный Ров; 4—6, 10—12 — Киселевка II; 7 — Западное Юхновское

1965, с. 12). На изделия изредка наносили орнамент (рис. 62, 11; 63, 1, 2, 6, 9). Встречаются глубокие пальцевые вдавления по бокам, однако они, скорее всего, были не только декором, а служили сугубо практическим целям — максимальное укрепление корпуса при обжиге. Орнамент в виде насечек (схожие известны на горшках) довольно редкое явление. Небрежностью изготовления следует объяснять наличие двух, хотя и похожих, форм грузил, названных выше.

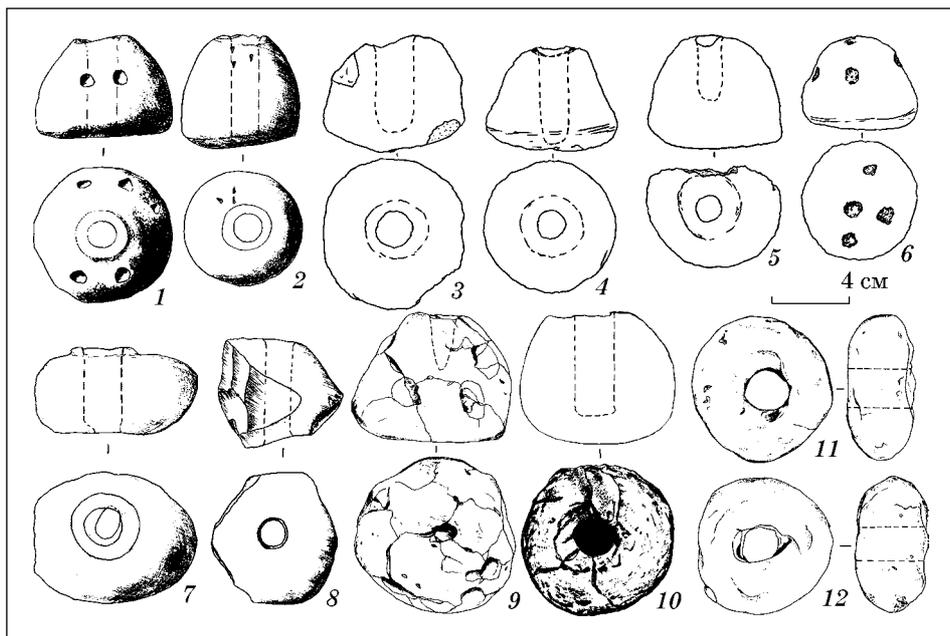

Рис. 63. Грузила юхновской культуры: 1, 2, 7 — Песочный Ров; 3—6 — Западное Юхновское; 8 — Роговка; 9—12 — Бужанка I

В процессе археологического исследования ряда памятников юхновской культуры¹ удалось проследить технологию изготовления таких грузил. Первоначально лепился конус, затем в его верхней части путем прокручивания палочки делалось отверстие (круговые линии в верхней части отверстия сохранились на некоторых фрагментах). В результате такого «сверления» сохранялась общая форма, но деформировались верх конуса, а частично и стенки. На большинстве фрагментов грузил хорошо видно, что верхняя часть отверстия оформлена довольно аккуратно, в то время как нижняя, несколько меньшая, не имеет четких геометрических форм. Вероятно, что с помощью вращательных движений лишь начинали готовить отверстие, а приблизительно с середины высоты палочку просто проталкивали.

Вопрос о назначении данных грузил не стоит. Еще один из первых исследователей юхновской культуры М.В. Воеводский считал их бесспорно грузилами для рыболовных сетей (1949, с. 72). В подтверждение приведем ряд доказательств. Во-первых, подобные находки часто встречаются вперемешку с рыбьей чешуей, особенно в хозяйственных ямах. В качес-

1. Наблюдения проводились во время раскопок городищ Западное Юхновское и Киселевка II.

тве примера уместно привести яму с раскопа I на Мезинском городище, где были расчищены вымостка грузил вокруг большого плоского камня и скопление костей рыб (Мельниковская, 1967, с. 18). Во-вторых, небрежность исполнения и массовость грузил может свидетельствовать про одноразовость их использования. Их изготовлению умышленно не уделяли должного внимания, так как в процессе рыбной ловли сетями их легко было потерять. С практической точки зрения качество было не нужным.

Огромное количество находок подобных грузил может быть объяснено не только вышеизложенным. Очевиден достаточно высокий уровень рыболовства у населения юхновской культуры. Эта отрасль не была настолько развита ни в одной из соседних культур раннего железного века. Причиной этого являются удобные географические условия Деснянского региона. Рыба, идущая на нерест, мигрировала именно в верховья Десны, а не в заболоченное Верхнее Поднепровье. Во время таких массовых весенних миграций и производился активный вылов рыбы, что позволяло пополнить запас пищи в наиболее голодное время. В Среднем Поднепровье, где рыбы было значительно больше, такой ситуации не наблюдается, что возможно объяснить различным уровнем развития населения, иным хозяйственно-культурным типом¹.

На городищах юхновской культуры известны грузила, которые отличаются от вышеописанных. В своем большинстве они имеют также конусовидную форму, однако, меньший размер (высотой 5—6 см). Поверхность старательно заглажена, обжиг более качественный (хотя и не всегда). Отверстие диаметром 1,3—2 см, может быть сквозным, доходит до середины — третьей четверти высоты изделия или отсутствует вообще (рис. 63, 1—6). Реже встречаются грузила лепешковидных форм, высотой 4,5—5 см и шириною 8—9 см (рис. 63, 7). С городища «Городок» у с. Роговка происходит обломок каменного сверленного грузила биконичной (?) формы со срезанными верхушками (рис. 63, 8). Схожее каменное грузило с центральным просверленным отверстием (размеры 15 × 22 см) найдено при раскопках Западного Посудичского городища (Мельниковская, 1969, с. 20). В целом же, такие изделия скорее являются исключением.

Находки подобных грузил немногочисленны. Как правило, это целые формы. Более высокое качество, а также определенные трудозатраты при изготовлении (особенно каменное грузило) позволяют предположить многообразие использования этих изделий, а, следовательно, и иное предназначение. Весьма проблематичным выглядит возможность крепления грузил с несквозным отверстием к рыбацким сетям. Такие грузила никогда не встречаются вместе с рыбьей чешуей. Их могли использовать на ткацких станках, хотя не исключена и иная функция. Так, в археологических культурах Непала (середина I тысячелетия до н. э. — первая половина I тысячелетия н. э.) довольно обычными находками являются глиняные конусо-

1. Исключение составляет территория Надпорожья, где в раннем железном веке было хорошо развито рыболовство.

видные ударники, которые по форме и размерам аналогичны юхновским. С их помощью обрабатывалась внутренняя нижняя часть сформированного сосуда. В несквозное отверстие вставлялась палочка, что позволяло обработать дно высокого горшка с узким горлом (Кашкин, 1981, с. 242, 246). Можно предположить такое же предназначение и для части юхновских грузил. Вместе с тем некоторые изделия с несквозным отверстием изготовлены крайне небрежно (рис. 63, 9, 10). Не исключено, что такие грузила являются браком, а возможно и иное их предназначение.

Необычные по форме грузила найдены на городище Бужанка I. Они выполнены в виде бублика диаметром 7—8 см. Высота — 3—4 см. Диаметр отверстия — 2—2,5 см (рис. 63, 11, 12). Качество обработки поверхности и обжига изделия достаточно хорошее. Подобные грузила не характерны для материального комплекса юхновской культуры. Схожее (но не аналогичное) изделие найдено лишь однажды на городище Западное Посудичское (Мельниковская, 1969, табл. XIII, 29). Учитывая специфику всего комплекса городища Бужанка I, можно предположить, что форма таких грузил является привнесенной.

Таким образом, в юхновской культуре присутствуют несколько типов грузил. Одни использовались для рыбной ловли сетями. Другие — на ткацких станках или для обработки сосудов. Функция некоторых изделий остается не выясненной. Выше перечисленные грузила, за исключением бубликовидных, имели широкое распространение в пределах бассейна Десны, в то время как на Сейме их находки единичны. На полностью исследованных городищах Кузина Гора и Переверзево они не обнаружены (Алихова, 1962; Пузикова, 1997). Вопрос о хронологии данных изделий остается открытым. Скорее всего, грузила существовали на протяжении всего периода юхновской культуры. По предварительным наблюдениям, на ранних памятниках (Кудлаевка, Киселевка II, Мезин, частично Песочный Ров) доля рыболовных грузил достаточно велика. Грузила второго типа являются единичными находками или отсутствуют. Значительно чаще они встречаются на городищах конца V—III вв. до н. э. (верхний слой Песочного Рва, Западное Юхновское).

Грузила перечисленных форм, в значительном количестве, характерны только для юхновской культуры, и наряду с некоторыми другими вещами обозначают культурную специфику данного населения. К таким изделиям можно отнести и так называемые «рогатые кирпичи». Они имеют прямоугольную форму высотой 11—16 см с несколько расширенным (5—9 см) основанием. От верхних краев отходят два небольших выступа — рога. Нередко посередине высоты сделано отверстие (рис. 64, 1—4). В тесте присутствуют органические добавки или мелкий песок. Порою примеси отсутствуют, что делает изделия хрупкими. Также как и посуда, «рогатые кирпичи» могли иметь орнамент в виде округлых вдавлений, пальцевых отпечатков или иных композиционных мотивов.

Подобные изделия широко известны на памятниках юхновской культуры и на территории Новгород-Северского Полесья в частности. Несмотря

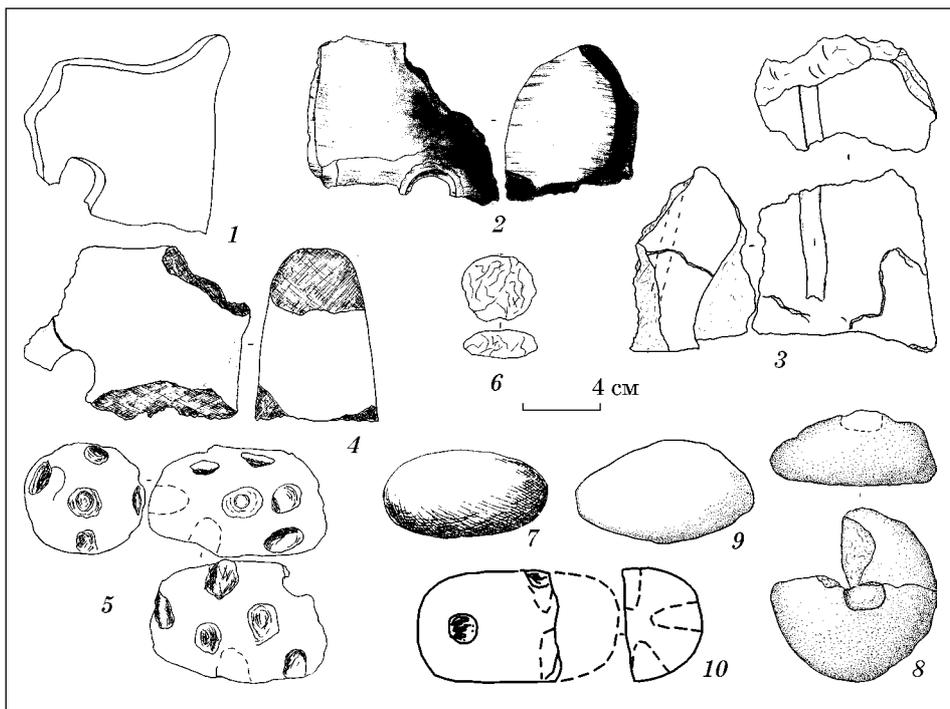

Рис. 64. Фрагменты «рогатых кирпичей» и глиняные хлебцы (блоки): 1, 2 — Песочный Ров (1 — по: Зализняк, 1982); 3, 8, 9 — Западное Юхновское городище (9 — по: Алихова, 1956); 4 — Киселевка II; 5, 6 — поселение Западное Юхновское; 7 — Пушкарки (по: Розенфельдт, 1968); 10 — Свердловка I (по: Мельниковская, 1978)

ря на это, считать их исключительно юхновскими нельзя (Археология, 1986, с. 182). Они известны в памятниках более раннего времени, например, Северного Кавказа (Ростунов, 1984). В раннем железном веке находки «рогатых кирпичей» происходят с территорий дьяковской и городецкой культур, из комплексов скифского времени на Северном Кавказе, с Кубани, Среднего и Нижнего Дона, позднескифских памятников Нижнего Поднепровья и Крыма (Трубникова, 1953, с. 74, 86; Дубынин, 1974, с. 242; Пузикова, 1997, с. 79).

Несмотря на значительное количество находок «рогатых кирпичей» единой точки зрения об их предназначении не существует. Одной из наиболее вероятных версий является использование этих предметов в качестве подставки у очага (Воеводский, 1949, с. 107). Не противоречит тому и находки «рогатых кирпичей» вблизи отопительных сооружений. Частично это прослежено на городище Песочный Ров (Зализняк, Шумова, Каравайко, Маерчак, 2003, с. 110). Однако такое практическое использование не исключает и связи с культом домашнего очага (Воеводский, 1949, с. 73). К

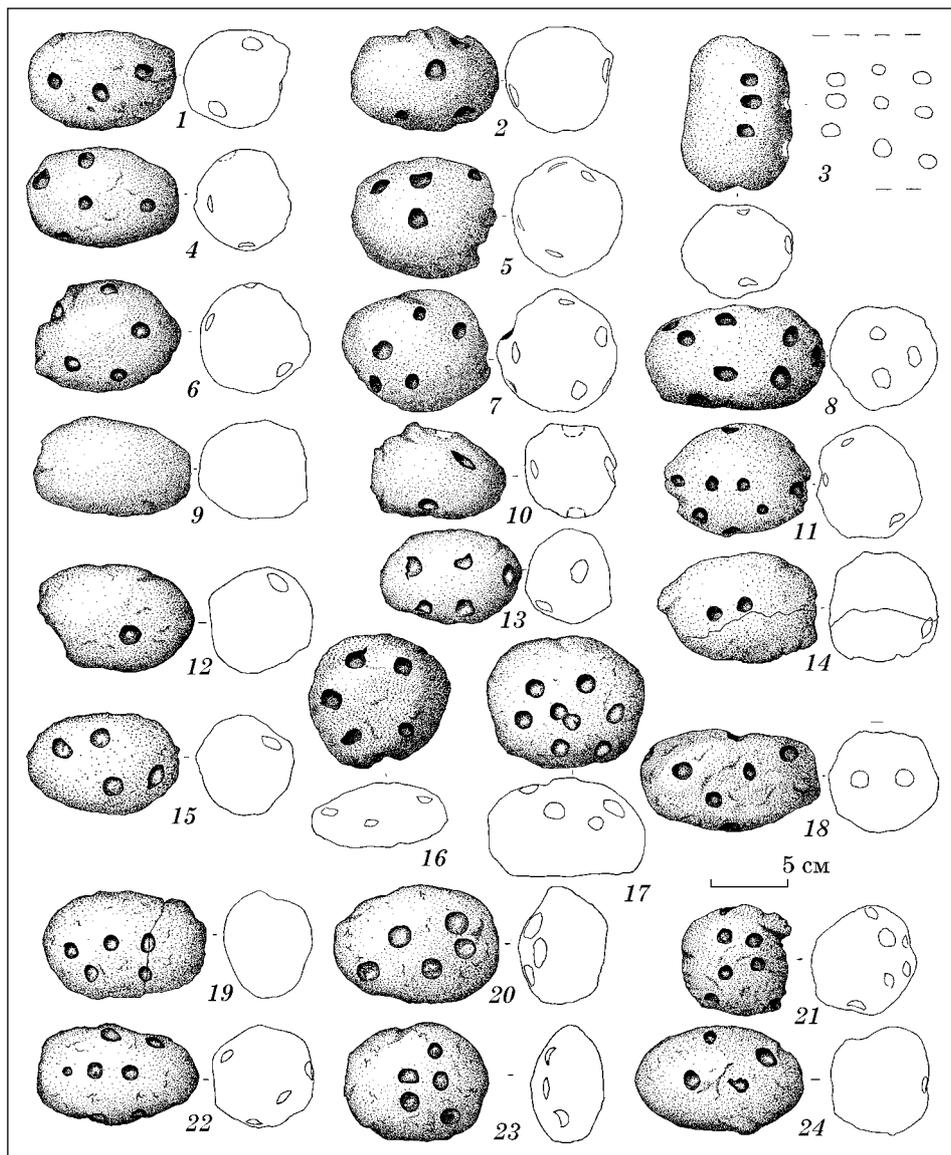

Рис. 65. Скопление глиняных блоков с Западного Юхновского городища

культовым предметам, связанных со строительством укреплений, относит находки «рогатых кирпичей» А.И. Пузикова, при этом рога-выступы и сам предмет представляют собою символическое изображение голов крупного рогатого скота (Пузикова, 1997, с. 79, 80). Существуют попытки связать

данные изделия с погребальным культом (Трубникова, 1953, с. 86). В целом же однозначного ответа на вопрос о функции «рогатых кирпичей» на сегодняшний день не существует. Хотя, вероятно следует присоединиться к точке зрения А.С. Сыроватко, который, подытожив результаты изучения данной категории вещей, отметил не только широкий их ареал, а и суто утилитарное предназначение в качестве очажной подставки (2003, с. 72, 78). При этом не следует исключать и неких votивных функций. Использоваться в религиозных целях могли миниатюрные «рогатые кирпичи», которые в силу своих размеров не могли быть связанными с бытом.

Не редкой находкой на юхновских городищах являются **глиняные хлебцы или блоки**. Они встречены практически на всех городищах. Так называемые хлебцы или лепешки имели форму сплюснутого овала (рис. 64, 5—10; 65). Их размеры колеблются в пределах 3—4 × 10—9 см. Известны и более округлые экземпляры — в среднем 4 × 6 см. Зачастую единичные экземпляры подобных вещей найдены в культурном слое, изредка они составляют скопления (Воеводский, 1946; Мельниковская, 1967, с. 19—20). Так, скопление глиняных блоков-хлебцов (рис. 65) выявлено возле печи второго жилища на Западном Юхновском городище (Каравайко, 2005, с. 157).

По нашему убеждению глиняные блоки-лепешки являются ритуальными. Вероятно, они являются копией настоящих хлебцов, выпекаемых на огне. Культовое предназначение этих вещей, четко прослежено в погребальном комплексе с городища Киселевка II, где они представляют собою приношения умершему, заупокойную пищу (рис. 43, 2—10).

Такие хлебцы широко известны в лесостепных памятниках скифского времени.

Одной из относительно массовых находок являются **пряслица**. Так на полностью исследованном городище Кудлаевка их найдено 125 экземпляров (Мельниковская, 1967, с. 16). Многочисленность таких вещей свидетельствует о том, что прядением занимались практически в каждой семье.

Изготовленные из глины, пряслица порою ассиметричны, а иногда и грубо вылеплены. Основная же их часть сделана достаточно качественно, поверхность старательно заглажена, примеси песка или дресвы очень мелкие или же не прослеживаются вообще. Отверстие небольшое — 4—6 мм.

Пряслица юхновской культуры с памятников Новгород-Северского Полесья отличаются значительной вариабельностью форм, что и позволяет выделить отдельные типы. Типология пряслиц юхновской культуры, на материалах городища Посеймья Кузина Гора, была выполнена А.Е. Алиховой (1962, с. 109). Последние разработки в этом направлении, но уже для более южных территорий, принадлежат А. Щербаню (2005). Во всех случаях в основу была положена форма данного изделия в поперечном разрезе. Предложенная ниже типология не является исключением, но представляется более упрощенной. Безусловно, почти в каждом из

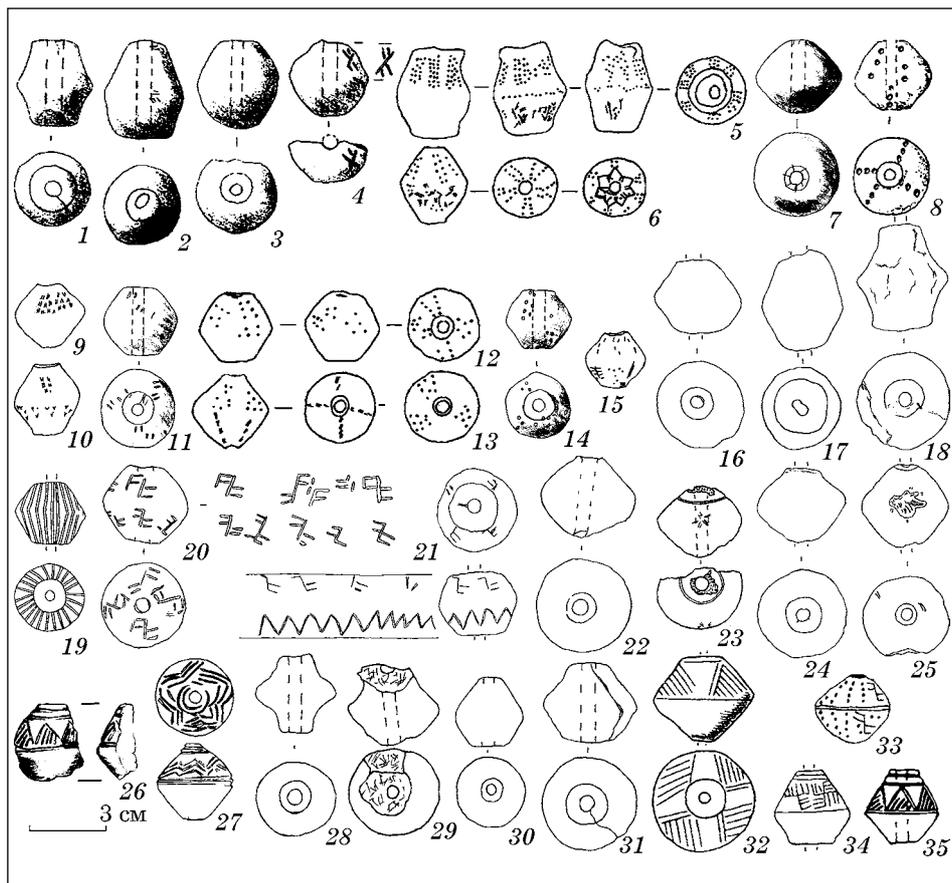

Рис. 66. Пряслица юхновской культуры (I тип): 1—15 — Песочный Ров (5, 6, 9, 10, 12, 13, 15 — по: Зализняк, 1982); 16—19 — Западное Юхновское городище; 20—25 — Киселевка II; 26, 27 — Бужанка I; 28—31 — поселение Западное Юхновское; 32 — Пушкари (по: Розенфельдт, 1968); 33, 34 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966); 35 — Мезин (по: Мельниковская, 1967)

приведенных ниже типов, можно выделить варианты. Однако это приведет только к лишней дробности. Да и создание типологии ради типологии выглядит абсурдно.

Тип 1. Биконические или округло-биконические. Высота таких пряслиц колеблется в пределах 2,3—4,3 см, а диаметр наибольшего расширения — от 2,6 до 4 см. Соотношение высоты к диаметру — от 1/0,74 до 1/1,17 (рис. 66).

Тип 2. Округлые или округло-уплощенные. Эти пряслица несколько меньше по размеру — 2—3 см в высоту (в диаметре). Порою, они схожи

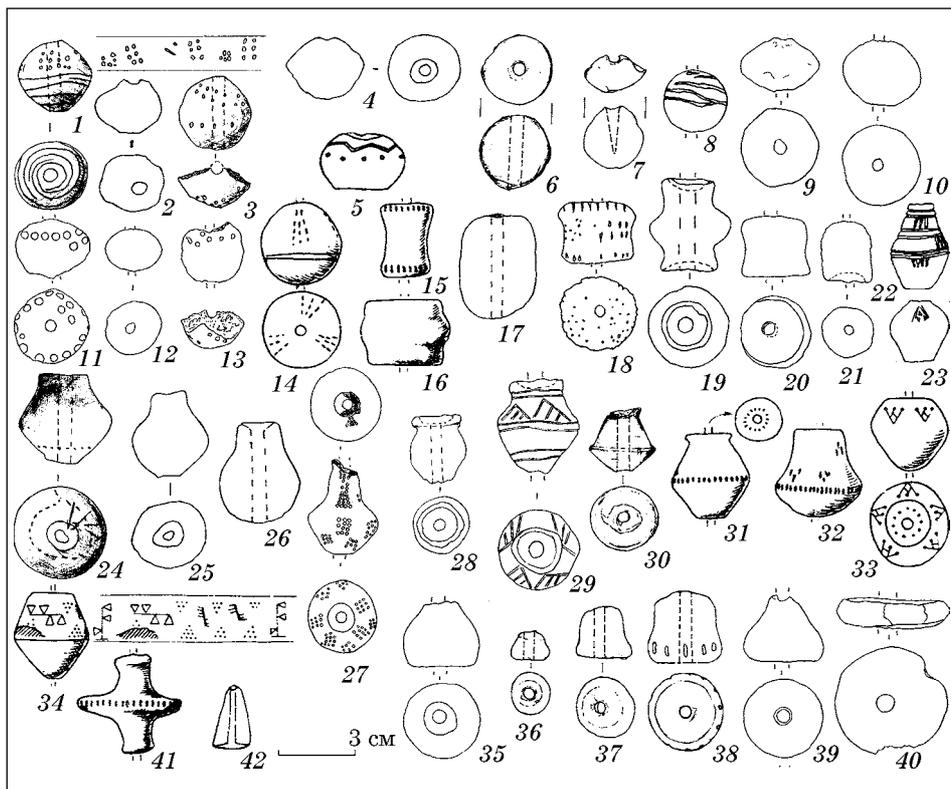

Рис. 67. Пряслица иных форм: 1—14 — II тип; 15—21 — III тип; 22—34 — IV тип; 35—39 — V тип; 40 — VI тип; 41, 42 — нехарактерные формы. 1—5, 22—25 — Песочный Ров (2, 4, 5 — по: Зализняк, 1982); 6, 7, 30, 36—38 — Бужанка I; 8, 17, 26, 42 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966; 1967; 1968); 9—13, 20, 21, 39, 40 — Западное Юхновское городище; 14—16, 31—34, 41 — Пушкари (по: Розенфельдт, 1968); 18, 19 — Западное Юхновское поселение; 27, 28, 35 — Киселевка II; 29 — Бужанка II

на небольшие биконические пряслица, так как не всегда имеют идеально округлую форму (рис. 67, 1—14).

Тип 3. В форме цилиндра или катушки. Они могут быть прямоугольной формы, в виде катушки (в центре заметное сужение) или же с заметным расширением по центру (рис. 67, 15—21). Размеры таких пряслиц соответствуют изделиям 1 типа. Такие же цифры, за исключением пропорций, применимы и для пряслиц 4 и 5 типов.

Тип 4. В форме сосуда (рис. 67, 22—34).

Тип 5. Конические или, как вариант, приближенные по форме к конусу (трапецевидные) (рис. 67, 35—39).

Тип 6. Дискovidные (рис. 67, 40).

Перечисленными типами не ограничивается все разнообразие форм пряслиц. Так, на городище Пушкири найдено так называемое пряслице похожее своими «зубчиками» на пряслице дьяковского типа. Однако форма его не типична (рис. 67, 41). Еще один оригинальный экземпляр, в виде пули, происходит с Кудлаевского городища (рис. 67, 42). Аналогичное изделие найдено на городище Посудичи Восточное (Мельниковская, 1969, табл. VII, 23).

Наиболее массовыми являются пряслица 1 и 2 типов. Значительно реже попадаются изделия в форме цилиндра (катушки) и сосуда. Тип 4 более характерен для памятников милоградской культуры и является одной из отличительных черт ее материального комплекса (Мельниковская, 1967а, с. 117). Не получили широкого распространения и конические пряслица. Они более характерны для лесостепных культур эпохи раннего железа. Один из таких экземпляров, найденный на городище Бужанка I, отличается своими незначительными размерами. Его максимальный диаметр всего 1,5 см, высота — 1,1 см, а диаметр отверстия составляет 0,4 см (рис. 67, 36). Очень редкими находками являются дисковидные пряслица. Такие вещи могли изготавливать не только из глины, но и из кости.

Отдельно следует остановиться на орнаментации пряслиц. Их украшали по иному, нежели горшки, да и декор был значительно разнообразнее. Как правило, это различные вдавления, прочерченные линии, солярные знаки или более сложные композиции.

Наиболее распространенной является солярная символика. Украшение организовано ритмично и при проекции сверху виден символ солнца — от отверстия расходятся лучи выполненные точками или черточками (рис. 66, 8, 12, 13, 19; 67, 14). Изображение небесного светила могло исполняться и несколько по-иному, при помощи прочерченной непрерывной, ломаной или прямой линии (рис. 66, 27; 67, 1). Возможны были и иные композиционные варианты (рис. 67, 33). Достаточно частым орнаментом являются заштрихованные треугольники (рис. 66, 26, 32, 35; 67, 29). При проекции сверху так же легко узнается символ солнца. Подобный декор, как известно, характерен для посуды раннескифского времени.

Распространенным был знак в виде палочки, от верхнего конца которой отходят две или три линии в одну сторону, а от нижнего — в другую (рис. 66, 4, 20, 21, 33—34). Два таких знака могут перекрещиваться. Не исключено, что это одно из изображений свастики. Пряслица с таким орнаментом известны и в милоградской культуре (Мельниковская, 1967а, рис. 54, 19).

Присутствуют и иные орнаментальные мотивы. Это разнообразные тонкие точки-наколы, порою сгруппированные в треугольники, несколько рядов тонких прочерченных вертикально линий и т. д. Декор отдельных пряслиц нанесен несимметрично. На первый взгляд, точки и линии размещены хаотично. В данном случае, можно говорить о некоем изображении чего-либо (рис. 66, 9, 11; 67, 1, 18, 34). Очень редкими находками являются пряслица, на которых нанесен не узор, а предмет и (или)

растение. Речь идет о трех пряслицах с изображением колосков злаков и, в одном случае, схематическом рисунке рала с тягловыми животными. Подробное их описание приведено ниже, в разделе, касающемся земледелия населения юхновской культуры.

Относительно богатая орнаментация пряслиц очевидно не случайна. Нанесение на них солярных символов предполагает и определенную вотивную роль данных изделий, возможно, восприятие их как оберегов, предметов связанных с земледельческим культом. Примечательно, О.Н. Мельниковская для милоградской культуры отмечала факт, что «большое количество грузиков концентрируется в пределах сооружений, использовавшихся в культовых целях, где они обнаружены вместе с костями человека, кусочками охры, подвесками из зубов животных, просверленными таранными костями и т. д.» (1967а, с. 119). Следует вспомнить и находки веретена (а порою и пряслиц) в погребальном инвентаре некоторых скифских курганов. Веретено в данном случае играло роль оберега, имело сакральное предназначение (Болтрик, Фіалко, 2007, с. 46)¹. Не исключено, что и пряслице было наделено какой-то силой, ибо два эти предмета неразрывно связаны. Несмотря на сказанное, очевидно, что бытовая функция пряслиц была главенствующей.

Следует так же учитывать, что значительное количество пряслиц украшено солярными знаками — символом солнца. Этнографически зафиксировано, что поклонение этому светилу было главной религией у многих народов древностей, а все другие обряды представляют собою производную (Тайлор, 2000, с. 468, 469).

Форма и орнаментальные мотивы юхновских пряслиц находят близкие аналогии в соседних культурах, в частности днепродвинской и милоградской. Вместе с тем они отличаются от подобных изделий лесостепной зоны. Однако нельзя не указать на схожесть орнаментации некоторых юхновских пряслиц треугольниками с параллельными линиями в середине и отдельных их форм с корчагами и кубками позднечернолеского и жаботинского типов (см. напр.: Ильинская, 1975, рис. 13, 7, 17, табл. XXVIII, 7, табл. X, 18; Ковпаненко, 1981, рис. 3, 10; 24, 8; 41, 3). Удивительная схожесть просматривается в форме и орнаментации миниатюрного горшка с раскопок у с. Аксютинцы (Ильинская, 1968, рис. 45, 1) с формой и декором некоторых пряслиц. Объяснить данное совпадение на современном этапе изучения юхновской культуры весьма проблематично, однако и полностью игнорировать его нельзя.

Отдельно следует остановиться на хронологических позициях данных изделий. Пряслица характерны для всех этапов развития культуры и по своим формам статичны. Вместе с тем, О.Н. Мельниковская отмечала, что более ранние находки преимущественно орнаментированы, в то время как на памятниках IV—III вв. до н. э. достаточно высок процент неорнаменти-

1. Еще раньше об этом писал Б.Н. Мозолевский (см.: Мозолевский Б. Під скифським небом. Есе // Київська Старовина. — 1992. — № 4.).

рованных экземпляров (Мельниковская, 1970, с. 21). Для подтверждения данного наблюдения приведем ряд цифр. Так на ранних памятниках Песочный Ров (V вв. до н. э.) и Киселевка II (V в. до н. э.) 45—50 % пряслиц имели декор. На более поздних городищах Западное Юхновское и поселение за валом (IV в. до н. э.) и Бужанка I (рубеж эр) их процент несколько меньший — 14,8 и 33 % соответственно ¹. Подобную ситуацию, вероятно, следует объяснять следующим. Как отмечалось выше, изображения на пряслицах выполняют не только декоративную функцию, но и несут определенный сакральный смысл, понять который не всегда представляется возможным. Изображение же являлось своеобразным способом общения с «высшими» силами, обращение к которым чаще происходило в наиболее сложные, нестабильные времена.

Вышеназванными изделиями не ограничивается все разнообразие вещей изготовленных из глины. Будучи самым доступным материалом, она применялась в различных сферах жизни древнего населения. Как ни странно, из глины изготавливали даже украшения — **бусины** (рис. 68, 1—6). Они небольшие — в среднем около 1 см в диаметре. Диаметр отверстия — 1 мм, реже чуть больший. Такие находки известны с городищ Кудлаевка, Мезин, Песочный Ров, Пушкари. Хотя эти изделия и немногочисленны, но очевиден факт нехватки бронзы — основного материала для изготовления украшений.

Немногочисленны находки глиняной **зооморфной пластики**. Так для территории Новгород-Северского Полесья достоверно известна лишь одна такая вещь. На городище Песочный Ров найдена статуэтка животного с небольшим хвостиком, голова и ноги отбиты (рис. 68, 7). Исходя из фрагментарности скульптурки, сложно определить вид животного. Судя по маленькому хвостику, это могла быть косуля или же олень. Совершенно не традиционна для юхновской культуры антропоморфная пластика. В связи с этим представляет интерес находка грузила на Мезинском городище. По своим размерам оно не отличается от стандартных рыболовных грузил, присутствует и отверстие, однако форма его несколько другая. Приблизительно по центру оно резко сужается. Таким образом передана шея. Глаза и рот достаточно большие. Четко показаны губы (рис. 68, 8). Прямая аналогия данному грузилу происходит с городища Лбище Брянской области ². На памятниках иных культур раннего железного века подобные вещи, насколько нам известно, не встречены. В целом же, глиняная пластика не имела широкого распространения у населения юхновской культуры. Н.Н. Белая считает, что ее «нельзя рассматривать как

1. Для подсчетов были использованы лишь те памятники, где учитывались все находки пряслиц: Песочный Ров (2002 г., 150 м²) — 22 находки пряслиц, Западное Юхновское городище и поселение за валом (2004 г., 136 м²) — 27 пряслиц, Киселевка II (2005—2008 гг., 240 м²) — 14 пряслиц, Бужанка I (2008—2009 гг., 60 м²) — 9 пряслиц.

2. Находка не опубликована и на сегодняшний день хранится в Трубчевском музее.

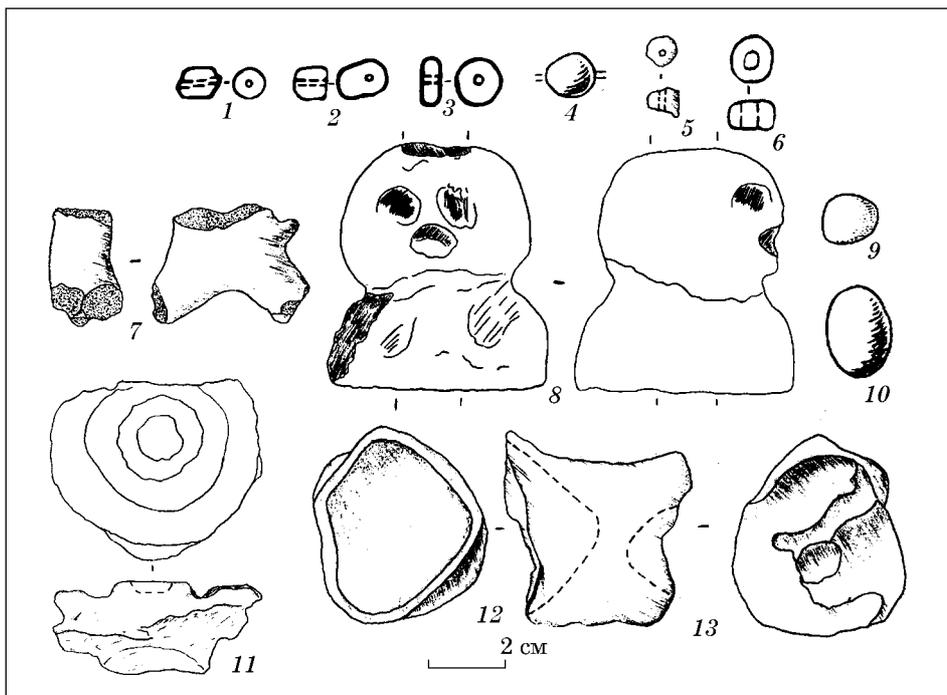

Рис. 68. Изделия из глины: 1—6 — бусины; 7 — фигурка животного; 8 — антропоморфное грузило; 9, 10 — шарики; 11 — светильник (?); 12 — подделка. 1—3, 8 — Мезин (по: Мельниковская, 1967; 1968); 4—10 — Пушкари (по: Розенфельдт, 1968); 5, 7, 12 — Песочный Ров; 6 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966); 9, 11 — Западное Юхновское (9 — по: Алихова, 1956)

традиционную часть культовой практики», а подобные находки «явились результатом случайных контактов с населением лесостепи» (Белая, 2011, с. 117). Данное утверждение, базирующееся на малом количестве находок и отсутствии их связи с комплексами, вполне приемлемо, однако требует большей доказательности.

Так же, следует упомянуть находки небольших, 1—3 см в диаметре, глиняных шариков (рис. 68, 9, 10). Такие вещи также малочисленны. Вероятнее всего, это части погремушки. Как последняя выглядела, судить сложно. Один из возможных вариантов дает реконструкция В.П. Левенка погремушки с Городецкого городища (Левенок, 1963, рис. 1, 21). Целых изделий найдено не было. Возможно, обломком погремушки можно считать находку с городища Песочный Ров (рис. 68, 12).

Предмет из глины, похожий на светильник, найден на городище Западное Юхновское. Его диаметр — 5,5 см, сохранившаяся высота — 2,5 см. По центру небольшое углубление диаметром 1 см и глубиной 0,3 см. Вок-

руг него проходит небольшой желобок шириною 0,6—0,7 см (рис. 68, 11). Атрибуция этой находки в качестве светильника, учитывая небольшие размеры, остается под вопросом.

В целом же, изделия из глины являются теми вещами, которые в значительной мере определяют самобытность юхновских памятников вообще и территории Новгород-Северского Полесья в частности. Прежде всего, это касается, естественно, керамической посуды и особенно ее орнаментации. Грузила подобных форм и в таком количестве характерны только для юхновской АК¹.

3.2. КОСТЯНЫЕ ИЗДЕЛИЯ

Доступность сырья и относительно несложный процесс обработки кости вполне объясняет многочисленность и разнообразие костяных изделий. Из этого материала изготавливали разнообразные шилья, проколки, иглы, рукоятки железных ножей, иные орудия труда, а так же наконечники стрел. К сожалению, мастерских или же специальных мест, где производилась обработка кости на сегодняшний день не обнаружено. Как и производство керамики, изготовление костяных вещей оставалось на уровне домашнего производства.

Шилья, проколки, иглы (рис. 69) — одна из наиболее массовой категории материала, изготовленного из кости. Такие вещи известны на каждом городище и не только с территории Новгород-Северского Полесья. Их изготавливали из трубчатых костей, нижний край которых хорошо затачивался. Поверхность проколок-иголок зашлифована. Верхняя часть оформлена разнообразнее. В месте наибольшего расширения могли делать небольшое отверстие (рис. 69, 10—14). Такая игла применялась для сшивания ткани, а в отдельных случаях для плетения. Так же в верхней части делался небольшой желобок для крепления нити (рис. 69, 1, 20, 21). Данное изделие можно было применять лишь для плетения и прокалывания. Нередко сверху изделие не обрабатывалось вообще. В целом же оформление верхнего края таких вещей целиком зависело от их функций. Не исключено, что более массивные экземпляры «проколок-иголок» применялись в качестве застежек, т. е. были булавками.

Технология изготовления проколов была прослежена на материалах городища Киселевка II². Они изготавливались по «сырой» кости. В качестве заготовки использовали ребро, часть большой берцовой кости. Вполне

1. Такие предметы из глины как льячки и литейные формочки будут рассмотрены в разделе, посвященном изделиям из бронзы.

2. Эти и нижеприведенные технологические определения выполнены сотрудником отдела археологии энеолита — бронзы ИА НАН Украины В.Б. Панковским.

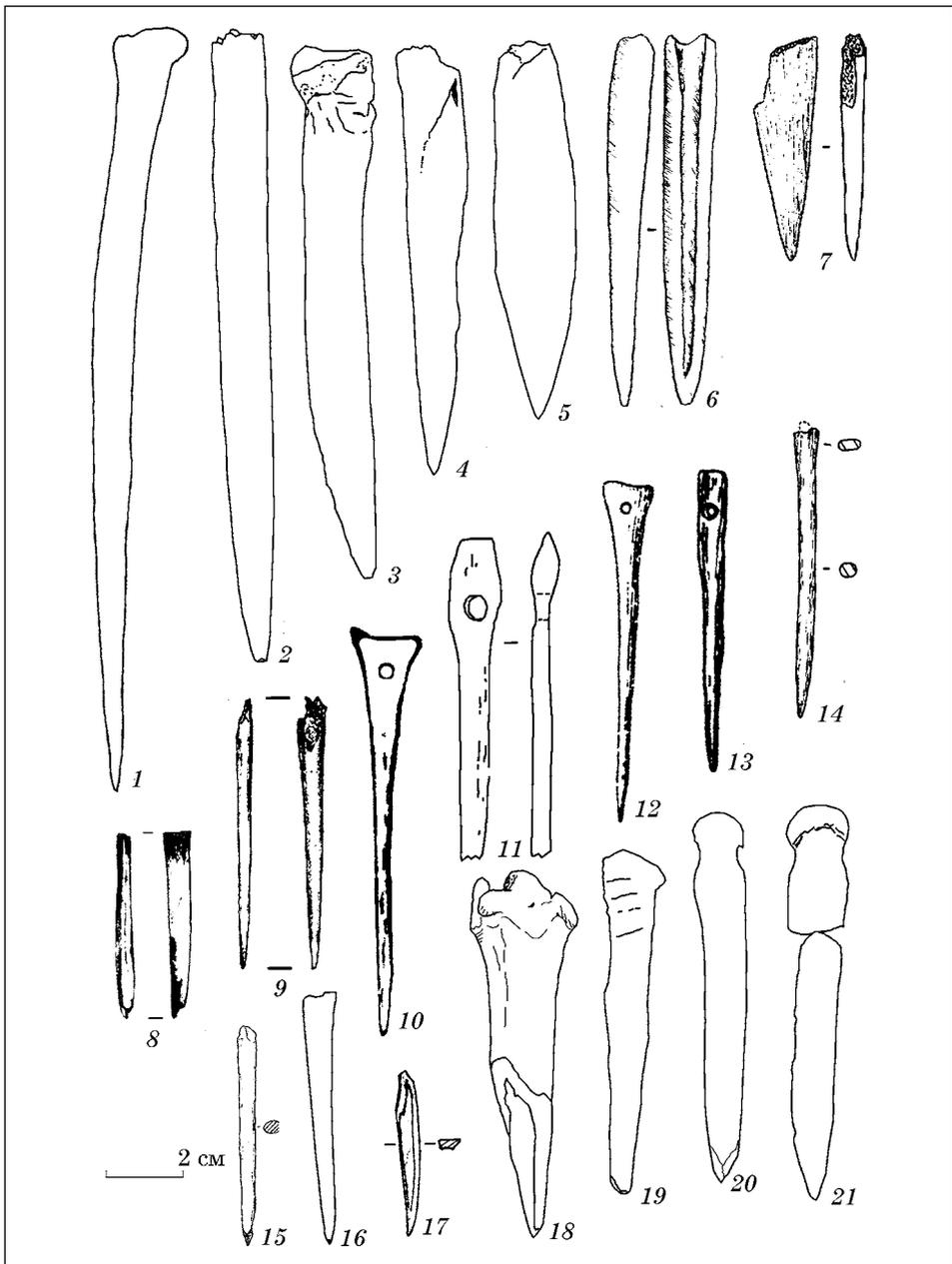

Рис. 69. Костяные проколки-иголки: 1—6 — Песочный Ров (1 — по: Зализняк, 1982); 18—21 — Свердловка I (фонды Мезинского музея); 7, 14, 15 — Киселевка II; 8, 9, 17 — Бужанка I; 10, 11 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966; 1967); 12 — Пушкари (по: Розенфельдт, 1968); 13 — Южновское (по: Трубникова, 1938); 16 — Мезин (по: Мельниковская, 1967)

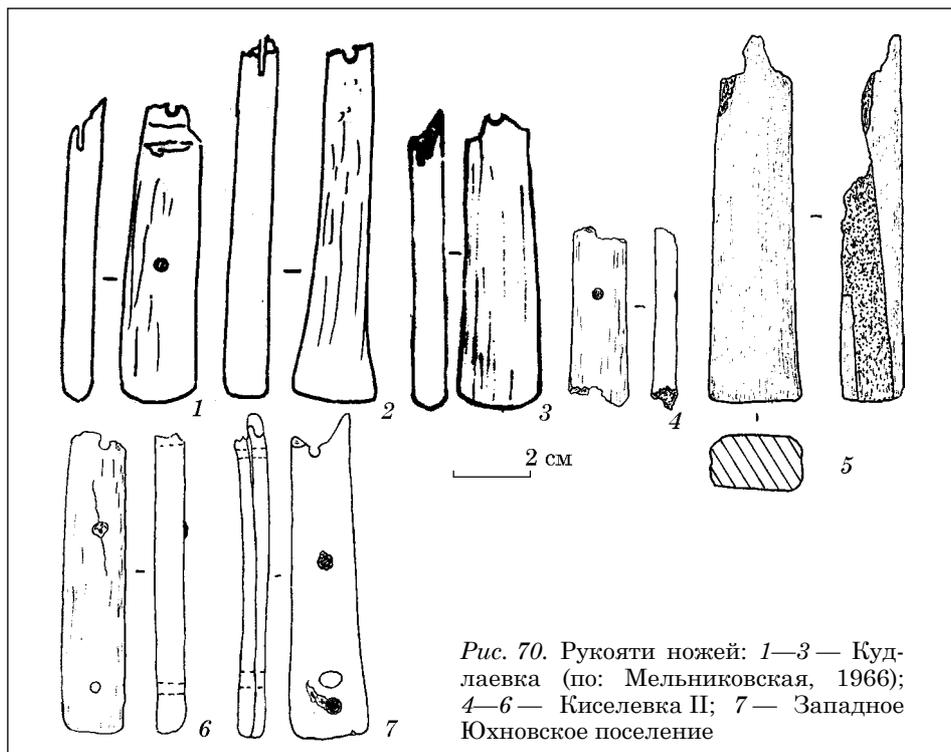

Рис. 70. Рукояти ножей: 1—3 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966); 4—6 — Киселевка II; 7 — Западное Юхновское поселение

были пригодны и иные трубчатые кости. Техника обработки заключалась в том, что изначально кость подверглась продольному строганию металлическим лезвием, а затем продольному скоблению тем же инструментом.

Рукояти железных ножей (рис. 70) так же являются многочисленной находкой. Как правило, они изготавливались из двух пластин компактного слоя длинной трубчатой кости. Изначально заготовки обрабатывались строганием, затем крупнозернистым абразивом с последующей шлифовкой мягким эластичным материалом (кожа?). Две части рукоятки скреплялись между собою железными заклепками, вставленными в отверстие. Пластины-заготовки получены путем распиливания, а отверстие — способом ручной резки-сверления. Судя по неровным и несколько несовпадающим отверстиям для металлических заклепок на ряде рукояток, сверление производилось отдельно на каждой из пластин, а не на сложенных в одно единое готовое изделие (рис. 70, 7). Нередко ручка ножа имела небольшое отверстие для подвешивания.

Известны такие вещи выполненные несколько по-иному. Так одно из изделий сделано из роговой закраины рога лося (рис. 70, 5). На по-

верхности видны следы абразивной обработки (шлифовка песчаником?). Она отличается от остальных рукояток ножей тем, что железное орудие вставлялось в продольный распил, сделанный по губке, которая являлась своеобразным амортизатором и закрепляло лезвие. Сделать же продольный распил не составляло труда, так как рог лося, в сыром виде, стоек к раскалыванию.

Иные изделия из кости и рога известны в значительно меньшем количестве. Общеизвестно, что у населения юхновской культуры и ряда соседних территорий лесной зоны широкое распространение имели костяные наконечники стрел. Примечательно, что на памятниках Новгород-Северского Полесья достоверных находок последних не известно. Впрочем, и на иных памятниках культуры такие вещи единичны.

Кость и рог использовали и для изготовления деталей конской узды — псалиев. Два фрагментированных экземпляра последних происходят с городища Кудлаевка (рис. 71, 1, 2). Оба выполнены из рога. Длина сохранившихся их частей — 5,5 и 10,5 см. Точно говорить о количестве отверстий мы не можем. Схожие изделия известны и на лесостепных памятниках. Так, фрагмент одного из псалиев (рис. 71, 2), изготовленного из рога, хотя и не имеет прямых аналогий в материалах более южных памятников¹, все же стилистически близок к ним.

Целый роговой псалий С-видной формы был найден на Мезинском городище (рис. 71, 3). Размеры его так же не велики — 13,2 см. По центру наиболее толстой части просверлены два отверстия. Как и в предыдущих случаях, прямых аналогий среди древностей Лесостепи назвать нельзя (см.: Могилев, 2008, рис. 64, 1—14).

К деталям конского снаряжения можем относить и предмет, найденный Д.Я. Самоквасовым при раскопках одного из Юхновских городищ. Это обработанное изделие, посередине имело отверстие, а к краям чуть сужалось (рис. 71, 4). Н.В. Трубникова, опубликовавшая материалы раскопок с городищ у с. Юхново, интерпретировала его как застежку. Наиболее близкую аналогию находим среди материалов поселения Лбище (Падин, 1966, рис. 8, 2). Одна из верхушек изделия оформлена в виде стилизованной головы коня, что и позволяет нам считать оба изделия частью сбруи — вероятнее всего, однодырчатыми псалиями.

Из кости изготавливали и **гарпуны** для рыбной ловли. Один фрагментированный экземпляр происходит с Юхновского городища (рис. 71, 5). Сохранился лишь край наконечника с одной лопастью-крючком. Аналогично выполнен и гарпун с Песочного Рва, однако он сохранился зна-

1. Похожий псалий найден у с. Олефирщина, однако он отличается более крутым (около 90°) отгибом одного из концов (Могилев, 2008, рис. 52, 13). Еще несколько схожих псалиев происходят из кургана 346 у с. Теклино Тясминской подгруппы (Могилев, 2008, с. 26, рис. 43, 16), но они более прямые. К сожалению, находка с городища Кудлаевка фрагментирована, а соответственно привести прямые аналогии невозможно. То же можно сказать и о втором экземпляре с этого же памятника.

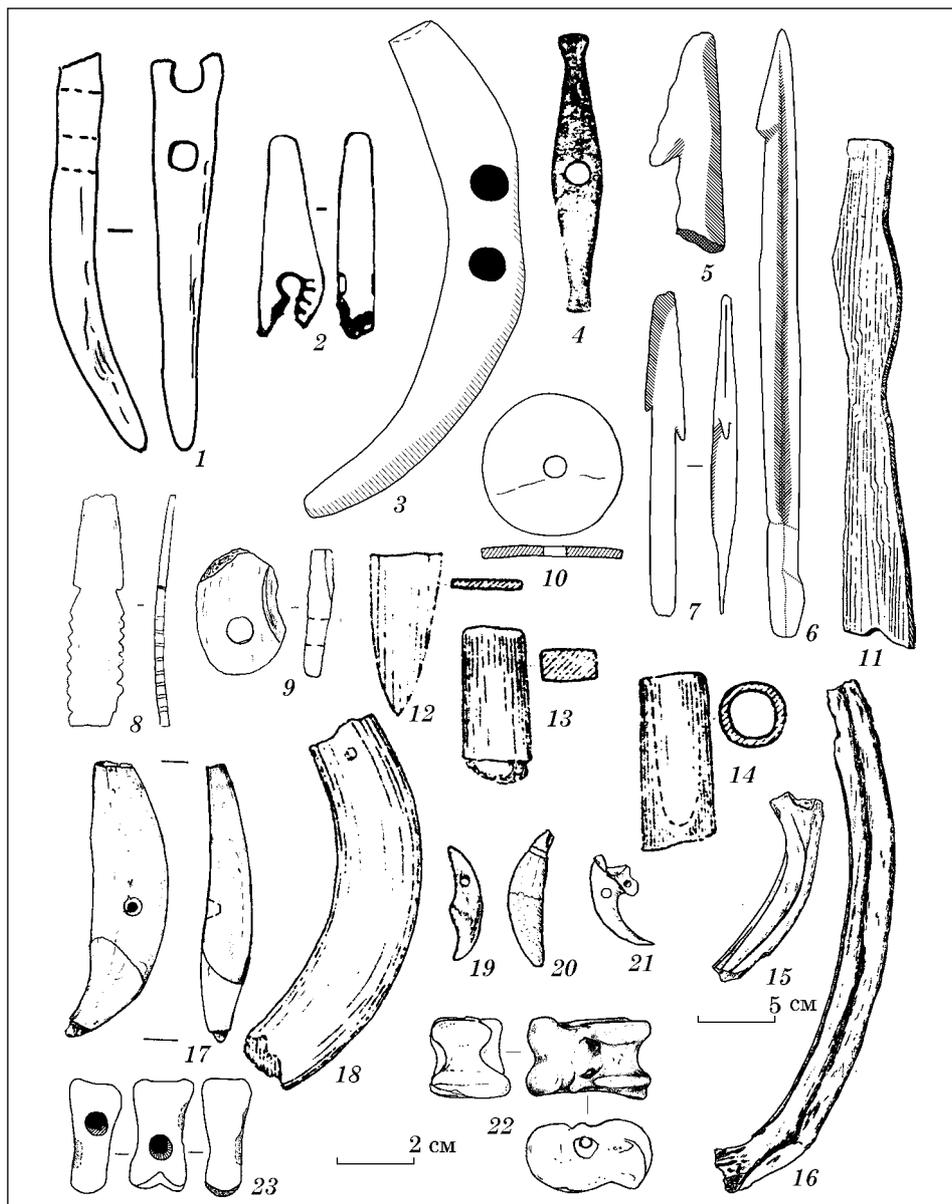

Рис. 71. Изделия из кости и рога: 1, 2, 10, 23 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966; 1967; 1977а); 3 — Мезин (фонды Мезинского музея); 4, 5 — Юхновское (4 — по: Трубинова, 1938; 5 — по: Алихова, 1956); 6, 20—22 — Песочный Ров (6 — по: Лебедев, 1960); 7, 17 — Бужанка I; 8, 11, 15, 16 — Западное Юхновское; 9 — Киселевка II; 12—14, 18 — Пушкари (по: Розенфельдт, 1968); 19 — Новгород-Северский (по: Левенок, 1963)

чительно лучше (рис. 71, 6). Так же отметим прекрасно изготовленный костяной гарпун с городища Бужанка I (рис. 71, 7). Его длина — 8,5 см, острие двухлопастное, край черешка плоский и суженый.

Ряд изделий весьма сложно интерпретировать. К ним, в частности, относится предмет, изготовленный из стенки ребра (рис. 71, 8). Верхняя часть оформлена в виде острия, а нижняя имеет по краям с двух сторон искусно сделанные зазубрины. Края «острия» срезались очень деликатно. По внутренней стороне видны следы продольной резки широким лезвием. Окончательная обработка проводилась при помощи абразива. Данное костяное изделие могло быть подвеской или же инструментом ткача. Схожие вещи найдены на памятниках культуры штрихованной керамики, где они интерпретируются как булавки (Егорейченко, 2006, табл. 32, 2, 3). Такую функцию нельзя исключать и для находки с Западного Юхновского городища. Вполне вероятно использование этого предмета для плетения рыболовных сетей. Схожая находка происходит с городища Свердловка I. Опираясь на современные аналогии, О.Н. Мельниковская считала костяную пластинку с выделенной головкой инструментом для плетения сетей (Мельниковская, 1968, с. 18; 1978, рис. 4, 10).

Возможно, к деталям одежды следует отнести предмет, найденный на городище Киселевка II (рис. 71, 9). Он изготовлен из тонкой (5—7 мм) овальной костяной пластинки размерами 2,3 × 3,2 см. Приблизительно по центру сделано округлое отверстие диаметром 6 мм.

Выше уже шла речь о том, что дисковидные пряслица изготавливали не только из глины, но и из кости. Именно такой экземпляр происходит с городища Кудлаевка (рис. 71, 10).

Нередки находки всевозможных заготовок, или фрагментов разнообразных изделий (рис. 71, 11—14).

Отдельно следует остановиться на такой категории костяных вещей как струги (рис. 71, 15—16). Они изготовлены из ребра крупного рогатого скота или же лошади. По его внутреннему тонкому краю фиксируются механические повреждения в виде небольших насечек. Последние могли возникнуть как в результате использования ребра в качестве струга, так и при снятии мяса железным ножом. Уловить разницу практически не возможно. Учитывая это данные, «изделия» можно условно называть «потенциальным орудием труда».

Кроме кости и рога использовали так же когти и клыки диких животных. Путем просверливания отверстия для подвешивания из них изготавливали подвески-амулеты (рис. 71, 17—21). Можно было обойтись и без сверления — вокруг верхней части клыка делался желобок, на который наматывалась нить.

Достаточно часто в качестве амулета использовали клык медведя. Культ этого хищника зафиксирован у многих народов, чья жизнь была непосредственно связана с лесом (Тайлор, 2000, с. 415; Косарев, 2008а, с. 48—66). Одна из таких подвесок происходит с городища Бужанка I (рис. 71, 17). Интересен способ ее подвешивания. Отверстие сверлилось

приблизительно на середине, т. е. клык должен был находиться в вертикальном положении. Прямые аналоги этому амулету находим среди материалов юхновских памятников Брянщины Поповка и Лбище, а так же среди комплексов днепро-двинской культуры (Шадыро, 1985, рис. 27, 14). Медвежий коготь с отверстием для подвешивания найден на городище Песочный Ров (Воеводский, Артишевская, 1947, с. 15). Подвески-амулеты делали и из клыка кабана. Охота на него, как и на медведя, была связана с достаточно высоким риском. Не исключено, что убивали этих животных не только ради мяса. В своем роде это могло быть проявлением мужества, возможно инициацией, а клыки становились своеобразной наградой охотника, которые подчеркивали его смелость и отвагу.

Использовались в качестве амулетов клыки и зубы других хищных животных, а как исключение даже когти. Так, с городища Песочный Ров происходит находка когтя хищника с просверленным отверстием (рис. 71, 21).

Следует упомянуть и находку астрагала с просверленным отверстием, найденного на городище Песочный Ров (рис. 71, 22). Такие вещи широко известны на скифских памятниках и в частности в курганах. Зачастую их трактуют как игральную кость, а отверстие предназначалось для ношения их на связке. Подобные находки довольно редкое явление для материального комплекса юхновской культуры. Схожий астрагал был найден на городище Кудлаевка (рис. 71, 23).

3.3. ЖЕЛЕЗНЫЕ ВЕЩИ

На памятниках Новгород-Северского Полесья железных вещей найдено крайне мало. Причиной тому местные почвы, в которых данный металл сохраняется очень плохо.

Ассортимент изделий из железа весьма разнообразный. Вместе с тем такие категории инвентаря как серпы и топоры на городищах изучаемой территории не были найдены. Немногочисленны и находки, казалось бы не таких редких вещей как **ножи** (рис. 72, 1—5). Всего известно несколько целых экземпляров. Их длина колеблется в пределах 8—13,5 см, ширина лезвия — 1—1,5 см. Длина черенка 2—3 см. Один нож имеет очень выпуклую, так называемую «горбатую» спинку. У других она изогнута незначительно. Учитывая единичный материал, говорить о каких-либо хронологических позициях не приходится.

Два железных небольших **зубильца** найдены на городищах Западное Юхновское и Песочный Ров (рис. 72, 6, 7). Оба изготовлены из целого куска железа. Их принадлежность к эпохе раннего железа несколько условная. На обоих памятниках есть материалы роменской АК, местами, находящиеся в перемешанном состоянии с юхновскими.

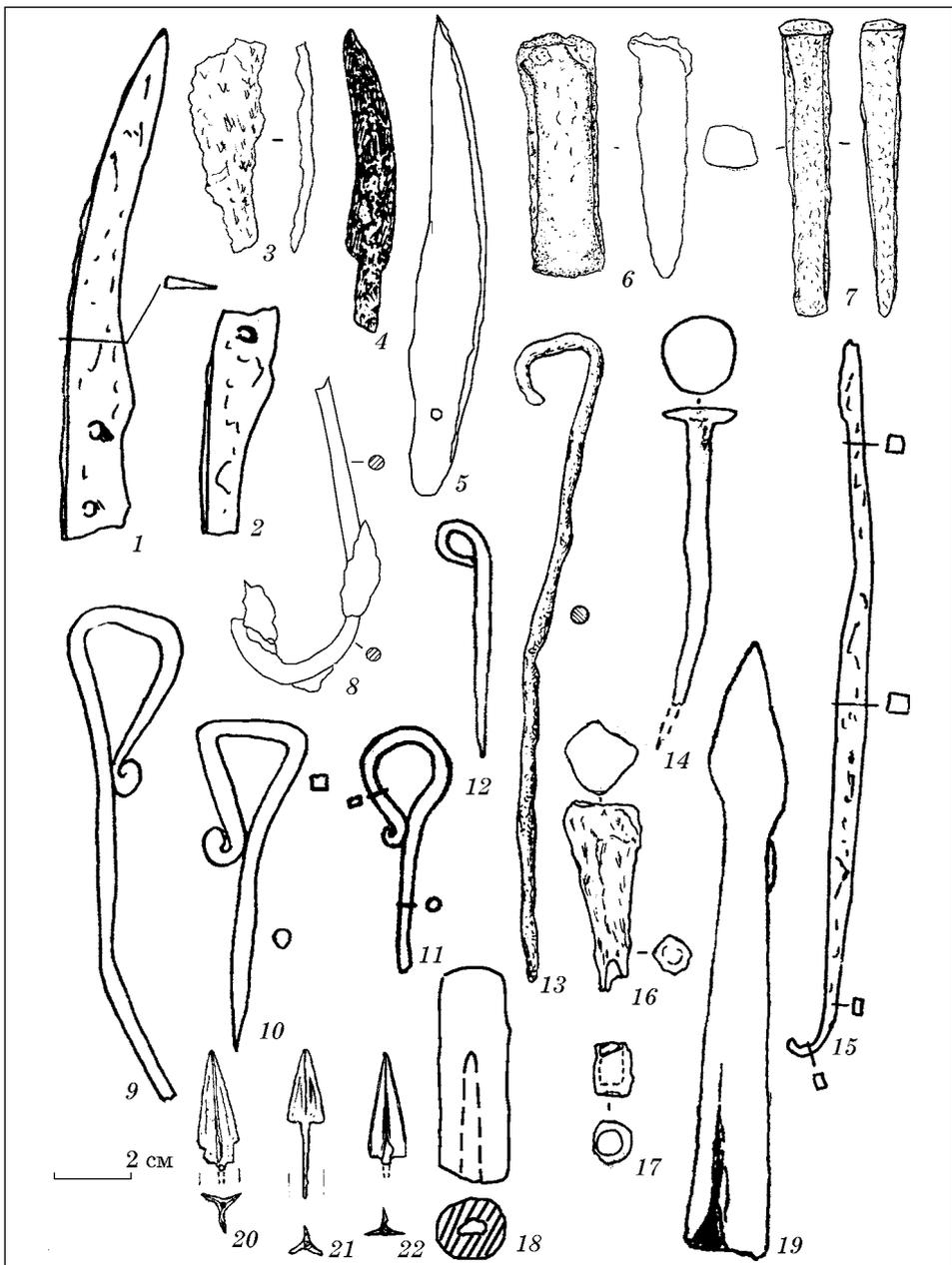

Рис. 72. Изделия из железа: 1, 2, 8—12, 14, 15, 18 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966; 1967; 1968); 3 — Киселевка II; 4 — Пушкари (по: Розенфельдт, 1968); 5 — Свердловка II (по: Мельниковская, 1978); 6, 13, 16, 17 — Западное Юхновское (13 — по: Алихова, 1956); 7 — Песочный Ров; 19 — Мезин (по: Мельниковская, 1967); 20, 21 — Бужанка I; 22 — Дробышев II

Из тонкой и округлой железной проволоки изготовлен **рыболовный крючок** с городища Кудлаевка (рис. 72, 8). Ушко и самый край крючка не сохранились. По своим размерам он весьма массивный — 8 см.

Применялось железо и для изготовления украшений, деталей одежды. Обе эти функции выполняли **булавки** (рис. 72, 9—14). Их размеры различны, в среднем 6,5—9 см. Реже попадаются более длинные булавки — до 17 см. Сделаны они из тонкого (2—4 мм) стержня округлого или четырехгранного в сечении. Имеющиеся в распоряжении булавки можно подразделить на два типа: посоховидные и гвоздевидные.

Серия посоховидных булавок происходит с Кудлаевского городища. Еще один экземпляр, сохранившийся не полностью, найден на Западном Юхновском городище. Условно можем выделить три варианта. *Первый*: навершие имеет форму приближенную к треугольнику (рис. 72, 9, 10, 13). *Второй*: навершие округлое (рис. 72, 11). Во всех случаях верхняя часть расположена симметрично над самим стержнем, а его край загнут в петлю. *Третий*: навершие находится сбоку от центральной оси стержня, конец которого загнут в виде кольца (рис. 72, 12).

Посоховидные булавки имели самое широкое распространение у населения лесной зоны раннего железного века, при этом предполагается их принадлежность к балтскому этносу (Седов, 1962). Они известны на памятниках ряда культур: милоградской (Мельниковская, 1967а, с. 89—91), днепро-двинской¹ (Шадыро, 1985, с. 63—65, рис. 38), штрихованной керамики (Егорейченко, 2006, табл. 60) и ряда иных. На территории Новгород-Северского Полесья такая булавка найдена на городище Кудлаевка (рис. 72, 14).

Для изготовления украшений железо применялось крайне редко. Как пример, можем назвать фрагмент браслета из погребения № 2 на городище Киселевка I, описанный выше (рис. 35, 4). Кроме того, у населения юхновской культуры бытовали железные иглы, шилья и проколки. К сожалению, их находки на памятниках Новгород-Северского Полесья немногочисленны. Как пример, на Кудлаевском городище найдено шило (Мельниковская, 1965, с. 10).

Есть и такие вещи, функцию которых достоверно установить не возможно. Так, с Кудлаевского городища происходит «инструмент», изготовленный из квадратного в сечении стержня один конец которого несколько загнут. Длина изделия — 18,2 см, толщина — 0,3—0,8 см (рис. 72, 15).

Две железные втулки происходят с Западного Юхновского городища. Вероятнее всего, они представляли собою своеобразные рукоятки, в которые вставлялся рабочий инструмент (рис. 72, 16, 17). Схожий предмет найден и на Кудлаевском городище (рис. 72, 18).

Нельзя не упомянуть находку наконечника копья с Мезинского городища (рис. 72, 19). Его длина 16,3 см. Перо короткое, ассиметричное, ром-

1. Интересно, что в материалах днепро-двинской культуры нет посоховидных булавок с навершием в виде треугольника.

бовидной формы (5 см). Длинная втулка (11,3 см) плавно расширяется к низу. Подобные наконечники более характерны для культур скифского облика. В качестве ближайшей аналогии можно указать на находку из кургана 3 группы II могильника у с. Медвин, Горчаков Лес (Ковпаненко, 1981, с. 128, рис. 32, 4).

Так же отметим находки железных наконечников стрел с городищ Бужанка I и Дробышев II (рис. 72, 20—22). Все они трехлопастные с длинным и тонким черешком (последний сохранился лишь на одном экземпляре). Подобные наконечники не являются юхновскими. Они широко известны среди сарматских древностей.

3.4. НАХОДКИ ИЗ БРОНЗЫ

Свидетельством развития местного бронзолитейного дела юхновского населения являются не только сами изделия, но и инвентарь мастеров. К сожалению, целых тиглей на памятниках Новгород-Северского Полесья не выявлено. Их остатки представляют собою сильно ошлакованные куски глины. С другой стороны, есть ряд миниатюрных сосудиков с заостренным дном, которые можем трактовать как тигель (рис. 73, 1). Отсутствия следов воздействия огня и раскаленного металла свидетельствует о том, что данные изделия не были в работе.

Вместе с тем известны целые экземпляры глиняных льячек (рис. 73, 3, 4). Они имели вид небольшой ложки с носиком для слива. В ручке было сделано отверстие для деревянного держака. По своим формам и размерам льячки не отличались от аналогичных изделий соседних территорий.

При помощи льячек раскаленную бронзу разливали в формочки. Находки последних немногочисленны. Три из них происходят с поселения за валом Западного Юхновского городища (рис. 73, 4—6). Они изготовлены из мергеля. Две предназначались для отливки небольших бусин, третья — для изготовления треугольной подвески, украшенной тремя выступами. Особый интерес представляет фрагмент глиняной формочки для отливки зеркала, найденная на Свердловском городище (рис. 73, 7). Вместе с тем находки бронзовых зеркал на памятниках юхновской культуры неизвестны. Не менее интересна находка каменной формочки для отливки двухлопастного дротика (рис. 73, 8). Бронзовых оружий, принадлежащих к юхновской культуре, на сегодняшний день не найдено.

Бронза использовалась для изготовления преимущественно украшений, которые одновременно могли быть и деталями одежды. Так, **булавки** изготавливали не только из железа (рис. 73, 9—17). Среди них можно так же выделить два типа — гвоздевидные и посоховидные. Первые крайне редко встречаются на юхновских памятниках, а с территории Новгород-Северского Полесья известно лишь несколько экземпляров.

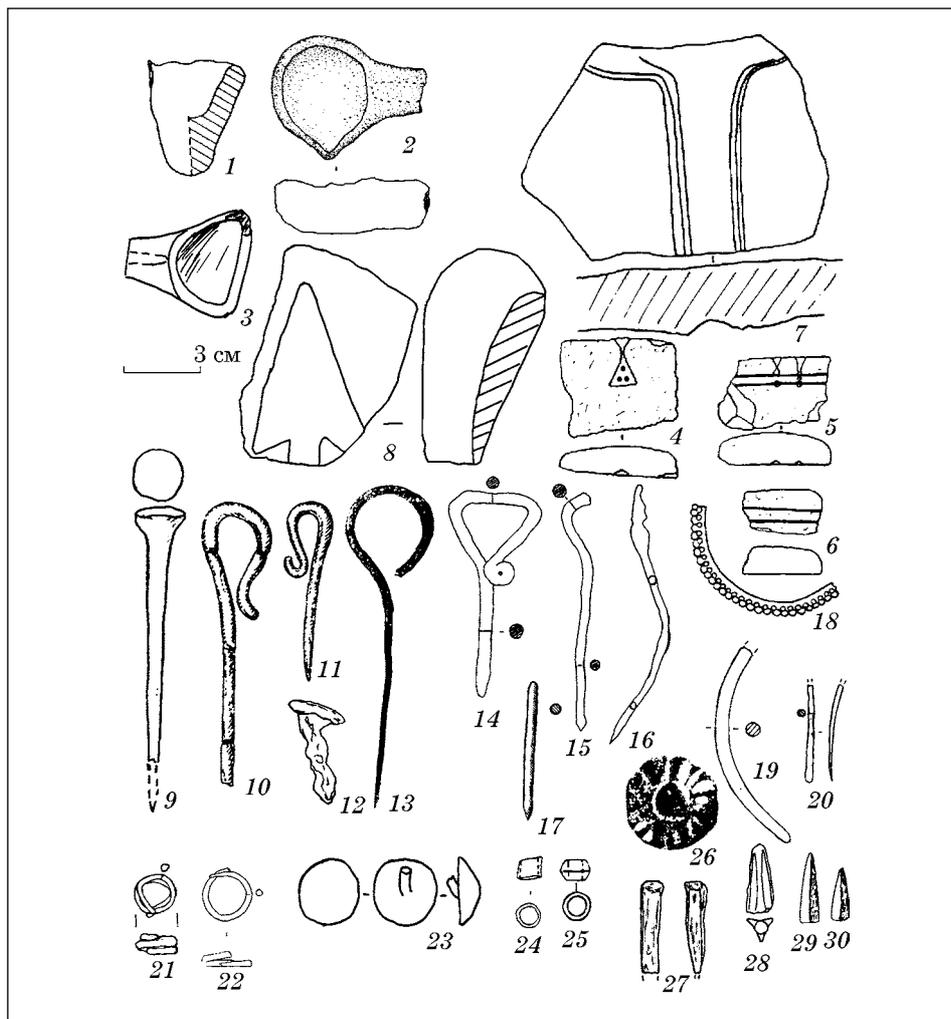

Рис. 73. Инструмент бронзолитейщика и изделия из бронзы: 1, 2, 12, 22, 27, 28 — Западное Юхновское; 3, 9, 23, 25 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1965; 1966; 1967); 4—6, 14—17, 24 — Западное Юхновское поселение (17 — по: Алихова, 1956); 7, 8 — Свердловка I (по: Мельниковская, 1978); 10, 11, 29, 30 — Пушкари (по: Розенфельдт, 1968); 13, 26 — Юхновские городища (по: Трубникова, 1938); 18 — Песочный Ров (по: Кухаренко, 1959); 19 — 21 — Бужанка I

Два происходит с городищ Кудлаевка и Западное Юхновское (рис. 73, 9, 12). Первый сохранился достаточно хорошо. Он изготовлен из округлой в сечении проволоки, плавно расширяющейся к гвоздевидному навершию (5 тип по В.Г. Петренко, 1978, с. 12, 13, табл. 4, 4—30). Гвоздевидная бу-

лавка несколько иного типа выявлена в погребении на Мезинском городище (рис. 33, 1). Головка, в сравнении с предыдущими вышеописанными экземплярами, значительно меньшая, а по стержню, в верхней части, нанесены косые насечки.

Несколько больше известно посоховидных булавок (рис. 73, 10, 11, 13—15). Условно можно выделить два их варианта: с округлым и подтреугольным навершием. Верхняя часть расположена симметрично над самим стержнем, а его край загнут в петлю. На сегодняшний день не встречены бронзовые булавки, у которых навершие находится сбоку от центральной оси стержня, конец которого загнут в виде кольца (третий вариант для железных булавок).

Еще раз отметим, что как железные, так и бронзовые булавки описанных типов имели весьма широкое распространение у народов Леса и Лесостепи в эпоху раннего железа. Различия состояли лишь в преобладании того или иного типа или же материала. Как пример, для лесостепной зоны более характерными были гвоздевидные булавки. Схожие посоховидные булавки найдены на городищах Верхней Оки (Никольская, 1959, с. 30). В культуре поздней штрихованной керамики основным материалом для изготовления этих вещей было железо (Егорейченко, 2006, с. 88). Учитывая находки со всей территории юхновской культуры, можно заметить, что предпочтение отдавали бронзе.

Редкими находками на памятниках Новгород-Северского Полесья являются **браслеты**. Всего известно несколько экземпляров, к тому же они фрагментированные (рис. 73, 18—20). Два из них найдены на городище Бужанка I. Оба изготовлены из округлой в сечении проволоки. Сохранившаяся толщина одного из фрагментов — 6 мм. Его кончик несколько заострен (рис. 73, 19). У второго браслета окончание несколько приплюснутое. Диаметр в сечении — 3 мм. Вещи латенского круга напоминает обломок браслета (Воеводский, Артишевская, 1947, с. 16), найденный М.В. Воеводским на городище Песочный Ров (рис. 73, 18). Аналогичный браслет найден в кургане 14 Люберецкого села (Петренко, 1978, с. 55, табл. 44, 13).

Обломок пластинчатого браслета с рубчатым узором происходит с раскопок Д.Я. Самоквасова городищ у с. Юхново. Н.В. Трубникова отмечала, что данный орнамент характерен для изделий более позднего времени (1938, с. 127). Вместе с тем, материалы этого периода очень немногочисленны на указанных памятниках.

Из тонкой и округлой в сечении бронзовой проволоки изготавливали **височные серьги** (рис. 73, 21, 22). Один ее конец мог быть заостренным. Такая проволока скручивалась в кольцо, в один — полтора оборота. Аналогичные изделия были широко распространены как в Лесостепи так и лесной зоне.

К категории сережек следует отнести изделия с тонкой проволокой, прикрепленной к округлому и выпуклому щитку. В частности, такая серьга была найдена на Кудлаевском городище (рис. 73, 23). Аналогичные вещи известны на более южных юхновских памятниках, таких как:

Кузина Гора, Шабалиновка и Долинский могильник. Находки таких сержек не редкость для населений милоградской культуры и Лесостепи. Схожие вещи происходят из курганов у сел Синьковка (группа 1, курган 1а, курган 11) и Лихачевка (Петренко, 1978, табл. 17, 3, 19, 20), а так же ряда иных памятников. По мнению В.Г. Петренко, такие серьги появляются в Лесостепи в V в. до н. э. (1978, с. 27, табл. 17, 17—20). Более широкую дату, VI—V вв. до н. э., предлагала О.Н. Мельниковская (1975, с. 101).

Из бронзы отливали и бусины. Все известные экземпляры небольшие — около 1 см в диаметре. Их форма разнообразна: битрапециевидные, прямоугольные, округлые (рис. 73, 24, 25).

С одного из Юхновских городищ происходит круглая **бляшка**, украшенная орнаментом в виде розетки, с остатком петли на обратной стороне (рис. 73, 26). Ближайшие аналогии известны на скифских памятниках (Трубникова, 1938, с. 128), что может свидетельствовать о ее южном происхождении. Остатки медного (бронзового?) пластинчатого украшения выявлены на Мезинском городище (рис. 33, 3, 4). Оригинальна бронзовая бляшка с Пушкаревского городища со стилизованным изображением львиной морды. Учитывая, что звериный стиль не был свойственен для изделий юхновской культуры, можем также трактовать ее как импорт. Хотя нельзя исключать, что подобные изделия являлись подражанием местных мастеров.

Бронзовая бляшка квадратной формы с четырьмя лепестками розетки найдена на городище Песочный Ров. На ее обратной стороне есть небольшие крючки для крепления, что позволяет трактовать ее как деталь ремня (Воеводский, Артишевская, 1947, с. 15).

В качестве инструмента мастера-бронзолитейщика можно трактовать находку бронзового зубильца (рис. 73, 27). Оно несколько меньше по своим размерам подобных вещей, сделанных из железа.

Нельзя не упомянуть и о находках бронзовых наконечников стрел (рис. 73, 28—30) скифского облика с ряда юхновских городищ (Пушкари, Западное Юхновское). Безусловно, они не имеют местных корней и могут рассматриваться, например, как следы нападений.

Таков в целом немногочисленный и маловыразительный инвентарь бронзовых вещей с городищ Новгород-Северского Полесья. Отчасти его незначительное количество можем объяснять не такими уж и масштабными раскопками. Однако, учитывая материалы иных юхновских памятников, причину следует искать в ином. Своих месторождений олова и меди у юхновского населения не было. Вероятнее всего, бронза в виде слитков поступала от населения Лесостепи. Привозной металл соответственно ценился. Интересно, что находок изделий из бронзы на ранних памятниках (VI—V вв. до н. э.) значительно меньше, чем на более поздних (начиная с конца V—IV вв. до н. э.). Не исключено, что данный факт отражает возросшую интенсивность контактов юхновского и более южного населения.

3.5. О НЕКОТОРЫХ ИНЫХ КАТЕГОРИЯХ ВЕЩЕЙ

Такой материал как **камень** использовался населением юхновской культуры преимущественно для изготовления терочников и зернотерок. О них будет сказано ниже. А вот обработка кремня ему не характерна (приложение V). Пожалуй, единственная кремневая вещь происходит с Западного Юхновского городища (рис. 74). Это обломок серого цвета размерами 35 × 22 × 12 мм. На отдельном небольшом участке поверхности видны специфические следы забитости, которые остаются после удара металлическим предметом. Такие следы характерны для кремня, использовавшегося в качестве кресала.

И на конец, нельзя не сказать несколько слов о вещах, которые условно можем отнести к **импорту**. Выше уже шла речь о бляшке с зооморфным изображением с городища Пушкири. Вполне возможно, что она является продуктом обмена и попала на памятник от соседнего лесостепного населения. Не исключено, что и некоторые гвоздевидные булавки имеют южное происхождение.

Безусловным импортом являются пастовые бусины. С того же Пушкиревского городища происходят две бусинки желтого цвета с голубыми глазками, окруженными белыми колечками (Розенфельдт, 1968, с. 197). Аналогичная найдена на одном из Юхновских городищ. С раскопок Д.Я. Самоквасова происходит и маленькая овальная бусинка серого цвета (Трубникова, 1938, с. 127). Пастовая желтая бусина с синими глазками найдена и на Кудлаевском городище (Мельниковская, 1965, с. 10). Такие изделия имеют весьма широкое распространение у народов Лесостепи раннего железного века, что позволяет предполагать наличие обменных отношений с данным населением.

Так же к категории импорта можем относить и находки раковин каури найденных на городищах Пушкири (Розенфельдт, 1968, с. 197) и Кудлаевка (Мельниковская, 1965, с. 11). Еще одна морская раковина выявлена во время раскопок одного из Юхновских городищ (Трубникова, 1938, с. 127).

Большой редкостью являются находки античной керамики. Как исключение, можем назвать городище Кузина Гора, где были найдены обломки ионийских амфор VI в. до н. э. и фрагменты чернофигурного килика (Алихова, 1962, с. 92, рис. 8, 8, 9). Дан-

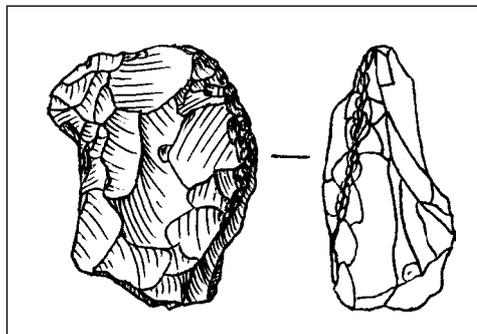

Рис. 74. Кремень, Западное Юхновское городище

ный памятник расположен в бассейне Сейма, т. е. на южных окраинах культуры. На территории Новгород-Северского Полесья подобные находки редкость. Лишь на городище Мезин найден обломок лощеной красноглиняной миски (Мельниковская, 1967, с. 19).

Как видим импортные вещи — явление редкое для материального комплекса памятников изучаемой территории. Очевидно, юхновское население Десны вело весьма замкнутый образ жизни. Контакты с соседями носили ограниченный характер. Об этом свидетельствует не только малое количество импорта. Весь материальный комплекс культуры достаточно самобытный и не подвержен сильным влияниям извне.

Глава 4

ХОЗЯЙСТВЕННЫЙ УКЛАД

Хозяйственный уклад населения юхновской культуры следует определять как животноводческо-земледельческий¹. На первый план выступает именно животноводство, что отвечает реалиям эпохи раннего железа. Лишь с появлением упряжных пахотных орудий с железными рабочими частями во второй половине I тысячелетия н. э., земледелие становится основной отраслью хозяйства (Краснов, 1971, с. 3). При рассмотрении хозяйственно-культурных типов Восточной Европы в раннем железном веке Ю.А. Краснов отмечал, что для зоны мешаных лесов, совпадающей с ареалом юхновской культуры, животноводство, особенно на ранних этапах, играло значительно большую роль, нежели земледелие. При этом именно необходимость охраны скотины, т. е. основного богатства, и привела к появлению укрепленных поселений (Краснов, 1990, с. 7, 8; Каравайко, 2004, с. 31). Аналогичная ситуация возникает и в иных культурах лесной полосы, в частности — ранней штрихованной керамики (Егорейченко, 2006, с. 42)². Для развития данной отрасли не были помехою ни пересеченный рельеф, ни наличие значительных лесных массивов. В связи с этим интересно вспомнить описание Германии Тацитом. «Хотя страна кое-где и различается с виду, все же в целом она ужасает и отвращает своими лесами и топами ... но германцы радуются обилию своих стад, и они — единственное и самое любимое их достояние» (Тацит, 2001, § 5).

4.1. ЖИВОТНОВОДСТВО

Культурный слой юхновских городищ изобилует находками костей животных. Остеологические определения проводились на 5 памятни-

1. Более подробно о характеристике хозяйственного уклада населения юхновской культуры см.: Каравайко Д.В. Горбаненко С.А. Господарство носіїв юхнівської культури (в печати).

2. Егорейченко А.А., на мой взгляд, ошибочно считал, что основой хозяйственного уклада населения юхновской культуры было земледелие (2006, с. 42).

Таблица 1. Видовой состав стада.

Животное	Восточное Юхновское (1940 г.)		Киселевка II (2005—2008 гг.)		Песочный Ров (1945—1947 гг.)		Западное Юхновское (1940 и 2004 гг.)		Бужанка I (2008—2009 гг.)	
	Количество									
	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей
Крупный рогатый скот	2	12	9	113	8	23	10	92	9	289
Лошадь	3	25	3	60	4	32	13	96	7	70
Свинья	2	5	10	81	3	8	18	83	10	118
Мелкий рогатый скот	2	12	6	108	3	4	5	29	8	83
Собака домашняя	—	—	3	3	1	1	1	1	3	9

ках Новгород-Северского Полесья: Песочный Ров, Восточное Юхновское, Западное Юхновское и поселение за валом¹, Киселевка II, Бужанка I (табл. 1; рис. 75; приложение III). Как видим, выборка невелика. Однако, учитывая данные с иных городищ юхновской культуры (Цалкин, 1962, с. 76—77) охарактеризовать характер животноводства все же возможно.

Основую стада у населения юхновской культуры данного региона были крупный рогатый скот (28 %), свинья (32 %) и конь (22 %). Учитывая незначительное количество определений и небольшие площади раскопов на выше названных памятниках, сложно говорить о доминировании того или иного вида. Несомненно, что разведение крупного рогатого скота играло большую роль. Прежде всего, бык и корова давали наибольшее количество мяса. Известны находки и костей волов. Благодаря кастрации скот становился более пригодным для откормки, его можно было использовать в качестве тягловой силы (Цалкин, 1962, с. 15, 22, 30).

Не менее важное значение имело коневодство. Незначительный процент особей коня можно объяснить рядом причин. Во-первых, поголовье коня тяжело восстанавливается. Интересен тот факт, что большинство костей домашнего скота принадлежит молодым особям, а кости коня пожилым — 19—20 лет (Цалкин, 1962, с. 10, 31, 37, 41). Во-вторых, конь использовался в качестве рабочей силы. Так, по определению О.П. Жу-

1. К сожалению, остеологический материал с обоих Юхновских городищ (раскопки А.Е. Алиховой) В.И. Цалкиным не был разделен. Однако, используя таблицу А.Е. Алиховой (1956, с. 41) и приложение В.И. Цалкина (1962, с. 76), с определенной долей ошибки, все же можно распределить материал по памятникам.

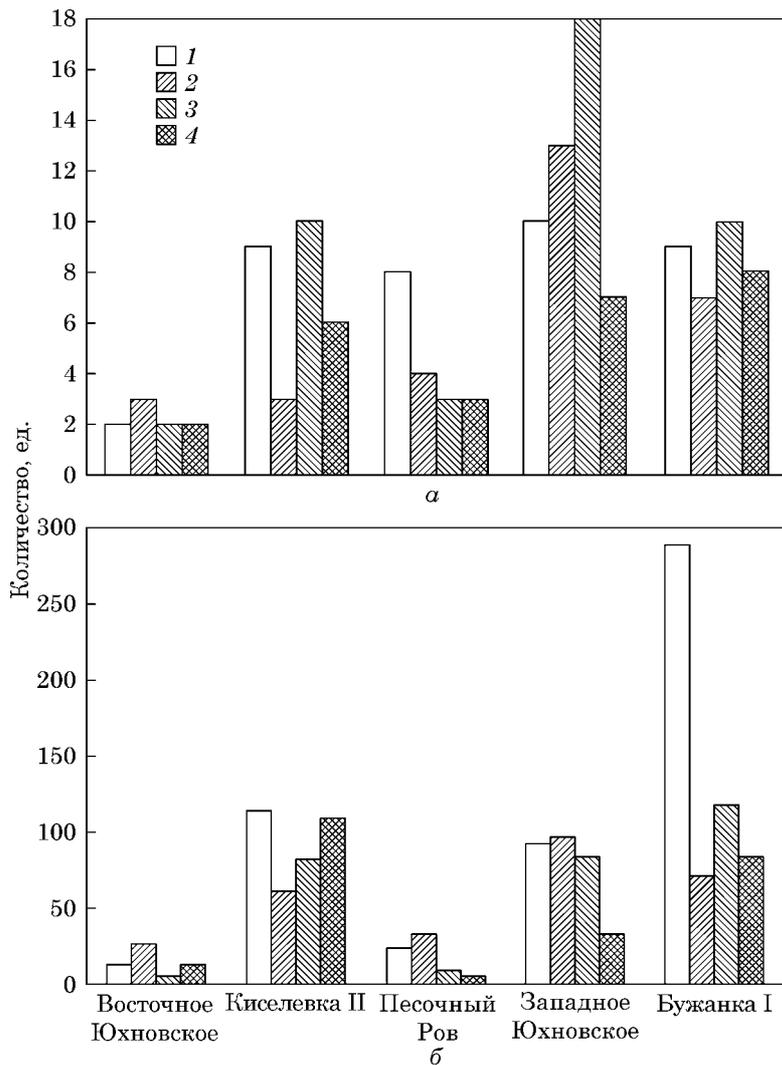

Рис. 75. Видовой состав стада: а — количество особей, б — количество костей. Условные обозначения: 1 — крупный рогатый скот, 2 — лошадь, 3 — свинья, 4 — мелкий рогатый скот

равлева, на Киселевском городище найдены останки очень старого коня (приложение III). Кости суставов срослись, что указывает на рабочую патологию. В-третьих, содержание коня в зимний период не представляло сложности. Он легко мог добывать корм из-под снега. На зиму забивали преимущественно крупный рогатый скот, для которого необходимы были

значительные запасы корма. Кроме всего прочего конь использовался и для верховой езды. Находки узды и псалиев на территории юхновской культуры единичны (рис. 71, 1—4). Учитывая тот факт, что псалии с лесной части культуры достаточно примитивны и немногочисленны, в сравнении с южными регионами, можно утверждать, что верховая езда у юхновского населения не была развита.

Исходя из сказанного, роль коня была значительно большей, нежели о том говорят цифры. Вместе с тем, превалирование костей коня зафиксировано на Кудлаевском городище (Мельниковская, 1967, с. 17). Крупный рогатый скот и лошадь находились на первых местах в стадах у населения Лесостепи в раннем железном веке (Цалкин, 1966, с. 40).

Исходя из сводных данных по пяти городищам Новгород-Северского Полесья, у населения юхновской культуры было весьма развито свиноводство. Однако показатель количества особей (найденных костей) на разных памятниках разный. Наибольший процент особей свиньи фиксируется на Западном Юхновском городище (табл. 1; рис. 75). На остальных памятниках этот показатель равен или приближен к показателю количества крупного рогатого скота.

Незначительный процент в стаде (18 %) принадлежит мелкому рогатому скоту, разведение которого не было приоритетным (приложение III). Овцы и козы более приспособлены к открытым пространствам, да и мяса дают значительно меньше.

Нельзя не отметить один любопытный факт. На Киселевском городище найдена одна кость (копыто) домашнего осла¹. На сегодня это очень редкая находка и не только на памятниках юхновской культуры, но и иных культурах леса. Не меньшее удивление вызывает находка кости осла на городище Дьяково в бассейне Москвы-реки (Кренке, 2011, с. 24).

На четырех из пяти вышеназванных городищах зафиксированы кости собак (приложение III). Череп собаки был найден и в заполнении ямок от столбов оборонительной стены (Мельниковская, 1968а, с. 232). Использовали ли собак для охоты, выпаса стада или же в иных целях на сегодняшний день сказать нельзя. По заключению В.И. Цалкина, в пищу они не использовались (1962, с. 47).

И так, животноводство у населения юхновской культуры имело мясное направление, о чем свидетельствует значительное количество раздробленных костей для доставания костного мозга, т. е. являются кухонными остатками (Цалкин, 1962, с. 9, 30, 37, 41). Молочное направление, вероятно, находилось на начальной стадии. Каких-либо специальных сосудов, предназначенных для изготовления молочных продуктов, на сегодняшний день не выявлено.

Количество голов в стаде у населения отдельно взятого городища достоверно нам не известно. По подсчетам Ю.А. Краснова, на среднем лесном городище стадо состояло из 70—100 голов (1971, с. 145—146). Вслед

1. Определение О.П. Журавлева (приложение III).

за Е.П. Бунятян, предполагаем сезонный выпас с возвращением скота в холодную пору года (1992, с. 21). В качестве пастбищ были пригодны пойменные луга левого берега Десны. Напомним, что напротив многих городищ (между Песочным Рвом и Пушкарями, невдалеке от Бужанки и т. д.) и сегодня существуют броды.

Аналогичный состав стада, где доминировали крупный рогатый скот и конь, был и у соседнего населения Лесостепного Левобережья, за исключением бассейна Ворсклы, где на первом месте находились свинья и мелкий рогатый скот (Цалкин, 1966, с. 40; Моруженко, 1985, с. 130, рис. 1).

Состав стада у западных соседей юхновцев, населения милоградской культуры, отличался незначительным процентом свиньи (13,9 %), самым низким среди всех лесных культур раннего железного века (Цалкин, 1962, с. 71, рис. 37). Неразвитой эта отрасль была и у населения Среднего Дона, где приоритетным направлением было разведение коней и крупного рогатого скота (Антипина, 2004, с. 116, табл. 3). В то же время в соседней днепро-двинской культуре ситуация диаметрально противоположная. Тут, как и на дьяковских памятниках (Цалкин, 1962, рис. 36), процент костей свиньи достаточно высок, а количество костей коня чуть ли не самое низкое (Мельниковская, 1967а, рис. 59; Седов, 1969, с. 121).

Такое различное соотношение видового состава стада у населения юхновской культуры и их соседей возможно объяснить природно-географическими условиями, по-разному влияющими на разведение того или иного вида.

4.2. ЗЕМЛЕДЕЛИЕ

Развитию земледелия у населения юхновской культуры способствовали несколько факторов. Немаловажным из них был состав и качество почв. Территория юхновской культуры практически полностью совпадает с зоной лесных подзолистых грунтов (Рыбаков, 1962, с. 6, 7). По своим химическим и физическим свойствам они не очень удобны для ведения сельского хозяйства (Почвоведение, 1988, с. 31, 81, 82). Вместе с тем правый берег Десны Новгород-Северского Полесья изобилует лессовыми останцами на меловых отложениях. Грунты, возникающие на лесе и лессовидных отложениях, наиболее благоприятны для земледелия и легки для обработки (Краснов, 1971, с. 8). Достаточно плодородны и пойменные луга. Наиболее удобны для земледелия аллювиально-луговые грунты. Их плодородие постоянно восстанавливается в аллювиальных и гидроморфных процессах, а для травянистых растений они имеют оптимальный водный режим (Почвоведение, 1988, с. 41). Земледелие в пойме позволяло использовать участки практически неограниченное время (Краснов, 1971, с. 63).

Судить о развитии земледелия и о его системе можем по немногочисленным находкам сельскохозяйственного инвентаря, остаткам обгорелого зерна, его отпечаткам на сосудах и единичным изображениям на пряслицах.

Среди культур, выращиваемых населением юхновской культуры можем назвать просо, ячмень и пшеницу. Их обгорелые зерна найдены на Западном Юхновском городище (Алихова, 1956, с. 41). Обгорелые зерна проса были выявлены на более северном поселении (городище) Лбище (Падин, 1966, с. 147). Вынуждены констатировать немногочисленность подобных находок. Не так много информации касательно видов зерновых, отпечатки которых присутствуют на керамике. М.И. Лошенко отмечал, что археоботанические материалы для юхновской культуры, впрочем, как и для других лесных культур, фиксируются очень редко (2010, с. 62). С таким утверждением вряд ли можем согласиться. Еще О.Н. Мельниковская писала о многочисленности отпечатков зерен¹ (1967, с. 17). Дело в том, что специальные палеозтботанические определения просто не проводились. Отсюда и «немногочисленность» данного материала. Кроме того, внимание исследователей концентрировалось прежде всего доньшках сосудов, где ожидалось следы (отпечатки) зерен. В этом отношении показательны результаты исследований коллекции керамики с городища Песочный Ров (раскопки 2002 г.). Так, из осмотренных 169 фрагментов доньшек сосудов лишь на одном, в его внутренней части, обнаружен отпечаток ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare*)². Значительно больше информации удалось получить при анализе всей коллекции. Были выявлены следы ячменя пленчатого (1 шт.), пшеницы двузернянки (пленчатой) (*Triticum dicoccon*) (2 шт.) и проса посевного (*Panicum milliaceum*) (8 шт.)³.

В последнее время проведены определения и по материалам с городищ Бужанка I, Киселевка II и Западное Юхновское городище и поселение (Приложение II). Были выявлены отпечатки проса, ячменя пленчатого и пшеницы двузернянки, причем просо явно доминировало. В результате проведенных исследований впервые был получен материал позволяющий говорить о видовом составе выращиваемых злаков.

Весьма интересны изображения колосков злаков на пряслицах с городищ Песочный Ров и Кудлаевка (рис. 76, 1—3). Определить вид не представляется возможным. Однако такой рисунок свидетельствует не только о развитии земледелия, но и о его значительной роли в жизни юхновского населения. Напомним, что изображения на пряслицах зачастую представляют собою солярную символику, а соответственно имеют культовое значение. Не исключено, что и колоски изображались с той же целью.

Специальные инструменты для уборки урожая — серпы — на изучаемой территории не известны. С одной стороны, это возможно объяснить крайне плохой степенью сохранности железа в местных грунтах. Не исключено, что серпы при поломке оставались на обрабатываемых полях. С другой стороны, при недостаточно развитом земледелии, урожай могли собирать при помощи железных ножей, описание которых дано выше, или же вырыванием колосков.

1. Отпечатки злаков были переданы на определение. К сожалению, результаты анализа найти не удалось.

2. Определение докт. биол. наук Г.А. Пашкевич.

3. Определения канд. ист. наук С.А. Горбаненко.

Судить о форме серпов можно лишь по материалам соседних юхновских городищ. Их большинство имеет незначительный изгиб лезвия и небольшой четко выделенный черешок (IV тип, по Ю.А. Краснову). Такие серпы характерны преимущественно для лесных культур, за исключением милоградской, и вероятно имеют местное происхождение (Краснов, 1971, с. 74).

Размол зерна проводился при помощи каменных терочников и зернотерок (рис. 76, 4—13). Первые были округлой формы, диаметром около 10 см, со сработанными гранями. В качестве зернотерки использовали любой подходящий камень. Его верхняя часть достаточно ровная со следами сильной затертости.

Несколько слов о системе земледелия. Прежде всего, отметим, что на ранних этапах развития культуры земледелие играло не значительную роль, что отмечалось некоторыми авторами (Горюнова, 1950, с. 155; Левенок, 1963, с. 87). Вполне можем предполагать наличие подсечно-огневой системы. Не противоречит этому отсутствие серпов, которые, по мнению Ю.А. Краснова, являются показателем наличия пахотной системы земледелия. «Пашенное земледелие даже в самой примитивной форме должно было привести к значительному расширению посевных площадей, что не могло не сказаться на изменении техники уборки урожая, к появлению более совершенных уборочных орудий» (Краснов, 1971, с. 36). Касательно сказанного отметим тот факт, что на раннем полностью раскопанном городище Кудлаевка (VI—V вв. до н. э.) не найдено ни одного серпа.

Со временем население юхновской культуры переходит к более прогрессивной системе обработки земли, к пахотному земледелию. Об этом явственно свидетельствует изображение на пряслице с городища Песочный Ров. С одной стороны нанесено изображение колоска зерновой культуры, а с другой схематическое изображение двух запряженных животных в виде крестов и примитивного плуга (рис. 76, 1). Последний, судя по рисунку, состоял из двух основных частей — длинной жерди, крепившейся к упряжи и самого плуга¹. Его контуры, для подчеркивания массивности, выделены двумя параллельными черточками. Это — так называемое кривоградильное рало с горизонтальным полозом.

Точно датировать эту находку, а соответственно и время перехода к пашенному земледелию, невозможно. Наиболее вероятной датой является V в. до н. э. (возможно начало IV в. до н. э.).

Подобные изображения или же сами рала на остальных памятниках юхновской культуры неизвестны. Ближайшая аналогия таких рисунков на керамике принадлежит к дьяковской культуре, датированной VII в. до н. э. — V в. н. э. На Троицком городище в Подмосковье, в верхних слоях найдено типично дьяковское пряслице со схематичным изображением кривоградильного рала с полозом (Дубынин, 1966, с. 270—272, рис. 1, 2). Изображение на нем практически точно повторяет вышеописанное. Близкая аналогия

1. Подробнее о данном изображении на пряслице см.: (Каравайко, Горбаненко, 2011).

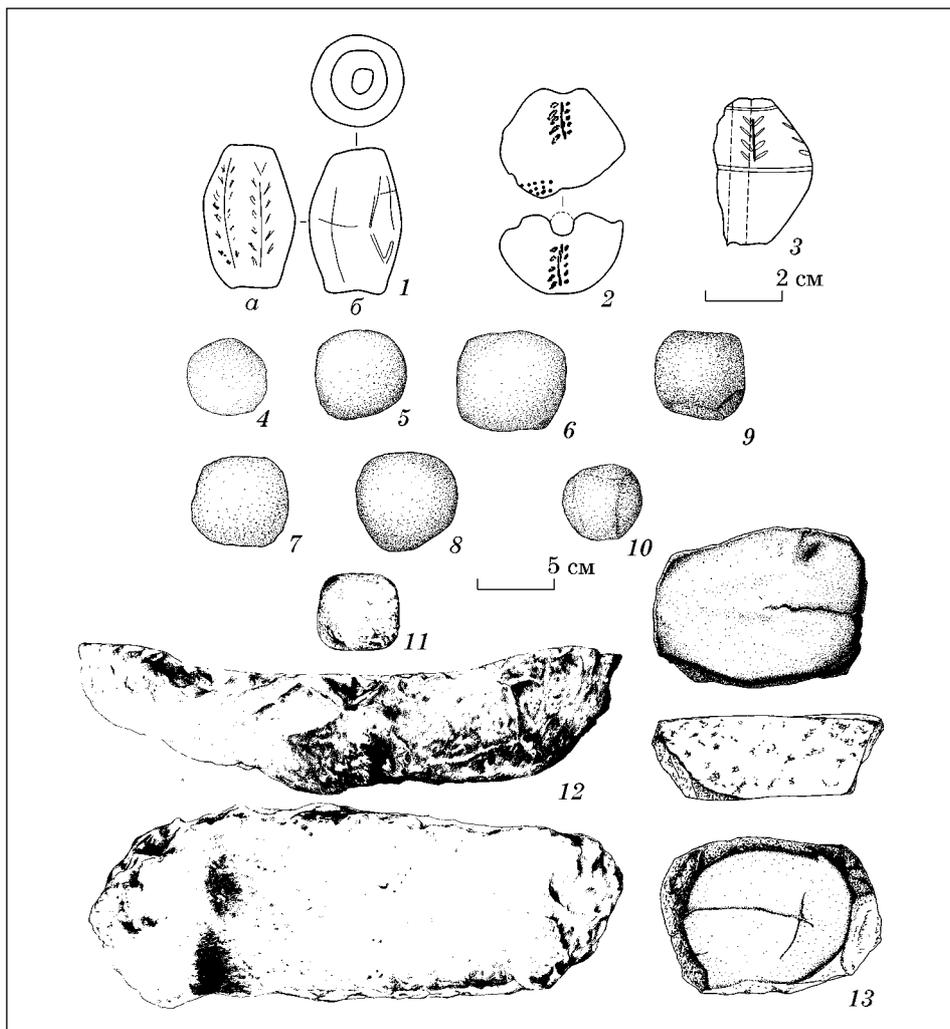

Рис. 76. Глиняные пряслица с изображением колосков, каменные растиральники и зернотерки: 1, 2, 13 — Песочный Ров (1 — по: Зализняк, 1982); 3 — Кудлаевка (по: Мельниковская, 1966); 4—8 — Западное Юхновское; 9, 10, 12 — Киселевка II; 11 — Бужанка I

изображению на пряслице с Песочного Рва — глиняная модель рала с Бельского городища (Шрамко, 1987, рис. 34, 3). Деревянные рала из торфяников были найдены в Лесостепи (Шрамко, 1965, с. 8, 9). Сложно представить, что пахотное земледелие Лесостепи представляло собою изолированное явление и не распространилось в более северные районы, у того же населения юхнов-

ской культуры. Аналогичное предположение относительно милоградской культуры было высказано О.Н. Мельниковской (1967а, с. 130).

Говоря о времени перехода от одной системы земледелия к другой следует помнить, что данный процесс не являлся скоропалительным и революционным. Подсечно-огневая система, безусловно, более ранняя, нежели пахотная. Однако элементы этих двух форм могли сосуществовать. Так, пахота могла использоваться и после подсеки (Мельниковская, 1967а, с. 131). Сама же подсека могла использоваться для расчистки площадей под посевы и не являлась доминирующей (Краснов, 1967, с. 19—20). Кроме того, следует учитывать и региональные особенности. Так, на разных поселениях, и не только синхронных, могла применяться различная система обработки земли.

4.3. РЫБОЛОВСТВО

Достаточно весомую роль в жизни юхновского населения играло рыболовство. Его огромное значение неоднократно отмечалось исследователями (Горюнова, 1950, с. 156; Левенок, 1963, с. 81, 82 и др.). Культурный слой и заполнение ям с многих городищ изобилует находками чешуи, костей рыб и рыболовными грузилами. Объектом лова были, прежде всего, рыбы семейства карповых¹, что и не удивительно. Данное семейство наиболее многочисленное и доминирующее. Отдельные виды карповых, а так же иных семейств, удалось установить В.Д. Лебедеву на материалах городищ Западное и Восточное Юхновское, Песочный Ров (Лебедев, 1944). Древнее население этих поселений вылавливали таких рыб как язь, вырезуб, красноперка, линь, лещ, сазан и жерех. Так же ловили сома, щуку, окуня и судака. Интересно, что плотву, которой сейчас изобилует Десна, в пищу практически не употребляли. Основными промысловыми рыбами были щука, окунь, сом, судак и лещ (Лебедев, 1944, с. 248). Кости сома, щуки, судака а так же карповых, найдены на городищах Свердловка I и Кудлаевка (Мельниковская, 1967, с. 17; 1968, с. 19), Киселевка II, Бужанка I, Западное Юхновское. Интересный комплекс происходит с городища Мезин. Здесь найдено 7 грузил и нижнюю часть горшка, заполненного чешуей и рыбьими костями (Мельниковская, 1968, с. 11).

По заключению В.Д. Лебедева размеры древних рыб были несколько большими в сравнении с современными (Лебедев, 1944, с. 245—247). То же можно сказать и исходя из анализа чешуи и костей с городища Киселевка II. Значительный размер древних рыб — от 30 см до 2,3 м, отмечала и О.Н. Мельниковская (Мельниковская, 1967, с. 17).

Смешанный характер улова и наличие огромного количества обломков глиняных грузил позволяет утверждать, что основным орудием ловли

1. Определение м. н. с. Института гидробиологии НАН Украины О.П. Кирилюк. Материалы с городищ Западное Юхновское и Киселевка II.

у населения юхновской культуры были сети (Лебедев, 1944, с. 242). В полной мере можем говорить о промышленном вылове рыбы. Изготовление сетей не представляло собою сложный процесс. Для плетения использовали разного рода костяные орудия (рис. 69), имеющие полифункциональное назначение. Возможно, специальными инструментами были костяные пластины с выделенной головкой (рис. 71, 8), описанные выше.

Кроме того ловлю проводили на крючок. Одна из таких находок происходит с Кудлаевского городища (рис. 72, 8). Оба конца не сохранились, что затрудняет говорить о способе крепления крючка и об устройстве острия. Судя по находке с Кветунского городища форма древнего крючка не отличалась от современной (Левенок, 1963, рис. 1, 3). Относительно большие размеры данных изделий позволяют предположить, что их использовали для вылова сома, который «стоит» под крутым берегом реки.

Еще одним чуть ли не древнейшим способом ловли было забивание рыбы с помощью гарпуна или остроги. Их острия изготавливали из кости, реже из железа. На памятниках изучаемой территории известны костяные наконечники, происходящие с городищ Западное Юхновское, Бужанка I, Песочный Ров (рис. 71, 5—7). Использование таких гарпунов было возможно лишь на мелководье и в залитых водой поймах.

Судя по материальным остаткам, рыболовство у населения юхновской культуры было чрезвычайно развитым. Такой ситуации не наблюдается ни у одной из соседних культур. Для сравнения отметим, что на таких городищах Лесостепи как Мотронинское или Бельское находки костей рыб, чешуи или орудий ловли единичны (Шрамко, 1987, с. 91; Бессонова, Скорый, 2001, с. 115).

У населения милоградской культуры рыболовство так же не было развитым промыслом. О.Н. Мельниковская отмечала, что на территории Беларуси оно практически не имело никакого значения при получении дополнительного продукта питания, так как вполне достаточно было продуктов, получаемых от животноводства и земледелия (Мельниковская, 1967а, с. 139, 140).

Более развитым рыболовство было у населений культур ранней штрихованной керамики и днепро-двинской (Егорейченко, 2006, с. 48—49; Шмидт, 1992, с. 76—78).

4.4. ОХОТА

Пищевой рацион населения юхновской культуры существенно дополняли охотничьи трофеи. Добытые шкуры и мех использовали для пошива одежды. Из кости изготавливали орудия труда. Кости диких животных найдены на каждом городище юхновской культуры бассейна Десны (табл. 2; рис. 77). По подсчетам В.И. Цалкина, они составляют 27,1 % от общего количества (Цалкин, 1962, рис. 34). Исходя из данных пяти горо-

Таблица 2. Видовой состав диких животных.

Животное	Восточное Юхновское (1940 г.)		Киселевка II (2005—2008 гг.)		Песочный Ров (1945—1947 гг.)		Западное Юхновское (1940 и 2004 гг.)		Бужанка I (2008—2009 гг.)	
	Количество									
	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей	особей	костей
Лось	2	13	3	70	4	19	4	22	2	10
Косуля	1	2	2	5	1	1	3	4	11	112
Кабан	2	5	5	32	—	—	1	8	13	83
Медведь	1	3	—	—	—	—	2	3	2	2
Олень	—	—	1	13	—	—	2	5	4	52
Бобр	—	—	4	19	2	3	8	83	3	8
Заяц	—	—	1	2	—	—	1	1	2	2
Лиса	1	2	—	—	—	—	1	2	2	4
Барсук	—	—	—	—	—	—	1	1	1	1

диц Новгород-Северского Полесья данный показатель несколько больший — 41 %.

По результатам анализа В.И. Цалкина, основным объектом охоты населения юхновской культуры был лось (Цалкин, 1962, с. 50). Так, на полностью раскопанном городище Кудлаевка среди диких животных преобладали именно кости лося (Мельниковская, 1967, с. 17). Проведенные О.П. Журавлевым определения остеологического материала с городищ Киселевка II, Бужанка I и Западное Юхновское, а так же данные с иных памятников, свидетельствуют о том, что в равной мере охота велась на лося, кабана и косулю (табл. 2; рис. 77).

Важнейшим промыслом был вылов бобра. Если большинство зверей забивались ради мяса и шкур, то бобр давал еще и жир, обладающий целебными свойствами.

Ценную шкуру, мясо и жир можно было получить убив медведя. Его кости найдены практически на всех городищах, хотя они и немногочисленны. Бурый медведь — «хозяин леса» — один из самых опасных хищников. Весьма сомнительно, что охота на него велась исключительно в целях добычи мяса или шкуры. Не исключено, что такая охота была связана с каким-либо культом или же представляла собою демонстрацию мужества и отваги. Почитание медведя известно у многих народов леса и не только. Его клыки использовали в качестве подвесок-амулетов. Определенным символом-оберегом являлись когти или же лапа. В этой связи весьма показателен пример кургана Близнец 2, где среди прочего инвентаря найдены остатки лапы медведя (Ромашко, Скорый, 2009, с. 68—69). То же

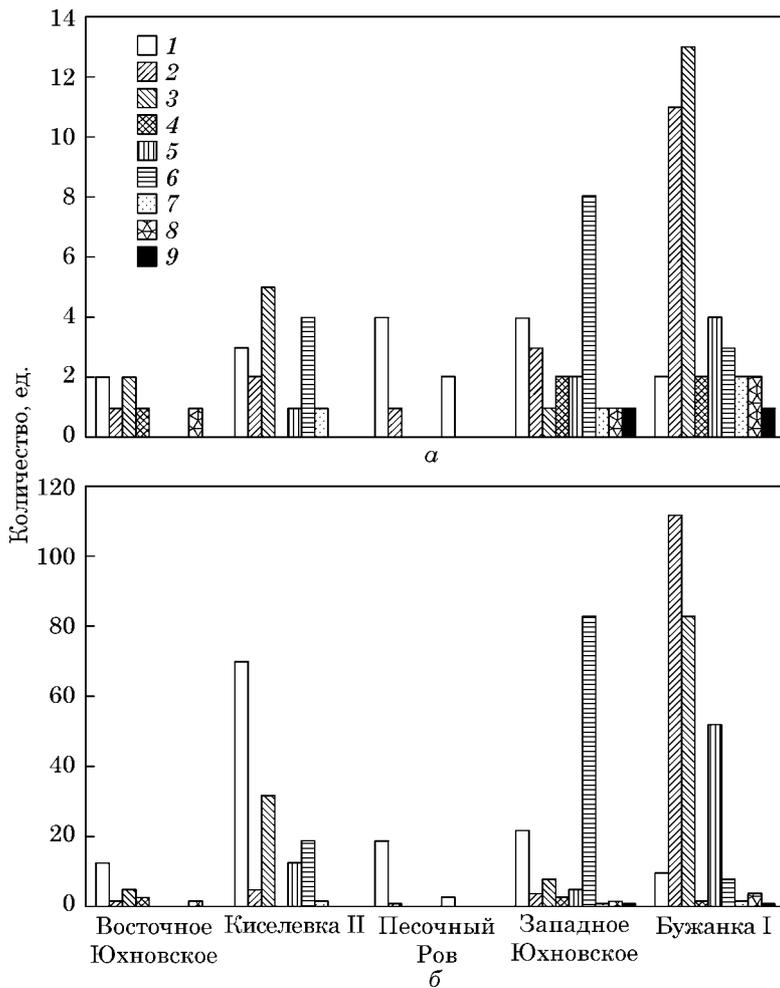

Рис. 77. Видовой состав диких животных: а — количество особей, б — количество костей. Условные обозначения: 1 — лось, 2 — козуля, 3 — кабан, 4 — медведь 5 — олень, 6 — бобр, 7 — заяц, 8 — лиса, 9 — барсук

можно сказать и касательно охоты на кабана, не менее опасного зверя. Известны подвески-амулеты, сделанные из клыка этого животного.

Ощутимое место по данным В.И. Цалкина занимал меховой промысел (38 % всех видов диких животных) (Цалкин, 1962, рис. 35). Охотились на зайца, лису, барсука, куницу и выдру. На памятниках Новгород-Северского Полесья находки костей пушных животных единичны (табл. 2; рис. 77).

Глава 5

ВОПРОСЫ ХРОНОЛОГИИ И ЭТНОСА

5.1. ХРОНОЛОГИЯ

На сегодняшний день, и это несмотря на многолетние исследования, вопрос датировки памятников Новгород-Северского Полесья, впрочем, как и всей юхновской культуры, остается открытым. Относительно хронологии данного культурного явления существует несколько мнений. Так согласно В.П. Левенку, культуру следует датировать VIII—VII вв. до н. э. — рубежом эр — IV в. н. э. (1963, с. 89—91). Время существования юхновских памятников О.Н. Мельниковская ограничивала VII—III вв. до н. э. — рубежом эр (1975а, 1985, с. 89). Осторожнее к этому вопросу подошла В.А. Ильинская, хотя напрямую она и не занималась данной проблематикой. По ее мнению, юхновская культура относится к VI—III вв. до н. э. Существование юхновских памятников в этот период не вызывает сомнений. С учетом специфики издания (Археология УССР, 1986), автор была вынуждена обойти ряд вопросов, связанных с нижней и верхней датами.

Как видим, единой точки зрения о хронологии юхновской культуры не существует. Впрочем, нет и специальных работ, где бы этот вопрос рассматривался отдельно и детально. Как исключение — ряд статей, где была поставлена проблема верхней даты культуры (Каравайко, 2006; Дробушевский, 2008).

Прежде чем подойти к решению данного вопроса, следует определиться с хроноиндикаторами, т. е. выяснить, что может служить основой для обозначения верхнего и нижнего рубежей культуры, а так же для датировки того или иного памятника. Ни единого анализа, в том числе и радиоуглеродного, с поселений юхновской культуры не проводилось. Единственным источником для определения даты является материальный комплекс, а именно привозные (импортные) вещи, античный импорт или же изделия, имеющие аналоги на более южных поселениях и более-менее хорошо продатированы. Однако, проблема состоит в том, что анти-

чная посуда практически не известна на городищах юхновской культуры. Привозные изделия также редки. Вещи, изготовленные из бронзы (украшения, детали одежды), немногочисленны. В связи с отсутствием местной сырьевой базы, они особо ценились, могли использоваться длительный промежуток времени, а соответственно, малопригодны для четкой датировки того или иного городища. Естественно, при масштабных исследованиях и наличии значительного количества артефактов установить дату возможно. Но, к сожалению, таких памятников юхновской культуры единицы. Да и сама дата порою нечеткая и растянута на несколько веков. Как пример, полностью раскопанное Кудлаевское городище. В одних статьях О.Н. Мельниковская относит его к VI—V вв. до н. э., в других — V в. до н. э., не исключая его существование в IV в. до н. э. Подобные разногласия возникали по причине отсутствия четких хроноиндикаторов. Дата некоторых других городищ определялась лишь на основе схожести керамического комплекса.

По нашему убеждению, наиболее существенными для датировки, естественно на сегодняшний день, являются находки скифских и сарматских наконечников стрел, хронология которых достаточно хорошо разработана. Они являются свидетельством нападения на городище и маркируют один из периодов существования памятника. Сказанное абсолютно не исключает использования иных вещей при определении даты. В полной мере это касается изделий из бронзы. На ранних памятниках они не многочисленны. Начиная с IV в. до н. э. их количество возрастает.

Вероятно, и керамический комплекс, а именно — приемы орнаментации, характер обработки поверхности и возможно формы горшков, в результате дальнейших исследований станет пригоден для хронологии. Отдельное внимание следует обратить и на глиняные пряслица. Возможность использования их для относительной хронологии предполагалась и ранее (Мельниковская, 1970, с. 21). Как показали последующие раскопки, на более ранних памятниках процент орнаментированных пряслиц значительно выше, нежели на поздних.

Также следует остановиться еще на двух немаловажных наблюдениях относительно датировки. Так, было замечено, что керамика ранних памятников имеет более грубую поверхность с выступающими примесями, в то время как поздняя посуда вылеплена значительно качественнее. Приблизительно в IV в. до н. э. на ряде памятников появляется посуда, украшенная несколько разнообразнее, нежели простые насечки по венчику и плечикам (хотя и не всегда). Принципиально новым видом орнамента является так называемый зубчатый штамп (рис. 61, б). Посуду могли украшать разнообразными прочерченными линиями или фестонами. Узор становился разнообразнее. Также в это время увеличивается количество изделий из бронзы. На ранних памятниках такие находки единичны.

Данные наблюдения из-за отсутствия должного количества материала остаются лишь наблюдениями и не могут быть подтверждены статистикой. Несмотря на это, игнорировать их не следует.

И второе — мощность культурного слоя ранних памятников незначительна, приблизительно 0,5—0,6 м. Городища IV в. до н. э. и более поздние отличаются достаточно мощным культурным слоем, в среднем 1—2 м.

Таким образом, при датировке того или иного памятника следует учитывать ряд факторов, а именно:

- 1 — датирующие вещи и, прежде всего, изделия из бронзы, находки скифских и сарматских стрел;
- 2 — характер обработки поверхности сосудов и их орнаментация, диаметр доннышек;
- 3 — наличие (количество) изделий из бронзы;
- 4 — процент орнаментированных пряслиц;
- 5 — мощность культурного слоя.

Ниже остановимся на датировке памятников юхновской культуры Новгород-Северского Полесья.

Кудлаевское городище. Памятник датирован VI—V вв. до н. э. Основанием для этого стали находки обломков костяных псалий, булавок, бронзовых сережек и ряда иных вещей (Мельниковская, 1968а, с. 232). В частности, VI—V вв. до н. э. датируется бронзовая гвоздевидная булавка (рис. 73, 9). Согласно разработкам В.Г. Петренко, она относится к 5 типу (1978, с. 12, 13, табл. 4, 4-30). Остальные булавки с городища (рис. 72, 9—11, 14) могут быть продатированы в более широком диапазоне. Они известны на памятниках VI, V и IV—III вв. до н. э. (Петренко, 1978, с. 12, 13, 17, 18).

Один из фрагментов костяного псалия (рис. 71, 1), двух или трехдырчатого, с неукрашенными окончаниями, находит близкие аналогии с псалиями из кургана 346 у с. Теклино в Тясминской подгруппе Днепровского Лесостепного Правобережья и может быть отнесен к келермесскому времени, т. е. к середине VII — первой половине VI вв. (Могилов, 2008. с. 26, рис. 43, 16).

Бронзовая грибовидная сережка, найденная на городище, имеет широкие аналогии среди более южных памятников, о чем речь уже шла выше (рис. 73, 23). Подобные изделия могут быть датированы V в. до н. э. (Петренко, 1978, с. 27, табл. 17, 17—20) или же VI—V вв. до н. э. (Мельниковская, 1975, с. 101).

Следует так же отметить тот факт, что большинство пряслиц с этого памятника было орнаментировано (Мельниковская, 1967, с. 16).

Как видим, находки с Кудлаевского городища говорят о довольно широком хронологическом диапазоне и это при незначительной мощности культурного слоя. Беря во внимание наблюдения О.Н. Мельниковской, а так же дату ряда вещей, можем согласиться с мнением исследовательницы касательно даты памятника — VI—V вв. до н. э.

Мезинское городище. Датировано V в. до н. э. (Мельниковская, 1969а, с. 59). Основным доводом для такой даты послужило сходство керамического комплекса Мезинского и Кудлаевского городищ. Следует отметить, что при исследовании памятника было найдено крайне мало

вещей, пригодных для датировки. Среди них отметим находку бронзовой булавки с небольшой гвоздевидной головкой и несколькими нарезками в верхней части (рис. 33, 1). Наиболее вероятная ее дата VI в. до н. э. Аналогичные вещи известны на памятниках Лесостепи и в частности на Западном укреплении Бельского городища (Петренко, 1978, табл. 2, 17—18), на Мотронинском городище (Бессонова, Скорый, 2001, рис. 68, 6).

Наконечник копья с данного городища (рис. 72, 19) имеет прямые аналогии в кургане 3, группы II у с. Медвин, Горчаков Лес (Ковпаненко, 1981, с. 128, рис. 32, 4), датированным второй половиной VII в. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 149, 282).

Опять-таки видим расхождения в датах. Тем не менее, очевидно, что Кудлаевское и Мезинское городища существовали приблизительно в одно и то же время.

Городища Свердловка I и Свердловка II. Также являются ранними памятниками. Согласно О.Н. Мельниковской, их следует относить к VI—V вв. до н. э. (1978). К сожалению, надежно датированных находок на них выявлено не было. Такая датировка основана лишь на схожести керамического комплекса этих и двух вышеназванных городищ.

Восточное Юхновское городище. Как уже было сказано выше, впервые Юхновские городища (Западное, Восточное и поселение между ними) исследовались Д.Я. Самоквасовым. Исследователь не разделял материал с этих памятников, что значительно усложняет работу с ним. После раскопок 1940 г. А.Е. Алиховой был сделан вывод об асинхронности двух городищ. Исследовательница считала, что Восточное городище более раннее и по аналогии с материалами ряда лесостепных памятников относила его к VIII—VI вв. до н. э. (Алихова, 1956, с. 41).

Мощность культурного слоя на данном памятнике незначительна, что свидетельствует о раннем времени его возникновения. Но, к сожалению, раскопками А.Е. Алиховой датирующей вещей найдено не было. Не исключено, что именно с этого городища происходит находка бронзовой посоховидной булавки (рис. 73, 13), обнаруженной еще раскопками Д.Я. Самоквасова (Самоквасов, 1908а, с. 5; Трубникова, 1938, с. 125, рис. 8). Аналогичную булавку было найдено в кургане 38 у с. Гуляй-Город (бассейн р. Тясмин), который В.А. Ильинская датировала серединою VI в. до н. э. (1975, с. 58, табл. II, 46). Однако в свете удревления скифских архаических памятников, этот курган на сегодняшний день может быть отнесен к концу VII — началу VI вв. до н. э. (Ковпаненко, Бессонова, Скорый, 1989, с. 157, 234, 307).

Дробышев I. Городище практически не исследовалось. Лишь в 2006 г. И.С. Кедуном был заложен небольшой шурф. Мощность культурного слоя составила 0,6 м. Выявленные фрагменты керамики отличались грубой обработкой поверхности. Примеси, среди них не редким является шамот, выступают на поверхность. Толщина стенок 1—1,1 см, т. е. несколько больше, чем обычно.

Аналогичная керамика известна с раннего поселения юхновской культуры Гришевка (Ковальова, 1979), которое можно отнести к VI вв. до н. э.

Киселевка II. Несмотря на то, что исследованная площадь на данном памятнике составила 240 м², датирующих находок не было найдено. Время существования этого городища можем определять лишь по косвенным данным.

Прежде всего, следует обратиться к керамическому комплексу. Горшки подобных форм присутствуют на одновременных памятниках юхновской культуры. Ранним признаком является сочетание в тесте примесей песка и дресвы (Мельниковская 1975, с. 99). Наличие крупных примесей в древнейшей юхновской керамике отмечал В.П. Левенок (1963, с. 89). Характер обработки поверхности горшков с Киселевского городища и соответствующие примеси в тесте позволяют говорить о времени позднее VI в. до н. э. Вместе с тем, аналогии находок с Шабалиновского и Свердловского второго городища (VI — начала V вв. до н. э.), и в частности миска-плошка, сделанная из нижней части сосуда, не позволяют говорить о развитом этапе юхновской культуры (IV в. до н. э.). Отсутствие изделий из бронзы и незначительный культурный слой дают возможности отнести памятник к VI—V вв. до н. э.

Семь из 13 пряслиц с Киселевского городища украшены орнаментом, что так же является ранним признаком. Исходя из вышеизложенного, время существования данного юхновского городища можно определить в пределах V в. до н. э., возможно с незначительным заходом в VI век. Более точную дату на сегодняшний день установить не представляется возможным.

Песочный Ров. На основании находки фрагмента браслета позделатенского типа (рис. 73, 18) городище (и финал юхновской культуры) было продатировано М.В. Воеводским II в. н. э. (Воеводский, 1949, с. 67, 73, рис. 16). Подобная дата выглядит несколько завышенной, ибо такие браслеты бытовали в IV—III вв. до н. э. (Кухаренко, 1959, с. 36). По свидетельству В.Г. Петренко, аналогичный браслет был найден в кургане 14 Люберецкого села датированным второй половиной IV — началом III вв. до н. э. (1978, с. 55, табл. 44, 13).

Иных хорошо датированных вещей на памятнике выявлено не было. Напомним, что городище заселялось юхновским населением дважды. К сожалению, определить дату для нижнего и верхнего слоя не представляется возможным. Вероятнее всего, прошел незначительный промежуток времени.

Опираясь на последние исследования (2002 г.), можно предположить, что городище существовало в V, а возможно и в IV вв. до н. э. В пользу этого говорят лишь косвенные данные, а именно: незначительный культурный слой, количество орнаментированных пряслиц (37,5 % украшено), практически полное отсутствие изделий из бронзы.

Пушкари. Датировано первыми веками нашей эры (Розенфельдт, 1968, с. 197). Столь поздней датировке противоречат находки двух бронзовых наконечников стрел (рис. 73, 29, 30). Две бронзовые посоховидные булавки (рис. 73, 10, 11) имеют аналогии в памятниках V—III вв. до н. э.

(Петренко, 1978, с. 16, 17). Принимая во внимание, прежде всего находки стрел, наличие изделий из бронзы, мощность культурного слоя данный памятник следует относить к V—III вв. до н. э.

Западное Юхновское городище и поселение за валом. После исследований 1940 г. А.Е. Алихова сделала вывод о синхронности поселения и городища и датировала их IV—III вв. до н. э. (Алихова, 1956). В 2004 г. автор данной работы провел небольшие исследования на городище и поселении. Полученный материал позволил подтвердить датировку А.Е. Алиховой. Так, на городище найден трехлопастный бронзовый наконечник стрелы IV в. до н. э. (рис. 73, 28). Эта же дата подтверждается и косвенными доказательствами: мощный культурный слой, наличие изделий из бронзы и инвентарем бронзолитейщика (ляльча, литейные формочки). Невелик процент орнаментированных пряслиц — всего 15 %, что не характерно для более ранних памятников.

Бужанка I. Наиболее вероятная дата городища — рубеж эр (I в. до н. э. — I в. н. э.). Основанием для такой датировки стали находки двух железных наконечников стрел сарматского облика (рис. 72, 20, 21). Их длина составила 3,15 и 3,9 см. Оба трехлопастные, черешковые. У одного экземпляра черешок не сохранился, у второго длина составила 2 см. Подобные стрелы широко известны из сарматских памятников на территории Украины и на Дону (Новоданиловка 2/1, Бабина Гора, Днепрострой 26/6, Семеновка 11/1, Донской 5/10, Балабинский II 3/1). Их датировка достаточно широкая — в пределах I в. до н. э. по начало II в. н. э. (Максименко, 1998, с. 133, 134, рис. 68—70; Simonenko, 2008, Abb. 2, 2—18; Хазанов, 2008, с. 93—98). Учитывая, что один наконечник стрелы был найден в самой верхней части культурного слоя, а второй — на незначительной глубине, время прекращения жизни на городище Бужанка I может быть датировано, хотя и приблизительно, рубежом эр.

Интересно, что мощность культурного слоя на памятнике незначительна — 0,2—0,35 м, что не свойственно для поздних памятников.

Дробышев II. В 2006 г. на городище И.С. Кедуном был заложен шурф мощность культурного слоя составила 1,3 м. Судя по находке железного наконечника стрелы (рис. 72, 22), аналогичного найденным на городище Бужанка I, оба памятника синхронны и существовали на рубеже эр.

Таким образом, время существования городищ юхновской культуры Новгород-Северского Полесья можно определить в пределах **VI в. до н. э. — рубеж эр.** Отсутствие четких хроноиндикаторов привело к тому, что даты всех без исключения памятников достаточно широкие и «размытые». Практически весь материальный комплекс юхновской культуры довольно однообразный и слабо подвержен изменениям. Зачастую, можно говорить лишь об относительной хронологии, а именно: где более ранний, где более поздний памятник. Несмотря на сложившуюся ситуацию, все же можно выделить 3 этапа в развитии юхновской культуры данного региона.

Ранний этап: VI—V вв. до н. э. (городища Кудлаевка, Мезин, Киселевка II, Свердловка I, Свердловка II, Дробышев I, нижний слой Песоч-

ного Рва). Культурный слой на ранних городищах незначительный — в среднем 0,5—0,6 м. Древнейшие дома представляли собою длинные постройки¹, размещающиеся параллельно в одной части укрепленного поселения. На ряде городищ прослежено, что земляные укрепления возникли не сразу — первоначально площадка огораживалась деревянным частоколом (Кудлаевка, Песочный Ров). Древнейшая керамика отличалась грубой обработкой. Примеси крупной дресвы выступали на поверхности. В самой древнейшей керамике присутствует шамот. В позднейших комплексах эта добавка встречается как исключение. В это же время качество керамики значительно улучшается. Примеси становятся мельче, а поверхность старательно заглаживается. Характерной отличительной чертой керамического комплекса этого времени является наличие мисок-плошек, изготовленных из нижней части горшка путем заточки его краев. Позднее такие миски изготавливались из отдельного куска глины (Мельниковская, 1975, с. 99).

Значительный процент пряслиц имеет орнамент, о чем речь уже шла выше. На всех перечисленных выше памятниках практически полностью отсутствуют изделия из бронзы.

Средний этап: IV—III вв. до н. э. (городища Пушкири, Западное Юхновское и поселение за валом, верхний слой Песочного Рва). Культурный слой памятников этого периода достаточно мощный — от 1 м и выше. Это может свидетельствовать о том, что продолжительность жизни на одном и том же городище становиться большей. Характер домостроительства не изменяется. Длинные дома продолжают свое существование. В стратиграфии многих городищ (не только Новгород-Северского Полесья) отчетливо прослеживается, что дома неоднократно перестраивали на одном и том же месте, возможно с небольшими отклонениями. Считать это ремонтом или же полной перестройкой — вопрос открытый.

Керамический комплекс существенных изменений не имеет. Как исключение, появляется новый тип орнаментации — так называемый зубчатый штамп. Некоторые горшки декорированы более разнообразно. Резко возрастает количество изделий из бронзы. Орнаментация пряслиц в этот и более поздний период становиться беднее.

Выше перечисленные факторы, а именно увеличение мощности культурного слоя (увеличение продолжительности жизни на одном о том же месте), появление привозной бронзы, могут свидетельствовать о стабилизации жизни юхновского населения и о налаженных связях с южными соседями. Этот этап правомерно считать наибольшим рассветом юхновской культуры.

Поздний этап: II в. до н. э. — I в. н. э. (городища Бужанка I, Дробышев II). К сожалению, характеристика данного периода крайне затрудняется. На территории Новгород-Северского Полесья исследовалось только одно городище этого времени — Бужанка I. Однако некоторые наблюде-

1. Их конструктивные особенности рассмотрены выше.

ния все же можно привести. Прежде всего, меняется характер домостроительства. На смену длинным домам приходят отдельно стоящие, небольшие по площади наземные постройки. Исследователями неоднократно высказывалась точка зрения о том, что у носителей балтского этноса, приблизительно на рубеже эр, происходит смена характера домостроительства. Длинные дома заменяются небольшими постройками (Шмидт, 1963, с. 8; Седов, 1969, с. 120; Апалс, 1985, с. 35). Вероятно, не является исключением и юхновская культура. Впервые такая тенденция прослеживается на материалах верхнего слоя городища Песочный Ров, где было выявлено две наземные небольшие постройки (Воеводский, Артишевская, 1947; Залізняк, Каравайко, Маерчак, 2003, с. 210). Схожие дома располагались и на площадке более позднего Бужанского городища.

Судя по материалам с городищ Бужанка I и Дробышев II, керамический комплекс не претерпевает каких-либо значительных изменений. Хотя было прослежено, что доньшки сосудов становятся больше в диаметре, в среднем на 1—2 см, чем на более ранних горшках. Эту же тенденцию для позднеюхновской керамики отмечал и В.П. Левенок (1963, с. 91).

В силу того, что памятники этого периода единичны и практически не исследованы говорить о каких-либо иных характерных особенностях данного периода будет преждевременно.

Несмотря на то, что количество памятников, которые возможно хоть как то датировать, невелико, нельзя не заметить, что ранних городищ значительно больше, нежели всех остальных. Нельзя исключать фактор случайности, однако возможно и иное объяснение. Если рассматривать материалы с памятников всей территории юхновской культуры можно заметить, что на Сейме есть городища как раннего, так и среднего периода (VII—VI вв. до н. э. и IV в. до н. э.) (см. напр.: Алихова, 1962; Пузикова, 1981; 1997). На территории Брянской области, в бассейне Десны и Судости, значительное количество памятников можно датировать IV в. до н. э. и более поздним временем. Ранних памятников в этом регионе не так много. Возможно, подобная ситуация отображает процесс продвижения юхновского населения на север по Десне и Судости.

Предложенная периодизация несколько отличается от периодизации В.П. Левенка и его характеристики отдельных этапов (1963, с. 87—92). Прежде всего, Виталий Протасович использовал материалы памятников всего ареала культуры. Однако памятники Новгород-Северского Полесья и их материальный комплекс не отличается от других городищ, за исключением, разве что территории Сейма. Кроме того, их хронологический диапазон охватывает практически все время существования культуры.

Согласно В.П. Левенку, ранний период следует датировать VII—VI вв. до н. э. (Левенок, 1963, с. 87—89). Если исходить из анализа керамического комплекса, автор абсолютно справедливо не включает в этот период V век. Это столетие, по нашему мнению, является неким переходным периодом и в равной мере может быть отнесено как к раннему, так и среднему этапам.

В.П. Левенок отмечал, что ранние городища не имели мощных земляных укреплений. Их размеры, а соответственно и роль, увеличиваются со временем, при этом меняется и сама форма городищ. (1963, с. 88, 90). Данное утверждение вряд ли правомерно для городищ Новгород-Северского Полесья, а возможно и всей культуры. Формы и размеры укреплений зависели лишь от степени природной защищенности мыса. Например, чем более пологие склоны, тем сильнее необходимость создания более мощной обороны — высокие валы, глубокие эскарпы и т. д.

Подводя краткий итог, отметим, что на сегодняшний день отсутствуют четкие хроноиндикаторы для городищ Новгород-Северского Полесья, впрочем, как и для большинства памятников юхновской культуры. Для установления даты очевидна необходимость использовать не только датирующие вещи, но и косвенные данные. Таким образом, сейчас можно говорить лишь об относительной хронологии.

5.2. ЭТНОС

Одним из наиболее сложных вопросов, безусловно, является вопрос об этнической принадлежности той или иной культуры. Очевидно, что его решение лишь на основе археологического материала невозможно. Учитывая это, кратко остановимся на рассмотрении существующих версий касательно этноса населения юхновской культуры¹.

Славянская. Одними из первых, кто связал юхновскую культуру и славянский этнос были П.Н. Третьяков (1941, с. 32) и М.В. Воеводский (1949, с. 67). Совершенно ясно, что, предложенная в свое время, эта «заполитизированная» версия на сегодняшний день не может быть принята. Каких-либо существенных славянских компонентов на данной территории и в материальном комплексе юхновских памятников не прослежено.

Угро-финская. Была сформулирована В.А. Ильинской (1957, с. 23, 24; 1961, с. 38—44), хотя позднее исследовательница от нее отказалась (1986, с. 183). Такая этническая атрибуция базировалась на построенной схеме генетической последовательности культур: ямочно-гребенчатой керамики — марьяновской — малобудковской — бондарихинской — юхновской. Приведем несколько аргументов, не позволяющих принять эту точку зрения.

1. Данная схема имеет существенный недостаток. Культура ямочно-гребенчатой керамики а priori сопоставлялась исследователями с финно-угорским этносом. А если это так, то и «генетически близкая» юхновская культура также принадлежит к данному этническому массиву. Нельзя не заметить что использование такого «ретроспективного» метода — от на-

1. Рассматривается не только территория Новгород-Северского Полесья. Учитывается весь ареал культуры.

ибо более ранней к более поздней культуре — методически неверно. Кроме того, на сегодняшний день такая схема последовательности культур не работает. Начальный этап малобудковских памятников практически совпадает с началом бондарихинской культуры, а хронологический разрыв между последней и марьяновскими древностями составляет 3—4 столетия (Буйнов, 1981, с. 17—19).

2. Культуры угро-финского мира, которые в раннем железном веке занимали территорию Средней и Верхней Волги и Волго-Окское междуречье, отличались так называемой сетчатой керамикой (Седов, 1975, с. 277). Она совершенно не характерна для юхновских памятников. Таким образом, нельзя согласиться с В.А. Ильинской, видевшей определенную близость между этими культурами (1961, с. 44).

3. На территории Средней Десны выявлено не так уж много финоугорских гидронимов (Топоров, Трубачев, 1962, с. 222—228), да и определить время их появления и существования практически невозможно.

Балтская. На сегодняшний день данная версия наиболее приемлема, имеет доказательную базу и поддержана многими исследователями. Впервые она была предложена Х.А. Моора (1958, с. 25). Балтская этническая атрибутация населения юхновской культуры устанавливалась на основании близости их материальной культуры и характера домостроительства с днепро-двинской, штрихованной и верхнеокской культурами, причём первые две занимают территорию, где присутствие балтского субстрата ощущается и в более позднее время (Седов, 1965, с. 54, 55; 1970, с. 12, 14—16, 30—36; 1985, с. 21; Шмидт, 1963, с. 20, 21; Ильинская, 1986, с. 183). Не противоречат этому и данные гидронимики (Топоров, Трубачев, 1962, с. 231—236). На территории северной Украины сохранились не только гидронимы балтского происхождения, например озеро Вангунов, речка Жукля, но и топонимы — урочище и лес Упла, урочище Сарпинское (Гідронімія України..., 1981, с. 67, 75, 80, 83).

Несмотря на то, что балтская версия этноса юхновского населения выглядит наиболее приемлемой, она не один раз ставилась под сомнение. Достаточно основательно к этому подошел Ю.А. Краснов (Краснов, 1971, с. 79, 80). Ниже кратко рассмотрим его доводы.

1. Исследователь отмечал наличие в данном регионе не только балтских, но и иранских и фино-угорских гидронимов, причем последние, по его мнению, самые древние. Однако, по его же словам «распространение балтской гидронимики в этом районе (*впрочем, как и в других — Д. К.*) может относиться как к более позднему, так и более раннему времени» (Краснов, 1971, с. 79). Таким образом, достаточным доводом для этнических атрибуций данный считать нельзя.

2. Балтские гидронимы на этой территории немногочисленны в сравнении с более северными и северо-западными районами расселения балтских племен (Краснов, 1971, с. 79). В данном случае противоречий никаких не наблюдается. Юхновская культура занимала юго-восточную периферию балтского мира и чуть ли не первая исчезает с археологичес-

кой карты. Соответственно, это незначительное количество гидронимов абсолютно понятно.

3. На территории юхновской культуры, по мнению Ю.А. Краснова, отсутствуют грузики дьякова типа, характерные для восточнобалтских памятников (1971, с. 79). В данном случае наличие ошибки очевидно. Данные изделия известны в дьяковской и других культурах, но именно фино-угорского мира, а на памятниках юхновской культуры они единичны, и скорее всего, являются импортом.

4. «В материальной культуре рассматриваемых памятников чрезвычайно сильно южное влияние», что, по мнению исследователя, проявляется в присутствии вещей скифского облика, аналогиях форм и орнаментации керамики и в присутствии таких же глиняных блоков, грузиков и «рогатых кирпичей» (1971, с. 79). Значительное влияние южного населения на формирование юхновской культуры отмечалось и О.Н. Мельниковской (1975а, с. 11). Действительно некоторые вещи, а особенно с городища Кузина Гора на Сейме, имеют прямые аналогии с материалами памятников Лесостепи. Вещевой комплекс юхновских городищ лесной зоны достаточно самобытный. Прежде всего, это проявляется в формах и орнаментации керамики. Так называемые грузики (пряслица) и грузила имеют иную форму и декор, нежели аналогичные вещи с более южных памятников. Таким образом, и этот довод Ю.А. Краснова не является убедительным.

5. «Существующие гипотезы о происхождении ... юхновской, ... культур исключают возможность их балтской принадлежности» (1971, с. 80). Здесь Ю.А. Краснов ссылается на точку зрения В.П. Левенка, считавшего, что значительную роль в сложении юхновской культуры сыграло чернолесское население (Левенок, 1963, с. 80). Следует отметить, что данная версия так и осталась версией и на сегодняшний день не имеет достаточной доказательной базы. Более вероятной выглядит гипотеза о генетической преемственности бондарихинской и юхновской культур. Доказательства тому приведены в работах В.А. Ильинской и Ю.В. Буйнова (Ильинская, 1957, с. 25; 1961, с. 45; Буйнов, 2006). Одним из аргументов против этого является факт отсутствия балтских гидронимов на территории бондарихинской культуры (Мельниковская, 1975, с. 11). Однако не следует забывать, что Днепровская Левобережная Лесостепь была той территорией, где только на протяжении раннего железного века, не говоря уже про более позднее время, несколько раз менялось население.

6. «Антропологические данные о современном населении южной части Верхнего Поднепровья, Подесенья, Посеймья и Верхней Оки показывают, что балтские племена не оставили заметных следов на этой территории, в отличие от районов средней и северной частей Верхнего Поднепровья ...» (Краснов, 1971, с. 80). Здесь можно использовать тот же довод, что и в пункте 2, с оговоркой на антропологические данные.

Исходя из сказанного выше, на сегодняшний день нет оснований для пересмотра балтской атрибуции населения юхновской культуры.

Говоря об этнической принадлежности юхновского населения, нельзя обойти свидетельства Геродота. Как видим, юхновская культура на севере граничила со скифским миром. «Отец истории» дает крайне скудную информацию относительно северных народов, соседей скифов. Несмотря на это, в литературе все же присутствуют попытки отождествления юхновских племен с одним из народов Геродота. Так существуют две точки зрения. Согласно первой, юхновскую культуру оставил народ, названный Геродотом меланхленами. Достаточно четко эта мысль была сформулирована В.А. Ильинской (1970, с. 37) и была поддержана О.Н. Мельниковской (1975а, с. 11). Еще ранее подобное предположение высказывалось П.Н. Третьяковым (1953, с. 63) и В.П. Левенком (1963, с. 94). В связи с этим весьма интересно сообщение О.Н. Мельниковской. Работая в Коропском районе Черниговской области, она записала местное предание жителей с. Мезин, в котором говорится о том, что рыбу необходимо ловить в черной одежде (Мельниковская, 1968, с. 17). Связь с этимологией названия «меланхлень», т. е. одетые в черное, и достаточно развитым рыболовством у населения юхновской культуры, не может не обратить на себя внимание. Схожие доводы приводит и П.Н. Третьяков, обративший внимание на то, что воспоминания о людях одетых в черное дошли до славянских времен и нашли отображение в названии г. Чернигов и имени легендарного князя Черного (Третьяков, 1953, с. 63). Отождествление племени меланхленов с юхновской культурой, по мнению ряда исследователей, хорошо укладывается в общую картину расселения племен Геродота (Смирнов, 1966, с. 97, 98; Іллінська, 1970, с. 37).

Однако существует и иная точка зрения. Так, согласно Б.А. Рыбакову, юхновскую культуру оставило племя будинов (1979, с. 159, 160). Эта позиция была поддержана Б.Н. Мозолевским (Тереножкин, Мозолевский, 1988, с. 224, рис. 162) и С.Е. Рассадным (2005, с. 145, 146). Одним из любопытных доводов были свидетельства Геродота (IV, § 109), который отмечал, что страна будинов размещается в лесу и тут водятся бобры. Еще В.И. Цалкин отмечал обилие костей бобров на юхновских памятниках. То, что эти животные были важным объектом промысла показано выше.

К сожалению, в тени осталась еще одна версия, принадлежащая М. Гимбутас. По ее мнению, с Геродотовыми неврами следует сопоставлять группу восточно-балтских племен, которые жили на территории севернее припятских болот, в верховьях Днепра, на Десне и в бассейне Верхней Оки (Gimbutas, 1963, с. 101). Хотя речь прямо не идет о юхновской культуре, часть названной территории совпадает с ее ареалом. Позже эта версия была поддержана В.В. Седовым (1970, с. 36).

Как видим, единого мнения по этому вопросу не существует, что и не удивительно, с учетом сложности проблемы размещения геродотовских племен на карте. Безусловно, подобные вопросы следует решать в контексте полного и глубокого анализа первоисточника, с учетом многочисленных работ, посвященных труду Геродота. Не претендуя на глубокий анализ, ниже лишь приведем некие размышления о возможности соотношения юхновской культуры с одним из племен.

Геродот отмечает, что меланхлены живут над царскими скифами (§ 20). Последних, как правило, размещают в Крыму и на побережье Азовского моря либо на нижнем течении Днепра (Мозолевський, 2006, рис. 2—5, 7). Будины живут над сарматами за Танаисом (§ 21). Такая локализация меланхленов и будинов, по нашему мнению, не совсем согласуется с ареалом юхновской культуры. Хотя, при определенной трактовке текста Геродота, исключать этот вариант нельзя.

Перед войною с персами скифы предлагают будинам и меланхленам выступить против Дария (§ 118—120). В материальном комплексе юхновской культуры находки оружия единичны. Прежде всего, это немногочисленные костяные наконечники стрел. Еще меньше найдено деталей конской узды. Обращает на себя внимание примитивизм псалиев, о которых речь шла выше. Отсюда вывод — военное дело не было развито у населения юхновской культуры. Сложно себе представить, что скифские цари предлагали принять участие в войне народу, который не имел надлежащего оружия и не владел в достаточной мере навыками верховой езды.

Еще более абсурдным выглядит рейд Дария в отдаленные лесные районы Подесенья, ведь согласно Геродоту персы прошли через территорию будинов (§ 123) и меланхленов (§ 125). Если отождествлять юхновскую культуру с одним из этих народов, становится не понятным цель и возможность похода в леса Подесенья.

Нельзя не отметить практически полное отсутствие античного и иного импорта в материальном комплексе юхновской культуры. Безусловно, это свидетельствует о слабо развитых торгово-обменных отношениях, и в первую очередь с южным населением.

Исходя из сказанного, но, не настаивая на том, можно предположить, что Геродот не упоминает населения оставившего нам памятники юхновской культуры. Возможно «Отец истории» эту местность, находящуюся выше неуров, андрофагов и меланхленов (§ 17, 18, 20), т. е. наиболее северных соседей скифского мира (§ 100), считал незаселенной пустыней. Другие отдаленные от Скифии народы описаны в северо-восточном направлении, на пути, известном грекам и скифам, на том, где пользовались помощью семи переводчиков (§ 22—27). Северный же путь на Верхнее Поднепрорвья, в то время вероятно не использовался, что подтверждается практически полным отсутствием античной керамики и прочего импорта.

Заключение

Настоящая монография посвящена в основном памятникам юхновской культуры Новгород-Северского Полесья. Именно на этой территории наблюдается наибольшая концентрация городищ в пределах Украины. Проведенные в последние годы автором работы на некоторых из них, а также раскопки предыдущих лет, не только позволили дать характеристику поселенческих и погребальных комплексов, охарактеризовать материальную культуру, но подойти ближе к решению ряда вопросов, касающихся юхновской АК в целом. В связи с этим в работе задействованы и материалы памятников соседних территорий изучаемой культуры. Они не только существенно расширяют наши представления о юхновской культуре. Совершенно очевидно, что без их привлечения было бы не возможно говорить о проблеме погребального обряда данного населения.

Несмотря на то, что рассматривались юхновские памятники отдельно взятого региона, а не всей культуры, неизбежным было и проведение сравнений и параллелей с комплексами соседних культур. Такой подход позволил несколько отойти от простой публикации материалов, но и представить юхновскую культуру на фоне окружающего мира.

Многочисленные поселения Десны неоднократно привлекали внимание исследователей. Тем не менее, обобщающих работ как по юхновской культуре, так и по отдельным ее регионам или памятникам так и не появилось. Данная монография отчасти заполняет этот пробел.

На территории Новгород-Северского Полесья известно 49 юхновских памятников. Преимущественно это городища. Впрочем, такая же ситуация характерна и для остального ареала культуры. Их многолетние исследования, естественно с перерывами, привели к накоплению достаточной источниковой базы. В результате ее систематизации удалось следующее.

А) Установить характер укреплений поселений, их планировку, характер домостроительства.

Б) Поставить вопрос о погребальном обряде юхновского населения.

В) Охарактеризовать материальную культуру.

Г) Сделать выводы относительно хозяйственного уклада населения данного региона.

Д) Подойти ближе к решению вопроса хронологии, как памятников Новгород-Северского Полесья, так и всей культуры.

Ниже кратко остановимся на основных выводах работы. Как уже говорилось, основным типом поселений были *городища*, хотя в небольшом количестве известны и поселения. Изначально, на некоторых из них, отсутствовали земляные укрепления. Жилая площадка окружалась деревянным частоколом. Зачастую один вал и ров, реже два—три, отгораживали мыс от поля. С остальных сторон устраивали эскарп. Учитывая наличие частокола по валу и вдоль краев, глубину эскарпов, высоту мыса, такие городища в раннем железном веке были достаточно хорошо укрепленными и сложно доступными поселениями.

Жилая площадка была разделена на две части, которые условно можно называть жилой и хозяйственной. Для наиболее ранних городищ характерны длинные дома с легкими плетневыми стенами. Их внутренняя часть разделялась на несколько помещений — жилых с очагом и хозяйственных. Судя по достаточно полно исследованному городищу Кудлаевка, такие дома размещались параллельно в одной из частей мыса. Однако аналогии с юхновских памятников соседней территории позволяют предполагать и иной тип планировки. Площадку городища опоясывал один длинный дом, а центральная часть не была застроена.

Благодаря исследованиям, проведенным на городищах Песочный Ров и Бужанка I, удалось подтвердить точку зрения ряда исследователей о смене длинных домов на отдельно стоящие небольшие наземные дома. В силу незначительной раскопанной площади на этих памятниках, говорить о каком либо типе планировки на сегодняшний день не приходится.

Множество вопросов возникает в связи с *погребальной обрядностью*. Общеизвестно, что у ряда культур Леса, а юхновская не исключение, практически не известны погребения. Вместе с тем, на 6 юхновских поселениях таковые обнаружены. Все они находятся на жилой территории памятника. В 5 случаях зафиксирован обряд ингумации, в 1 — частичной кремации. Детальный их анализ показал, что в ряде случаев имело место вторичное проникновение в могилу и оно не связано с ограблением. Возможно, следует говорить об обряде обезвреживания покойника. Наиболее четко его удалось проследить на городище Киселевка II. Следует также упомянуть комплекс, открытый А.В. Григорьевым в 70 м от вала Горкинского городища, где были зафиксированы юхновские погребения по обряду кремации. Налицо — разнообразие погребальных обрядов. Однако, ряд доводов, по нашему мнению, свидетельствуют о том, что ингумация была чужда юхновскому населению (отсюда и разрушение могил). Почему же тогда практически не известны могильники с кремацией? Не исключено, что захоронения производились на небольшой глубине, и вследствие многолетней распашки не сохранились до нашего времени.

Материальный комплекс памятников юхновской культуры Новгород-Северского Полесья достаточно скромный и однообразный. Прежде всего, это касается посуды. Горшки весьма однотипны. Их форма, в своем большинстве, сохраняется на протяжении всего времени существования культуры. В отдельных случаях все же удастся проследить хронологические изменения (характер обработки поверхности, появление новых типов орнамента). В целом же горшки юхновской культуры целиком самобытные, как по форме, так и по орнаменту отличающиеся от горшков соседних культур.

Иная посуда представлена мисками, мисками-плошками, миниатюрными горшочками. Схожие вещи есть и на памятниках как Леса, так и Лесостепи. Прямые аналогии находим и для таких вещей как пряслица (хотя на Лесостепных поселениях они несколько иные), глиняные подделки и лепешки, так называемые «рогатые кирпичи», изделия из кости. А вот глиняные грузила такой формы и в таком количестве не встречены нигде.

Очень мало находок изделий из железа. Прежде всего, это связано с характером местных грунтов, в которых данный металл плохо сохраняется. Среди находок — ножи, разнообразные иголки-шилья, реже встречаются зубильца и булавки.

Отсутствием местной сырьевой базы объясняется и малое количества вещей из бронзы, как правило, деталей одежды и украшений. Особенно мало таких находок на ранних памятниках (VI—V вв. до н. э.). Значительно больше их найдено на городищах датируемых IV в. до н. э. и более поздним временем. Возможно, это связано с тем, что были налажены торгово-обменные связи с южным населением. Нельзя не отметить и тот факт, что городища этого периода имеют более мощный (1—2 м) слой, в сравнении с ранними укрепленными поселениями (до 0,6 м). Можно предположить, что с IV в. до н. э. начинается определенная стабилизация в жизни юхновского населения, неким образом связанная с хозяйственной деятельностью.

Хозяйственный уклад юхновского населения можно охарактеризовать как скотоводческо-земледельческий. При этом огромную роль играло рыболовство. Так оно не было развито ни у одной из соседних (и не только) культур. Рацион питания существенно дополнялся охотой.

Проблемным выглядит вопрос *хронологии памятников*. Связано это с тем, что практически полностью отсутствуют датирующие вещи. А те, что есть — дают весьма широкий промежуток времени. Анализы, такие как радиоуглеродный, на памятниках юхновской культуры не проводились. Тем не менее, исходя из имеющегося материала время существования памятников на территории Новгород-Северского Полесья можно ограничить VI в. до н. э. — I в. до н. э. — I в. н. э. (рубежом эр).

Исходя из материального комплекса и ряда иных признаков, а именно толщина культурного слоя, приемы домостроительства, характер обработки поверхности керамики и виды ее орнаментации, наличие тех или

■ Заключение ■

иных изделий, в развитии юхновской культуры данного региона, можем выделить три этапа.

1) Ранний — VI—V вв. до н. э. (городища Кудлаевка, Мезин, Киселевка II, Свердловка I, Свердловка II, Дробышев I, нижний слой Песочного Рва).

2) Средний — IV—III вв. до н. э. (городища Пушкари, Западное Юхновское и поселение за валом, верхний слой Песочного Рва).

3) Поздний — II в. до н. э. — I в. н. э. (Бужанка I и Дробышев II).

Сложным и многогранным является вопрос об *этнической интерпретации* юхновского населения. Задачей данной работы он не являлся, однако и оминуть эту тему невозможно. Рассмотренные различные точки зрения позволили автору данной работы присоединиться к версии о балтской принадлежности юхновского населения. Приведенные доводы относительно того упоминал ли этот народ Геродот и под каким именем по понятным причинам слабо аргументированы. Не утверждая ничего, лишь предполагаем, что «отец истории» не знал его.

Следует отметить, что на уровне обобщений и масштабных выводов изучение юхновской культуры только начинается. Решение ряда вопросов лишь намечено — как пример, вопрос о погребальной обрядности или хронологии, иные требуют детального изучения. Не изученным остается место юхновской культуры в мире иных культур Леса в эпоху раннего железа. Проблематика юхновской АК тесно связана с северной периферией скифского мира, в частности с территорией Посулья, которая является базовой для скифской археологии VII—VI вв. до н. э., и ареалом скифоидных культур Днепро-Донской Лесостепи. Тем не менее, остается надеяться, что данная работа в определенной степени заполнит ту лауну, которая сложилась при изучении истории племен Восточной Европы эпохи раннего железа.

D.V. Karavaiko

MONUMENTS OF YUKHNOVSKA CULTURE AT NOVGOROD-SEVERSKY POLESIE REGION

S u m m a r y

At the early Iron Age, Yukhnovska culture tribes, occupying the territory of the left bank of the Dnieper River at the Desna and Seim basin region, were the northern neighbours of the Scythian world. The culture was defined by M.V. Voevodsky in 1947. This monograph is devoted to monuments, located at the territory of Novgorod-Seversky Polesie. They are considered not as an isolated phenomenon, but within the canvas of Yukhnovska culture investigation integrally. Multitudinous proceedings of a number of scientists of the past years, as well as recent author's researches, have allowed description of the settlement structures and material culture, highlighting of the economic organization of the ancient population.

The lifetime of sites at the mentioned territory is limited to the 6th century B. C. — 0 A. D. For the most part, these are fortified settlements, hill-forts. They are usually small — from 0,2 to 0,5 hectare, as an exception — large. The internal space was divided into two parts — dwelling-place and free of buildings economic yard (Kudlaevka). Dwellings are represented by long above-ground pillar constructions with light hurdle clay luted walls. Each such dwelling was divided in the middle into the living and economic part. Semi-pit constructions (semi-earth-houses), as well as separately built above-ground houses of a small square are not an exception.

A detailed consideration of known for the moment burials suggests a problematic situation regarding burial rite of this ancient population.

Material complex of Yukhnovska culture monuments of Novgorod-Seversky Polesie region is rather modest and unvaried. First of all, this refers to crockery. Pots are rather monotypic. Their form, for the most part, continues throughout the lifetime of the culture. There are few finds of bowls and miniature pots. Such earthenware as spin-wheels, sinkers, «horned bricks», different articles, etc, is known. Bone tools are represented by awls, needles, piercing tools, other working implements, and some other categories of products. There are rather few finds of iron things because of their bad preservation in local soils. Bronze things, generally decorations, are also not numerous. The absence of local raw materials base directly influenced upon the development of bronze-foundry.

■ **Summary** ■

Many of the things found at the Yukhnovska culture hill-forts have a direct analogy at a material complex of a number of the early Iron Age cultures. However, originality of the forms and ornamentation of the pots in conjunction with other things is the distinctive feature that allows separation of Yukhnovska culture from the antiquities of that epoch.

An economic organization of the local Yukhnovsky population can be described as animal breeding and agriculture. Cattle, pigs and horses were bred mainly, and the primary cultivated plants were millet (foremost), barley and wheat. Fishing played a huge role. It was not so developed among anyone of the neighbouring tribes of the early Iron Age. A substantial additional meat product was obtained owing to hunting. The surrounding dense forests were abounded with game.

Today, there is every reason to detect Baltic ethnos at the Yukhnovska culture people.

- Алихова А.Е.* К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова // КСИИМК. — 1956. — Вып. 65. — С. 31—41.
- Алихова А.Е.* Особый тип сооружений на городище Кузина Гора // СА. — 1958. — №3. — С. 197—201.
- Алихова А.Е.* Древние городища Курского Посеймья // МИА. — 1962. — № 113. — С. 86—129.
- Антипина Е.Е.* Остеологические материалы из скифских памятников на Среднем Дону // Археология Среднего Дона в скифскую эпоху: труды Донской (б. Потуданской) археологической экспедиции ИА РАН. — М.: Институт археологии РАН, 2004. — С. 107—118.
- Апалс А.* Развитие балтского жилища (по археологическим и этнографическим данным) // Проблемы этнической истории Балтов: Материалы межреспубликанской научной конференции. — Рига: Зинатне, 1985. — С. 34—36.
- Артишевская Л.В.* Северное Долбатовское городище юхновской культуры // КСИА. — 1966. — № 107. — С. 99—102.
- Археологическая карта России: Брянская область.* — М.: ИА РАН, 1993. — 304 с.
- Белая Н.Н.* Истоки культурной глиняной пластики Лесостепной Скифии // Восточноевропейские древности Скифской эпохи. — Воронеж: Научная книга, 2011. — С. 113—118.
- Бессонова С.С., Скорый С.А.* Мотронинское городище скифской эпохи (по материалам раскопок 1988—1996 гг.). — Киев; Краков, 2001. — 156 с.
- Бобринский А.А., Мельниковская О.Н.* Гончарный круг у населения юхновской культуры // СА. — 1977. — № 2. — С. 172—180.
- Бобринский А.А.* Гончарство Восточной Европы. — М.: Наука, 1978. — 272 с.
- Болтрик Ю.В., Фіалко О.Е.* Веретена з дископодібними насадками із скіфських пам'яток // Археологія. — 2007 — № 3. — С. 42—47.
- Буйнов Ю.В.* О погребальном обряде племен бондарихинской культуры // СА. — 1977. — № 4. — С. 208—216.
- Буйнов Ю.В.* Бондарихинская культура: Автореф. дисс... канд. ист наук: 07.00.06 / Ин-т. археологии АН УССР. — К., 1981. — 20 с.
- Буйнов Ю.В.* Бондарихинская и чернолесская культуры: проблема взаимосвязей (по материалам городища у с. Веселое на Харьковщине) // Древности. — Харьков: ХИАО, 2005. — С. 246—255.
- Буйнов Ю.В.* К вопросу об исторических судьбах племен бондарихинской культуры // РА. — 2006. — № 2. — С. 39—50.

- Бунятян Е.П.* О критериях типологии скотоводства // Киммерийцы и скифы: Материалы международной научной конференции посвященной памяти А.И. Тереножкина (25—28 мая 1992 г.). — Мелитополь, 1992. — С. 20—21.
- Воеводский М.В.* Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. // КСИИМК. — 1946а. — Вып. 13. — С. 89—94.
- Воеводский М.В.* Результаты работ Деснинской экспедиции // КСИИМК. — 1947 — Вып. 21. — С. 45—46.
- Воеводский М.В.* Важнейшие итоги Деснинской экспедиции // КСИИМК. — 1948. — Вып. 20. — С. 36—44.
- Воеводский М.В.* Городища Верхней Десны // КСИИМК. — 1949. — Вып. 24. — С. 67—77.
- Геродот.* История. В 9-ти кн. / Пер. Г.А. Стратановского. — М.: Ладомир, Аст, 1999. — 752 с.
- Гідронімія України в її міжмовних і міждіалектних зв'язках* / І.М. Железняк, А.П. Корепанова, Л.Т. Масенко та ін. — К.: Наукова думка, 1981. — 264 с.
- Горюнова Е.И.* Городище Торфель // КСИИМК. — 1950. — Вып. 31. — С. 148—156.
- Граков Б.М.* Скифы. — К.: АН УРСР, 1947. — 96 с.
- Григорьев А.В.* Раскопки у с. Горбова // АО 1981 г. — М.: Наука, 1983. — С. 254—255.
- Григорьев А.В., Коваленко В.П., Моця А.П.* Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1984 г. — М.: Наука, 1986. — С. 229—230.
- Гурьянов В.Н., Ефимов А.Е.* Охранные раскопки городища Рассуха 2 // АО 2002 г. — М.: Наука, — 2003. — С. 116—117.
- Гутнов Ф.Х.* Из религии скифов: Фарн. Ритуальные чаши // Античная цивилизация и варварский мир: М-лы 6-го археол. семинара. — Краснодар, 1998. — Ч. 1. — С. 21.
- Даниленко В.Н.* Памятники ранней поры железного века в южной части Полесья УССР // Докл. VI науч. конф. Ин-та археол. — К., 1953. — С. 197—208.
- Дробушевский А.И.* О верхней дате южновосточной культуры // Деснинские древности. — 2008. — Вып. 5. — С. 96—104.
- Дубынин А.Ф.* Об орнаменте грузиков Троицкого городища // СА. — 1966. — № 1. — С. 269—274.
- Дубынин А.Ф.* Щербинское городище // Дьяковская культура. — М.: Наука, 1974. — С. 198—281.
- Дюмезиль Ж.* Скифы и Нарты. — М.: Наука, 1990. — 229 с.
- Егорейченко А.А.* Культуры штрихованной керамики. — Минск: Бел. ГУ, 2006. — 207 с.
- Еременко П.М.* Могильники и городища Глуховского и Суражского уездов // Тр. московск. предвар. комитета по устр. XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 95—105.
- Зализняк Л.Л.* Раскопки мезолитических памятников на Средней Десне // АО 1982 г. — М.: Наука, 1984, — С. 260—261.
- Зализняк Л.Л., Каравайко Д.В., Маярчак С.П.* Археологічна експедиція НаУК-МА 2002 року. Дослідження городища Пісочний Рів на Десні // *Мастеріум*. Археологічні студії. — К.: КМ Академія, 2003. — Вип. II. — С. 5—13.
- Зализняк Л.Л., Шулова В.О., Каравайко Д.В., Маярчак С.П.* Розкопки багатопоселення Пісочний Рів на Новгород-Сіверщині // АБУ 2001—2002 рр. — К.: ІА НАНУ, 2003. — Вип. 5. — С. 108—111.
- Ильинская В.А.* О происхождении культур раннего железного века на Левобережье Среднего Днепра // КСИИМК. — 1957. — Вып. 70. — С. 14—27.

- Ильинская В.А.* Бондарихинская культура бронзового века // СА. — 1961. — № 1. — С. 26—45.
- Ильинская В.А.* Скифы Днепровского Лесостепного Левобережья (курганы Посулья). — К.: Наук. думка, 1968. — 203 с.
- Іллінська В.А.* Андрофаги, меланхлени, будини або скіфи? // Археологія. — 1970. — Т. XXIII. — С. 23—39.
- Ильинская В.А.* Раннескифские курганы бассейна р. Тясмин. — К.: Наук. думка, 1975. — 224 с.
- Ильинская В.А.* Юхновская культура // Археология УССР. — К.: Наук. думка, 1986. — Т. 2. — С. 181—183.
- Каравайко Д.В.* Матеріали юхнівської культури із фондів Чернігівського обласного історичного музею // Археологія. — 2004. — № 4. — С. 66—70.
- Каравайко Д.В.* До причин появи городищ юхнівської культури // Від Кімерії до Сарматії: М-ли Міжнар. наук. конф. «60 років Відділу скіфо-сарматської археології». — К.: КОРВИН ПРЕСС, 2004а. — С. 31—33.
- Каравайко Д.В.* Розкопки Західного Юхнівського городища та поселення 2004 р. // АДУ 2003—2004 рр. — К.: ІА НАН України, 2005. — Вип. 7. — С. 155—158.
- Каравайко Д.В., Ступак Д.В.* Розкопки городища Киселівка II в 2005 р. // АДУ 2004—2005 рр. — К.: ІА НАН України, 2006. — Вип. 8. — С. 178—182.
- Каравайко Д.В.* Бассейн Средней Десны на рубеже эр (юхново — почеп) // АЛЛУ. — 2006. — № 2. — С. 73—78.
- Каравайко Д.В.* Дослідження городища Киселівка II в 2006 р. // АДУ 2005—2007 рр. — К.: ІА НАН України, 2007. — Вип. 9. — С. 199—200.
- Каравайко Д.В.* Юхнівська культура: Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.04 / Ін-т археології НАН України. — К., 2007а. — 22 с.
- Каравайко Д.В.* Городище Киселевка II в Новгород-Северском Полесье // Stratum plus. Скифские интерпретации 2005—2009. — 2009. — № 3. — С. 217—233.
- Каравайко Д.В.* Городище юхновской культуры Бужанка I // Эпоха раннего железа. — Киев; Полтава, 2009а. — С. 142—150.
- Каравайко Д.В.* Раскопки юхновского городища Бужанка I в 2009 г. // АДУ 2009. — Київ; Луцьк, 2010. — С. 182—183.
- Каравайко Д.В., Горбаненко С.А.* Об одном изображении на пряслице юхновской культуры // Восточноевропейские древности скифской эпохи. — Воронеж: Научная книга, 2011. — С. 213—219.
- Кашкин А.В.* О гончарстве в Непале // СА. — 1981. — № 4. — С. 238—246.
- Коваленко В.П., Орлов Р.С.* Работы Новгород-Северской экспедиции // АО 1979 г. — М.: Наука, 1980. — С. 282—283.
- Ковалёва Л.Г.* Поселение у х. Гришевка Борзнянского района Черниговской области (новые материалы по изучению раннего железного века бассейна Десны) // Открытия молодых археологов Украины. — К.: Наук. думка, 1976. — Ч. 1. — С. 21—22.
- Ковальова Л.Г.* Матеріали ранньозалізної доби з поселення Гришівка на Чернігівщині // Археологія. — 1979. — № 30. — С. 85—88.
- Ковпаненко Г.Т.* Племена скифского часу на Ворсклі. — К.: Наук. думка, 1967. — 188 с.
- Ковпаненко Г.Т.* Курганы раннескифского времени в бассейне р. Рось. — К.: Наук. думка, 1981. — 160 с.
- Ковпаненко Г.Т., Бессонова С.С., Скорый С.А.* Памятники скифской эпохи Днепровского Лесостепного Правобережья (Киево-Черкасский регион). — К.: Наук. думка, 1989. — 336 с.

- Короткевич Б.С.* Городище Анакшино — памятник раннего железного века в Верховьях Западной Двины // Чтения, посвящ. 100-летию деятельности В.А. Гордцова в ГИМ. — М., 2003. — Ч. II. — С. 45—47.
- Косарев М.Ф.* Жилище и его место в системе традиционных миропредставлений // Поселение как исторический источник (теоретические и методические подходы к изучению поселений в современной археологии): Тез. докл. — М., 2008. — С. 6—8.
- Косарев М.Ф.* Основы языческого миропонимания. — М., 2008а. — 496 с.
- Краснов Ю.А.* О системах и технике раннего земледелия в лесной полосе Восточной Европы // СА. — 1967. — № 1. — С. 3—21.
- Краснов Ю.А.* Раннее земледелие и животноводство в лесной полосе Восточной Европы // МИА. — 1971. — № 174. — 168 с.
- Краснов Ю.А.* Хозяйственно-культурные типы Восточной Европы эпохи раннего железа // КСИА. — 1990. — № 197. — С. 3—12.
- Кренке Н.А.* Дьяково городище: культура населения бассейна Москвы-реки в I тыс. до н. э. — I тыс. н. э. — М.: ИА РАН, 2011. — 548 с.
- Куриленко В.Е.* Памятники археологии на стыке Сумщины и Черниговщины у с. Мезин // Питання археології Сумщини: М-ли наук.-практич. конф. «Проблеми вивчення і охорони пам'яток археології Сумщини» (квітень 1989 р.). — Суми, 1990а. — С. 36—41.
- Кухаренко Ю.В.* Распространение латенских вещей на территории Восточной Европы // СА. — 1959. — № 1. — С. 31—52.
- Лебедев В.Д.* К вопросу об изменении ихтиофауны реки Десны в период от последней межледниковой до современной эпохи // Зоол. журн. — 1944. — Т. XXIII. — Вып. 5. — С. 240—249.
- Лебедев В.Д.* Пресноводная четвертичная ихтиофауна Европейской части СССР. — М.: Изд-во МГУ, 1960. — 404 с.
- Левенок В.П.* Археологические работы Трубчевского музея // КСИИМК. — 1941. — Вып. 10. — С. 95—99.
- Левенок В.П.* Городища юхновской культуры // КСИА. — 1957. — Вып. 7. — С. 49—53.
- Левенок В.П.* Юхновская культура (ее происхождение и развитие) // СА. — 1963. — № 3. — С. 79—96.
- Лошенков М.И.* Археоботанические коллекции с городищ милоградской культуры Черное, Отрубы и Красная Горка в Беларуси // РА. — 2010. — № 3. — С. 61—72.
- Максименко В.Е.* Сарматы на Дону (археология и проблемы этнической истории) // Донские древности. — Азов, 1998. — Вып. 6. — 304 с.
- Мельниковская О.Н.* Могильник у села Долинское Черниговской области // КСИИМК. — 1950. — № XXXIV. — С. 70—74.
- Мельниковская О.Н.* Племена южной Белоруссии в раннем железном веке. — М.: Наука, 1967а. — 196 с.
- Мельниковская О.Н.* Новые раскопки на Десне // АО 1966 г. — М.: Наука, 1967б. — С. 233—236.
- Мельниковская О.Н.* Работы Юхновского отряда // АО 1967 г. — М.: Наука, 1968а. — С. 232—233.
- Мельниковская О.Н.* Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме // АО 1968 г. — М.: Наука, 1969а. — С. 58—59.
- Мельниковская О.Н.* Первые сведения о погребальном обряде у племен юхновской культуры // МИА. — 1970а. — № 176. — С. 50—54.
- Мельниковская О.Н.* Городища юхновской культуры в бассейне р. Судости // АО 1969 г. — М.: Наука, 1970б. — С. 61—62.

- Мельниковская О.Н.* Работы Деснинского отряда // АО 1971 г. — М.: Наука, 1972. — С. 87—88.
- Мельниковская О.Н.* Исследования памятников юхновской культуры на Украине (1965—1968) // М-ли XIII конф. Ин-ту археол. АН УССР (Київ, 1968). — К.: Наук. думка, 1972а. — С. 165—170.
- Мельниковская О.Н.* Шабалиновское городище // КСИА. — 1975. — № 142. — С. 98—103.
- Мельниковская О.Н.* Юхновская культура // Новейшие открытия советских археологов: М-лы конф. (апрель 1975). — К., 1975а. — Ч. II. — С. 9—11.
- Мельниковська О.М.* Могильник юхнівської культури та ранньосередньовічне поселення на Чернігівщині // Археологія. — 1977. — Вип. 24. — С. 60—68.
- Мельниковская О.Н.* Находка греческого веретена в памятниках юхновской культуры // СА. — 1977а. — № 3. — С. 283—287.
- Мельниковська О.М.* Поселення поблизу с. Свердловка на Чернігівщині // Археологія. — 1978. — Вип. 28. — С. 76—80.
- Мельниковська О.М.* Юхнівська культура // М-ли першої Чернігівсь. обл. наук. конф. з історії. краєзнавства (грудень 1985 р.). — Чернігів, 1985. — С. 89—90.
- Мозолевський Б.М.* Етнічна географія Скифії. — К.: КОРВІН ПРЕСС, 2006. — 102 с.
- Могилев О.Д.* Спорядження коня скифської доби у Лісостепу Східної Європи. — Київ; Кам'янець-Подільський, 2008. — 439 с.
- Моора Х.А.* Древней территории расселения балтийских племён // СА. — 1958. — № 2. — С. 9—33.
- Моруженко А.А.* Животноводство и охота лесостепных племен междуречья Днепра и Дона в VII—III вв. до н. э. // ПАП. — Днепропетровск: ДГУ, 1985. — С. 128—138.
- Никольская Т.Н.* Культура племён бассейна Верхней Оки в I тыс. до н. э. // МИА. — 1959. — № 72. — 132 с.
- Падин В.А.* Юхновские поселения Средней Десны // СА. — 1966. — № 2. — С. 137—150.
- Петраускас О.В., Петраускас А.В.* Археологічні пам'ятки поріччя Десни (матеріали для Зводу памяток історії та культури) // Збереження історико-культурних надбань Сіверщини: М-ли третьої наук. конф. (16 квітня 2004 р.). — Глухів: РВВ ГДПУ, 2004. — С. 18—35.
- Петренко В.Г.* Украшения Скифии // САИ. — 1978. — Вып. Д 4—5. — 144 с.
- Петровська С.О.* Підгірцівські пам'ятки Київського Подніпров'я // Археологія. — 1971. — Вип. 2. — С. 9—22.
- Почвоведение.* Типы почв, их география и использование. Ч. 2: Учеб. для ун-тов / Л.Г. Богатырев, В.Д. Васильевская, А.С. Владыченский и др. — М.: Высшая школа, 1988. — 368 с.
- Приймак В.В.* Окремі аспекти історії північного сходу Дніпровського Лівобережжя (I тис. до н. е. — поч. II тис. н. е.) // Більске городище в контексті вивчення пам'яток раннього залізного віку Європи. — Полтава, 1996. — С. 164—171.
- Природа Украинской ССР.* Ландшафты и физико-географическое районирование. — К.: Наук. думка, 1985. — 224 с.
- Пузикова А.И.* Марицкое городище в Посеймье. — М.: Наука, 1981. — 121 с.
- Пузикова А.И.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). — М., 1997. — 126 с.
- Рассадин С.Е.* Северные соседи Великой Скифии. — Минск: Право и экономика, 2005. — 264 с.
- Рассадин С.Е.* Юхновская культура в Белорусско-Российском Посожье // Материалы по археологии Беларуси. — № 14 (памятники эпохи железа и средневековья Беларуси). — Минск: Институт гiсторыi НАН Беларусi, 2007. — С. 37—53.

- Розенфельдт И.Г.* Керамика дьяковской культуры // Дьяковская культура. — М.: Наука, 1974. — С. 90—197.
- Розенфельдт Р.Л.* Пушкаревское городище на р. Десне // СА — 1968. — № 1. — С. 194—197.
- Розенфельдт Р.Л.* Разведки и раскопки памятников железного века в лесной полосе Европейской части СССР // Методика полевых археологических исследований. — М.: Наука, 1983. — С. 31—39.
- Ромашко В.А., Скорый С.А.* Близнец-2: скифский аристократический курган в Днепровском правобережном Надпорожье. — Днепропетровск.: Пороги, 2009. — 251 с.
- Ростунов В.Л.* К социальной интерпретации «рогатых кирпичей» раннебронзовой эпохи Северного Кавказа // Археология и вопросы социальной истории Северного Кавказа. — Грозный, 1984. — С. 12—15.
- Рыбаков Б.А.* Стольный город Чернигов и удельный город Вщиж // По следам древних культур. Древняя Русь. — М., 1953. — С. 75—120.
- Рыбаков Б.А.* Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // САИ. — 1962. — Вып. Д 1—12. — 76 с.
- Рыбаков Б.А.* Геродотова Скифия. — М.: Наука, 1979. — 247 с.
- Самоковасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Самоковасов Д.Я.* Могилы Русской Земли. — М.: Синодальная Типография, 1908а. — 271 с.
- Седов В.В.* Булавки восточных балтов в эпоху раннего железа // Acta-Baltica-Slavica. — 1962. — V. — С. 129—145.
- Седов В.В.* Балто-иранский контакт в Днепровском Левобережье // СА. — 1965. — № 4 — С. 52—62.
- Седов В.В.* Культура Днепро-Двинского междуречья в конце I тысячелетия до н. э. // СА. — 1969. — № 2. — С. 116—125.
- Седов В.В.* Славяне Верхнего Поднепровья и Подвинья // МИА. — 1970. — № 163. — 200 с.
- Седов В.В.* Жилища юго-восточной Прибалтики (I — нач. II тыс. н. э.) // Древнее жилище народов Восточной Европы. — М.: Наука, 1975. — С. 276—301.
- Седов В.В.* Днепровские балты // Проблемы этногенеза и этнической истории балтов. — Вильнус: Моклас, 1985. — С. 20—30.
- Смирнов А.П.* Скифы. — М.: Наука, 1966. — 200 с.
- Смирнов К.А.* К вопросу о назначении грузиков дьякова типа // СА. — 1961. — № 3. — С. 45—55.
- Смирнов Ю.А.* Лабиринт: Морфология преднамеренного погребения. Исследования, тексты, словарь. — М.: Восточная литература РАН, 1997. — 279 с.
- Сыроватко А.С.* Орнаментированные «рогатые кирпичи» с дьяковских городищ Московчечья // РА. — 2003. — № 2. — С. 72—79.
- Тайлор Э.* Миф и обряд в первобытной культуре / Пер. с англ. Д.А. Коропчевского. — Смоленск: Русич, 2000. — 624 с.
- Тацит.* О происхождении германцев и местоположении Германии // Аналы. Малые произведения. История. — М.: Ладомир, 2001. — С. 458—483.
- Тереножкин А.И., Мозолевский Б.Н.* Мелитопольский курган. — К.: Наук. думка, 1988. — 264 с.
- Топоров В.Н., Трубачев О.Н.* Лингвистический анализ гидронимов Верхнего Поднепровья. — М.: АН СССР, 1962. — 270 с.
- Третьяков П.Н.* Северные Восточнославянские племена // МИА. — 1941. — № 6. — С. 9—55.

Литература

- Третьяков П.Н.* Восточнославянские племена. — М.: Наука, 1953. — 312 с.
- Трубникова Н.В.* К вопросу о Юхновском городище // Тр. ГИМ. — М., 1938. — Т. VIII. — С. 123—128.
- Трубникова Н.В.* Племена городецкой культуры // Тр. ГИМ. — М., 1953. — Т. XXII. — С. 65—96.
- Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предварит. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.
- Флёров В.С.* Постпогребальные обряды Центрального Предкавказья в I в. до н. э. — IV в. н. э. и Восточной Европы в IV в. до н. э. — XIV в. н. э. // Тр. Клин-Ярской экспедиции. — М.: ТАУС, 2007. — Вып. III. — 372 с.
- Хазанов А.М.* Избранные научные труды: Очерки военного дела сарматов. — СПб., 2008. — 294 с.
- Цалкин В.И.* К истории животноводства и охоты в Восточной Европе // МИА. — 1962. — № 107. — 140 с.
- Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. — 1966. — № 135. — 160 с.
- Церинг Д.* Мой сын Далай-Лама. Рассказ матери / Пер. с англ. — М.: София, 2005. — 224 с.
- Черниговские Епархиальные Известия* (неофициальная часть). — 1872. — № 13, 14, 17, 20.
- Шадыро В.И.* Ранний железный век северной Белоруссии. — Минск; Наука и техника, 1985. — 126 с.
- Шауб И.Ю.* К вопросу о культуре отрубленной человеческой головы у варваров Северного Причерноморья и Приазовья // Античная цивилизация и варварский мир в Подонье — Приазовье: Тез. докл. к семинару. — Новочеркасск, 1987. — С. 16.
- Шинаков Е.А.* Раскопки в с. Случевск // АО 1983 г. — М.: Наука, 1985. — С. 101—102.
- Шинаков Е.А.* Комплекс памятников у с. Случевск: к вопросу о пунктах-погостах // Русский сборник. — Брянск: БГУ, 2002. — С. 61—94.
- Шмидт Е.А.* Племена верховьев Днепра и некоторых смежных территорий в железном веке (VIII в. до н. э. — III—IV вв. н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии АН СССР. — М., 1963. — 22 с.
- Шмидт Е.А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.). — М.: Прометей, 1992. — 208 с.
- Шпилев А.Г.* Межрегиональная научная конференция «Курский край в эпоху раннего металла и средние века» (Курск, 2007) // РА. — 2009. — № 1. — С. 189—191.
- Шрамко Б.А.* Хозяйство лесостепных племён Восточной Европы в скифскую эпоху: Автореф. дис... д-ра. ист. наук: 07.00.06 / Ин-т археологии АН УССР. — К., 1965. — 32 с.
- Шрамко Б.А.* Бельское городище скифской эпохи (город Гелон). — К.: Наук. думка, 1987. — 183 с.
- Щербань А.Л.* Прядіння і ткацтво у населення Лівобережного Лісостепу України VII — початку III ст. до н. е.: Автореф. дис... канд. іст. наук: 07.00.04 / Ін-т археології НАН України. — К., 2005. — 20 с.
- Gimbutas M.* The Balts. — London: Thames and Hudson, 1963. — 286 p.
- Simonenko A.V.* Bewaffnung und Kriegswesen der Sarmaten und späten Skythen im nördlichen Schwarzmeergebiet // Eurasia Antiqua. Zeitschrift für Archäologie Eurasiens. — 2008. — Bd. 7. — S. 187—327.

Архивные материалы

- Алихова А.Е.* Отчет о раскопках Авдеевского селища Курской обл. Ленинского района 1949 г. / Архив ИА РАН. — № 349.
- Воеводский М.В.* Городище и стоянка «Песочный Ров». Отчёт о раскопках 1946 г. / НА ІА НАН України. — 1946/5.
- Воеводский М.В., Артишевская Л.В.* Раскопки городища и стоянки «Песочный Ров» в 1947 г. / НА ІА НАН України. — 1947/4.
- Григорьев А.В.* Отчет о работе Горбовского отряда Новгород-Северской экспедиции ИА АН СССР и ИА АН УССР в 1981 г. / НА ІА НАН України. — 1981/13а.
- Едомаха И.И.* Дневники Менской и Новгород-Северской археологических экспедиций 1959 г. / ГАЧО. — Р. 2124. — № 240.
- Заверняев Ф.М.* Отчет об археологических исследованиях городища Красного в Брянской области 1982 г. / Архив ИА РАН. — Р.-1. — № 9765.
- Зализняк Л.Л.* Отчет об археологических исследованиях Первобытной экспедиции ИА АН УССР в 1982г. / НА ІА НАН України. — 1982/20а.
- Ильинская В.А.* Отчет о работе Путивльского отряда Сеймско-Деснинской экспедиции 1950 г. / НА ІА НАН України. — 1950/26.
- Казаков А.Л., Потапов И.А., Олейник Г.Л.* Отчет об исследовании Радичевского городища в 1991 г. / НА ІА НАН України. — 1991/129.
- Каравайко Д.В.* Звіт про розкопки Західного Юхнівського городища та поселення в 2004 р. / НА ІА НАН України. — 2004/4.
- Каравайко Д.В.* Звіт про розкопки городища Киселівка II в 2005 р. / НА ІА НАН України. — 2005/130.
- Каравайко Д.В.* Звіт про розкопки городища Киселівка II в 2006 р. / НА ІА НАН України. — 2006/68.
- Каравайко Д.В., Пономаренко В.В., Лисенко Р.В.* Звіт про розкопки городища Киселівка II в 2007 р. / НА ІА НАН України. — 2007/187.
- Каравайко Д.В.* Отчет о раскопках городища Киселевка II в 2008 г. / НА ІА НАН України. — 2008/122.
- Каравайко Д.В.* Отчет об исследовании городища юхновской культуры Бужанка I в 2008 г. / НА ІА НАН України. — 2008/123.
- Каравайко Д.В.* Отчет о раскопках городища Бужанка I в 2009 г. / НА ІА НАН України. — 2009/34.
- Куриленко В.Е.* Мезинский археологический музей. Отчет о разведках 1988 г. / НА ІА НАН України. — 1988/93.

Архивные материалы

- Куриленко В.Е.* Мезинский археологический музей. Отчет за 1989 г. / НА ІА НАН України. — 1989/65.
- Куриленко В.Е.* Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея в 1990 г. на Средней Десне / НА ІА НАН України. — 1990/151.
- Луцицький Ф.В.* Археологічні роботи по дослідженню Подесняння. Комплексна експедиція по р. Десні 1938 р. / НА ІА НАН України. — ІА/Десн. (№ 12).
- Луцицький Ф.В.* Археологічні роботи по дослідженню Подесняння. Археологічна розвідка 1939 р. по р. Десні на території Гремячського району Чернігівської області і частково на території Погарського району Орловської області / НА ІА НАН України. — ІА/Десн. (№ 9).
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ІА НАН України. — 1965/48.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1966 г. / НА ІА НАН України. — 1966/69.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г. / НА ІА НАН України. — 1968/85.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1969 г. / Архив ИА РАН. — Р.-1. — 4202.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1970 г. / Архив ИА РАН. — Р.-1. — № 4391.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Деснинского отряда в 1971 году / Архив ИА РАН. — Р.-1. — № 5778.
- Серов О.В.* Разведки древнерусских памятников в Черниговском Подесенье // Зализняк Л.Л. Отчет об археологических исследованиях Первобытной экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. / НА ІА НАН України. — 1982/20а.
- Шекун А.В.* Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.

Д.В. Каравайко

КАТАЛОГ ПАМЯТНИКОВ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ

Составление каталога (свода) памятников археологии, безусловно, является одним из первых и, достаточно важных шагов при изучении какой-либо археологической культуры или определенной территории. Подобный свод — это и существенный вклад в дело охраны памятников. К сожалению, такая работа сопровождается рядом сложностей и проблем. Во-первых, составление карты памятников исключительно по письменным источникам, будь то статьи, монографии или же архивные материалы крайне затруднительно. Порой, одно и то же поселение разными авторами названо по-разному. Учитывая же несовершенство «привязок» не всегда можно сказать: один ли это памятник или два. Во-вторых, при такой работе вполне очевидна необходимость лично осмотреть наибольший процент городищ и поселений, однако, учитывая размеры территории, характер рельефа и ряд объективных факторов, такие исследования достаточно сложны. Все вышесказанное непосредственно касается свода памятников приведенного ниже. Локализация ряда городищ на карте остается под вопросом из-за отсутствия надежной информации. Часть из них известны по косвенным упоминаниям в статьях, архивным документам или же по сообщению местных жителей.

При составлении каталога памятников, прежде всего, были использованы материалы отчетов, хранящихся в научных архивах ИА НАН Украины, ИА РАН и Черниговского государственного архива. Информация бралась так же из статей, опубликованных в научных изданиях и паспортов на памятники.

Большинство памятников Новгород-Северского Полесья неоднократно обследовалось специалистами-археологами, в чьи интересы не входила эпоха раннего железа. Зачастую информация о городищах крайне скудна, а порой не введена в научный оборот даже на уровне отчетов. По этой причине в истории исследования того или иного памятника в данном каталоге их фамилии не приводятся.

Значительное количество городищ осмотрено автором лично. При этом с помощью GPS, были сняты детальные планы 18 памятников (что указано в каталоге). Данная работа проведена **Е. Осадчим** и **А. Коротей**, за что автор им искренне благодарен.

1. Городище «Заболотье» (Круглый бугор)

ДАТА — ?

пгт Гремяч. (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на мысу правого берега Судости. Площадка неправильной оваловидной формы (70 × 40 м). С С и Ю ограничена глубокими оврагами с эскарпированными склонами. С З, напольной стороны, находится широкий ров, глубиной до 4 м и сильно расплывшийся вал. Со стороны поймы площадка плавно понижается. В верхней части проходит ров, на сегодняшний день сильно заплывший. Мыс имеет небольшой наклон в ЮВ направлении.

Стационарных раскопок на памятнике не проводилось. Впервые городище упоминается в списках П.С. Уваровой. Обследовалось Ф.М. Заверняевым, И.Ф. Иванченко, В.П. Коваленко.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

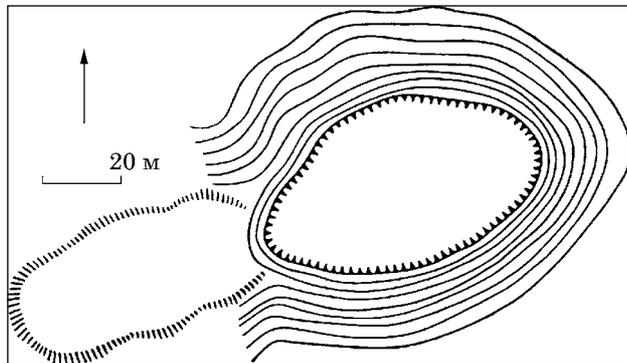
Иванченко И.Ф. Отчет об археологических исследованиях проведенных в Черниговской и Сумской областях по берегам реки Десны и ее притоков в 1965 по 1972 г. / НА ІА НАН України. — 1965-72/51.

2. Городище Пушкари (рис. I.1)

ДАТА — V—III вв. до н. э.

с. Пушкари (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на высоком, около 30 м, мысу правого берега Десны. В плане имеет округлую форму с незначительным наклоном с З на В. Длина с С на Ю 75 м, ширина 45 м. Месторасположение по JPS (в центре площадки): N 52° 12' 15,4" E 033° 17' 45,3". С З стороны городища, ниже его площадки, находится мысовидное возвышение эллипсовидной формы (70 × 32 м) являющееся его продолжением. С С и З городище ограничено глубоким оврагом с крутыми склонами. Толщина культурного слоя — около 2 м.

Впервые городище упоминается Д.Я. Самоквасовым. Обследовалось Ф.В. Лучицким в 1938 г. В 1939 г. раскопки на нем проводил Б.А. Рыбаков, а позднее А.А. Попко.

Рис. I.1. Городище Пушкари; (по: Рыбаков, 1962)

Литература:

- Самоковасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Луцицкий Ф.В.* Археологічні роботи по дослідженню Подесняння. Комплексна експедиція по р. Десні 1938 р. / НА ІА НАН України. — ІА/Десн. (№ 12).
- Розенфельдт Р.Л.* Пушкаревское городище на р. Десне // СА — 1968. — № 1. — С. 194—197.

3. Городище Песочный Ров (рис. 1.2; 1.3)

ДАТА — V вв. до н. э. (возможно начало IV в. до н. э.).

с. Роговка (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на мысу правого берега Десны рядом с балкой Песочный Ров, приблизительно в 800 м севернее села. Высота над уровнем поймы 20 м (147 м по Балтийской системе). Со стороны поля (3) сохранился ров

Рис. 1.2. Городище Песочный Ров, фото: 1 — вид с северо-востока, со стороны поймы; 2 — вид с юго-востока, со стороны поймы

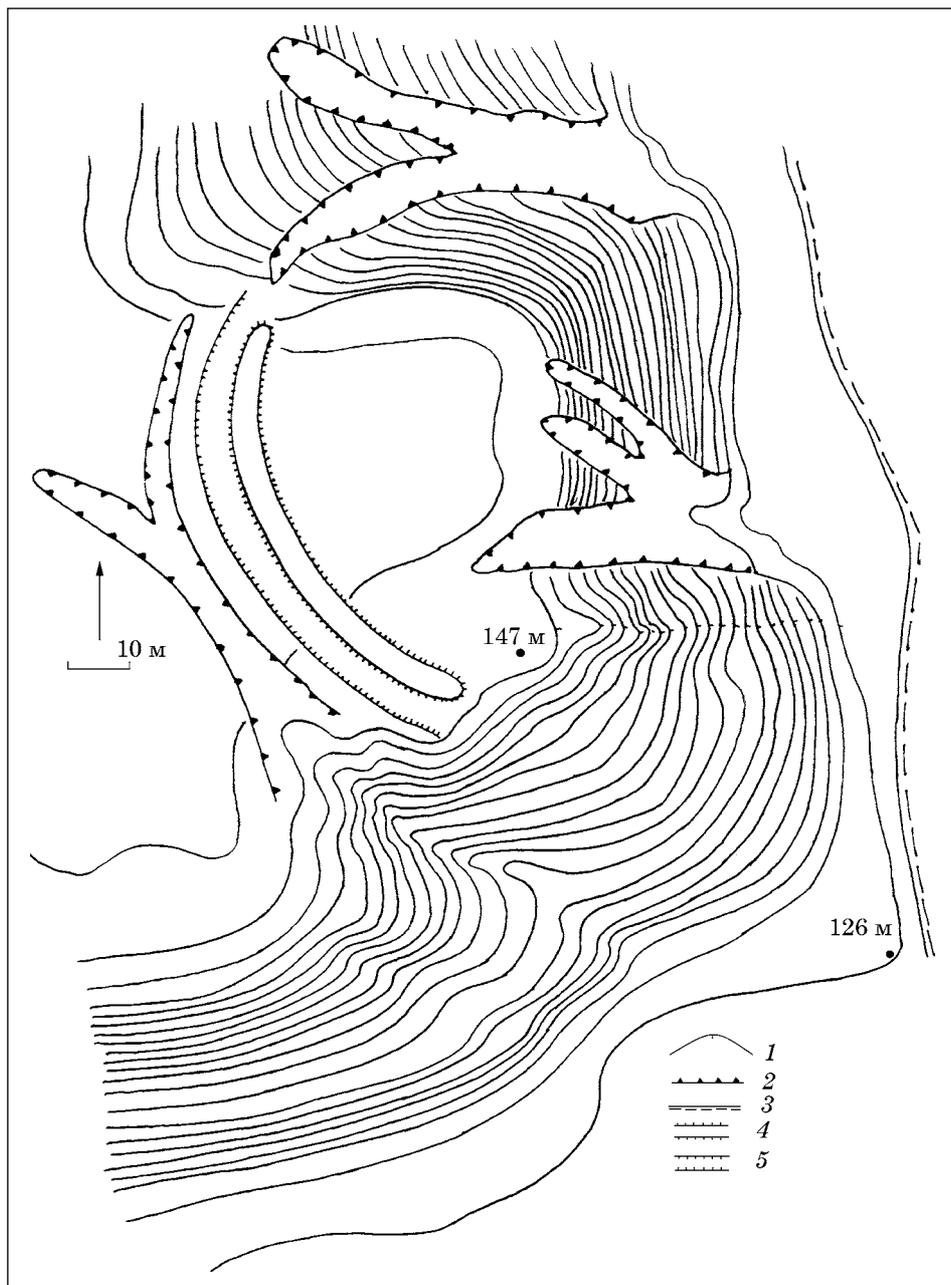

Рис. 1.3. Городище Песочный Ров: 1 — горизонталь, 2 — овраг, 3 — грунтовая дорога, 4 — вал, 5 — ров (М: 1 : 1250; Н — 1 м)

и вал. С С и Ю площадка ограничена оврагом и балкой Песочный Ров. Площадь городища 0,25 га, ее размеры 75 × 50 м (А°330, А°85). Месторасположение по JPS (центр площадки) — N 52° 10' 27,8"; E 033° 18' 34,1".

Памятник многослойный. Впервые мыс заселен в эпоху мезолита (песочноровская культура). Есть немногочисленные фрагменты керамики культуры шаровидных амфор. Основной слой принадлежит юхновской культуре, население которой дважды заселяло мыс. В X в. на мысу возникает поселение роменской культуры. Мощность культурного слоя до 1 м.

Впервые обследовал памятник в 1920-х гг. М.Я. Рудинский. В 1940 и 1945—47 гг. городище раскапывалось экспедицией под руководством М.В. Воеводского. В 1981, 1982 и 2002 гг. на памятнике проводил раскопки Л.Л. Зализняк. Исследованная на сегодня площадь составляет 650 м².

Литература:

- Воеводский М.В.* Городище и стоянка «Песочный Ров». Отчёт о раскопках 1946 г. / НА ІА НАН України. — 1946/5.
- Воеводский М.В.* *Артишевская Л.В.* Раскопки городища и стоянки «Песочный Ров» в 1947 г. / НА ІА НАН України. — 1947/4.
- Воеводский М.В.* Деснинская археологическая экспедиция 1940 г. // КСИИМК. — 1946а. — Вып. 13. — С. 89—94.
- Воеводский М.В.* Результаты работ Деснинской экспедиции // КСИИМК. — 1947. — Вып. 21. — С. 45—46.
- Воеводский М.В.* Важнейшие итоги Деснинской экспедиции // КСИИМК. — 1948. — Вып. 20. — С. 36—44.
- Воеводский М.В.* Городища Верхней Десны // КСИИМК. — 1949. — Вып. 24. — С. 67—77.
- Воеводский М.В.* Городища Десны // АП УРСР. — 1949а. — № 1. — С. 105—111.
- Зализняк Л.Л.* Отчет о работах Полесского мезолитического отряда превобытной экспедиции в 1981 г. / НА ІА НАН України. — 1981/28а.
- Зализняк Л.Л.* Отчет об археологических исследованиях Первобытной экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. / НА ІА НАН України. — 1982/20а.
- Зализняк Л.Л.* Раскопки мезолитических памятников на Средней Десне // АО 1982 г. — М.: Наука, 1984. — С. 260—261.
- Зализняк Л.Л., Каравайко Д.В., Майрчак С.П.* Археологічна експедиція НаУК-МА 2002 року. Дослідження городища Пісочний Рів на Десні // Магістеріум. Археологічні студії. — К.: КМ Академія, 2003. — Вып. II. — С. 5—13.
- Зализняк Л.Л., Шумова В.О., Каравайко Д.В., Майрчак С.П.* Розкопки багатопарового поселення Пісочний Рів на Новгород-Сіверщині // АБУ 2001—2002 рр. — К.: ІА НАНУ, 2003. — Вып. 5. — С. 108—111.

4. Городище Роговка (рис. I.4)

ДАТА — ?

с. Роговка (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на мысу высокой коренной правобережной террасы р. Десна, на С окраине села Роговка. Площадка треугольной формы (180 × 193 × 105 м), ориентирована по линии СЗ — ЮВ. Высота над уровнем поймы 35 м. Месторасположение по JPS (центр площадки) — N 52° 09' 53,5"; E 033° 18' 45,1". В сторону поймы мыс имеет значительное понижение. Со

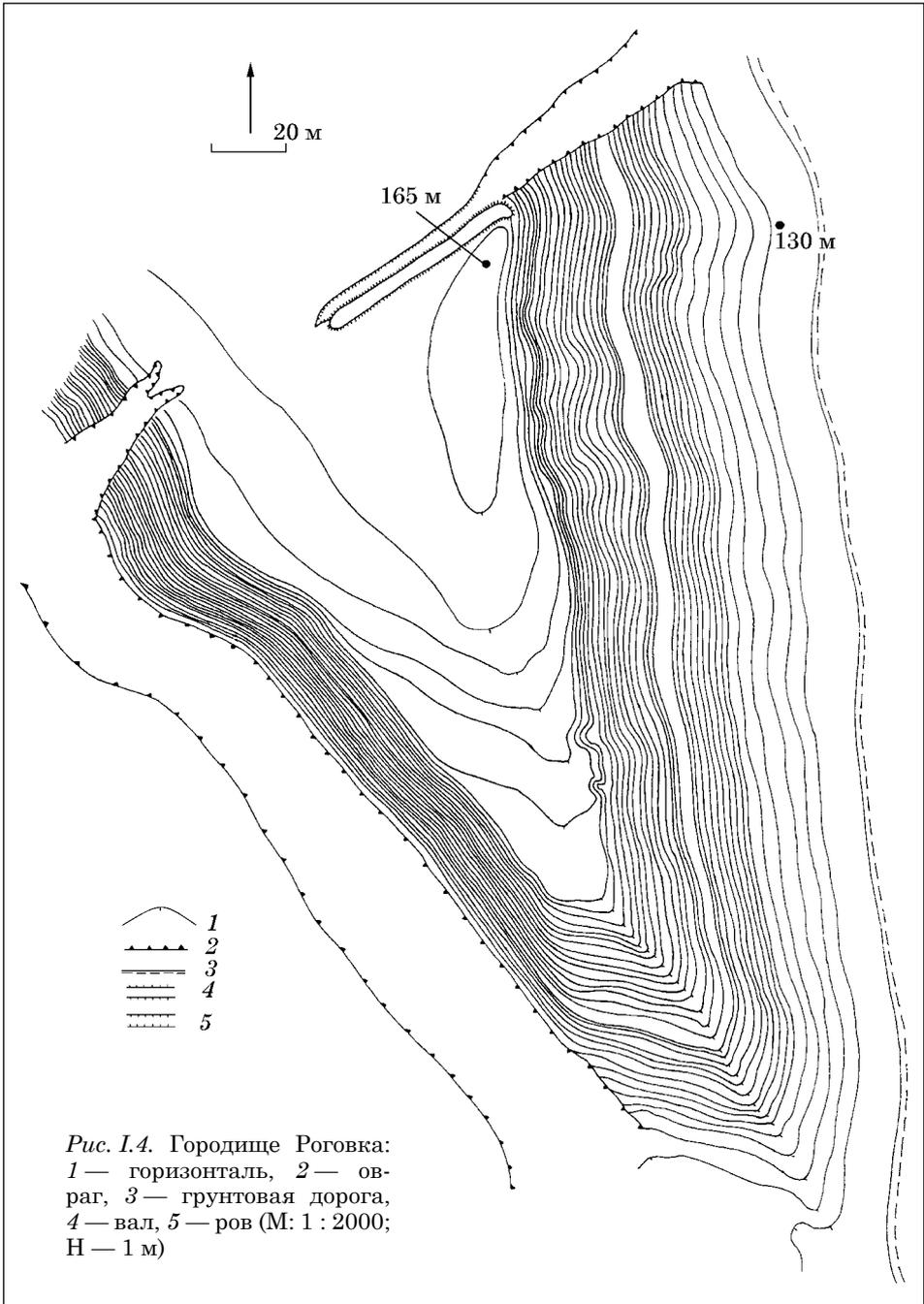

Рис. I.4. Городище Роговка:
 1 — горизонталь, 2 — овраг,
 3 — грунтовая дорога,
 4 — вал, 5 — ров (М: 1 : 2000;
 Н — 1 м)

стороны поля находятся сильно заплывшие ров и вал, еле заметные на сегодняшний день. С остальных сторон городище ограничено глубокими оврагами с эскарпированными склонами. Вдоль склона прослеживаются следы окопов ВОВ. Площадка находится под яблочным садом.

Стационарных раскопок не проводилось, известно по результатам разведок, в частности М.Я. Рудынского. В 1982 г. памятник был осмотрен О.В. Серовым.

Литература:

Рудинський М.Я. Передісторичні розшуки у північно-східній Чернігівщині // КЗ ВУАК за археологічні досліді року 1925. — К., 1926. — С. 13—32.

Серов О.В. Разведки древнерусских памятников в Черниговском Подесенье // Зализняк Л.Л. Отчет об археологических исследованиях Первобытной экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. / НА ІА НАН України. — 1982/20а.

5. Городище в урочище Яруги (рис. I.5; I.6)

ДАТА — ?

с. Лесконоги (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на мысу правого берега Десны южнее с. Роговка. Высота над уровнем поймы 24 м. С З и В сторон городище ограничено глубокими

Рис. I.5. Городище Лесконоги, «Яруги»: 1 — вид на вал и ров со стороны поля; 2 — вид со стороны поймы, с юго-востока

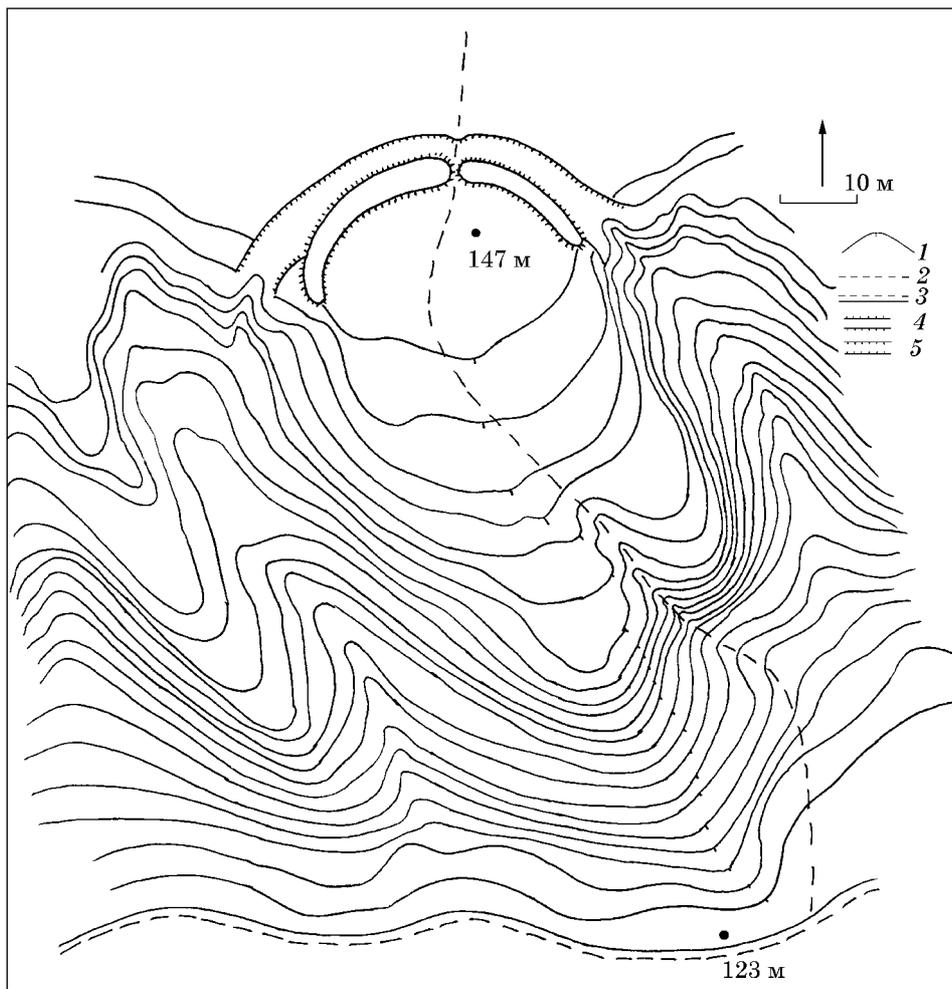

Рис. 1.6. Городище Лесконоги, «Яруги»: 1 — горизонталь, 2 — тропинка, 3 — грунтовая дорога, 4 — вал, 5 — ров (М: 1 : 1000; Н — 1 м)

оврагами. С напольной (С стороны) стороны прослеживается заплывшие вал и ров. Поверхность городища имеет незначительный наклон с СЗ на ЮВ. Длина 75 м, ширина с ЮЗ на СВ 50 м. Минимальная толщина культурного слоя 0,5 м. Месторасположение по JPS (центр площадки) — N 52° 08' 37,5"; E 033° 17' 53,9".

Впервые упоминается в списках П.С. Уваровой. Обследовал и заложил шурф 2 × 2 м в центре площадки Ф.В. Лучицкий в 1938 г. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Луцицкий Ф.В. Археологічні роботи по дослідженню Подесняння. Комплексна експедиція по р. Десні 1938 р. / НА ІА НАН України. — ІА/Десн. (№ 12).

6. Городище Лесконоги

ДАТА — ?

с. Лесконоги (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на мысу правого берега Десны, севернее села Лесконоги, по дороге к Роговке. С **СЗ** и **ЮВ** ограничено глубокими оврагами. В **Ю** части находится крутой спуск к пойме.

Стационарные раскопки не проводились. Упомянуто в списках П.С. Уваровой. Обследовано Ф.В. Луцицким.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Луцицкий Ф.В. Археологічні роботи по дослідженню Подесняння. Комплексна експедиція по р. Десні 1938 р. / НА ІА НАН України. — ІА/Десн. (№ 12).

7. Городище с. Леньково.

ДАТА — ?

Точных данных нет ¹. Древнее укрепление у села Леньково упоминается в списках П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Самоковасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

8. Городище Киселевка I (рис. I.7)

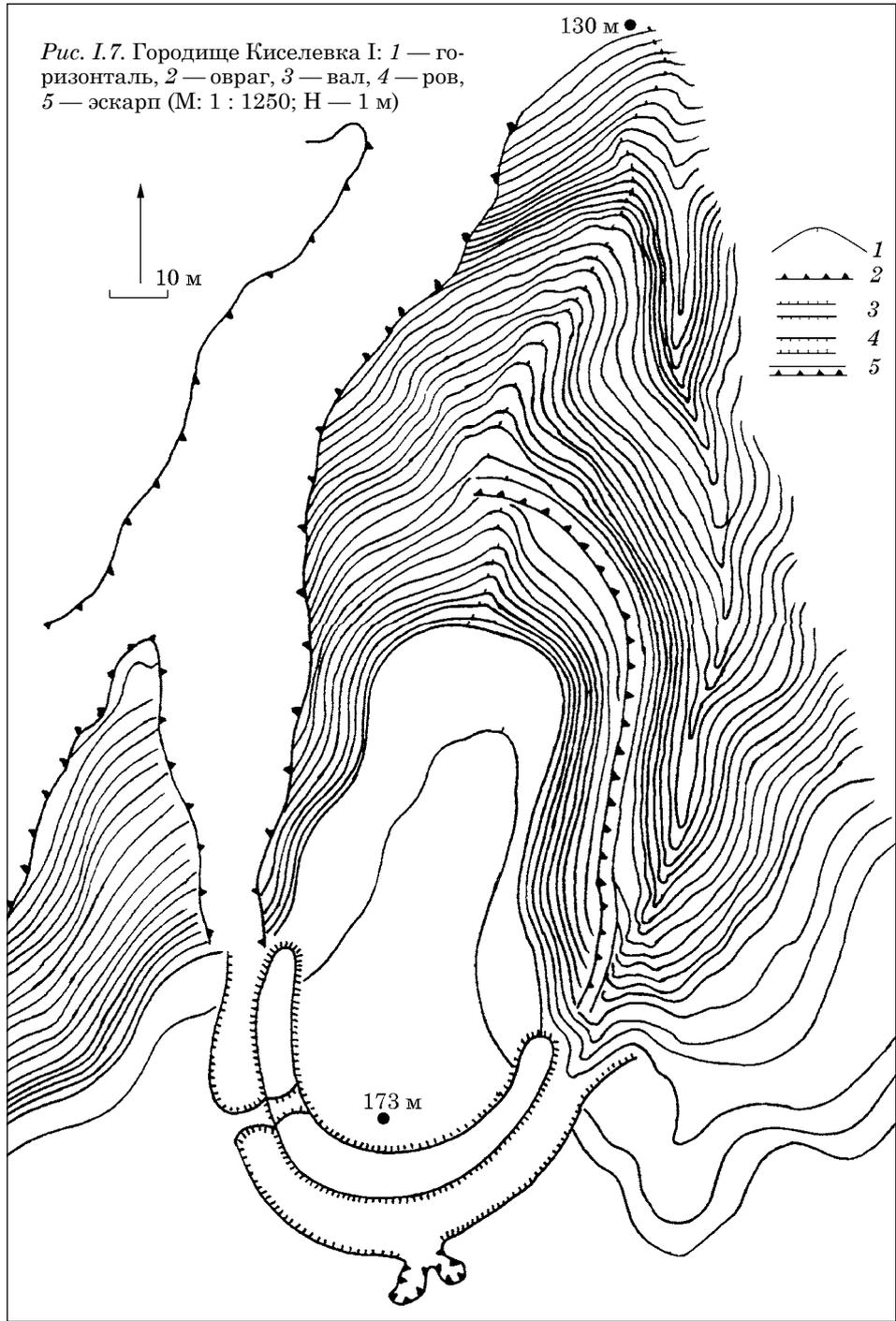
ДАТА — ?

с. Киселевка (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на высоком мысу правого берега Десны, недалеко от места впадения в нее Ромы, южнее с. Киселевка. Площадка овальная

1. Некоторые памятники лишь вскользь упоминаются исследователями, порой с привязкой к достаточно отдаленным населенным пунктам или без таковой вообще. Возможно, данное городище следует сопоставлять с городищем у с. Киселевка.

Рис. 1.7. Городище Киселевка I: 1 — горизонталь, 2 — овраг, 3 — вал, 4 — ров, 5 — эскарп (М: 1 : 1250; Н — 1 м)

100 × 45 м. С С стороны, со стороны поймы, мыс имеет плавно понижающуюся узкую стрелку, в верхней части которой прокопан ров (эскарп). Со стороны поля (с Ю) площадка также ограничена рвом, соединяющим два глубоких оврага по бокам городища. Их склоны эскарпированы. Месторасположение по JPS (центр площадки) — N 52° 03' 41,6"; E 033° 16' 10,8".

Стационарные раскопки не проводились. Упомянуто в списках П.С. Уваровой. Обследовано Ф.В. Лучицким в 1938 г. и О.В. Серовым в 1982 г. Упомянуто в своде Б.А. Рыбакова 1962 г. Шурфовалось И.Ф. Иванченко в 1973 г. В процессе проведения паспортизации осмотрено сотрудниками ЧИМ В.П. Коваленко, А.Л. Казаковым, А.Е. Черненко.

Литература:

- Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.
- Лучицкий Ф.В.* Археологічні роботи по дослідженню Подесняння. Комплексна експедиція по р. Десні 1938 р. / НА ІА НАН України. — ІА/Десн. (№ 12).
- Рыбаков Б.А.* Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // САИ. — 1962. — Вып. Д 1—12. — 76 с.
- Иванченко И.Ф.* Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Черниговской и Сумской областях по берегах реки Десны и её притоков в 1973 году / НА ІА НАН України. — 1973/45.
- Серов О.В.* Разведки древнерусских памятников в Черниговском Подесенье // Зализняк Л.Л. Отчет об археологических исследованиях Первобытной экспедиции ИА АН УССР в 1982 г. / НА ІА НАН України. — 1982/20а.

9. Городище Киселевка II (рис. I.8; I.9)

ДАТА — V в. до н. э.

с. Киселевка (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на высоком мысу правого берега Десны, 1 км на юг от южной окраины села Киселевка и южнее городища Киселевка I. Месторасположение по JPS (СВ угол раскопа) — N 52° 03' 30,9"; E 033° 16' 22,9". Современное русло реки находится в 600—800 м. По сравнению с другими юхновскими городищами, Киселевка II имеет несколько большую площадь — приблизительно 1,5 га.

Городище занимает длинный мыс. С ЮЗ городище ограничено оврагом с крутыми склонами, с СВ и Ю — склоном коренного берега. Поверхность памятника покатая, падение высоты составляет 9 м. Высота над уровнем поймы составляет 36 м (162 м по Балтийской системе координат). Размеры площадки 217 × 85—45 м.

С С, напольной стороны, городище укреплено линией обороны состоящей из валов и рвов.

Вал 1 — расположен в С части мыса, его протяженность 30 м. Ширина 7 м, высота 1,2 м.

Рис. 1.8. Городище Киселевка II: 1 — вид на городище со стороны поймы; 2 — площадка городища

Ров 1 — расположен с напольной стороны городища имеет разрыв в центральной части (вероятно, более позднего происхождения). Ширина рва 10—12 м, глубина колеблется от 1,8 до 2 м.

Вал 2 — расположен с внутренней стороны рва 1. Также имеет разрыв в центральной части. Ширина вала 7—9 м, высота 1,3 м.

Ров 2 — расположен с внутренней стороны вала 2. Имеет подковообразную форму, в северной части имеет разрыв шириной 5 м. Его продолжением является эскарп 1, который опоясывает городище по периметру.

Вал 3 (внутренний) — защищает городище с С, СВ и ЮЗ. Ширина колеблется от 7—9 м с напольной стороны до 2—3 м в СВ. Высота вала 0,5—1,2 м.

Эскарп 1 — опоясывает городище по краю мыса. Ширина площадки 3—4 м, высота — 3—4 м.

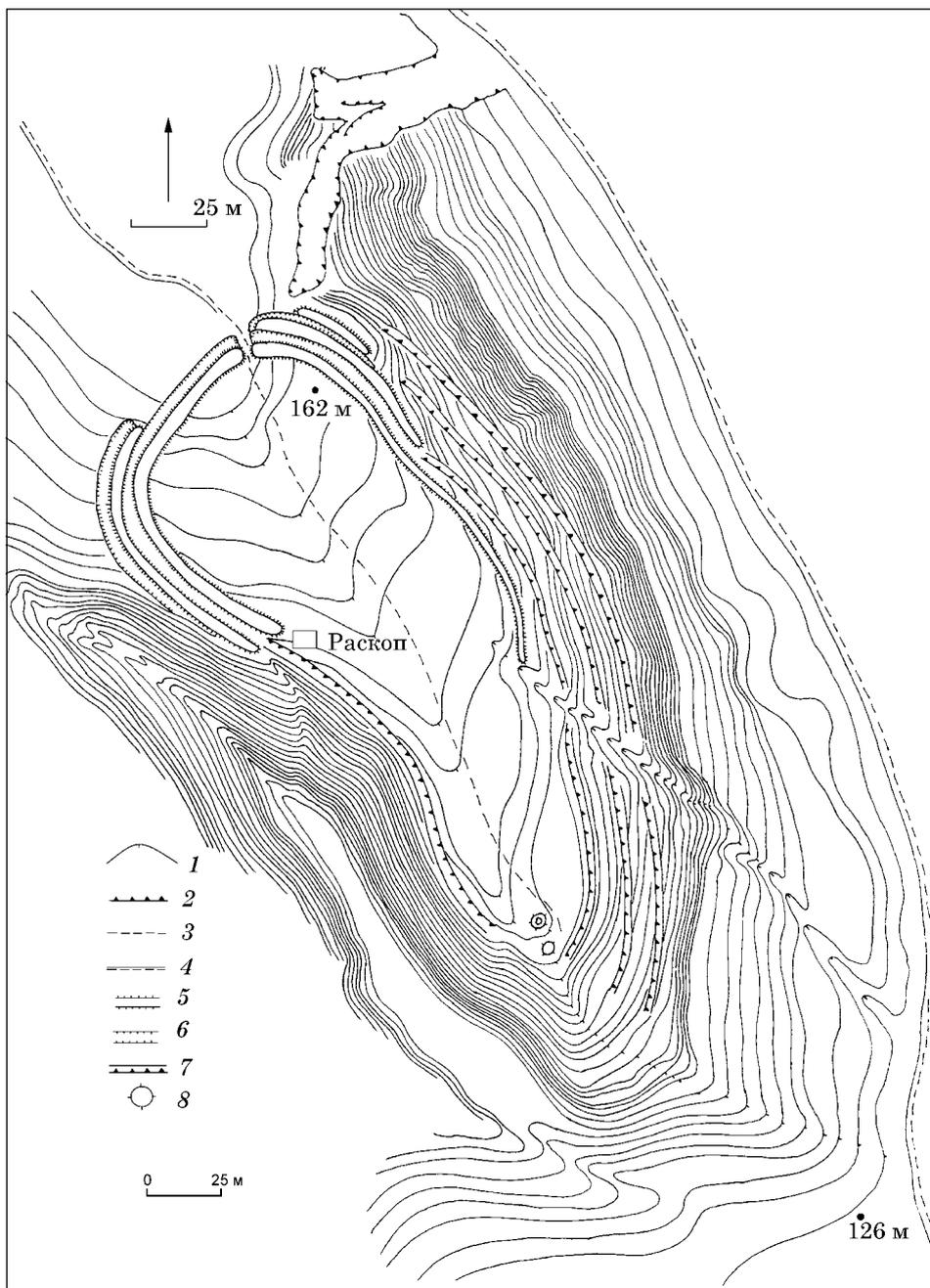

Рис. 1.9. Городище Киселевка II: 1 — горизонталь, 2 — овраг, 3 — тропинка, 4 — грунтовая дорога, 5 — вал, 6 — ров, 7 — эскарп, 8 — курганообразная насыпь (М: 1 : 2500; Н — 1 м)

Эскарп 2 — расположен на 4 м ниже по СВ склону. Ширина площадки 3 м, высота 3 м.

Эскарп 3 — расположен 4 м ниже по северо-восточному склону. Ширина площадки 3 м, высота 3 м.

На краю стрелки четко прослеживаются три линии эскарпов.

В Ю части городища находятся две (три?) курганообразные насыпи диаметром 7—8 м и высотой 1,8—2,5 м.

В результате исследований выявлены материалы песочноровской мезолитической культуры, среднеднепровской, юхновской и роменской культур. Мощность культурного слоя 0,5—0,7 м.

Впервые городище упомянуто в списках П.С. Уваровой. Обследовано Ф.В. Лучицким (1938), О.Н. Мельниковской (1965 г.). В 1973 г. шурфовалось И.Ф. Иванченко. В процессе проведения паспортизации осмотрено сотрудниками ЧИМ В.П. Коваленко, А.Л. Казаковым, А.Е. Черненко. В 2005—2008 гг. исследовалось Д.В. Каравайко. Общая площадь раскопов 240 м².

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Лучицький Ф.В. Археологічні роботи по дослідженню Подесняння. Комплексна експедиція по р. Десні 1938 р. / НА ІА НАН України. — ІА/Десн. (№ 12).

Рыбаков Б.А. Древности железного века в междуречье Десны и Днепра // САИ. — 1962. — Вып. Д 1—12. — 76 с.

Иванченко И.Ф. Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Черниговской и Сумской областях по берегах реки Десны и её притоков в 1973 году / НА ІА НАН України. — 1973/45.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ІА НАН України. — 1965/48.

Каравайко Д.В. *Ступак Д.В.* Розкопки городища Киселівка II в 2005 р. // АДУ 2004—2005 рр. — К.: ІА НАН України, 2006. — Вып. 8. — С. 178—182.

Каравайко Д.В. Дослідження городища Киселівка II в 2006 р. // АДУ 2005—2007 рр. — К.: ІА НАН України, 2007. — Вып. 9. — С. 199—200.

Каравайко Д.В. Городище Киселевка II в Новгород-Северском Полесье // Stratum plus. Скифские интерпретации 2005—2009. — 2009. — № 3. — С. 217—233.

10. Городище в урочище «Городище»

ДАТА — ?

с. Домотканово (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Памятник находится на северной окраине села, дом 21 по улице 8 марта (он в пойме под городищем). Городище занимает высокий мыс правого берега Десны, образованного двумя оврагами. Площадка овальной формы 30 × 15 × 20 м. СВ ограничена крутым склоном террасы, СС и Ю — оврагами, склоны которых имеют следы эскарпа. СЗ напольной стороны прослеживаются сильно заплывшие вал и ров. Площадка городища имеет значительный наклон к пойме. Мощность культурного слоя 0,7—0,8 м.

Известно по спискам П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова. Обследовалось С.А. Гатцуком, М.В. Воеводским, О.Н. Мельниковской.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

11. Городище «Старое еврейское кладбище»

ДАТА — ?

г. Новгород-Северский (Черниговская обл.).

Памятник находится на СВ окраине города. Городище расположено на мысу правобережной террасы Десны. Площадка удлиненной формы (75 × 45—20 м). С В и З ограничена глубокими оврагами. С Ю, напольной стороны, проходит дуговидный вал, на сегодняшний день сильно заплывший. Склоны в В части эскарпированы. Площадка имеет наклон в сторону Десны. Мощность культурного слоя в пределах 0,5 м.

Городище известно по материалам П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова. Обследовалось С.А. Гатцуком и В.П. Коваленко.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

12. Городище «Замок» (рис. I.10)

ДАТА — ?

г. Новгород-Северский (Черниговская обл.).

Городище расположено в центре города, на территории древнерусского Детинца Новгород-Северского. Высота над уровнем поймы около 50 м. На сегодняшний день сохранились остатки укреплений в виде двойного вала по периметру площадки. Время их возникновения вероятно относится к периоду Киевской Руси. Площадка ограничена крутыми оврагами с обрывистыми склонами и долиной Зубрицкого ручья. Ее размеры 160 × 100 м. Мощность культурного слоя до 5 м. Он сильно поврежден неоднократными перепланировками эпохи позднего средневековья и функционировавшим здесь селитроварным заводиком XVIII в. Прослежены слои юхновской, роменской культур и эпохи Киевской Руси.

Упомянуто в списках П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова. Городище неоднократно осматривалось такими исследователями как С.А. Гатцук, Т.Н. Трал-

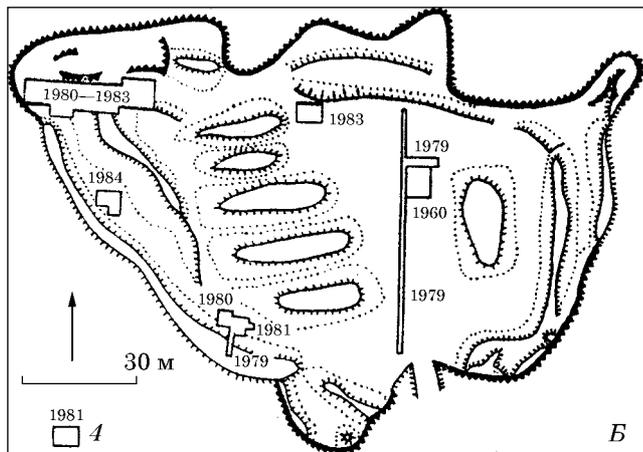
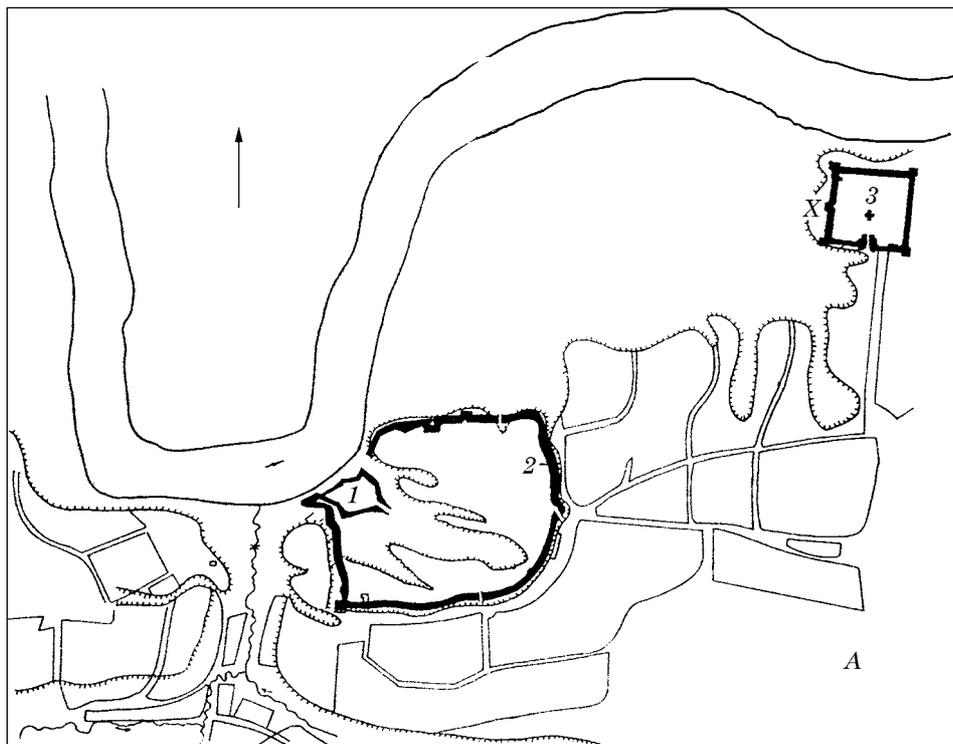

Рис. 1.10. Городище в г. Новгород-Северский, «Замок»: А — схематический план Новгород-Северского по планам XVIII в.; Б — план городища «Замок». Условные обозначения: 1 — древнерусский детинец Новгород-Северского, городище юхновской культуры; 2 — укрепление XVIII в.; 3 — Спасо-Преображенский монастырь; 4 — место раскопа и год; X — местонахождение юхновской керамики

ло, Ф.М. Лучицкий, П.Н. Третьяков, О.Н. Мельниковская и рядом других. В 1959—1962 гг. небольшие раскопки были проведены И.И. Едомахой, а в 1979—1984 гг. городище исследовалось А.В. Кузой и В.П. Коваленко.

Литература:

- Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.
- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Едомаха И.И.* Дневники Менской и Новгород-Северской археологических экспедиций 1959 г. / ГАЧО. — Р. 2124. — № 240.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ІА НАН України. — 1965/48.
- Куза А.В., Коваленко В.П., Моця А.П.* Новгород-Северский: некоторые итоги и перспективы исследований // На юго-востоке Древней Руси. — Воронеж, 1996. — С. 3—28.

13. Городище II

ДАТА — ?

г. Новгород-Северский (Черниговская обл.).

Расположено в пределах города. Точное расположение не известно. Данное городище открыто и обследовано Ф.М. Лучицким в 1938 г. и упомянуто в отчете М.В. Воеводского (1945 г.). В 1938 г. была сделана записка по краю обрыва 6,5 м и шириной 1 м. Часть городища обрушилось в реку. Археологический материал нижнего горизонта, судя по описанию, принадлежит к юхновской культуре. Верхний горизонт относится к романской культуре.

Литература:

- Воеводский М.В.* Об обследовании II Новгород-Северского городища произведенного Деснинской экспедицией 18—22 июля 1945 г. / НА ІА НАН України. — 1945/1.

14. Местонахождение керамики (рис. І.10, А)

ДАТА — ?

г. Новгород-Северский (Черниговская обл.).

Впервые выявлено И.И. Едомахой при шурфовке за стенами Спасо-Преображенского монастыря в 1959 г.

Экспедицией 2003 г. под руководством Е.Е. Черненко, при участии автора, произведена шурфовка за 3 стеной монастыря. На глубине 0,5—0,6 м в небольшой линзовидной западине найдено несколько фрагментов керамики юхновской культуры. Остатков укреплений в пределах данной территории не обнаружено.

Литература:

- Едомаха И.И.* Дневники Менской и Новгород-Северской археологических экспедиций 1959 г. / ГАЧО. — Р. 2124. — № 240.

15. Городище ¹

ДАТА — ?

с. Чулатово (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Городище около бывшей церкви в селе Чулатово. Упомянуто в списках П.С. Уваровой.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива графа П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

16. Городище Комань (рис. I.11)

ДАТА — ?

с. Комань (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на мысу правого берега Десны на С (около 150—200 м) от с. Комань, у дороги из Новгород-Северского на Комань, 20—30 м на ЮЮЗ от

1. Более подробных данных на памятник нет.

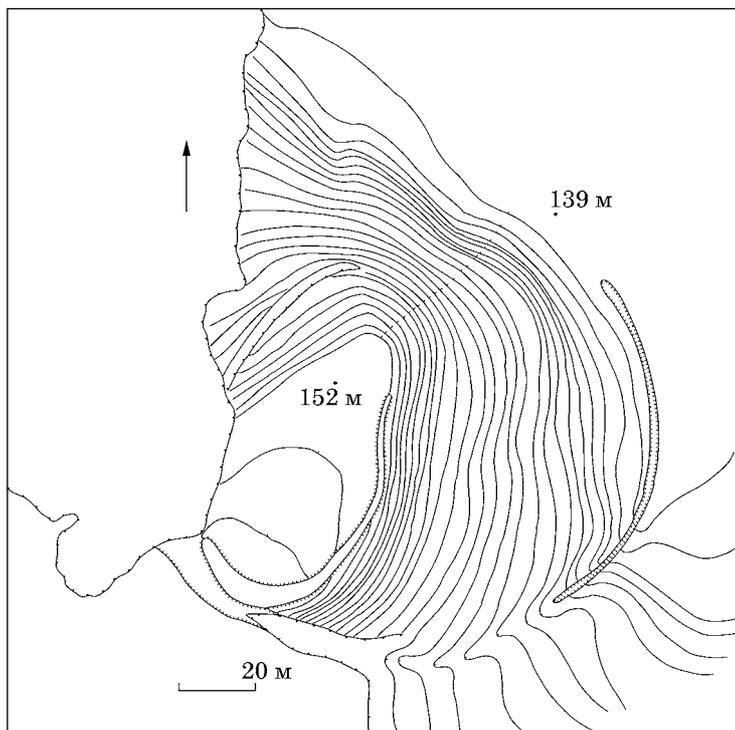

Рис. I.11. Городище Комань (М: 1 : 2000; Н — 1 м)

мостика через маленькую балку. Современное русло реки находится в 250 м. Размеры площадки 60 (В — З) × 50—55 м (С — Ю). С З напольной стороны сохранились вал и ров. Высота над уровнем поймы — 13 м. С В стороны повреждено карьером. Координаты памятника — N 51° 59' 40,4" E 0,33° 19' 43,4".

Упоминается в списках П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова. В 1959 г. два шурфа (в С и Ю частях памятника) заложены И.И. Едомахою. Выявлены материалы юхновской и роменской культур, а также эпохи Киевской Руси.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Легописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

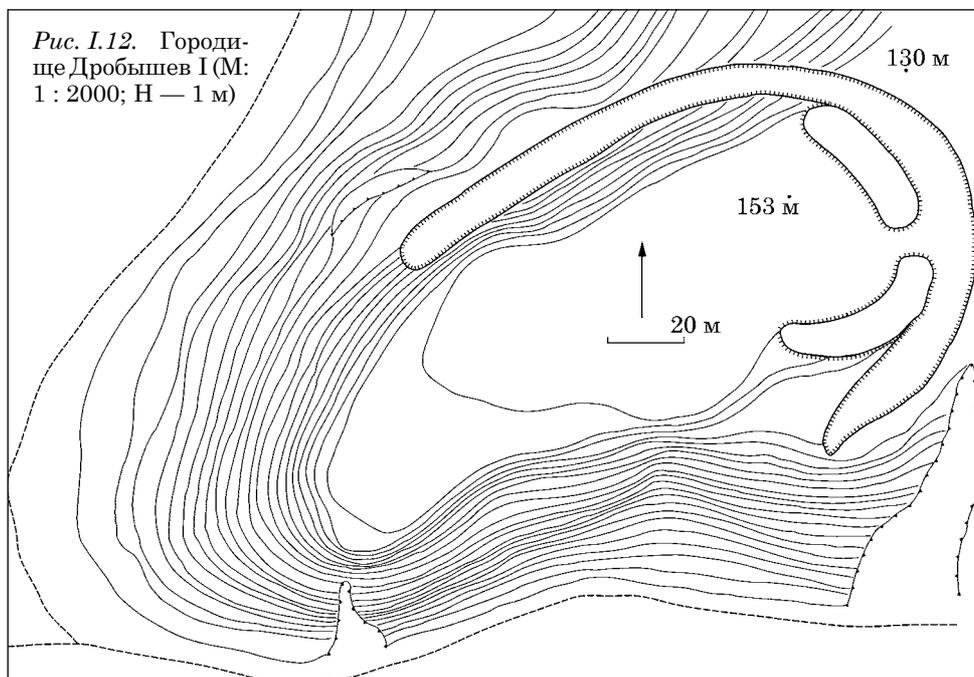
Едомаха И.И. Дневники Менской и Новгород-Северской археологических экспедиций 1959 г. / ГАЧО. — Р. 2124. — № 240.

17. Городище Дробышев I «Городище» (рис. I.12)

ДАТА — VI в. до н. э. (?)

с. Дробышев (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на З окраине села, под современным действующим кладбищем. Им занято около 60 % памятника. Городище находится на мысу

(около 30 м) правого берега Десны. Площадка овальной формы приблизительно размерами 70 × 120 м. С се стороны поля, с С и В, прослеживаются два вала и ров между ними. Внешний вал сильно заплыл. Высота над уровнем поймы — 23 м. Координаты городища — N 51° 56' 53,6" E 0,33° 19' 46,2". Мощность культурного слоя — до 0,6 м.

Обследовалось в 1967 г. О.Н. Мельниковской. В 2006 г. шурфовалось И.С. Кедуном. При рытье могил, по сообщению местных жителей, найдено огромное количество глиняных грузил. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.

18. Городище Дробышев II. Урочище Церковье (рис. I.13)

ДАТА — I в. до н. э. — I в. н. э.

с. Дробышев (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на мысу правого берега Десны в центре села. Высота мыса 40—50 м над уровнем поймы. Площадка овальной формы (125 × 30 м) вытянута по линии СЮ — ЗВ и ограничена глубокими оврагами с крутыми эскарпированными склонами. Высота над уровнем поймы — 30 м. С ЮЗ мыс имеет достаточно резкое понижение к пойме Десны. Здесь, в верхней части, также прослеживаются следы эскарпа или рва. С напольной стороны площадка ограничена коротким (28 м), широким (10 м) и высоким (до 5 м) валом. За ним проходят

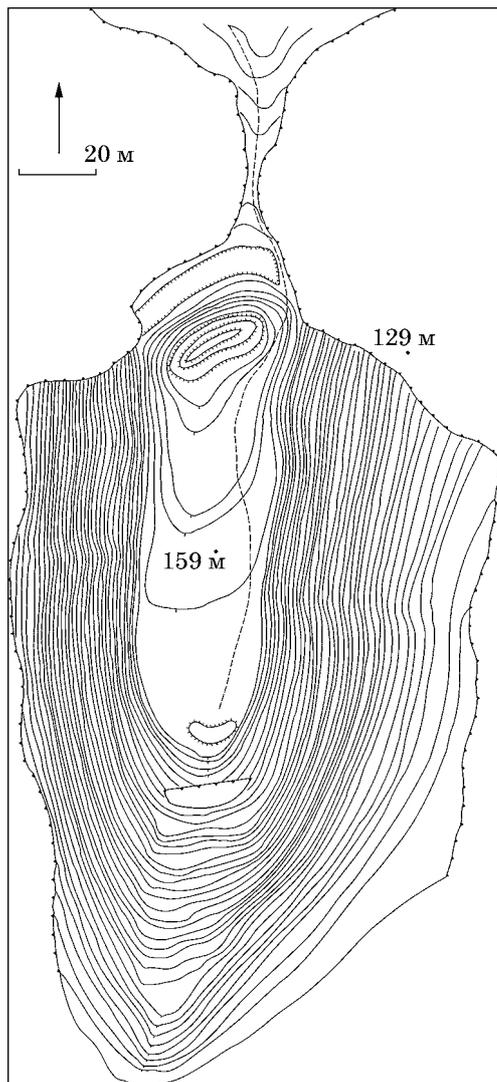

Рис. I.13. Городище Дробышев II, «Церковье» (М: 1 : 2000; Н — 1 м)

два рва. Внешний сильно заплывший. Следов насыпи между ними не прослеживается. Мыс соединен с плато узким перешейком. Со стороны стрелки мыса так же прослеживается небольшой вал. Координаты городища — $N 51^{\circ} 57' 02,2'' E 0,33^{\circ} 20' 14,0''$. По легенде на городище стояла церковь, которая ушла под землю. В 0,5 км на **З** находится городище Дробышев I.

Одно из городищ в с. Дробышев упомянуто в списках П.С. Уваровой. Обследовалось в 1967 г. О.Н. Мельниковской. В 2006 г. экспедицией И.С. Кедуна на городище был заложен шурф (по устному сообщению автора). Мощность культурного слоя — 1,3 м. Находка сарматского наконечника стрелы позволяет отнести памятник к I в. до н. э. — I в. н. э. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.

19—20. Юхновские городища (рис. I.14)

с. Путивск (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

19. Западное Юхновское городище и поселение за валом

ДАТА — IV—III вв. до н. э.

Городище занимает высокий (до 40 м) мыс правого берега Десны. С **СЗ** и **ЮВ** ограничено глубоким оврагом и крутым склоном к пойме реки. На сегодняшний день русло проходит в 1 км от памятника. С **ЮЗ** мыс имеет относительно плавное понижение. Здесь, в верхней части, прослеживаются остатки эскарпа (или рва). Площадка городища овальной формы (114 × 56 м) имеет ощутимый уклон в **ЮЗ** направлении. С **СВ**, с напольной стороны, городище защищено сильно расплывшимися валом и рвом. Культурный слой мощностью до 1,8 м. Городище находится под сосновым лесом. Координаты (точка взята на раскопе 2004 г.) — $N 51^{\circ} 56' 35,1'' E 0,33^{\circ} 15' 42,1''$.

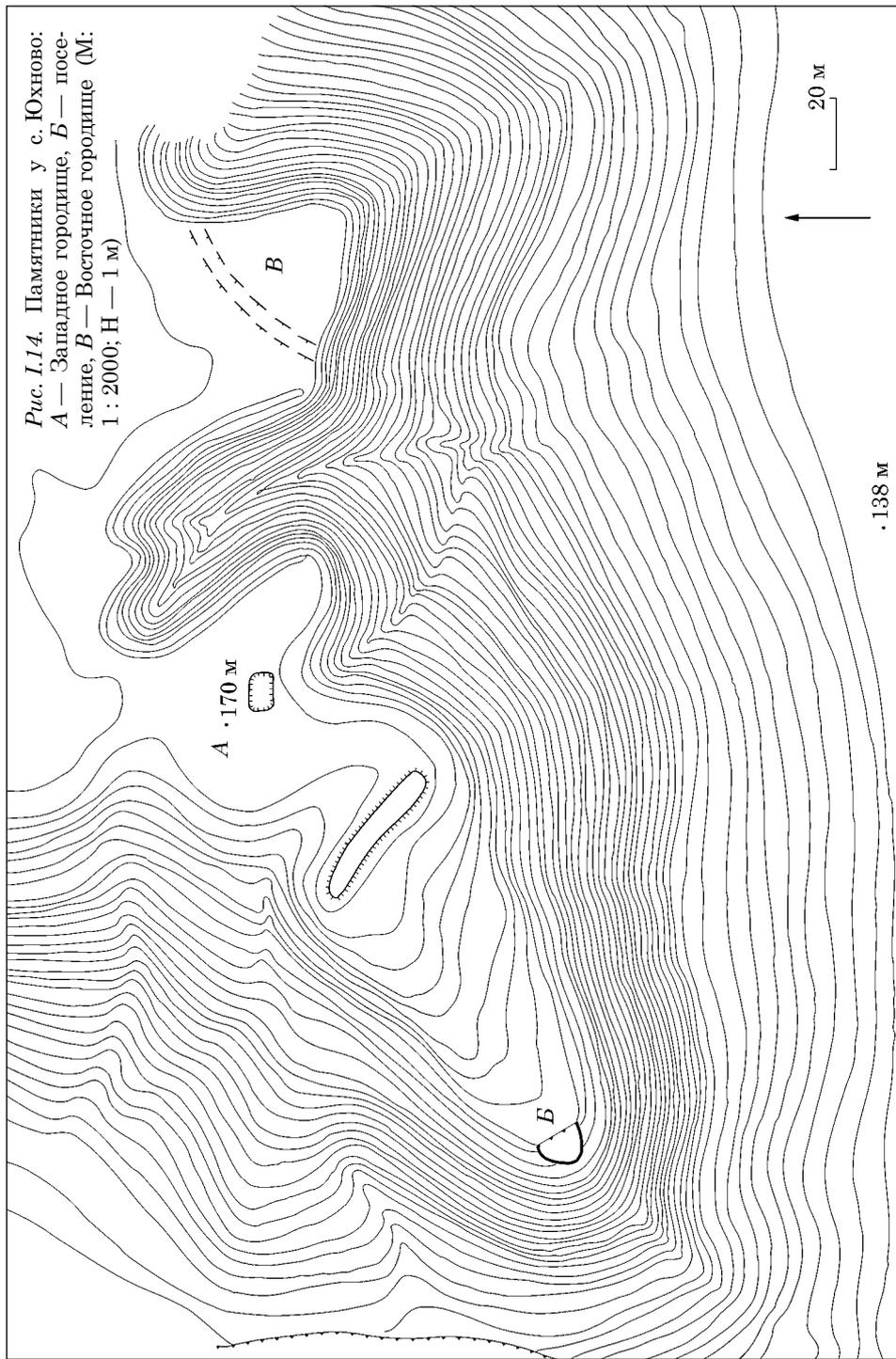
Поселение расположено непосредственно за валом городища. Его координаты (точка взята на раскопе 2004 г.) — $N 51^{\circ} 56' 36,0'' E 0,33^{\circ} 15' 46,4''$. По времени оно синхронно, что позволяет считать Западное городище и поселение единым комплексом. Площадка имеет округлую форму 75 × 70 м. С **В** и **СЗ** ограничена оврагами, а с **Ю** — крутым склоном к пойме. Культурный слой имеет мощность 0,3—0,5 м.

20. Восточное Юхновское городище

ДАТА VI в. до н. э.

Расположено на **В** от поселения, через овраг, на соседнем мысу. Площадка округлой формы (65 × 47 м). С **С** и **СЗ**, со стороны поля, сохранились сильно распаханый вал и ров. Ров соединял между собой два оврага (с **З** и **В**) по бокам мыса. Городище эскарпировано. Мощность культурного

Рис. 1.14. Памятники у с. Юхново:
А — Западное городище, В — посе-
ление, В — Восточное городище (М:
1 : 2000; Н — 1 м)

· 138 м

слоя 0,6—0,9 м. На сегодняшний день городище находится под огородами. Координаты городища — N 51° 56' 36,9" E 0,33° 15' 50,8".

Оба городища упоминаются в списках П.С. Уваровой. Впервые обследованы Д.Я. Самоквасовым в 1871 и 1872 гг., а в 1873 и 1876 гг. им же проведены небольшие раскопки на памятниках. Исследованная площадь составила около 120 м². В 1940 г. раскопки на обоих городищах и поселении проводились А.Е. Алиховой. Неоднократно городища осматривались И.И. Едомахою и О.Н. Мельниковской. В 2004 г. раскопки на Западном городище и поселении проведены автором. На городище исследовано 40 м². Выявлено следы трех длинных домов с хозяйственными ямами. На поселении вскрыто 96 м². Расчищено углубленную часть длинного дома построенного на краю террасы.

Литература:

- Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.
- Самоквасов Д.Я.* Могилы Русской Земли. — М.: Синодальная Типография, 1908а. — 271 с.
- Трубникова Н.В.* К вопросу о Юхновском городище // Тр. ГИМ. — М., 1938. — Т. VIII. — С. 123—128.
- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Алихова А.Е.* К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова // КСИИМК. — 1956. — Вып. 65. — С. 31—41.
- Едомаха И.И.* Дневники Менской и Новгород-Северской археологических экспедиций 1959 г. / ГАЧО. — Р. 2124. — № 240.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ІА НАН України. — 1965/48.
- Каравайко Д.В.* Розкопки Західного Юхнівського городища та поселення 2004 р. // АДУ 2003—2004. — К.: ІА НАН України, 2005. — Вип. 7. — С. 155—158.

21. Городище Горки I (рис. I.15; I.16)

ДАТА — ?

с. Горки (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Памятник находится на ЮЗ окраине села рядом с жилыми домами. Он расположен на мысу правого берега Десны, в урочище «Городище». Внизу,

Рис. I.15. Городище у с. Горки, Горки I

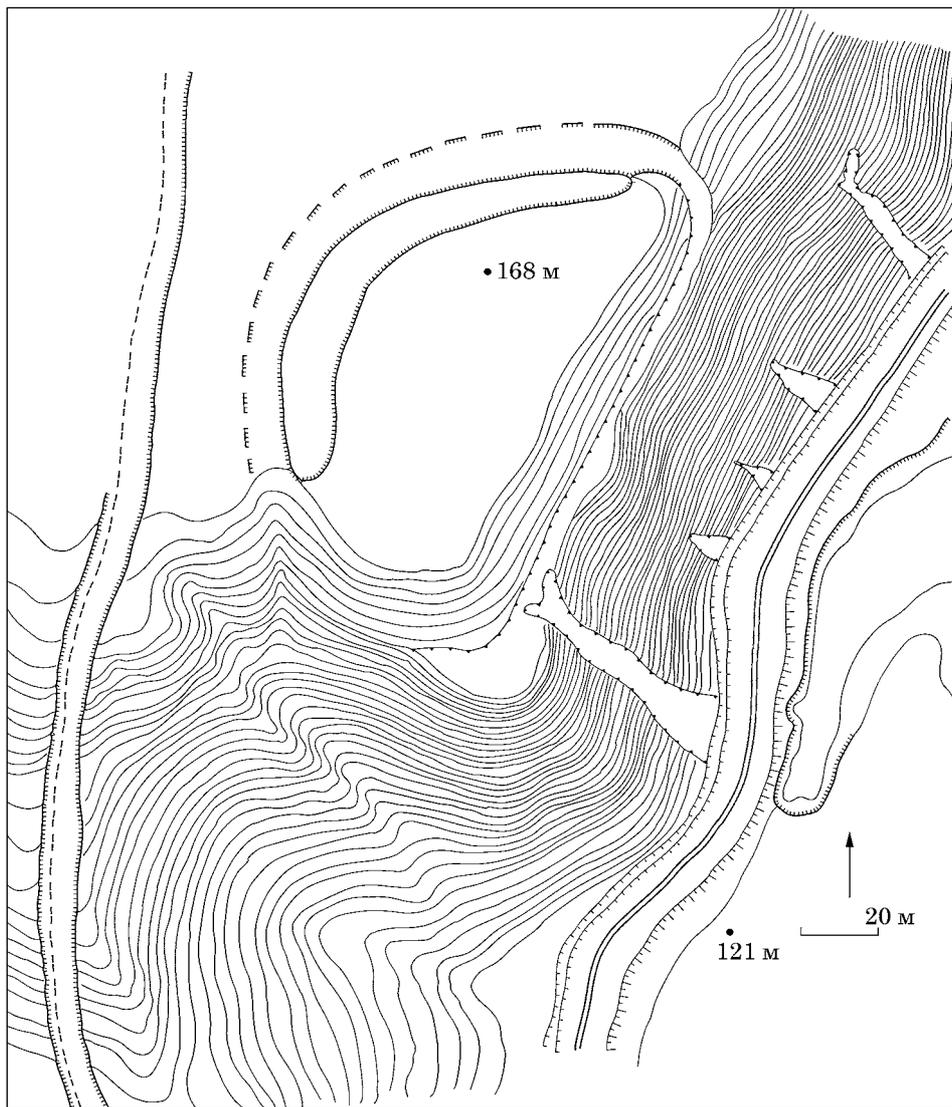

Рис. I.16. Городище Горки I (М: 1 : 2000; Н — 1 м)

возле асфальтной дороги ведущей из Юхново в Дегтяревку и далее, находится урочище «Крыница». На север от памятника — одно из нескольких кладбищ села. Координаты городища — N 51° 56' 00,3" E 0,33° 11' 47,2".

Площадка сильно распаханна. Она округлой формы: **СЮ** — 105 м, **ЗВ** — 90 м. Со стороны поля вал и ров, которые практически не просле-

живаются. Со стороны стрелки мыса и поймы (с **Ю** и **В**) проходит мощный эскарп шириною 5 — 8 м и глубиною до 8 м. Высота над уровнем поймы — 47 м.

Впервые два городища у с. Горки упоминаются в списках П.С. Уваровой. Городище у с. Горки упоминается и Д.Я. Самоквасовым. В 1938 г. было обследовано Т.Н. Тралом, а в 1946 г. осмотрено и прошурфовано М.В. Воеводским. Обследовалось О.Н. Мельниковской в 1965 г.

Литература:

Уварова П.С. Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Воеводский М.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции 1946 года / НА ИА НАН України. — 1946/5.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ИА НАН України. — 1965/48.

22. Городище Горки II и поселение (рис. I.17; I.18)

ДАТА — ?

с. Горки (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на высоком (30—35 м) мысу правого берега Десны у первых домов по дороге из Горбово в Горки в урочище «Селище» (**ЮВ** окраина села). Координаты городища — N 51° 56' 17,0" E 0,33° 12' 31,3". Высота над уровнем поймы — 26 м. Площадка вытянутой формы (200 × 100 м), ориентирована с **ЮЗ** на **СВ**. С **С**, **В** и **Ю** ограничена крутыми склонами террасы. С **СВ** к городищу примыкает неукрепленное поселение размерами 150 × 100 м, отделенное от городища практически полностью заплыв-

Рис. I.17. Городище у с. Горки, Горки II

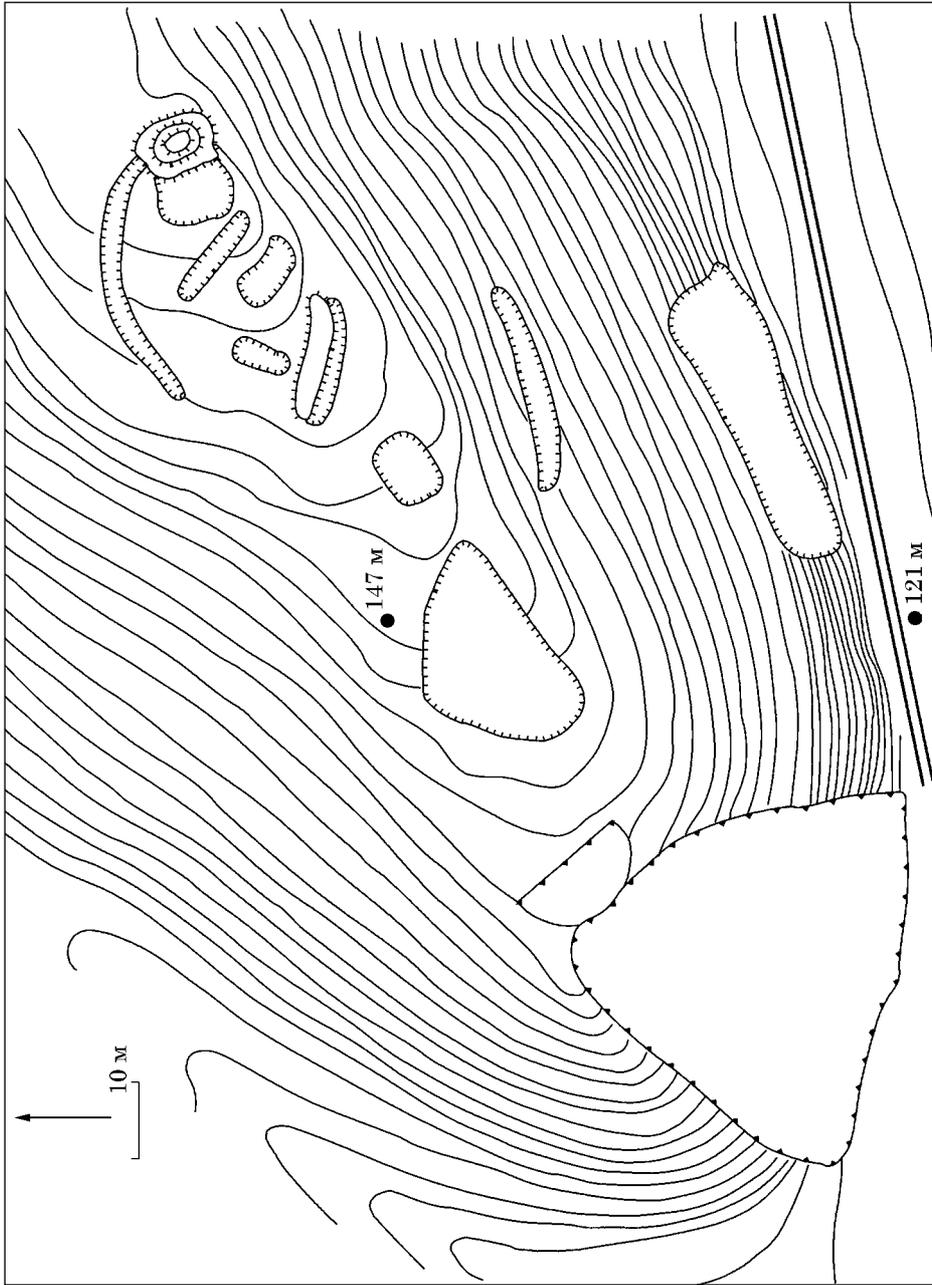

Рис. I.18. Городище Горки II (М: 1 : 1000; Н — 1 м)

шими и распаханными валом и рвом. Выявлены материалы юхновской и роменской культур.

Впервые упоминается в списках П.С. Уваровой. В 1946 г. обследовано М.В. Воеводским. Вероятно, это городище (а не Горки I) упоминается в отчете И.Ф. Иванченко за 1973 г. Обследовалась О.Н. Мельниковской, которая указывает, что Городище Горки II разрушено карьером. На сегодняшний день площадка городища сильно попорчена антропогенным фактором.

Литература:

- Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.
- Воеводский М.В.* Отчет о работе Деснинской экспедиции 1946 года / НА ІА НАН України. — 1946/5.
- Воеводский М.В.* Городища Верхней Десны // КСИИМК. — 1949. — Вып. 24. — С. 67—77.
- Иванченко И.Ф.* Отчёт об археологических исследованиях, проведённых в Черниговской и Сумской областях по берегам реки Десны и её притоков в 1973 году / НА ІА НАН України. — 1973/45.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ІА НАН України. — 1965/48.

23. Городище Кудрин Городок (рис. I.19)

ДАТА — ?

с. Дегтяревка (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено на ЮВ от села, между сс. Дегтяревка и Горки у СВ окраины первого села у асфальтной дороги. Координаты городища — N 51° 55' 37,8" E 0,33° 10' 11,7". Памятник расположен на высоком (около 30 м) мысу правого берега Десны. Площадка вытянутой формы с С на Ю 110, с З на В 40—25 м. Имеет ощутимый наклон в сторону поймы (к Ю). С Ю стороны городище ограничено склоном к Десне, с В, З и СЗ — оврагами. По краю площадки прослеживается расплывшийся вал. С ССВ вал более четкий, а за ним ров глубиной 6—8 м от верха вала. Склоны сильно эскарпированы. Высота эскарпа достигает 8 м, а ширина уступа — 4 м. С ССВ эскарп плавно переходит в ров. На сегодняшний день площадка городища находится под лесом. На краю мыса установлен памятный знак Ивану Мазепе и Карлу XII «З нагоди історичної зустрічі та військово-політичних перемовин видатних державних діячів України і Швеції 30 жовтня 1708 р.». По стрелке мыса проходит деревянная лестница.

Впервые упоминается Д.Я. Самоквасовым. В 1936 и 1938 гг. обследовано экспедицией М.В. Воеводского. В 1959 г. осмотрено И.И. Едомахою, а в 1965 и 1967 гг. О.Н. Мельниковской. Стационарным раскопкам не подвергалось.

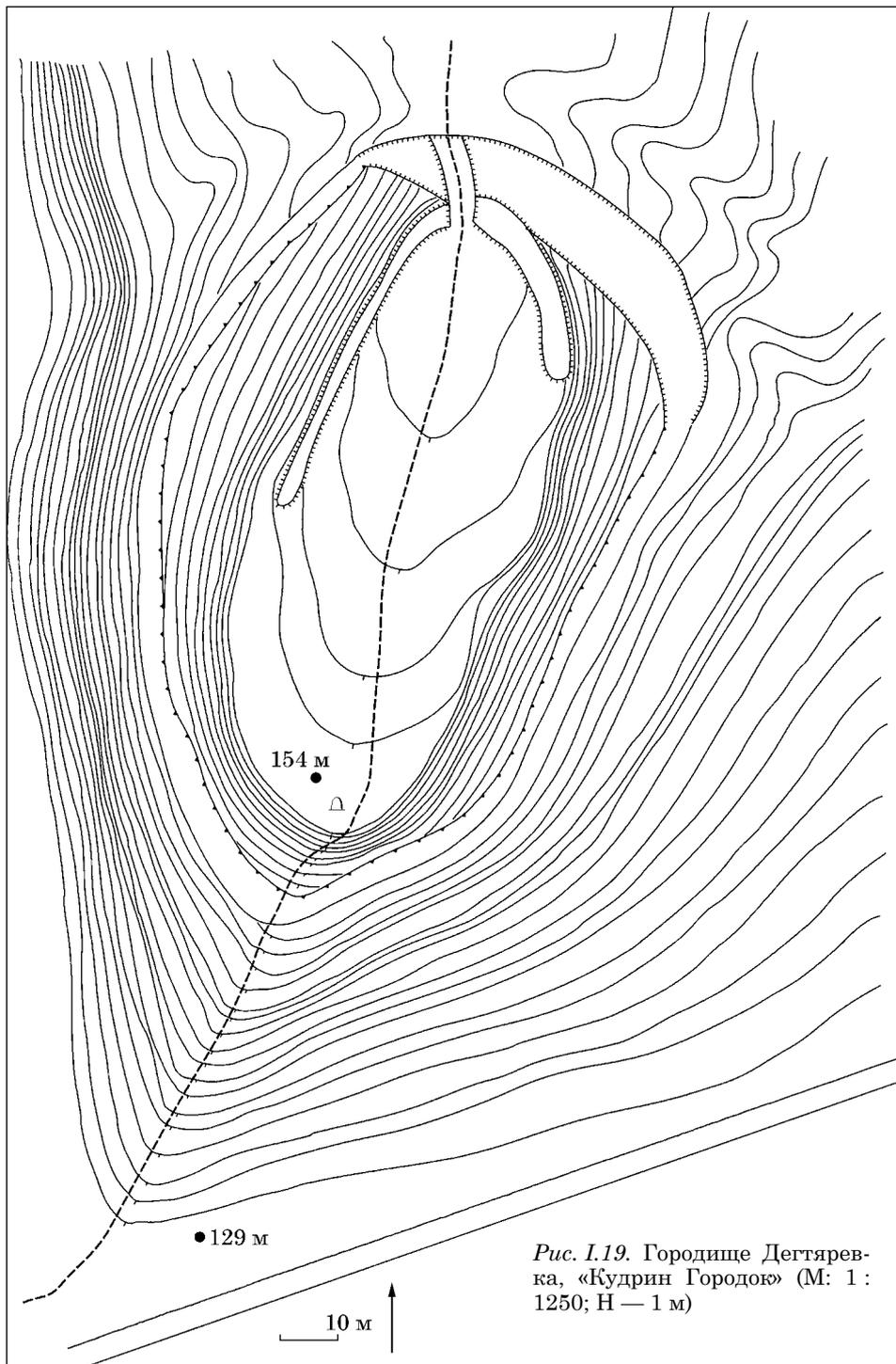

Рис. I.19. Городище Дегтярев-
ка, «Кудрин Городок» (М: 1 :
1250; Н — 1 м)

Литература:

- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могила. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Воеводский М.В.* Отчет о работе Деснинской экспедиции 1946 года / НА ІА НАН України. — 1946/5.
- Едомаха И.И.* Дневники Менской и Новгород-Северской археологических экспедиций 1959 г. / ГАЧО. — Р. 2124. — № 240.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ІА НАН України. — 1965/48.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.

24. Городище «Городок»

ДАТА — ?

с. Бугриновка (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Городище у свино- и птицефермы села в урочище «Городок». Памятник расположен на восточном склоне большой балки, образованной ручьем (речкой) Малотечей (левый берег реки). На одном из отрогов этой балки расположено Кудлаевское городище и Сербова Косать. Высота городища над уровнем поймы 10—15 м. Склоны некрутые. Площадь примерно 3000 м². Вал невысокий, но хорошо заметный, с крутым внешним краем. Шурф, заложенный на памятнике О.Н. Мельниковской, материалов не дал.

При осмотре местности у с. Бугриновка в 2009 г. автором, которая носит название «Городок» укреплений обнаружено не было. Мыс сильно зарос лесом и кустарником. Координаты урочища в пойме — N 51° 58' 49,6"; E 033° 01' 50,1".

Литература:

- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.

25. Городище Чайкин Лог (Сербова Косать)

ДАТА — ?

с. Стахорщина (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено в 1 км на ЮВ от села на одном из мысов некогда обводненной балки Чайкин (Чайков) Лог, на правом берегу р. Малотечки (урочище Сербова Косать или Городок). Мыс, высотой около 20 м, представляет собой край террасы с двумя оврагами по сторонам. Площадка овальная — 75 × 50—35 м, ориентирована по линии с З на ЮВ и имеет значительный уклон к пойме. С напольной стороны городище защищено высоким (до 5 м) и широким в основании (16—18 м) валом. Его протяженность — 20—25 м. С внешней стороны прослеживаются остатки заплывшего рва. Склоны городища эскарпированы.

Городище известно по спискам П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова. Осмотрено О.Н. Мельниковской в 1967 г. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

- Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.
- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.

26. Городище «Городок»

ДАТА — VI—V вв. до н. э.

с. Кудлаевка (Новгород-Северский район Черниговской обл.).

Расположено в 3 км на З от села на отроге речки Малотечки, впадающей на несколько км ниже в Десну. Площадка городища (80 × 50 м) со стороны плато (с Ю и ЮВ, частично с В) защищена валом и рвом (по данным И.И. Едомахи городище имело два вала и рва). Склоны эскарпированы. Координаты городища — N 51° 54' 47,5" E 0,33° 05' 14,5".

Впервые городище упоминается П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасовым. В 1959 г. осмотрено И.И. Едомахой. В 1965—1967 гг. оно было полностью исследовано О.Н. Мельниковской. Вскрыто 3250 м². Мощностъ культурного слоя — 0,2—1 м. В поисках могильника, за валом раскопано площадь 2632 м². В результате исследований городища обнаружено следы 4-х длинных домов, в 3-х из которых расчищено очаги. В древности площадка была разделена на две части: большую жилую и меньшую хозяйственную, где, вероятно, содержали скот. Между собой они были разделены стеной с воротами и башнями. По всему периметру площадки проходил деревянный частокол, существенно дополняя земляные укрепления.

Литература:

- Уварова П.С.* Городища и курганы. Выборка из дела Черниговского Статистического Комитета, Общества Нестора Летописца и Архива граф. П.С. Уваровой // Тр. моск. предвар. комитета по устройству XIV АС (под ред. В.К. Трутовского). — М., 1906. — Вып. I. — С. 73—93.
- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Едомаха И.И.* Дневники Менской и Новгород-Северской археологических экспедиций 1959 г. / ГАЧО. — Р. 2124. — № 240.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1965 г. / НА ІА НАН України. — 1965/48.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1966 г. / НА ІА НАН України. — 1966/69.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.
- Мельниковская О.Н.* Новые раскопки на Десне // АО 1966 г. — М.: Наука, 1967. — С. 233—236.
- Мельниковская О.Н.* Работы Юхновского отряда // АО 1967 г. — М.: Наука, 1968. — С. 232—233.

27. Местонахождение керамики (Временные стойбища).

ДАТА — ?

сс. Пушкари и Роговка

Расположены на левом берегу Десны, в пойме напротив сел Пушкари и Роговка. Лишь однажды упоминается М.В. Воеводским.

Литература:

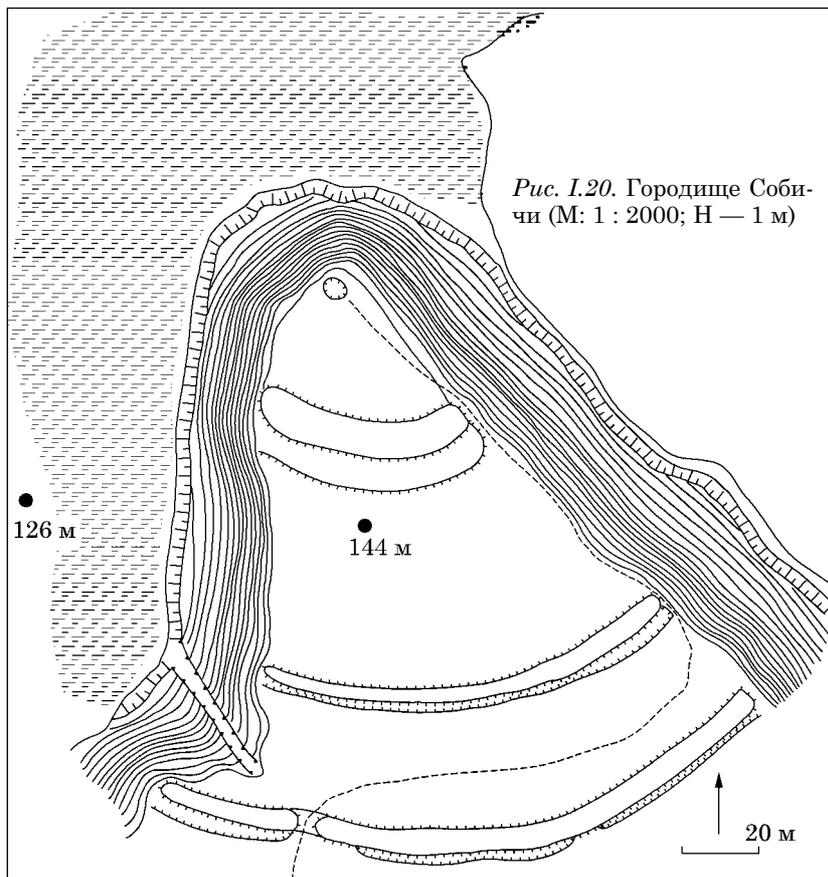
Воеводский М.В. Городища Верхней Десны // КСИИМК. — 1949. — Вып. 24. — С. 67—77.

28. Городище Собичи (Собичи 4) (рис. I.20)

ДАТА — ?

с. Собичи (Шосткинский район, Сумской обл.).

Расположено в 2,5 км на СЗ от села Собичи и в 1 км от строений лесохозяйства «Великий Бір». Городище занимает высокий мыс левого берега

Десны образованный крутым поворотом реки. С края мыса видно урочище «Петровские редуты» (А 30°), где на сегодняшний день располагается база отдыха. Координаты городища — N 51° 52' 40,0"; E 033° 09' 57,2". Высота мыса от уровня Балтийского моря 131 м. Высота над уровнем поймы — 20 м.

Мыс прямоугольной формы, ориентированный по линии СЗ — ЮВ. Размеры площадки городища приблизительно 40 × 40 м. Ее центр поврежден окопами времен войны. Со стороны поля она защищена тремя валами и рвами. Внешний вал несколько удален от первых двух. Между 1 и 2, 2 и 3 валами есть свободное пространство. Размеры укреплений: внутренний вал и ров длиной 42 м, высота вала в среднем 1 м; средний вал и ров имеют длину 70 м, а высота вала с внутренней стороны составляет 1,2 м; внешний вал ров в длину достигают 145 м, высота вала 1,5 м. Склоны мыса эскарпированы.

В центре площадки (по открытому листу Л.И. Белинской) был заложен шурф 0,5 × 1 м. Толщина культурного слоя — 0,5 м. Керамика типично юхновская с примесями в тесте песка и дресвы, что является признаком ранней датировки. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

Куриленко В.Е. Мизинський археологічний музей. Звіт за 2004 р / НА ІА НАН України. — 2004/127.

Петраускас О.В., Петраускас А.В. Нові археологічні пам'ятки поріччя Десни (матеріали для Зводу пам'яток історії та культури // Збереження історико-культурних надбань Сіверщини. — Глухів, 2005. — С. 22—23.

29. Поселение в ур. «Попова»

ДАТА — ?

с. Куриловка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено на восток от с. Куриловка. Имеет слои мезолита, бронзы, юхновской культуры и эпохи Киевской Руси. Сильно поврежден карьером. Сохранилась площадь 50 × 150 м. Мощность слоя 3,5—1,35 м. Выявлено разведками В.Е. Куриленко. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет за 1993 г. / НА ІА НАН України. — 1993/68.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея за 1995 г на Средней Десне / НА ІА НАН України. — 1995/78.

30. Поселение «Забродки Средние»

ДАТА — ?

с. Мезин (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Поселение располагается чуть севернее с. Мезин на плато «Гайдукова Гора» в 0,6 км южнее оврага «Козловщина» (Перехоже) над двором П. Кошеля. Размеры: 100 × 40—45 м. Мощность культурного слоя 0,9 м. Выяв-

лены слои сосницкой культуры, возможно юхновской, киевской и эпохи Киевской Руси.

Поселение обнаружено работами В.Е. Куриленко в 1974 г. и осмотрено А.В. Шекуном. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ИА НАН України. — 1983/170.

Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет о разведках за 1988 г. / НА ИА НАН України. — 1988/93.

31. Городище и поселение «Костомахина Круча»

ДАТА — ?

с. Мезин (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено на высоком (до 50 м) мысу, в 200 м севернее Мезинского городища. Открыто в 1977 г. В.Е. Куриленко. Памятник содержит слои юхновской культуры и эпохи Киевской Руси. За валами городища находится неукрепленное поселение. Стационарным раскопкам не подвергалось.

Литература:

Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет о разведках за 1988 г. / НА ИА НАН України. — 1988/93.

32. Городище и поселение Мезин (рис. I.21)

ДАТА — VI—V в. до н. э.

с. Мезин (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Занимает мыс правого берега Десны, возвышающийся над с. Мезин. Размеры небольшие — 2500—3000 м². Склоны очень крутые. Городище со стороны поля ограждено рвом. Мощность культурного слоя — 0,65—2,0 м. С СВ на поле расположено неукрепленное поселение. На З от памятника находится современное кладбище села, где также найдены фрагменты юх-

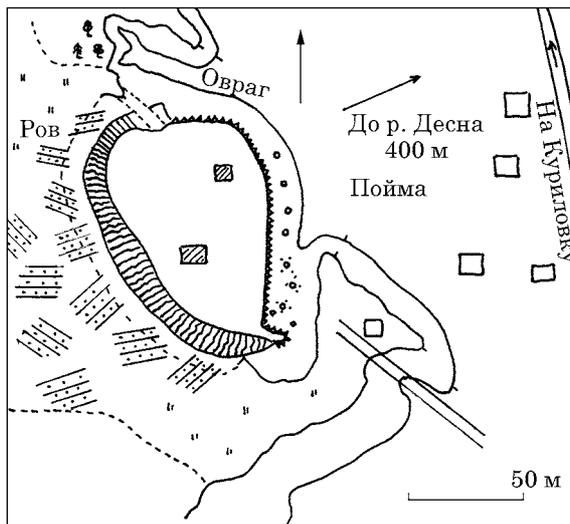

Рис. I.21. Городище Мезин (по: Шекун, 1983)

новской керамики. Координаты городища — N 51° 49' 34,6"; E 033° 04' 28,9".

На городище и поселении выявлены слои эпохи бронзы, юхновской культуры и эпохи Киевской Руси.

Впервые упоминается в Черниговских Епархиальных известиях за 1869 г. Так же упомянуто в списках Д.Я. Самоквасова. Городище исследовалось А.А. Попко в 1949 г. (коллекция № 123/II, состоящая из фрагментов и целых глиняных грузил, хранится в Научных фондах ИА НАН Украины). В 1964 г. местным краеведом В.Е. Куриленко была проведена зачистка, в результате чего обнаружено погребение юхновской культуры. В 1967—1968 гг. на памятнике работала О.Н. Мельниковская. Общая исследованная площадь составила 118 м².

Литература:

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ИА НАН Украины. — 1967/43.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г. / НА ИА НАН Украины. — 1968/85.

Мельниковская О.Н. Работы Юхновского отряда // АО 1967 г. — М.: Наука, 1968. — С. 232—233.

Мельниковская О.Н. Раскопки памятников юхновской культуры на Десне и Сейме // АО 1968 г. — М.: Наука, 1969. — С. 58—59.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ИА НАН Украины. — 1983/170.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея в 1990 г. на Средней Десне / НА ИА НАН Украины. — 1990/151.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея (Коропский район Черниговской обл.) в 1991 г. / НА ИА НАН Украины. — 1991/108.

33. Городище Свердловка I (рис. I.22; I.23)

ДАТА — VI—V в. до н. э.

с. Свердловка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено между селами Мезин и Свердловка (1,5 км севернее с. Свердловка у озера) за урочищем Хоромка. Место называют Носенкив, или Городок. Памятник расположен на мысу правого

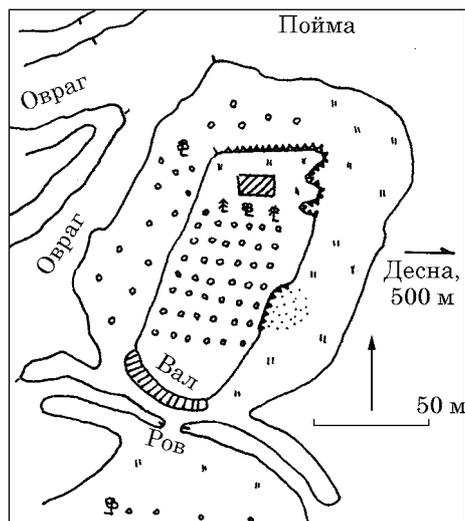

Рис. I.22. Городище Свердловка II (по: Шекун, 1983)

Рис. 1.23. Городище Свердловка I (фото автора)

берега Десны на отроге второй надпойменной террасы. Площадка прямоугольной формы ориентирована по линии **СВ — ЮЗ**, размерами 50 × 80 м. Со стороны плато она ограждена валом высотой со стороны площадки около 2 м и рвом шириною 10 м. Высота над уровнем поймы 45—50 м. Мощность культурного слоя 0,2—0,25 м. Городище содержит слои юхновской и роменской культур. Координаты — N 51° 48' 36,7"; E 033° 04' 14,0".

Городище известно по спискам Д.Я. Самоквасова. Памятник обследован в 1967 г. О.Н. Мельниковской. Она же, в 1968 г., провела здесь небольшие раскопки. Исследовано 160 м². Так же, городище неоднократно осматривалось местным краеведом В.Е. Куриленко. В 1983 г. осмотрено А.В. Шекуном.

Литература:

- Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ИА НАН України. — 1967/43.
- Мельниковская О.Н. Отчет о работах Деснинского отряда ИА АН СССР в 1968 г. / НА ИА НАН України. — 1968/85.
- Мельниковська О.М. Поселення поблизу с. Свердловка на Чернігівщині // Археологія. — 1978. — № 28. — С. 76—81.
- Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ИА НАН України. — 1983/170.
- Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет за 1989 г. / НА ИА НАН України. — 1989/65.

34. Городище Свердловка II (рис. I.24)

ДАТА — VI—V в. до н. э.

с. Свердловка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Городище расположено южнее Свердловки I, в 1—1,5 км севернее с. Свердловка в урочище Вапняков Городок (оно же урочище Майдан). Старое название Водопойло. Памятник занимает мыс правого берега Десны. Площадка подпрямоугольной формы (80 × 150 м) занята колхозным садом. Высота над уровнем поймы 30—35 м. С С и Ю глубокие и широкие овраги. Долгое время городище распаивалось, в результате чего вал и ров со стороны поля, с З стороны, практически с nivelированы. С и Ю

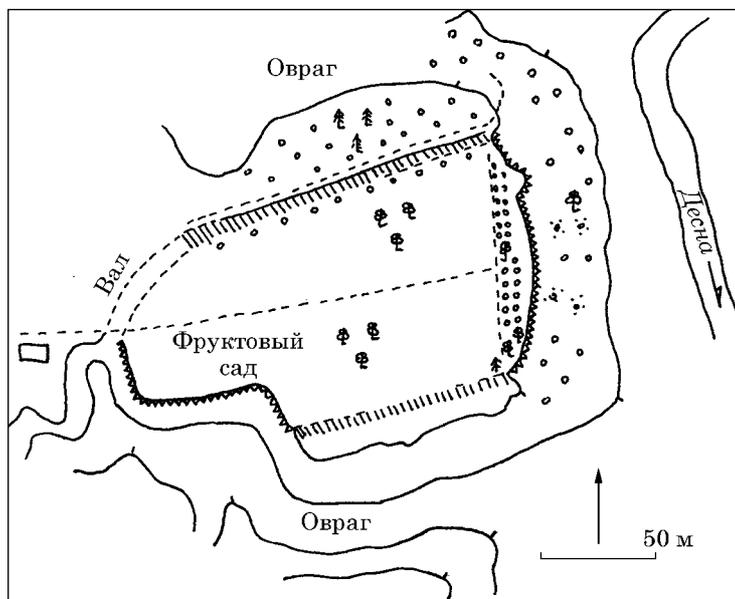

Рис. I.24. Городище Свердловка II (по: Шекун, 1983)

склоны эскарпированы. Мощность слоя в обрыве со стороны мыса достигает 1 м. Выявлены слои юхновской и роменской культур, а так же периода бронзы (сосницкая культура) и Киевской Руси. Координаты городища (у его подножия) — N 51° 48' 12,2"; E 033° 04' 09,5".

Городище впервые упоминается Д.Я. Самоквасовым. Исследовалось С.А. Гатцуком в 1907 г. (Псаревское городище). Обследовалось О.Н. Мельниковской в 1967 г., А.В. Шекуном и местным краеведом В.Е. Куриленко.

Литература:

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ИА НАН України. — 1967/43.

Мельниковська О.М. Поселення поблизу с. Свердловка на Чернігівщині // Археологія. — 1978. — № 28. — С. 76—81.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ИА НАН України. — 1983/170.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея (Коропский район Черниговской обл.) за 1992 г. / НА ИА НАН України. — 1992/67.

35. Городище Свердловка III (рис. I.25)

ДАТА — ?

с. Свердловка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено ниже городища Свердловка II в урочище Мережкин или Мурашкин городок на ЮВ окраине села. Старое название городища — Распутновщина. Памятник расположен в устье ручья Головесны на южном его берегу возле паромной переправы через Десну. Площадка грушевидной формы (60 × 90 м) соединяется с плато узким перешейком (5—6 м), на котором сохранились остатки вала и рва (в 1983 г. вал уже не фиксировался). Мощность культурного слоя — 0,6—0,7 м. При поверхностном осмотре найдены материалы эпохи бронзы и юхновской АК. Координаты городища — N 51° 47' 29,4"; E 033° 04' 08,7".

Городище впервые упоминается Д.Я. Самоквасовым. Обследовалось О.Н. Мельниковской, А.В. Шекуном и В.Е. Куриленко. Стационарным раскопкам не подвергалось.

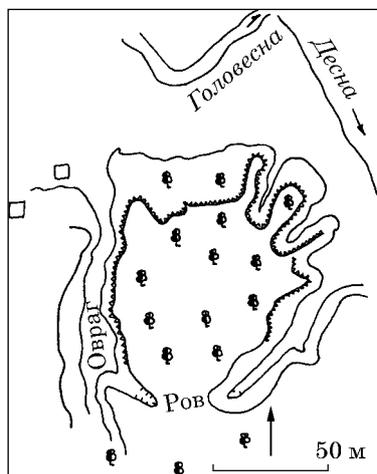

Рис. I.25. Городище Свердловка III (по: Шекун, 1983)

Литература:

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ИА НАН України. — 1967/43.

Мельниковська О.М. Поселення поблизу с. Свердловка на Чернігівщині // Археологія. — 1978. — № 28. — С. 76—81.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ИА НАН України. — 1983/170.

Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет за 1989 г. / НА ИА НАН України. — 1989/65.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея в 1990 г. на Средней Десне / НА ИА НАН України. — 1990/151.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея в 1994 г. / НА ІА НАН України. — 1994/45.

36. Городище Свердловка IV

ДАТА — ?

с. Свердловка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Открыто разведками В.Е. Куриленко. Городище расположено на северном склоне Свердловской балки — южный отрог горы «Клатбище». Площадка грушевидной формы. Уцелела площадь 85 × 37 м. При обследовании обнаружена керамика эпохи бронзы, юхновской культуры и гончарная.

Памятник выявлен В.Е. Куриленко.

Литература:

Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет за 1993 г. / НА ІА НАН України. — 1993/68.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея в 1994 г. / НА ІА НАН України — 1994/45.

37. Поселение «Затон»

ДАТА — ?

с. Свердловка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено в 1 км южнее села на правом берегу Десны. Выявлены материалы сосницкой, юхновской, киевской культур и керамика X в. Культурный слой мощностью 0,6 м перекрыт делювием, гравием и мелом толщиной 2,1 м.

Памятник известен по результатам работ В.Е. Куриленко.

Литература:

Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет за 1989 г. / НА ІА НАН України. — 1989/65.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея (Коропский район Черниговской обл.) в 1991 г. / НА ІА НАН України. — 1991/108.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея за 1998 г. / НА ІА НАН України. — 1998/87.

38. Городище «Городок»

ДАТА — ?

хут. Смелое (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Городище занимает мыс, возвышающийся над ручьем Головесна на 20 м. Расположено на ЮВ окраине хутора, в 4 км от Десны. В 1984 г. значительная часть памятника (50 × 65 м) была уничтожена. Сохранилась площадь 65 × 92 м. Мощность культурного слоя варьирует от 0,25 до 1,3 м. С В стороны прослеживается вал высотой 1,5 м.

Памятник известен по результатам работ В.Е. Куриленко.

Литература:

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея в 1990 г. на Средней Десне / НА ІА НАН України. — 1990/151.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея за 1999 г. на Средней Десне / НА ІА НАН України. — 1999/60.

39. Городище Пузырево Северное

ДАТА — ?

с. Свердловка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Располагается в 2,8 км южнее с. Свердловка на мысу (45 м над уровнем поймы). В 250 м на юг находится городище Пузырево (Радичев І). Площадь городища 112 × 250 м. Со стороны поля сохранилось 3 вала. Мощность культурного слоя — 0,7 м. На памятнике выявлены материалы неолитического времени, бронзового века, юхновской, киевской, колочинской (?), роменской АК, а так же периода Киевской Руси.

Памятник открыт В.Е. Куриленко в 1979 г.

Литература:

Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет о разведках за 1988 г. / НА ІА НАН України. — 1988/93.

Куриленко В.Е. Научный отчет о разведках Мезинского археологического музея в 1990 г. на Средней Десне / НА ІА НАН України. — 1990/151.

40. Городище и поселение Пузырево (Радичев І) (рис. І.26; І.27)

ДАТА — ?

с. Радичев (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено между селами Свердловка и Радичев в южном устье балки на р. Хворостынке в урочище Хутор Пузырь или Фостенское. Занимает

Рис. І.26. Городище Радичев, «Пузырь Хутор» (фото А.В. Шекуна)

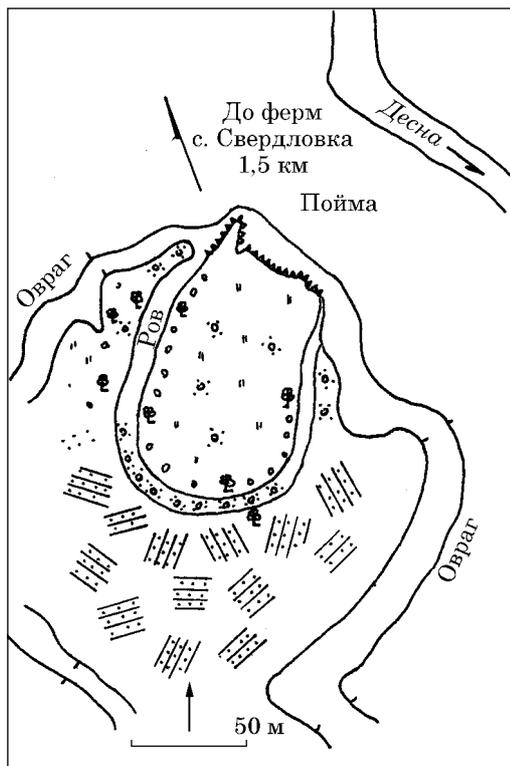

Рис. 1.27. Городище Радичев, «Пузрынь Хутор» (по: Шекун, 1983)

мыс высотой около 50 м. С З и В сторон ограничено глубокими оврагами. Площадка городища овальной формы, ориентированная С — Ю. С Ю стороны вал и глубокий (2—5 м) ров. Площадь — 95 × 30—50 м. Края эскарпированы. Мощность культурного слоя — 1,2—1,5 м. Найдены материалы эпохи бронзы (сосницкая культура), юхновской, киевской, колочинской АК (по данным О.Н. Мельниковской — только материал юхновской культуры). За валом располагается селище с юхновской керамикой и грузилами. Его протяженность вглубь мыса до 80 м. Мощность культурного слоя — 0,4—0,8 м. Координаты городища — N 51° 46' 16,9"; E 033° 04' 11,1".

Памятник известен по спискам П.С. Уваровой и Д.Я. Самоквасова, обследовался С.А. Гатцуком, О.Н. Мельниковской, А.В. Шекуном, В.Е. Куриленко.

Литература:

- Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.
- Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.
- Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет о разведках за 1988 г. / НА ІА НАН України. — 1988/93.

41. Городище Криски (рис. 1.28; 1.29)

ДАТА — ?

с. Криски (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Располагается в урочище Епиков Яр на берегу р. Головесна. После сооружения запруды останец, на котором расположено городище, оказался с трех сторон окруженный водою. Площадка продолговатая (100 × 30—40 м), высота от уровня поймы около 35 м. Вал сильно расплывшийся (на

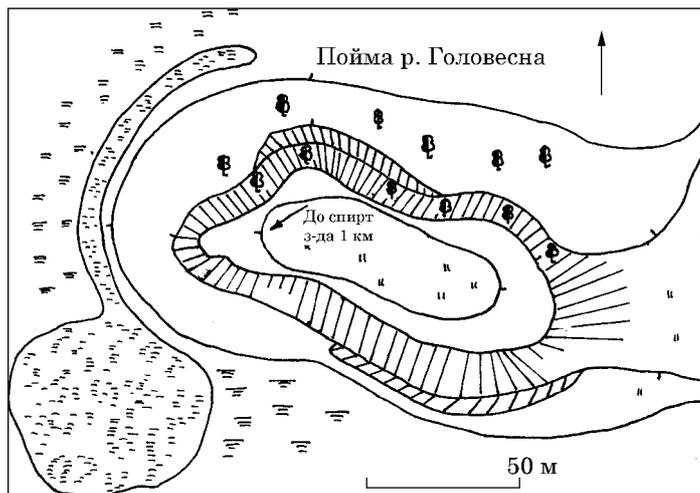

Рис. I.28. Городище Криски (по: Шекун, 1983)

Рис. I.29. Городище Криски (фото А.В. Шекуна)

1983 г. уже не фиксировался). Склоны эскарпированы. На В от памятника находится кладбище В обнажениях склонов слой достигает мощности 1 м.

Городище известно по спискам Д.Я. Самоквасова. Оно обследовалось О.Н. Мельниковской в 1967 г. и А.В. Шекуном в 1983 г.

Литература:

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ИА НАН України. — 1967/43.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ИА НАН України. — 1983/170.

42. Городище Радичев II (рис. I.30; I.31)

ДАТА — ?

с. Радичев (Коропский р-н, Черниговской обл.).

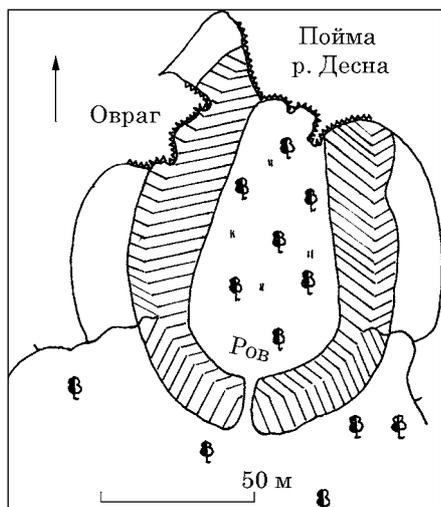

Рис. I.30. Городище Радичев (по: Шекун, 1983)

Расположено на Ю от села, на его окраине, в урочище «Мещанское», в устье ручья Восковаха, чуть ниже него. Координаты городища — N 51° 44' 52,4"; E 033° 05' 0,6". У подножья городища находился старый кирпичный заводик. Городище занимает мыс высокого коренного берега. По его сторонам глубокие овраги. Северный склон эскарпирован примерно на двух третях высоты, ниже уровня площадки на 8—10 м. С одной стороны памятник разрушается выборкой глины. Площадка городища грушевидной формы (90 × 24—45 м). Со стороны плато прослеживается ров шириною до 20 м и глубиной 2—10 м. Въезд, вероятно, находился со стороны плато. Мощность культурно-

Рис. I.31. Городище Радичев, «Мещанское» (фото А.В. Шекуна)

го слоя в обнажениях достигает 0,6—0,8 м. Кроме юхновского материала найдена керамика роменская и древнерусская.

Памятник известен по спискам Д.Я. Самоквасова. Был обследован С.А. Гатцуком в 1907 г., О.Н. Мельниковской в 1967 г., А.В. Шекуном в 1983 г.

Литература:

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ИА НАН України. — 1967/43.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ИА НАН України. — 1983/170.

43. Городище Радичев III (Хотынское) (рис. I.32; I.33)

ДАТА — ?

с. Радичев (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено в 1 км. южнее села на высоком (около 50 м) мысу в урочище «Городище», у устья безымянного ручья. Координаты городища — N 51° 44' 26,2"; E 033° 05' 33,3". С В и З сторон ограничено глубокими оврагами. Площадка городища подпрямоугольной формы 215 × 80—140 м имеет небольшой наклон в сторону поймы. Склоны эскарпированы. Со стороны мыса, на половине высоты склона есть дополнительная площадка, по краю которой проходит вал. Он сохранился на протяжении 60 м и имеет высоту до 3 м. Эскарп и площадка, образованного им уступа, сливаются на склоне со рвом. От плато площадка городища отделена глубоким (3—5 м) и широким (до 20 м) рвом и валом, за которыми начинаются посадки. Мощность культурного слоя до 1 м.

Рис. I.32. Городище Радичев, «Хотынское» (фото А.В. Шекуна)

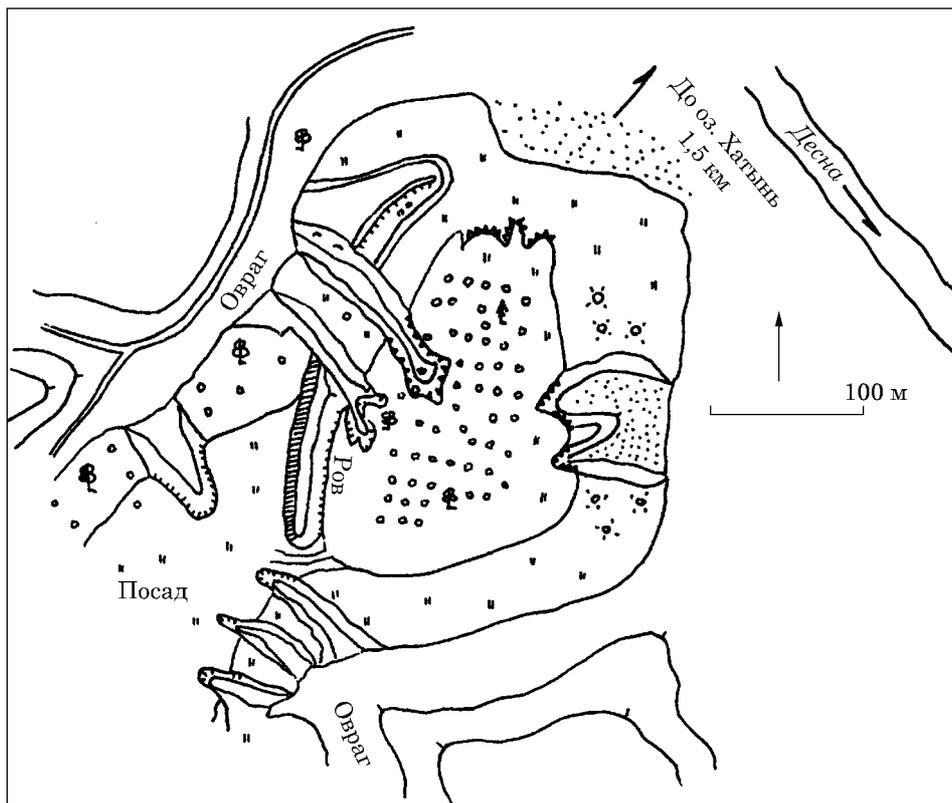

Рис. 1.33. Городище Радичев, «Хотынское» (по: Шекун, 1983)

Городище было известно Д.Я. Самоквасову. В 1983 г. оно обследовано А.В. Шекуну. Раскопки на памятнике в 1991—1992 гг. проводил А.Л. Казаков. Выявлены слои юхновской и роменской культур, а так же периоды Киевской Руси. Согласно результатам обследования городища В.Е. Куриленко есть материалы эпохи бронзы, колочинской (?) и волынцевской культур.

Литература:

- Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
- Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.
- Куриленко В.Е. Мезинский археологический музей. Отчет за 1989 г. / НА ІА НАН України. — 1989/65.
- Казаков А.Л., Потапов И.А., Олейник Г.Л. Отчет об исследовании Радичевского городища в 1991 г. / НА ІА НАН України. — 1991/129.

44. Городище Московское (рис. I.34)

ДАТА — ?

с. Радичев (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено между селами Радичев и Разлеты, в 1,2 км ниже по Десне от Хотынского городища. Площадка выгнутаой формы (105 × 20—40 м) по линии З — В имеет уклон в В сторону. Высота над уровнем поймы — до 35 м. Вал

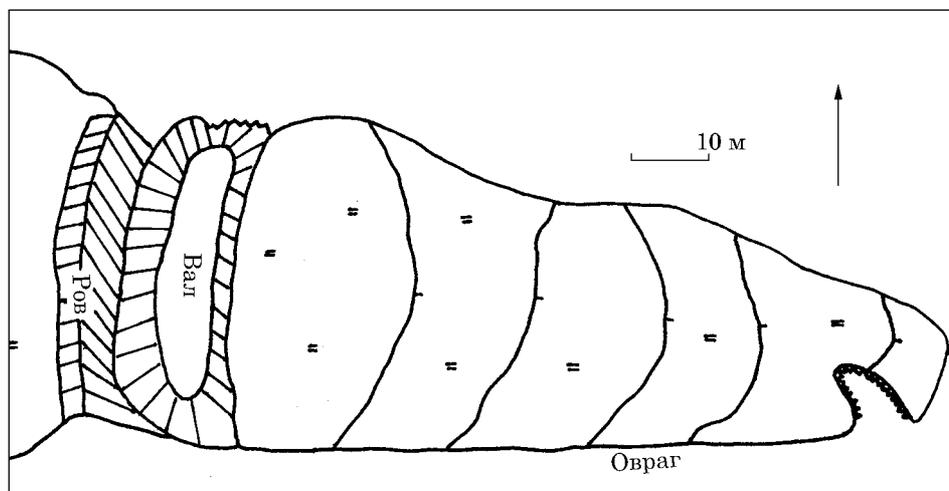

Рис. I.34. Городище Радичев, «Московское» (по: Шекун, 1983)

сильно расплылся. Его ширина в основании составляет 10—12 м, а высота со стороны площадки — 1 м. Протяженность рва — 27 м, ширина 10—12 м, глубина 1,5—3 м. Мощность культурного слоя на склоне — до 0,8 м.

Памятник известен по спискам Д.Я. Самоквасова. В 1983 г. было обследовано А.В. Шекуном.

Литература:

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.

45. Городище Разлеты или Никольское (рис. I.35)

ДАТА — ?

с. Разлеты (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Памятник находится в урочище «Миколино Поле» или «Никольское» 2 км южнее села. Мыс образован коренным берегом Десны и оврагом. С З и В городище ограничено глубокими оврагами; с С (напольная сторона) прослежен вал и ров. Вал имеет протяженность 35 м, при ширине в основании 10 м

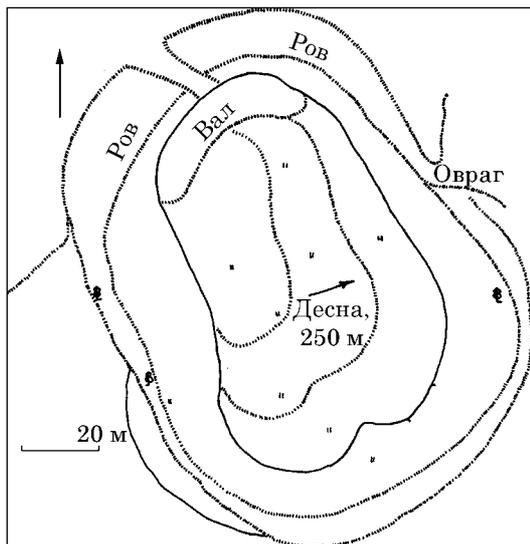

Рис. I.35. Городище Разлеты, «Никольское» (по: Шекун, 1983)

и высоте со стороны площадки 1,5 м. Ров шириною до 20 м и глубиною 3—8 м. Высота мыса над уровнем поймы примерно 40 м. Площадь городища около 7000—8000 м². Площадка имеет уклон в сторону поймы. Склоны эскарпированы. Мощность культурного слоя до 0,7 м. Выявлен материал юхновской и роменской культур.

Впервые памятник упомянут в Черниговских Епархиальных Известиях за 1869 г. Городище было известно и Д.Я. Самоквасову. В 1967 г.

памятник обследован О.Н. Мельниковской, а в 1983 г. — А.В. Шекуном.

Литература:

Самоквасов Д.Я. Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.

Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.

46. Городище Бужанка II (рис. I.36—I.38)

ДАТА — ?

с. Бужанка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено севернее села Бужанка, приблизительно в 400—500 м, по грунтовой дороге вдоль Десны на с. Разлеты. На ЮЗ, через овраг горо-

Рис. I.36. Городище Бужанка II (фото автора)

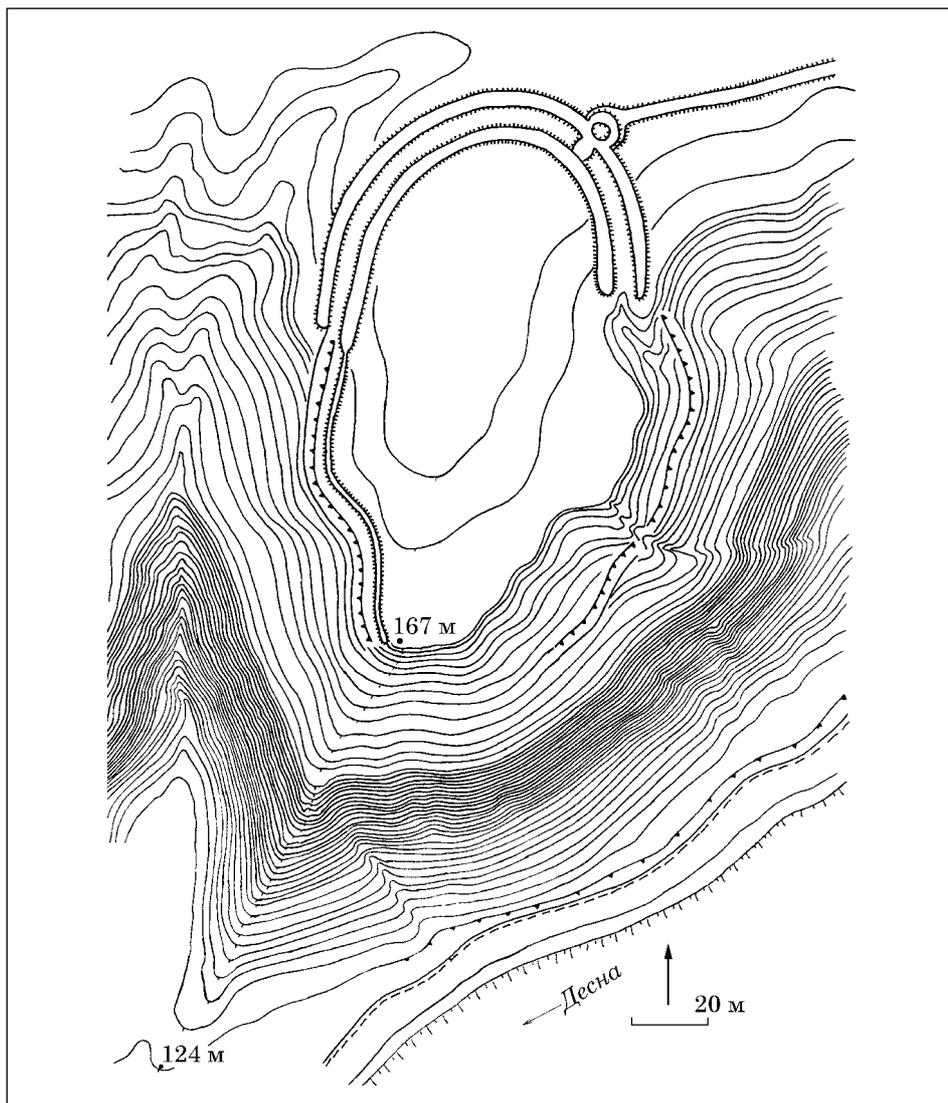

Рис. I.37. Городище Бужанка II (М: 1 : 2000; Н — 1 м)

дце Бужанка I. Высота мыса над уровнем поймы 43 м. Площадка продолговатой формы 140 × 80 м. С северной, напольной стороны, защищена двумя валами и рвом между ними. Невыразительные следы расплывшегося вала видны также вдоль западного края. С **З**, **Ю** и **В** сторон на склонах отчетливо фиксируются следы эскарпа. Его глубина достигает 3 м. Площадка городища заросла лесом.

Рис. I.38. Городище Бужанка I (слева) и Бужанка II (справа) (фото М.Я. Рудынского)

Городище расположено непосредственно на правом берегу Десны. В народе данная местность носит названия «Криничное», «Забилувщина» или «Девичья гора». Городище известно преимущественно по результатам разведок, в частности О.Н. Мельниковской и А.В. Шекуна. Одним из первых его упоминает М.Я. Рудынский. Стационарных раскопок не проводилось.

Литература:

- Рудынский М.Я.* Звіт Погоріловської експедиції Інституту Археології АН УРСР / НА ІА НАН України. — 1949/22.
Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.
Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.

47. Городище Бужанка I (рис. I.38; I.39)

ДАТА — I в. до н. э. — I в. н. э.

с. Бужанка (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Расположено севернее села Бужанка, приблизительно в 250—300 м, по грунтовой дороге вдоль Десны на с. Разлеты. Памятник расположен на правом берегу Десны, на высоком (40 м) мысу. Площадка округлой формы — 80 × 58 м. С С, со стороны поля, сохранился небольшой вал и ров. С остальных сторон прослеживается отчетливый эскарп, глубиной до 4 м. На сегодняшний день городище полностью заросло молодым кустарником акации. Мощность культурного слоя — 0,4—0,45 м.

Рис. 1.39. Городище Бужанка I (М: 1 : 2000; Н — 1 м)

Осмотрено в 1949 г. М.Я. Рудыным, в 1967 г. — О.Н. Мельниковской и в 1983 г. А.В. Шекуном. В 2008—2009 гг. на городище Д.В. Каравайко проведены небольшие исследования. Площадь раскопа составила 60 м².

Литература:

- Рудинський М.Я.* Звіт Погоріловської експедиції Інституту Археології АН УРСР / НА ІА НАН України. — 1949/22.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.
- Шекун А.В.* Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.
- Каравайко Д.В.* Исследования городищ юхновской культуры // АДУ 2008 р. — К., 2009. — С. 100—103.
- Каравайко Д.В.* Городище юхновской культуры Бужанка I // Эпоха раннего железа. — Киев; Полтава, 2009. — С. 142—150.
- Каравайко Д.В.* Раскопки юхновского городища Бужанка I в 2009 г. // АДУ 2009 р. — Київ; Луцьк, 2010. — С. 182—183.

48. Городище в с. Городище (рис. I.40; I.41)

ДАТА — ?

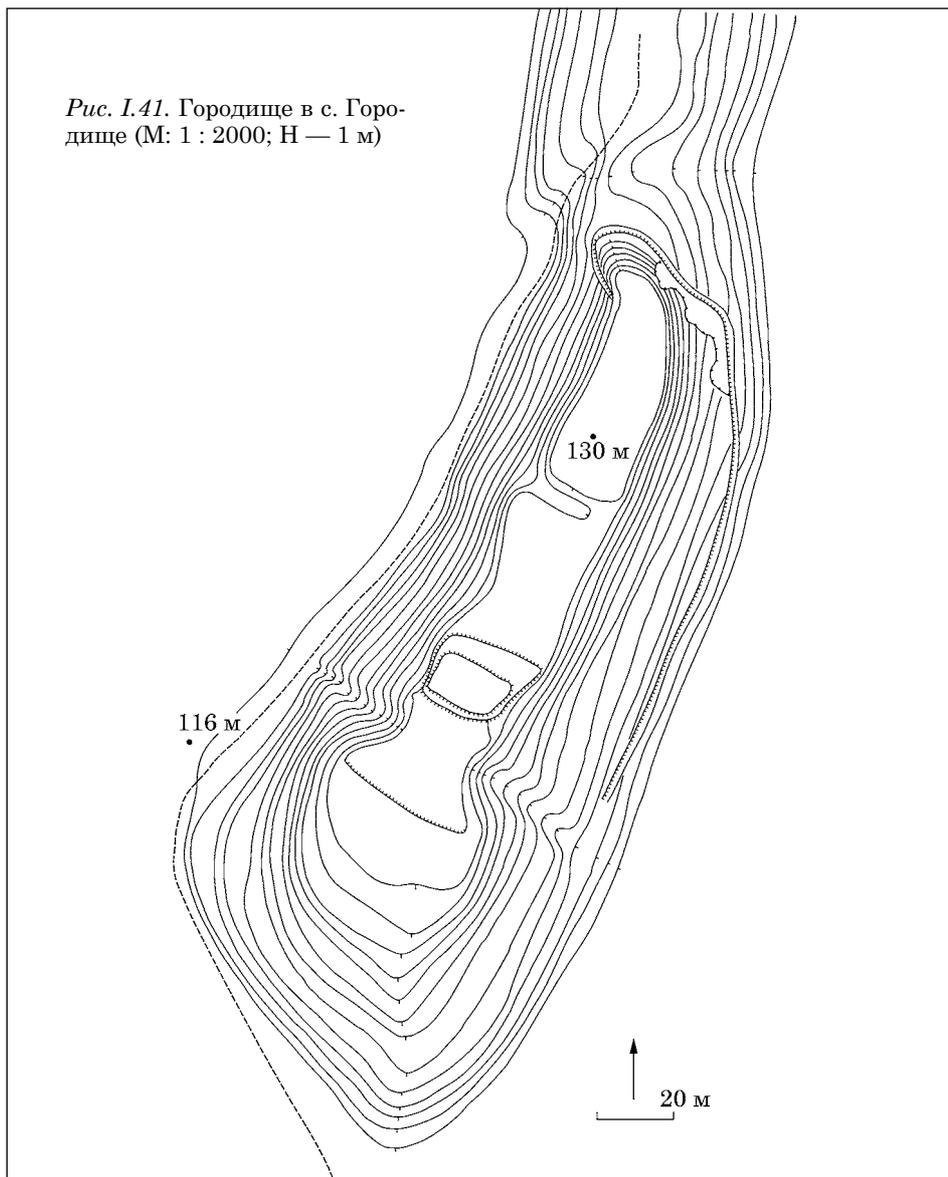
с. Городище (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Городище расположено в 1 км на **В** от церкви с. Оболонье, в пойме, в урочище Городище, недалеко от впадения р. Быстрица в Десну (до р. Быстрица — около 0,4—0,5 км, а до р. Десна — до 1 км). Памятник занимает останец ориентированный **С — Ю**, с небольшим отклонением на **В**. Площадь городища 4000—5000 м². Останец удлинённой формы — 186 × 20—25 м. Его площадка отделена от остальной части останца валом и рвом, на сегодняшний день частично уничтоженных. Со стороны поймы городище ограничено двумя валами и двумя рвами. Ширина первого вала 29 м, рва — 28 м, его глубина достигает около 5 м от высшей точки вала № 2. Второй вал шириной 9 м возвышается над уровнем площадки приблизительно на 2 м, а за ним прослеживается ров глубиной до 1 м от того же уровня. Четко видно, что вал № 1 ниже вала № 2. Высота городи-

Рис. I.40. Городище в с. Городище (фото автора)

Рис. 1.41. Городище в с. Горо-
дище (М: 1 : 2000; Н — 1 м)

ща над уровнем поймы — 20 м. Мощность культурного слоя колеблется в пределах 1—2 м. Выявлены материалы юхновской, роменской и киевской культур. Городище занято старым кладбищем XIX в. (без видимых на поверхности следов).

Памятник известен преимущественно по результатам разведок. Впервые упоминается Д.Я. Самоквасовым, обследовался С.А. Гатцуком, М.В. Воеводским, П.Н. Третьяковым, О.Н. Мельниковской и А.В. Шекуном. Стационарных раскопок не проводилось.

Литература:

- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.
Воеводский М.В. Отчет о работе Деснинской экспедиции 1946 года / НА ІА НАН України. — 1946/5.
Мельниковская О.Н. Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ІА НАН України. — 1967/43.
Шекун А.В. Отчет об археологических исследованиях на Черниговщине в 1983 г. / НА ІА НАН України. — 1983/170.

49. Городище Оболонье (рис. I.42)

ДАТА — ?

с. Оболонье (Коропский р-н, Черниговской обл.).

Возможно, именно это городище упоминается Д.Я. Самоквасовым. Памятник известен и по результатам разведок В.Е. Куриленко, им же был составлен схематический план городища, расположенного между с. Оболонье и г. Короп на болотном острове «Зубейковщина». Судя по чертежу, памятник укреплен тремя валами и двумя рвами. Вал № 1 имел ширину 8 м, вал № 2 — 5,5 м, вал № 3 (напольный) — 3,5 м. Ров

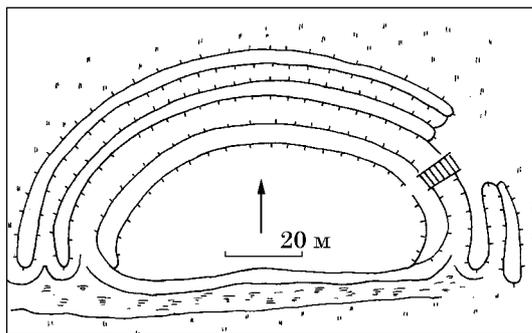

Рис. I.42. Городище Оболонье (по В.Е. Куриленко)

№ 1 шириною 11 м и глубиною до 6 м, а ров № 2 имел ширину 6,5 м. Оба рва на время исследований были заполнены водой. В XVIII в. Городище было использовано как укрепленный лагерь с мощными подземельями (?) украинского народного мстителя и повстанца Семена Гаргуши.

Литература:

- Самоквасов Д.Я.* Северянская земля и Северяне по городищам и могилам. — М.: Синодальная Типография, 1908. — 119 с.

С.А. Горбаненко

ПАЛЕОЭТНОБОТАНИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ ИЗ ГОРОДИЩ КИСЕЛЕВКА II, ПЕСОЧНЫЙ РОВ, ЗАПАДНОЕ ЮХНОВСКОЕ, БУЖАНКА I

Культурные растения, выращиваемые носителями юхновской культуры, до сих пор не становились предметом специального исследования. В научной литературе есть несколько упоминаний о находках их обгоревших остатков или отпечатков на керамике. Они обнаружены в основном в Среднем Подесенье, а также в Курском Посемье.

М.В. Воеводский один из первых обратил внимание на то, что носители юхновской культуры выращивали зерновые: «Наличие земледелия подтверждается ... нахождением частей обугленных стеблей злаковых среди золы и отпечатками их в глиняной обмазке жилищ» (Воеводский, 1949, с. 74).

В ходе работы над исследованием степени развития земледелия у носителей юхновской археологической культуры (Горбаненко, Каравайко, у друку), мы обратили внимание на то, что, невзирая на существование упоминаний о находках зерновок культурных растений, невозможно установить их значение в хозяйстве, а также — вероятные доли злаков внутри зернового хозяйства. В научной литературе есть упоминание о наличии отпечатков зерновок культурных растений в большом количестве, но без видового определения; по данным О.Н. Мельниковской, материал передан на анализ (Мельниковская, 1967/43, с. 17) ¹. В целом же, палеоэтноботанические исследования по методу снятия отпечатков зерновок культурных растений с керамики с юхновских памятников фактически не проводились. Есть несколько исключений. Это материалы с городищ Песочный Ров, Ширяевское, Кузина Гора и Поповка. С Песочного Рва обработана коллекция из 169 фрагментов и только на одном из них, с внутренней стороны днища, обнаружен отпечаток зерновки ячменя пленчатого ². На Ширяевском городище найдены днища горшков с отпечатками зерновок проса на них (Алихова, 1956, с. 41). На городищах Кузина Гора и Поповка на керамике определены отпечатки зерновок проса и ячменя

1. К сожалению, более подробной информации мы так и не нашли.

2. Определение докт. биол. наук Г.А. Пашкевич.

(вид не указан) (Алихова, 1956, с. 41; 1962, с. 96; Мельниковская, 1970, с. 20). На Переверзевском I городище, кроме выше названных культур, обнаружены и отпечатки зерен пшеницы (вид не указан) (Пузикова, 1997, с. 81), но на памятнике есть и слой другой (скифоидной) археологической культуры.

Кроме отпечатков на керамике известны также находки остатков обгоревшего зерна ячменя (вид не указан) на Западном Юхновском городище (Алихова, 1956, с. 41). Пережженные зерна проса найдены в кострище на городище Лбище (Падин, 1966, с. 147).

В связи со сложившейся ситуацией с определением палеоэтноботанических материалов юхновской культуры (фактическим отсутствием данных для анализов), в последнее время мы пересмотрели коллекции изделий из глины с раскопок городищ Черниговского Подесенья: Киселевка II (раскопки 2005—2009 гг.), Песочный Ров (раскопки 2002 г.), Западное Юхновское (раскопки 2004 г.), Бужанка I (раскопки 2008—2009 гг.) (исследования Д.В. Каравайко) (рис. II.1) с целью снятия отпечатков зерновок и семян культурных и сорных растений. Материалы хранятся в Черниговском историческом музее им. В.В. Тарновского (ЧИМ).

Практическая часть исследования проведена по общепотребимому методу, впервые использованном в бывшем Советском Союзе З.В. Янушевич — снятие отпечатков при помощи пластического материала (пластилина) (Янушевич, Маркевич, 1970). В дальнейшем материал проанализирован путем его сравнения с ранее определенными аналогичными образцами, а также широким кругом публикаций на эту тему.

Интерпретация материала проведена по методике складывания палеоэтноботанического спектра памятника (ПБС) с дальнейшим выходом на палеоэтноботанический комплекс археологической культуры (ПБК) (Кравченко, Пашкевич, 1985). В данном случае пока не следует говорить о ПБК всей юхновской культуры, ограничившись толь-

колько

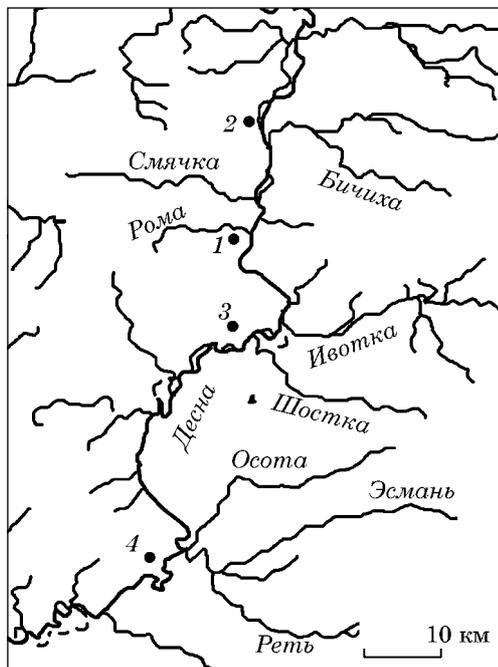

Рис. II.1. Карта памятников юхновской культуры Черниговского Подесенья с определенными ПБС: 1 — Киселевка II, 2 — Песочный Ров, 3 — Западное Юхновское, 4 — Бужанка I (по: <http://maps.yandex.ru/>)

ко локальным вариантом, как это было предложено, например, для памятников черняховской археологической культуры (Пашкевич, 1990).

Отталкиваясь от этих базовых понятий, после складывания ПБК по количеству зерновок, с целью оценки значения различных видов выращиваемых зерновых для жизни носителей юхновской культуры, в дальнейшем они сравнены с учетом разницы в размерах (Пашкевич, Горбаненко, 2002—2003; Горбаненко, 2007, с. 24).

ИССЛЕДОВАННЫЙ МАТЕРИАЛ

Городище Киселевка II (см. приложение I, 9). Проанализировано около 1000 изделий из глины. В результате анализа определено 55 зерновок культурных растений (по уменьшению количества): 38 проса (*Panicum miliaceum* L.), 9 ячменя пленчатого (*Hordeum vulgare* L.) (из них 2 пленки и 1 колосок), 8 пшеницы двузернянки (*Triticum diccocon* Shrank) (рис. II.2, I; табл. II.1).

Таблица II.1. Размеры отпечатков зерновок растений из городища Киселевка II.

Название	Размеры, мм		Индекс L/B
	Ширина, В	Длина, L	
Просо	1,98 × 2,81; (1,87—2,13) × (2,42—3,01)		2,52 (2,49—2,54)
Ячмень пленчатый	3,57 (3,28—3,86)	9 (8,28—9,72)	
Пшеница двузернянка	3,23 (2,92—3,55)	7,34 (6,93—7,78)	

Таблица II.2. Размеры отпечатков зерновок растений из городища Песочный Ров.

Название	Размеры, мм		Индекс L/B
	Ширина, В	Длина, L	
Просо	2,04 × 2,65; (1,89—2,1) × (2,5—2,79)		2,11
Ячмень пленчатый	3,85	8,16	
Пшеница двузернянка	2,98, 3,02	7,1, 6,46	

Городище Песочный Ров (см. приложение I, 3). Проанализировано около 400 единиц керамики (а также 169 — Г.А. Пашкевич). В результате анализа определено 12 зерновок культурных растений¹ (по уменьшению количества): 8 проса, 2 ячменя пленчатого, 2 пшеницы двузернянки (рис. II.2, II; табл. II.2).

1. 11 отпечатков определены нами, 1 отпечаток — Г.А. Пашкевич.

■ Приложение II ■

Таблица II.3. Размеры отпечатков зерновок растений из городища Западное Юхновское.

Название	Размеры, мм		Индекс L/B
	Ширина, B	Длина, L	
Просо	2,12 × 2,88; (2,03—2,24) × (2,43—3,26)		2,48 (2,22—2,75) 2,29 (2,24—2,35)
Ячмень пленчатый	3,25 (3,2—3,3)	8,07 (7,32—8,81)	
Пшеница двузернянка	2,85 (2,62—3,07)	6,52 (6,15—6,89)	

Таблица II.4. Размеры отпечатков зерновок растений из городища Бужанка I.

Название	Размеры, мм		Индекс L/B
	Ширина, B	Длина, L	
Просо	2,25 × 3,03; (2,07—2,4) × (2,96—3,16)		2,14 (1,99—2,33) 2,1 (2,01—2,18)
Ячмень пленчатый	3,76 (3,58—3,94)	8,03 (7,83—8,35)	
Пшеница двузернянка	3,41 (3,25—3,56)	7,11 (7,09—7,14)	

Выборка недостаточная для статистического анализа.

Городище Западное Юхновское (см. приложение I, 19). Проанализировано около 500 изделий из глины. В результате анализа определено 25 зерновок культурных растений (по уменьшению количества): 17 проса, 4 ячменя пленчатого, 4 пшеницы двузернянки (рис. II.2, III; табл. II.3).

Городище Бужанка I (см. приложение I, 47). Проанализировано около 350 изделий из глины. В результате анализа определено 24 зерновки культурных растений (по уменьшению количества): 15 проса, 5 ячменя пленчатого, 4 пшеницы двузернянки (рис. II.2, IV; табл. II.4).

Размеры зерновок. *Просо.* Среди отпечатков злаков на керамике по количеству первое место принадлежит зерновкам проса, точнее пшена (зерновкам, освобожденным от пленок). Отпечатки зерновок проса имеют такие размеры: ширина — 1,87—2,4, длина — 2,42—3,26 мм.

Ячмень пленчатый. Определены отпечатки зерновок, пленок, колосков. Отпечатки зерновок имеют такие размеры: ширина (B) — 2,92—3,94 мм; длина (L) — 7,32—9,72 мм. Индекс L/B составляет 1,99—2,75.

Пшеница двузернянка. Выявлены отпечатки зерновок пшеницы двузернянки. Их размеры: B — 2,62—3,56, L — 6,15—7,78 мм; L/B — 2,01—2,38 (см. табл. II.1—4).

* * *

Анализ ПБС памятников из Черниговского Подесенья демонстрирует подобность частей выращиваемых культурных растений: по количеству зерен первое место принадлежит просу (62,5—69,1%), второе — ячменю

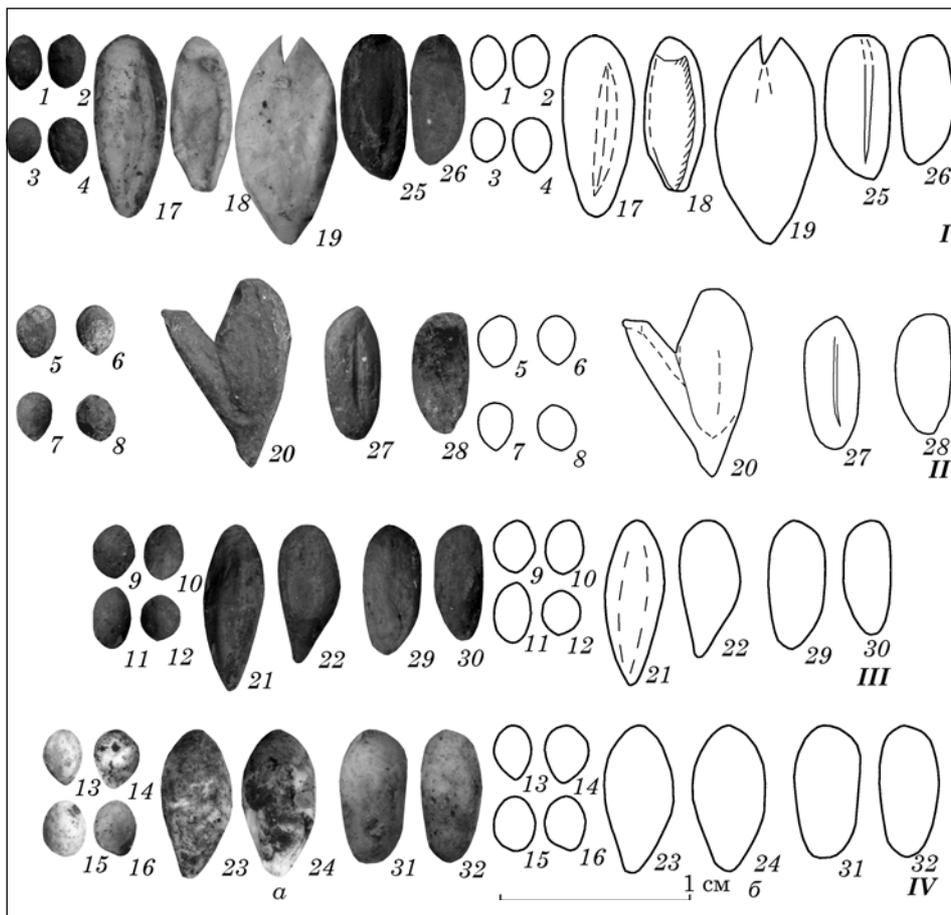

Рис. П.2. Отпечатки зерновок культурных растений с глиняных изделий памятников юхновской культуры Черниговского Подесенья: *I* — Киселевка *II* — Песочный Ров, *III* — Западное Юхновское, *IV* — Бужанка *I*; *a* — пластилиновые модели; *б* — прорисовки: 1—16 — просо; 17—24 — ячмень пленчатый (18 — пленка, 19, 20 — колосок); 25—32 — пшеница двузернянка

пленчатому (16—20,8 %), третье — пшенице двузернянке (14,5—16,7 %) (рис. П.3).

По количественным показателям очевидно абсолютное преобладание проса над ячменем пленчатым и пшеницей двузернянкой. При учете же разницы между размерами зерновок, получим только относительное преобладание в двух случаях и приблизительно одинаковые доли проса и ячменя пленчатого над пшеницей двузернянкой в третьем (рис. П.4).

Приложение II

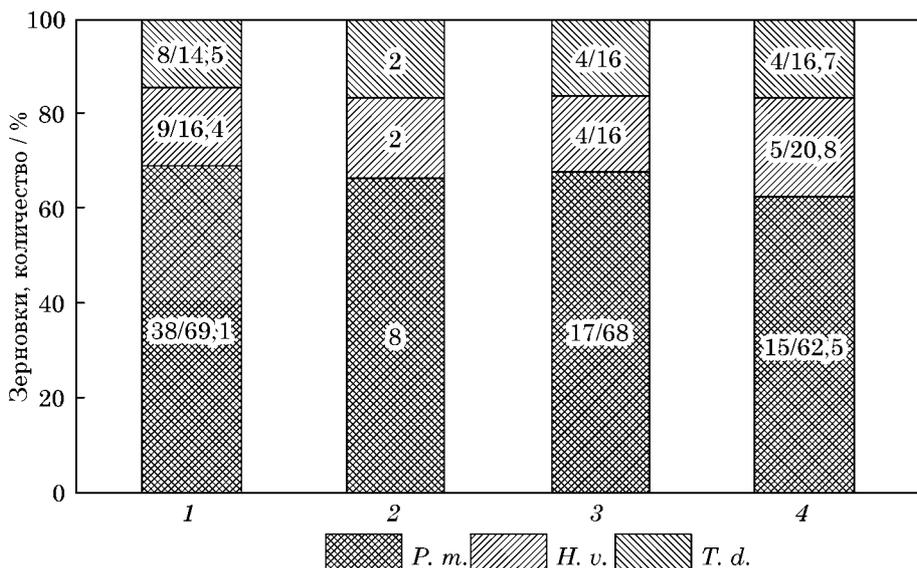

Рис. II.3. Диаграмма соотношения отпечатков зерновок культурных растений с керамики памятников юхновской культуры (по количеству): 1 — Киселевка II, 2 — Песочный Ров, 3 — Западное Юхновское, 4 — Бужанка I; *P. m.* — *Panicum miliaceum* L., *H. v.* — *Hordeum vulgare* L., *T. d.* — *Triticum diccocon* Shrank. В колонках дано: количество зерновок / их процент

Относительно незначительные данные, которые ныне существуют для сравнения с аналогичными материалами других археологических культур, практически не дают возможности прийти к конкретным выводам. Так, для хронологически близких памятников скифоидных культур (см., напр.: Pashkevich, 1984; Янушевич, 1986, с. 22—37; Гаврилюк, Пашкевич, 1991)), а также для частично синхронных зарубинецких памятников (подборку см.: Пашкевич, Горбаненко, 2010, табл. 1)) проведено довольно значительное количество палеозитоботанических анализов. Они убедительно свидетельствуют о том, что ассортимент выращиваемых зерновых культурных растений у вышеперечисленных обществ, которые в основном проживали в лесостепи, был намного шире. Так, в состав палеозитоботанических комплексов скифов и носителей зарубинецкой археологической культуры входили: просо, ячмень пленчатый, пшеницы разных видов и др.; правда, следует отметить, что и в них ячмень пленчатый и просо играли ведущую роль в зерновом хозяйстве (Пашкевич, 1992, с. 31, 41). Таким образом, проследить влияние этих археологических культур на зерновое хозяйство носителей юхновской культуры невозможно.

На памятниках днепро-двинской культуры обугленные палеозитоботанические материалы найдены на городище Буяново. Они включают

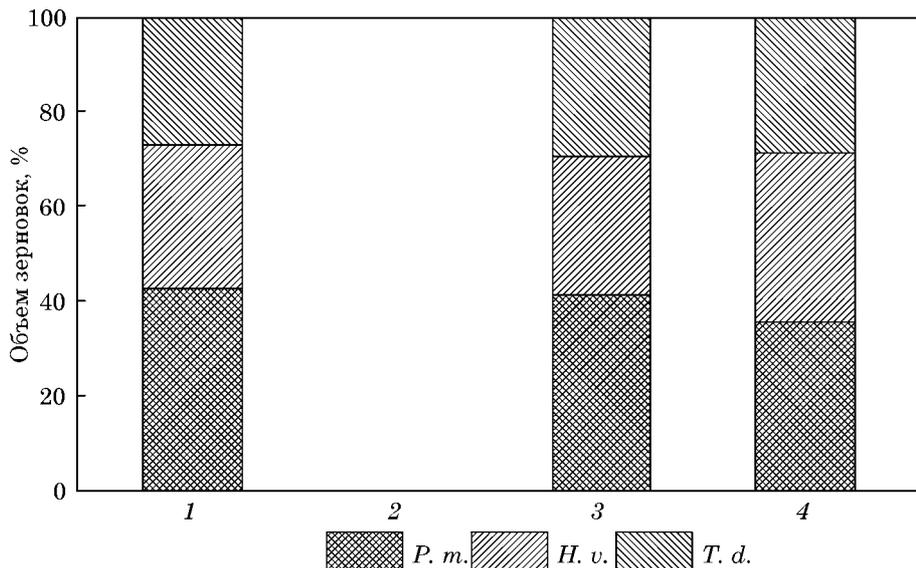

Рис. 2.4. Диаграмма соотношения отпечатков зерновок культурных растений с керамики памятников юхновской культуры (по объему): 1 — Киселевка II, 2 — Западное Юхновское, 3 — Бужанка I. **Сокращения** см. на рис. 2.3

зерна пшеницы (не указано до вида), ячменя (не указано до вида) и проса в значительных количествах. К сожалению, статистические данные не приведены. По радиоуглеродному анализу слой датирован IV—I вв. до н. э. (Шмидт, 1992, с. 57). Другие данные о культурных растениях днепродвинской культуры получены при помощи споро-пыльцевого анализа. По результатам этих анализов бесспорно определена пыльца пшениц (Шмидт, 1992, табл. А).

Для синхронных соседних культур были проведены споро-пыльцевые анализы палеоботанических материалов. На территории Беларуси, что частично совпадает с ареалом распространения милоградской культуры в I тыс. до н. э., выявлена пыльца пшениц, ржи, ячменя, овса; в общем зерновых (Симакова, 2007, с. 63). Эти данные расширяют список культурных зерновых, выращиваемых в раннем железном веке в лесной зоне, но не дают возможности провести сравнительный анализ.

М.И. Лошенко провёл анализ отпечатков зерновок культурных растений на керамике из памятников милоградской культуры Чорное, Отруби, Красная Горка. По полученным им данным, на керамике на один—два порядка преобладают отпечатки проса; пшеница голозерная, а также ячмень пленчатый представлены единичными отпечатками; присутствуют также отпечатки семян гороха и бобовых (соответственно: Красная Горка: 18, 1, —, —, —; Отруби: 86, 1, 5, 3, 1; Чорное: 170, 2, 1, —, 1). По мнению автора статьи, эти данные не следует сопоставлять с возможными

долями выращиваемых культурных растений, поскольку просо добавляли в тесто выборочно, в связи с его наименьшими размерами (Лошенко, 2010, табл. 3, с. 70—71). Не будем вступать в дискуссию с автором статьи по поводу правомерности этого вывода относительно материалов милоградской культуры, поскольку мы с ними не ознакомлены, но отметим, что на материалах той же юхновской культуры, славянских, салтовских памятников, нами такая избирательность прослежена только при подсыпании зерен под днища горшков, но не при добавлении в тесто формовочной массы (см., напр.: (Горбаненко, Пашкевич, 2010; Колода, Горбаненко, 2010)).

Палеоэтноботанические данные дяковской культуры (IX—VIII в. до н. э. — VII в. н. э.) хорошо представлены материалами с эпонимного памятника. По результатам флотации и просеивания образцов прослежено постепенное уменьшение количества проса (преобладавшего в наиболее ранних материалах) за счет увеличения доли ячменя пленчатого. Среди пшениц постепенно более важным ставали голозерные виды, в наиболее древних горизонтах представленные единичными зерновками (Гунова, Кирьянова, Кренке, Низовцев, Спиридонова, 1996, с. 110—111). Авторы статьи с приведенными данными, собственно, сами обратили внимание, что такую тенденцию можно назвать вполне характерной для культур описываемого периода, находившихся в аналогичных экологических условиях. Подчеркнем только, что для сравнения с юхновскими материалами характерными являются первые этапы (совпадающие со временем существования юхновской культуры): с преобладанием проса и практически отсутствием голозерных пшениц.

Палеоэтноботанические данные из обработанных нами материалов с 4 памятников юхновской археологической культуры (представленные отпечатками зерновок культурных растений на изделиях из глины) демонстрируют высокий уровень сходства их соотношений внутри палеоэтноботанических спектров. В состав ПБС входят только 3 вида (по количеству): просо, ячмень пленчатый, пшеница пленчатая двузернянка. Напомним, что по качественным характеристикам (с учетом объема) просо могло иметь только относительное незначительное преобладание (в двух случаях); в одном просо и ячмень пленчатый приблизительно в одинаковых пропорциях преобладают над пшеницей двузернянкой.

Другие злаковые вообще не представлены. Такая ограниченность ассортимента указывает на традиционность земледелия у носителей юхновской археологической культуры, поскольку ПБС представлены исключительно наиболее древними и проверенными временем злаковыми (см.: (Пашкевич, 1992)). Кроме того, сходство полученных данных между собой свидетельствует об одинаковом уровне развития земледелия жителей древних поселений Черниговского Подесенья, что является логичным, учитывая то что они занимали одну экологическую нишу.

Сравнительный анализ в принципе незначительных данных показывает, что ассортимент выращиваемых зерновых культур и их доли в сере-

дине локального ПБК в принципе отвечают общим тенденциям, подмеченным для носителя археологических культур раннего железного века в лесной (но не лесостепной) зоне.

Литература:

- Алихова А.Е.* К вопросу о датировке двух городищ у села Юхнова // КСИИМК. — 1956. — Вып. 65. — С. 31—41.
- Алихова А.Е.* Древние городища Курского Посеймья // МИА. — 1962. — № 113. — С. 86—129.
- Воеводский М.В.* Городища Десны // АП УРСР. — 1949. — № 1. — С. 105—111.
- Гаврилюк Н.А., Пашкевич Г.А.* Земледельческий компонент в экономике степных скифов конца V—IV вв. до н. э. // СА. — 1991. — № 2. — С. 51—64.
- Горбаненко С.А.* Землеробство і тваринництво слов'ян Лівобережжя Дніпра другої половини I тис. н. е. — К.: Академперіодика, 2007. — 198 с.
- Горбаненко С.А., Пашкевич Г.О.* Землеробство давніх слов'ян (кінець I тис. до н. е. — I тис. н. е.). — К.: Академперіодика, 2010. — 316 с.
- Горбаненко С.А., Каравайко Д.В.* Землеробство носіїв юхнівської культури // У друку.
- Гунова В.С., Кирьянова Н.А., Кренке Н.А., Низовцев В.А., Спиридонова Е.А.* Земледелие и система землепользования в долине Москвы-реки в железном веке // РА. — 1996. — № 4. — С. 93—120.
- Колода В.В., Горбаненко С.А.* Сельское хозяйство носителей салтовской культуры в лесостепной зоне. — К.: ИА НАН Украины, 2010. — 216 с.
- Кравченко Н.М., Пашкевич Г.А.* Некоторые проблемы палеоботанических исследований (по материалам Обуховской территориальной группы памятников I тыс. н. э.) // Археология и методы исторических конструкций. — К., 1985. — С. 177—190.
- Лошенко М.И.* Археоботанические коллекции с городищ милоградской культуры Черное, Отрубы и Красная горка в Беларуси // РА. — 2010. — № 2. — С. 61—72.
- Мельниковская О.Н.* Отчет о работах Юхновского отряда Приднепровской экспедиции за 1967 г. / НА ИА НАН України. — 1967/43.
- Мельниковская О.Н.* Городища юхновской культуры в бассейне р. Судости // АО за 1969 г. — М.: Наука, 1970. — С. 61—62.
- Падин В.А.* Юхновские поселения Средней Десны // СА. — 1966. — № 2. — С. 137—150.
- Пашкевич Г.О.* Локальні палеоетноботанічні комплекси черняхівської культури // VIII Подільська істор.-краєзнав. конф.: Тези доп. секц. археології. — Кам'янець-Подільський, 1990. — С. 36—37.
- Пашкевич Г.А.* Культурные растения Украины от неолита до средневековья (по палеоэтноботаническим материалам): Дис. ... д-ра биол. наук в форме науч. докл. 03.00.05. — Киев: Ин-т ботаники АН Украины, 1992. — 46 с.
- Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А.* Відбитки зернівок культурних рослин на кераміці Опішнянського городища // АЛІУ. — 2002. — № 2; 2003. — № 1. — С. 161—163.
- Пашкевич Г.О., Горбаненко С.А.* Каталог палеоботанічних матеріалів пам'яток слов'янських культур // Колекції Наукових фондів Інституту археології НАН України. Матеріали та дослідження / АДІУ. — 2010. — Вип. 3. — С. 105—123.
- Пузикова А.И.* Памятники скифского времени бассейна р. Тускарь (Посеймье). — М., 1997. — 126 с.

■ Приложение II ■

- Симакова Г.И.* Основные этапы антропогенного преобразования растительного покрова Беларуси в голоцене // Літасфера. — 2007. — № 2 (27). — С. 59—69.
- Шмидт Е.А.* Племена верховьев Днепра до образования Древнерусского государства. Днепро-двинские племена (VIII в. до н. э. — III в. н. э.). — М.: Прометей, 1992. — 208 с.
- Янушевич З.В.* Культурные растения Северного Причерноморья: палеоэтноботанические исследования. — Кишинев: Штиинца, 1986. — 90 с.
- Янушевич З.В., Маркевич В.И.* Археологические находки культурных злаков на первобытных поселениях Пруто-Днестровского междуречья // Интродукция культурных растений. — Кишинев, 1970. — С. 83—110.
- Pashkevich G.A.* Palaeoethnobotanical examination of archaeological sites in the Lower Dnieper region, dated to the last centuries BC and the first centuries AD // Plants and ancient man. Studies in palaeoethnobotany. — Boston, 1984. — P. 277—283.

О.П. Журавлев

ОСТЕОЛОГИЧЕСКИЕ МАТЕРИАЛЫ С ГОРОДИЩ ЮХНОВСКОЙ КУЛЬТУРЫ БУЖАНКА I И КИСЕЛЕВКА II ¹

ВСТУПЛЕНИЕ

Автор провел исследования остеологических материалов с раскопок укрепленных поселений юхновской культуры Бужанка I (с. Бужанка Коропский р-н, Черниговская обл.) и Киселевка II (с. Киселевка, Новгород-Северский р-н, Черниговская обл.) 2005—2009 гг. экспедиции Института археологии НАН Украины под руководством Д.В. Каравайко.

Все кости являются типичными кухонными остатками. На это указывает их значительная раздробленность, порезы и зарубки на костях, оставшиеся на них во время разделывания туш животных.

Определения проводились визуально по существующей методике (Громова, 1950; 1953; 1960; Журавлев, 1982; Voessneck, Müller, Teichert, 1964; Kratochvil, 1969, P. 483—490; Schramm, 1967, S. 107—133).

Измерения костей проведено по общепринятой методике (Duerst, 1930) штангенциркулем с точностью до 0,5 мм. Большой точности на таких материалах достигнуть сложно, да и, по моему мнению, не нужно. Биометрическую обработку данных так же проведено по общеупотребляемой методике (Лакин, 1973). Разница между признаками считалась достоверной при показателе критерий $t = \pm 2,59$ и больше ($P = 0,99$). Такой высокий порог достоверности принято по причине изменчивости костей домашних животных. Касательно диких млекопитающих, данные о величине изменчивости их костей мне неизвестны. Соответственно, лучше перестраховаться.

Датировка остеологических материалов соответствует времени существования указанных городищ, а именно: Бужанка I — I вв. до н. э. — I в. н. э.; Киселевка II — V в. до н. э.

1. Данное приложение в более полном варианте подготовлено к публикации (см.: Каравайко Д.В., Горбаненко С.А. Господарство носіїв юхнівської культури, у друку).

Поскольку основная масса костей принадлежала млекопитающим, а автор является специалистом по этой группе животных, то именно их характеристике, на основе материалов городищ Бужанка I и Киселевка II, и будет посвящена данная работа ¹.

1. ДОМАШНИЕ ЖИВОТНЫЕ

Бык домашний ² (*Bos taurus* L.). В остеологических материалах с Бужанки I этот вид по количеству костей занимал ведущее место, а по числу особей уступал домашней свинье (табл. III.1; III.2). В остеологических материалах с городища Киселевка II по количеству костей бык домашний был на втором месте после мелкого рогатого скота, а вот по количеству особей разделял первые места с домашней свиньей (табл. III.8; III.9). К сожалению, целых черепов домашнего быка, впрочем, как и от других млекопитающих, не найдено. Соответственно, краниологическая характеристика этих видов просто невозможна. Однако, можно сделать попытку установить рогатость или комолость породы домашнего быка с этих поселений по методу, предложенного В.И. Цалкиным (Цалкин, 1966, с. 11—12). Он считал, что при проценте роговых стрижней от общего количества костей этого вида менее чем 1 % порода была комолой; более 1 % — рога-

1. Перечень всех костей животных с городища Бужанка I приведен в таблице 1. Соотношение между особями, в соответствии данных остеологического материала, показано в табл. III.2. Измерения и пропорции костей млекопитающих, а так же, по возможности, биометрическая обработка данных, приведены в табл. III.3. Критерии оценки *t*, где их можно было высчитать, показаны в табл. III.4—7. Пустые графы в последних таблицах означают, что сравнивать полученные мною данные не с чем. Перечень находок костей с городища Киселевка II приведен в табл. III.8. Соотношение между особями с этого поселения показано в табл. III.9. Измерения и пропорции костей, а так же, по возможности, биометрическая обработка данных, приведены в табл. III.10. И в табл. III.11 я хотел подать значение критерии оценки *t*, но, опять же, сравнивать не с чем. Аналогичные данные по иным памятникам юхновской культуры мне неизвестны.

2. Несколько слов о правильном употреблении терминологии, относящейся к этому виду. Как я уже неоднократно писал, термин «крупный рогатый скот» следует употреблять очень осторожно, поскольку он не является синонимом видового названия «бык домашний». Термин «крупный рогатый скот» в широком понимании касается не только домашнего быка. Под ним понимают еще два вида азиатских буйволов (Дмитриев, 1978, с. 6). Но, так как в остеологических материалах с Бужанки I и Киселевки II, как и на большинстве археологических памятников Украины, костей буйволов нет, то термин «крупный рогатый скот» можно использовать в узком смысле — т. е. как синоним видового названия «бык домашний». Данный момент следует всегда оговаривать во избежание путаницы. А термин «скотоводство», который часто используют как синоним термину «животноводство», означает лишь разведение крупного рогатого скота, и больше ничего.

тая. В остеологических материалах с Бужанки этот показатель равнялся 0,35 % (табл. III.1). Таким образом, породу можно считать безрогой. Хотя ни единого фрагмента от комолых черепов найдено не было. При этом вполне возможна ошибка, связанная с небольшой выборкой — менее чем 300 костей, при минимальной в количестве 500 костей (Журавлев, 1991, с. 38—39). Таким образом, я бы воздержался от окончательных выводов. На городище Киселевка II этот показатель составлял 10,4 % (табл. III.8). Таким образом, порода была рогатой. Но, опять же, небольшая выборка — менее 100 костей — не позволяет делать окончательные выводы. К сожалению, сравнивать породы с этих двух поселений нет возможности по причине отсутствия биометрической обработки данных на Киселевке II (табл. III.10).

Основную массу костей домашнего быка в остеологических материалах Бужанки и Киселевки составляли позвонки и ребра (табл. III.1; III.8). Это обычное явление на тех памятниках, где собирались все кости животных, включая самые мелкие ¹.

Интересен значительный процент фрагментов нижних челюстей домашнего быка с городища Бужанка I (табл. III.1). На городище Киселевка II значительной частью представлены не только нижние челюсти, но и плечевая и плесневая кости вместо лопатки. Является ли это особенностью утилизации животных у населения юхновской культуры данного населения, сказать не берусь, так как аналогичные данные по другим поселениям этой культуры археозоологами не публиковались. Опять таки, причина в небольших выборках?

Поскольку аналогичных результатов по биометрической обработке данных признаков костей с других памятников юхновской культуры нет, либо они мне неизвестны, то я провел сравнения материалов с Бужанки I и поселения киевской культуры Александровка I, территориально расположенного в той же Черниговской области (табл. III.4). Достоверной разницы между породами домашнего быка не наблюдается.

Исходя из того, что в остеологических материалах отсутствуют кости особей моложе одного года, можно сделать вывод о хорошей кормовой базе животноводства как на Бужанке I (табл. III.1), так и на Киселевке II (табл. III.8). Вместе с тем, значительный процент молодых и полувзрослых особей свидетельствует о развитом мясном направлении скотоводства на Бужанке I (табл. III.1). на сколько развитыми были остальные направления, например молочное, остеологические материалы данных не дают. Развитие молочного направления, учитывая преобладание самок, вполне возможно предположить на городище Киселевка II. Тут в пищу

1. При сборе костей на выбор работающего археолога, могут возникнуть и статистические неточности и прочие проблемы. Так, мною проводились определения остеологического материала с городища и поселения Западное Юхновское, исследованного Д.В. Каравайко в 2004 г. Автор раскопок не смог вывезти с места раскопок весь, очень многочисленный, материал. Именно поэтому результаты определений с данного памятника не учитываются в данной работе.

употребляли в основном взрослых особей. Обращает на себя внимание присутствие на указанном памятнике костей вола (табл. III.8). Это животное было рационально использовать в качестве тягловой силы при возделывании полей.

Овца домашняя (*Ovis aries* L.) и **коза домашняя** (*Capra hircus* L.). Эти два вида, как правило, объединяют под одним термином мелкий рогатый скот. Не последней причиной для этого являются значительные трудности с видовым определением костей этих животных. Определить вид по фрагментам черепа, нижним челюстям, отдельным зубам, большинству позвонков, ребрам и диафизам трубчатых костей практически невозможно.

Исходя из остеологического материала с городища Бужанка I, МРС по количеству костей занимал третье место, следом за домашними быком и свиньей, а по числу особей — четвертое (табл. III.1; III.2). На Киселевке II МРС по количеству костей был на первом месте, а по количеству особей уступал домашнему быку и свинье (табл. III.8; III.9).

К сожалению, по причине незначительной выборки, надежные данные о распределении костей по частям скелета для Бужанки I отсутствуют (табл. III.1). Соответственно, оказалась невозможной и биометрическая обработка данных (табл. III.3). Про породу этих животных, на сегодняшний день, сказать ничего нельзя. На Киселевке II преобладали позвонки и ребра, как и у домашнего быка (табл. III.8). Биометрическую обработку данных по признакам костей этого вида (табл. III.10) сравнивать не с чем (табл. III.11).

Как и у домашнего быка, костей МРС от животных в возрасте менее одного года нет. Опять таки, можем говорить о хорошей кормовой базе животноводства. Значительный процент молодых и полувзрослых животных позволяет сделать выводы о мясном направлении в разведении этих животных на обоих городищах (табл. III.1; III.8). Естественно, местное население получало шкуры и шерсть, без которых сложно представить зимнюю одежду на этой территории.

Немногочисленность МРС для Бужанки I легко объясняется тем, что в лесной зоне вряд ли присутствовали достаточные территории для массового выпаса этих животных. Могу высказать предположение, что возле Бужанки были значительные открытые участки для выпаса овец. Для коз вполне приемлемо стойловое содержание. Поэтому в лесной зоне отдавали предпочтение разведению последних. Правда, на Бужанке I эти животные в остеологических материалах имели равные доли по числу особей (табл. III.2). А вот касательно Киселевки II, в остеологических материалах преобладали кости овец (табл. III.8; III.9). Исходя из состава диких млекопитающих, оба поселения находились в лесной зоне (табл. III.9). И опять таки, по причине небольших выборок, делать окончательные выводы я не берусь.

Свинья домашняя (*Sus domestica* Gray). В остеологических материалах с городища Бужанка I этот вид по количеству костей занимал вто-

рое место после домашнего быка, а по числу особей — первое (табл. III.1; III.2). и в данном случае небольшая выборка не позволяет рассматривать распределение костей по частям скелета. Все же, по одному признаку удалось провести биометрическую обработку данных (табл. III.3), хотя сравнивать не с чем (табл. III.5). Про породу (-ы) свиней с определенностью говорить не приходится.

В остеологических материалах с городища Киселевка II свинья домашняя по количеству костей занимала третье место после крупного и мелкого рогатого скота, а по числу особей разделяла первые места с домашним быком (табл. III.8; III.9). Биометрическую обработку данных провести не удалось (табл. III.10), так что породный состав этого вида остается неизвестным.

Как и в предыдущих случаях, можем говорить о мясной направленности свиноводства и про хорошую кормовую базу на обоих поселениях (табл. III.1; III.8).

Конь домашний (*Equus caballus* L.). По количеству костей этот вид в остеологических материалах с Бужанки I занимал четвертое место, а по числу особей — третье (табл. III.1; III.2). Большинство находок составляли ребра. Как и в предыдущих случаях, четко прослеживается мясное направление в коневодстве, а так же наличие хорошей кормовой базы (табл. III.1).

В остеологических материалах с Киселевки II конь домашний и по количеству костей и по количеству особей находился на четвертом месте (табл. III.8; III.9). Тут основную долю составляли нижние челюсти и отдельные зубы, выпавшие из альвеол. Так же можем говорить о развитой кормовой базе на данном поселении касательно коневодства. А вот направление было иное. Костей от молодых особей нет. Создается впечатление, что этих животных использовали в основном в качестве тягловой силы, в упряжи, а на мясо пускали только в крайних случаях, и то взрослых и даже старых коней.

Провести биометрическую обработку данных провести не представлялось возможным (табл. III.3; III.10). Про породы коней, выращиваемых на этих двух поселениях, говорить не приходится.

Для характеристики домашних коней используют две градации. Первая базируется на высоте в холке (Витт, 1952, с. 173—174). Вторая — на относительной ширине диафизов метаподий (Браунер, 1916, с. 106—108) и первых фаланг (Топачевский, 1956, с. 68—69). Поскольку целых трубчатых костей найдено не было, первая градация в данном случае не возможна. Согласно второй, первые фаланги с Бужанки I принадлежали тонконогим коням (табл. III.3). Как правило, такие пропорции имели верховые лошади. Неужели население Бужанки имело верховые породы?

Осел домашний (*Asinus domesticus* L.). В остеологических материалах с поселения Киселевка II найдено третью, копытную, фалангу этого вида (табл. III.8). Ее размеры приведены в таблице 9. Как это животное попало сюда, я просто не представляю. Ближайшие места, откуда оно могло быть

завезено — это поселения и городища Ольвийского государства в Нижнем Побужье (Журавльов, 1992, с. 158—159, табл. 3) или же античные поселения Боспорского царства (Цалкин, 1960, с. 49—50).

Собака домашняя (*Canis familiaris* L.). Этот вид в остеологических материалах с Бужанки I занимал последнее место среди домашних животных (табл. III.1; III.2), а на Киселевке II — предпоследнее, если учитывать находку копытной фаланги осла (табл. III.8; III.9). Незначительное количество находок костей собак может означать, что их практически не употребляли в пищу. В жизни древнего населения они должны были играть большую роль, чем это показывают остеологические материалы. Сложно представить себе поселение, где не было бы сторожевых собак. Да и при выпасе скота собака играла не последнюю роль.

К сожалению, по причине малой выборки биометрическую обработку данных провести не удалось. Таким образом, про породы собак с этих двух городищ (табл. III.3; III.10) сказать ничего не могу.

2. ДИКИЕ ЖИВОТНЫЕ

Диких млекопитающих я рассматриваю в систематическом порядке согласно последнего доступного мне издания (Каталог млекопитающих СССР, 1981).

Заяц русак (*Lepus europaeus* Pallas). И по числу костей и по числу особей это вид занимал одно из последних мест среди диких млекопитающих в остеологическом материале городищ Бужанка I и Киселевка II (табл. III.1; III.2; III.8; III.9). Малая выборка не позволила провести биометрическую обработку данных с первого из названных памятников. С Киселевки вообще не удалось измерить ни единой кости. Таким образом, охарактеризовать этот вид пока не возможно.

Бобр речной (*Castor fiber* L.). В остеологических материалах с Бужанки I по числу особей этот вид разделяет третье—четвертое места с оленем обыкновенным (табл. III.1; III.2). На третьем месте после лося и кабана и по числу особей — на втором находился бобр речной в материалах городища Киселевка II (табл. III.8; III.9). Может ли это свидетельствовать о развитии пушного направления охоты у этого населения?

Следует отметить, что остеология не может дать достоверных данных касательно доминирующей направленности, мясной или пушной, того или иного древнего населения. Шкуры с пушных животных старались снять сразу после получения добычи, дабы не испортить мех. Если мясо этих животных не употребляется в пищу, то их тушки вместе с костями оставались на месте и не попадали на поселение. У бобра мясо вкусное, а соответственно, его тушки приносились к месту проживания. Куницы, хорьки и некоторые другие к таким животным не относились. Таким образом, учесть их долю в охотничьей добыче по остеологическим материалам

практически невозможно. Хотя пушной промысел, вероятно, занимал не последнее место в хозяйстве населения лесной и лесостепной зон.

К сожалению, по причине незначительной выборки (табл. III.3; III.10), какие-либо сравнения с костями бобров иных мест невозможны.

Лиса обыкновенная (*Vulpes vulpes* L.). Кости этого вида занимали в остеологических материалах городища Бужанка I одно из последних мест по всем параметрам (табл. III.1; III.2). Их размеры приведены в табл. III.3. Обработку биометрических данных провести не удалось. Сравнения невозможны.

На Киселевке II кости лисы отсутствуют (табл. III.8; III.9); тут можно только повториться об особенностях пушного промысла.

Медведь бурый (*Ursus arctos* L.). Кости этого вида найдено только на городище Бужанка I, где он занимал одно из последних мест среди диких животных (табл. III.1; III.2). Обработку биометрических данных провести не удалось (табл. III.3). Добывать медведя могли на протяжении всего года, летом ради мяса, и зимой, выгоняя его из берлоги, еще и ради меха. Естественно, это было небезопасно и требовало специальной подготовки охотников.

Барсук (*Meles meles* L.). Кости этого животного очень малочисленны на городище Бужанка I (табл. III.1; III.2) и отсутствуют в материалах с Киселевки II. Биометрическую обработку данных провести не удалось (табл. III.3).

Охотиться на барсука могли с весны по осень, если нужны были мясо и жир, и осенью с целью добычи меха.

Кабан (*Sus scrofa ferus* L.). В остеологических материалах с городища Бужанка I этот вид по количеству костей занимал второе место среди диких животных после косули, а по числу особей был основным среди добычи юхновских охотников (табл. III.1; III.2). В отличие от вышеописанных видов, по костям кабана удалось провести биометрическую обработку данных (табл. III.3), но сравнивать их не с чем (табл. III.6).

В остеологических материалах с городища Киселевка II кабан по количеству костей занимал второе место после лося, а по числу особей так же был основным видом, на который охотились (табл. III.8; III.9). Биометрическую обработку данных провести не удалось (табл. III.10).

Олень обыкновенный (*Cervus elaphus* L.). В остеологических материалах с Бужанки I этот вид занимал по количеству костей третье место, а по числу особей разделял четвертое и пятое с речным бобром (табл. III.1; III.2). На Киселевском городище олень обыкновенный по количеству костей разделял предпоследние места среди диких животных с косулей обыкновенной, а по числу особей занимал последние места (табл. III.8; III.9). На обоих городищах провести биометрическую обработку данных не удалось (табл. III.3; III.10), что не позволяет охарактеризовать этот вид.

У оленя используется практически все: мясо, жилы, шкура, кости, рога. Поэтому он всегда был желанной добычей охотника. Несколько удивительно, что олень обыкновенный занимал не первое место среди тро-

феев древних охотников этих двух поселений, а уступал по числу особей даже косуле (табл. III.2). Последнее является интересным фактом, о чем будет сказано ниже.

Косуля обыкновенная (*Capreolus capreolus* L.). В остеологических материалах с Бужанки I этот вид занимал по количеству костей первое, а по количеству особей второе место среди диких животных (табл. III.1; III.2). Биометрическая обработка данных приведена в табл. III.3, однако ее не с чем сравнивать. На городище Киселевка II по всем параметрам косуля занимала одно из последних мест (табл. III.8; III.9). Биометрическая обработка данных невозможна (табл. III.10).

У косули, как и у оленя, используется практически все. Не удивительно, что по числу особей она занимала второе место в материалах с Бужанки I (табл. III.2). Напротив, странным выглядит факт ее малочисленности на Киселевке II (табл. III.9). мех косули теплый, но очень ломкий, как и у других оленьих, и потому не имеет ценности. Европейский подвид косули имеет массу тела от 20 до 37 кг.

Следует остановиться еще на одном интересном факте, который зачастую остается вне поля внимания как археозоологов, так и зоологов. Во всяком случае, в современной литературе о нем практически не упоминается. Речь идет о том, что косули избегают присутствия других копытных. Мало того, она вступает в острые конкурентные взаимоотношения с оленями. Последние, где их численность велика, явно «угнетают» косулю (Жизнь животных, 1971, с. 468). При содержании косуль вместе с оленями в неволе при достаточном количестве еды, первые умирают (Арсеньев, 1987, с. 293). В.К. Арсеньев отметил это просто как факт. Объяснения ни у него, ни у других авторов я не нашел, как и не получил разъяснений и у наших зоологов, как взаимосуществуют косули и олени в современных лесах. С учетом сказанного выше следует сделать выводы, что возле всех древних поселений, на которых найдены кости и косули и оленя, были настолько большие лесные массивы, что эти два вида могли обитать и не встречаться друг с другом. Напомню, что в остеологических материалах с Бужанки I и Киселевки II косуль было больше чем оленей.

Лось или сохатый (*Alces alces* L.). В остеологических материалах с Бужанки I этот вид занимал по количеству костей четвертое, а по количеству особей одно из последних мест (табл. III.1; III.2). Первое место по количеству костей занимал лось по материалам городища Киселевка II, по числу особей — третье после кабана и речного бобра (табл. III.8; III.9). По причине малой выборки провести биометрическую обработку данных с обоих городищ не представлялось возможным.

Олень северный (*Rangifer tarandus* L.). В остеологических материалах с Бужанки I этот вид занимал по количеству костей одно из последних мест, а по количеству особей находился на пятом месте, не многим уступая речному бобру и оленю обыкновенному, находящихся на третьем и четвертом местах. Размеры костей приведены в табл. III.3. Характеристику северного оленя по существующим материалам, на сегодняшний день дать невозможно.

Очевидно, возле Бужанки эти олени оказались во время зимних перекочевок, когда они и стали добычей местных охотников. Таким образом, можем говорить, вспомнив еще и пушной промысел, что зимняя охота была обычным явлением.

В целом, кости этих животных на древних поселениях и городищах встречаются редко. Во всяком случае, в остеологических материалах городища Киселевка II их нет.

3. ОСОБЕННОСТИ ЖИВОТНОВОДСТВА И ОХОТЫ

В животноводстве у населения городища Бужанка I доминировало свиноводство (табл. III.2). Такое положение вещей вполне понятно, так как это поселение окружали леса с достаточной кормовой базой для данного вида. Второе место занимало скотоводство, за ним шли коневодство и разведение мелкого рогатого скота (табл. III.2).

В отличие от Бужанки, в животноводстве Киселевки II первое место вместе со свиноводством разделяло скотоводство, за ними шло разведение мелкого рогатого скота, а на последнем месте было коневодство (табл. III.9). Интересен факт того, что на городище Киселевка II в еду употребляли коней меньше чем на Бужанке. Тут, по числу особей, они уступали даже домашней собаке. Хотя на Бужанке I, возможно, уже были специализированные верховые кони, все-таки больше берегли этих животных именно на Киселевке. Не исключено, что тут (вспомним находку костей вола) больше уделяли внимания земледелию с использованием коней, чем на Бужанке. Потому и берегли этих животных. Не следует забывать и о небольшой выборке и связанных с ней погрешностей.

Возрастной состав домашних животных указывает на наличие хорошей кормовой базы животноводства на обоих поселениях (табл. III.1; III.8). В таких местах это было возможно лишь при оседлом способе жизни и развитом земледелии. Только при таких условиях у населения была возможность заготавливать необходимое количество кормов на зимний период при их содержании в стойле.

В разведении домашних животных, как показывают остеологические материалы с Бужанки I, преобладало мясное направление (табл. III.1). А вот в скотоводстве Киселевки, скорее всего — получение молочных продуктов (табл. III.8).

Незначительную часть МРС в стаде городища Бужанка I легко объяснить расположением этого поселения в лесной зоне. На этой территории, зачастую и в Лесостепи, мало угодий пригодных для выпаса этих животных. На это указывают и равные доли овец и коз. Поскольку козы более приспособлены для стойлового содержания, то именно их разведе-

нию уделяли основное внимание обитатели поселений и городищ, расположенных среди лесов. Тогда несколько не поняло, почему такой большой процент этих животных был на Киселевке II (табл. III.8).

Интересным является развитие коневодства, особенно в свете находок костей от тонконогих, вероятно, верховых коней на Бужанке I. Очевидно, этим животным уделяли много внимания, поскольку содержать коня вчетверо тяжелее, чем корову. И в окружении лесов заготавливать кормы для этих животных было значительно тяжелее, чем в более южных районах. Очевидно, кормы для них заготавливались за счет луговой растительности среди лесов и заводей рек. Однако не исключено, что для их содержания специально засеивали еще и какие-то зерновые культуры. По моему мнению, роль коня в жизни населения Бужанки I и, тем более, Киселевки II была больше, чем на это указывают остеологические материалы. Коней могли беречь как верховых, упряжных и тягловых (в земледелии) животных. И на мясо пускали меньше, чем других мясных животных.

На поселении Бужанка I большую роль играла охота (табл. III.2). Дикие животные по числу особей составляли почти равную часть с домашними животными. Охотились как на мясных животных (в основном на копытных), так и на пушных. Однако установить соотношение этих двух направлений по остеологическим материалам, к сожалению, невозможно, о чем уже шла речь выше. Шкуры меховых зверей старались снять сразу после их получения. И если их мясо не употребляется в еду, то кости этих животных остаются на месте охоты. Поэтому не удивительно, что в остеологических материалах с Бужанки I найдены кости зайца, бобра, медведя и барсука, и отсутствуют кости мелких пушных зверей, таких как белки, куницы, хорьки.

А вот в у населения Киселевки II животноводство преобладало над охотой (табл. III.9). Опять какой-то локальный вариант ведения хозяйства, или опять «шутки» небольшой выборки?

Среди копытных животных в охотничьей добыче преобладал кабан и на Бужанке I (табл. III.2), и на Киселевке II (табл. III.9). Следует отдать должное мужественности и мастерству тех, кто осмеливался охотиться на этого опасного зверя.

Олень и лось имели в охотничьей добыче у населения Бужанки I среди копытных достаточно небольшие части — в три или четыре раза меньше, чем части кабана и косули (табл. III.2). Неужели около Бужанки среди лесов были такое количество опушек, что эти животные селились здесь не очень охотно? Правда, это больше касается «таежного» лося. Ситуацию с оленями я понять не могу. Разве что такое соотношение между добытыми копытными опять указывает на какую-то специализацию в охоте населения Бужанки I.

В отличие от Бужанки I, на Киселевке II второе место в охотничьей добыче занимал бобр речной. А на третьем месте находился лось. Косуль и оленей было немного (табл. III.9). Неужели действительно ландшафты около Киселевки II имели более «таежный» характер, чем около Бужанки I?

ВЫВОДЫ

Остеологические материалы с поселения юхновской культуры Бужанка I позволяют сделать выводы о достаточно развитом животноводстве на нем с хорошей кормовой базой, хотя оно немного и уступало охоте. Это в данном районе было возможным лишь при постоянном оседлом хозяйстве и развитом земледелии. Животных разводили в основном на мясо. Конечно, от них получали и другие продукты: кожу, шерсть и тому подобное. Наверное, и молоко, но остеологические материалы особенных подтверждений этому не дают.

Разводили в основном свиней по причине лесного расположения поселения. Меньше было крупного и особенно мелкого рогатого скота. Нужно отметить достаточно развитое коневодство. Весьма возможно, что здесь уже были разные породы домашних коней, включая специализированные верховые.

Лесное расположение поселений обусловило и значительное развитие охоты. В основном охотились на копытных с целью получения мяса. Хотя прослеживается и пушное направление. Основной охотничьей добычей здесь был кабан. Значительная часть косули обычной, которой было намного больше, чем оленя обычного и лося, невзирая на большие леса, может указывать на какую-то специализацию в охоте. Костей от степных животных здесь нет.

На поселении Киселевка II животноводство, основой которого было скотоводство и свиноводство, преобладало над охотой. И также имело развитую кормовую базу. Здесь, в отличие от Бужанки I, много внимания уделяли разведению и МРС. Относительно коневодства, то создается впечатление, что этих животных берегли как упряжных и тягловых, в еду употребляли в крайних случаях, и то только взрослых или даже старых животных.

В охоте, как и на Бужанке I, преимущественно охотились на кабанов. Но на Киселевке II, очевидно, больше внимания уделялось меховому направлению, чем на Бужанке. Возможно, разное соотношение между млекопитающими в охотничьей добыче, в частности, значительная часть лося на Киселевке II по сравнению с Бужанкой, указывает на различия в ландшафтах около них в те времена.

Литература:

- Арсеньев В.К. В делях Уссурийского края. — М.: Мысль, 1987. — 490 с.
- Браунер А. Материалы к познанию домашних животных России. 1. Лошадь курганских погребений Тираспольского уезда Херсонской губ. *Equus goschkewitschi mihl* // Зап. Импер. Об-ва Сель. Хоз. Юж. России. — Одесса: Типогр. Южно-Рус. Об-ва Печатн. дела, 1916. — 86. — Кн. 1. — С. 49—184.
- Витт В.О. Лошади пазырыкских курганов // СА. — 1952. — XVI. — С. 163—205.
- Громова В.И. Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Определитель по крупным трубчатым костям (с альбомом рисунков) // Тр. Комиссии по изуч. четвертич. периода. — М.: АН ССР, 1950. — IX. — Вып. 1. — 116 с.

- Громова В.И.* Остеологические отличия родов *Capra* (козлы) и *Ovis* (бараны). Руководство для определения ископаемых остатков // Тр. Комиссии по изуч. четвертич. периода. — М.: АН ССР, 1953. — X. — Вып. 1. — 124 с.
- Громова В.И.* Определитель млекопитающих СССР по костям скелета. Определитель по крупным костям заплюсны // Тр. Комиссии по изуч. четвертич. периода. — М.: АН ССР, 1960. — XVI. — Вып. 2. — 107 с.
- Дмитриев Н.Г.* Породы скота по странам мира. — Л.: Колос, 1978. — 332 с.
- Жизнь животных.* Млекопитающие, или звери. — М.: Просвещение, 1971. — Т. 6. — 628 с.
- Журавлев О.П.* О методике полевых определений костей скелета домашних овец и коз из археологических памятников // Новые методы археологических исследований. — К.: Наук. Думка, 1982. — С. 205—216.
- Журавлев О.П.* Животноводство и охота у племен эпохи бронзы на территории Северного Причерноморья и Приазовья // Древнейшие общности земледельцев и скотоводов Северного Причерноморья (V тыс. до н. э. — V в. н. э.). — К., 1991. — С. 137—138.
- Журавльов О.П.* Дрібна рогата худоба Ольвії // Стародавнє виробництво на території України. — К.: Наук. думка, 1992. — С. 154—179.
- Журавльов О.П.* Остеологічні матеріали з поселення Олександрівка I. Додаток // *Терпиловський Р.В., Шекун О.В.* Олександрівка I — багатопарове ранньослов'янське поселення біля Чернігова. — Чернігів: Сіверянська думка, 1996. — С. 103—125.
- Лакін Г.Ф.* Биометрия. — М.: Высшая школа, 1973 — 344 с.
- Топачевський В.О.* Фауна Ольвії // Зб. праць Зоол. музею. — К., 1956. — № 27. — С. 63—129.
- Цалкин В.И.* Домашние и дикие животные Северного Причерноморья в эпоху раннего железа // МИА. — 1960. — № 53. — С. 7—109.
- Цалкин В.И.* Древнее животноводство племен Восточной Европы и Средней Азии // МИА. — 1966. — № 135. — 158 с.
- Boessneck J., Müller H.-H., Teichert M.* Osteologische Unterscheidungsmerkmale zwischen Schaf (*Ovis aries* Linne) und Zige (*Capra hircus* Linne) // Kuhn-Archiv. — 1964. — Bd. 78. — H. 1—2. — 125 S.
- Duerst U.* Vergleichende Untersuchungsmethoden am Skelett bei Säugern // Methoden der vergl. morf. — Berlin; Wien, 1930 — Forschung 1. — 530 S.
- Kratochvil Z.* Species criteria on the distal section of the Tibia in *Ovis ammon* F. *aries* L. and *Capra aegagrus* F. *hircus* L. // Acta veterinaria. — Brno, 1969. — 38. — P. 483—490.
- Schramm Z.* Różnice morfologiczne niektórych kości kozy i owcy // Roczniki Wyzszej Szkoły w Poznaniu. — Poznan, 1967. — XXXVI. — S. 107—133.

Таблица III.1. Перечень находок костей животных с городища юхновской культуры Бужанка I.

Признак	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашняя	Овца и коза	Свинья домашняя	Конь домашний	Собака домашняя
1. Части скелета							
Роговые стержни самки	1						
Мозговые части черепа	14				12		
Лицевые части черепа	10			5	13	4	
Зубы верхние	9			4	5		2
Нижние челюсти	33			7	14	5	
Зубы нижние	8			4	3	2 ¹	
Позвонки	28			3	3	5	1
Ребра	53			8	13	11	2
Грудина	1						
Лопатка	31			6	7	2	
Плечевая	15 (1) ²			10	9 (1)	1	1 (1)
Лучевая + локтевая	12 (1)	1		7 (1)	12 (1)	2 (1)	2
Пястная	5		1 (1)	1		1	
Тазовая	3	1		1	2	6	
Бедренная	7 (3)			7 (3)		4 (1)	
Большеберцовая	16 (1)	1		7 (1)	6 (2)	2 (1)	
Малоберцовая					4		
Таранная	3				2	1	1
Пяточная	2				4 (2)		
Надколенный	1					1	
Грифельная						3	
Остальные суставные	9			2		8	
Плосневая	7			4 (1)	4 (2)	2	1
Метаподии	1 (1)				5 (3)	3 (1)	
I фаланга	9	1			1	3	
II фаланга	5				1	1	
III фаланга	2				1	1	
Итого ³	285	4	1	78	120	71	10
2. Число особей							
Молодые	3			3	4	2	1
Полувзрослые	1		1	1		2	2
Взрослые	5	1			6	3	
Итого	9	1	1	4	10	7	3

Окончание табл. III.2.

Признак	Кости		Особи	
	Абс.	%	Абс.	%
	1. Домашние			
Коза домашняя (<i>Capra hircus</i> L.)	1	0,2	1	3
Овца и коза	78	14	4	11
Свинья домашняя (<i>Sus domestica</i> Gray)	120	21	10	28
Конь домашний (<i>Equus caballus</i> L.)	71	12	7	20
Собака домашняя (<i>Canis familiaris</i> L.)	10	2	3	9
Итого	569	100	35	100
	2. Дикие			
Заяц русак (<i>Lepus europaeus</i> Pallas)	2	0,5	1	3
Бобр речной (<i>Castor fiber</i> L.)	8	2	3	9
Лисица обыкновенная (<i>Vulpes vulpes</i> L.)	4	1,5	1	3
Медведь бурый (<i>Ursus arctos</i> L.)	2	0,5	1	3
Барук (<i>Meles meles</i> L.)	2	0,5	1	3
Кабан (<i>Sus scrofa</i> L.)	77	28	13	38
Олень обыкновенный (<i>Cervus elaphus</i> L.)	46	16	3	9
Косуля обыкновенная (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	126	45	8	23
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	10	3	1	3
Олень северный (<i>Rangifer tarandus</i> L.)	7	2	2	6
Итого	275	100	34	100
	3. Соотношение между домашними и дикими			
Домашние	569	67	35	51
Дикие	275	33	34	49
Итого	844	100	69	100

Таблица III.3. Изменчивость костей млекопитающих с поселения юхновской культуры Бужанка I.

Признак: мм, %	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашняя	Свинья домашняя	Конь домашний	Собака домашняя
1. Длина R ²					1 (—) 38,00 ¹	
2. Ширина R ²					1 (—) 25,00	
3. Длина протокона R ²					1 (—) 8,50	
4. Отношение 3 к 1					1 (—) 22,50	
5. Длина M ³	2 (29—30) 29,50					
6. Ширина M ³	2 (20—22,5) 21,25					
7. Высота сзиди M ₃ нижней челюсти						
8. Альвеолярная длина (далее — АД) M ₁ —M ₃						1 (—) 21,50
9. Длина M ₃	2 (35—39,5) 37,25					1 (—) 32,00
10. Ширина M ₃	3 (15—18) 16,33					
11. Малый диаметр (далее — МД) суставной западины (далее — СЗ) лопатки	3 (37—46,5) 43,33					
12. Ширина шейки (далее — ПШ) ее					1 (—) 42,00	
13. Ширина нижнего конца (далее — ШНК) плечевой	2 (70—71) 70,50			4 (24—28,5) 26,50 ± 2,12	1 (—) 66,00	
14. Ширина блока (далее — ШБЛ) ее	2 (64—65) 64,50			1 (—) 36,00	1 (—) 69,00	
15. Медиальная высота блока (далее — МВБЛ) ее	2 (38—40) 39,00			1 (—) 30,50	1 (—) 49,50	
16. Наименьшая высота посередине блока (далее — НВБЛ) ее	2 (27,5—28) 27,75			1 (—) 19,50	1 (—) 36,00	
17. Соотношение 15 к 14	2 (58,5—62,5) 60,50			1 (—) 84,50	1 (—) 71,50	
18. Соотношение 16 до 14	2 (43—43) 43,00			1 (—) 54,00	1 (—) 52,00	
19. Ширина верхнего конца (далее — ШВК) лучевой		1 (—) 26,50		2 (27,5—32) 29,75		
20. Ширина верхней суставной поверхности (далее — ВСП) ее		1 (—) 24,50				
21. Медиальный поперечник (далее — МП) ВСП ее	2 (31,5—36) 33,75	1 (—) 13,50		2 (19—21,5) 20,25		
22. Латеральный поперечник (далее — ЛП) ВСП ее	2 (21,5—22) 21,75	1 (—) 12,00				
23. Ширина диафиза (далее — ШД) ее	1 (—) 35,00	1 (—) 14,50		2 (15,5—17) 16,25		

Признак: мм, %	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашняя	Свинья домашняя	Конь домашний	Собака домашняя
24. Поперечник диафрнза (далее — ПД) ее				2 (10,5—13) 11,75		
25. Соотношение 21 к 19				2 (67—69) 68,00		
26. Соотношение 21 к 20	1 (—) 69,00	1 (—) 55,00				
27. Соотношение 22 к 21		1 (—) 89,00				
28. Соотношение 24 к 23						
29. Поперечник на уровне (далее — ПНУ) венечный отросток (далее — ВО) локтевой	2 (56—61) 58,50			2 (67,5—76,5) 72,00		
30. ШВК пястной	2 (49—57,5) 53,25		1 (—) 21,00		1 (—) 52,00 ²	
31. Поперечник верхнего конца (далее — ПВК) ее	2 (29—36) 32,50		1 (—) 15,00		1 (—) 35,00	
32. ПД ее	3 (28,5—36,5) 31,67		1 (—) 14,50		1 (—) 35,00	
33. ПД ее	1 (—) 19,50		1 (—) 9,50			
34. ШНК ее	1 (—) 52,00					
35. Соотношение 31 к 30	2 (59—62,5) 60,75		1 (—) 71,50		1 (—) 67,50	
36. Соотношение 33 к 32	1 (—) 65,00		1 (—) 35,50			
37. Длина кульповой загладины (далее — КЗ) газа	1 (—) 63,50	1 (—) 27,50		1 (—) 37,50	1 (—) 63,50	
38. Ширина КЗ его	1 (—) 55,00	1 (—) 26,00		1 (—) 35,50		
39. ПД большеберцовой	1 (—) 35,00			1 (—) 21,00		
40. ШНК ее	1 (—) 54,00			1 (—) 31,00		
41. Поперечник нижнего конца (далее — ПНК) ее	3 (46—49) 47,17			1 (—) 27,50		
42. Соотношение 41 к 40	1 (—) 90,50			1 (—) 88,50		
43. Внешняя длина (далее — ВДЛ) таранной	3 (60—65) 62,83					
44. Внутренняя длина (далее — ВНДЛ) ее	3 (56—59) 57,50				1 (—) 55,00	
45. ШВК ее	2 (38,5—41,5) 40,50					
46. ШНК ее	3 (39,5—41,5) 40,67					
47. Соотношение 46 к 43	3 (62—68,5) 64,83				1 (—) 47,50	

48. Соотношение 46 к 44 пяточной					1 (—) 86,50	1 (—) 44,50
49. Полная длина (далее — ПДЛ)						
50. Ширина на уровне (далее — ШНУ) ВО ее						1 (—) 16,50
51. ПНУ ВО ее	1 (—) 42,50					1 (—) 18,00
52. Ширина центральной	1 (—) 52,50					
53. Поперечник ее	1 (—) 52,50					
54. ПД плюсовой	2 (21,5—24) 22,75					
55. ПД ее	2 (20—21) 20,50					
56. ПНК ее	2 (47—50) 48,50					
57. ПНК ее	2 (26—28) 27,00					
58. Соотношение 55 к 54	2 (87,5—93) 90,25					
59. Соотношение 57 к 56	2 (55,5—56) 55,75					
60. Индекс медиальных валков (далее — ИНДМВ) ее	2 (77—77) 77,00					
61. Индекс латеральных валков (далее — ИНДЛВ) ее	2 (71—72,5) 71,25					
62. ПДЛ I фаланги (у коня — передней)	6 (53,5—61,5) 56,92 ± 1,34	1 (—) 38,00			1 (—) 36,00	2 (82—82,5) 82,25 ³
63. Длина по средней линии (далее — ДСРЛ) ее	6 (44,5—53) 48,25 ± 1,35	1 (—) 33,50			1 (—) 32,00	2 (72—72,5) 72,25
64. ШВК ее	8 (22—32) 27,44 ± 1,47	1 (—) 12,50			1 (—) 24,00	2 (21—52) 51,50
65. ПВК ее	6 (26—35) 31,58 ± 1,30	1 (—) 15,50			1 (—) 25,00	2 (34—36) 35,00
66. ПД ее	8 (19,5—27) 23,31 ± 1,18	1 (—) 10,50			1 (—) 10,50	2 (30—32,5) 31,25
67. ПД ее	9 (14—20) 17,06 ± 0,73	1 (—) 8,00			1 (—) 7,50	2 (18,5—19) 18,75
68. ПНК (у коня — ШБЛ) ее	6 (23—30,5) 25,67 ± 1,32	1 (—) 12,50			1 (—) 13,00	2 (41—42) 41,50
69. ПНК (у коня — поперечник нижнего суставного блока) ее	5 (17,5—23,5) 19,60 ± 1,19	1 (—) 10,50			1 (—) 13,00	2 (23,5—24,5) 24,00
70. Соотношение 54 к 52	6 (41—52) 45,92 ± 2,12	1 (—) 33,50			1 (—) 66,50	2 (62—63) 62,50
71. Соотношение 56 к 52	6 (35,5—44) 39,17 ± 1,38	1 (—) 27,00			1 (—) 29,00	2 (36,5—39,5) 38,00
72. Соотношение 58 к 52	6 (42—49,5) 45,00 ± 1,47	1 (—) 33,00			1 (—) 36,00	2 (49,5—51) 50,25
73. Соотношение 55 к 54	6 (109,5—121,5) 114,92 ± 2,34	1 (—) 124,00			1 (—) 104,00	2 (66,5—69) 67,75
74. Соотношение 57 к 56	8 (71,5—77,5) 73,56 ± 0,87	1 (—) 76,00			1 (—) 71,50	2 (58,5—61,5) 60,00
75. Соотношение 59 к 58	5 (71,5—77) 75,40 ± 1,11	1 (—) 84,00				2 (57,5—58,5) 58,00
76. ПДЛ II фаланги (у коня — передней)	4 (33,5—46) 41,25				1 (—) 18,50	2 (45—46,5) 45,75
77. ДСРЛ ее	5 (31—41,5) 36,30 ± 2,20				1 (—) 17,50	3 (40—43) 41,50
78. ШВК ее	5 (25—32) 28,60 ± 1,47				1 (—) 10,50	3 (48,5—50) 49,33

Признак: мм, %	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашняя	Свинья домашняя	Конь домашний	Собака домашняя
79. ПVK ee	4 (26—35) 31,50 ± 2,42			1 (—) 12,00	3 (29,5—31) 30,17	
80. ПД ee	5 (19—26) 22,50 ± 1,54			1 (—) 8,50	3 (40—43,5) 41,83	
81. ПД ee	5 (17,5—23) 20,40 ± 1,24			1 (—) 8,50	2 (21—24,5) 21,25	
82. ПНК ee	5 (19,5—26,5) 23,10 ± 1,51			1 (—) 9,50	2 (47,5—48) 47,75	
83. ПНК ee	5 (21,5—28,5) 26,50 ± 1,48			1 (—) 10,00	2 (24—25,5) 24,75	
84. Соотношение 78 к 76	4 (68—74,5) 70,75 ± 1,32			1 (—) 57,00	2 (106,5—111) 108,75	
85. Соотношение 80 к 76	4 (50,5—58) 55,375 ± 1,92			1 (—) 46,00	2 (93,5—93,5) 93,50	
86. Соотношение 82 к 76	4 (53—59) 56,875 ± 1,53			1 (—) 51,50	2 (103—105,5) 104,25	
87. Соотношение 79 к 78	4 (104—113) 108,00 ± 2,16			1 (—) 114,50	3 (59—62,5) 61,17	
88. Соотношение 81 к 80	5 (88,5—93) 90,80 ± 0,88			1 (—) 100,00	2 (48,5—50) 49,75	
89. Соотношение 83 к 82	5 (107,5—114) 111,00 ± 1,37			1 (—) 57,00	2 (50,5—53) 51,75	
90. Длина переднего края (далее — ДПКР) III фаланги (у коня — передней)	2 (41—47) 44,00					
91. Подопынная длина ee	1 (—) 53,00					
92. Высота ee	2 (29—30) 29,50					
93. Соотношение 92 к 90	2 (64—70,5) 67,25				1 (—) 23,00	

1. Тут и далее приводятся: количество измерений (пределы изменчивости) среднее арифметическое ± его ошибка.
2. Эта кость имеет «рабочую» патологию, т. е. животное очень долго таскало какие-то грузы (телеги? плуги?).
3. Обе от тонконогих коней по градации В.А. Топачевского (Топачевский, 1956, с. 68—69).

Признак: мм, %	Зяц русак	Бобр речной	Лисна обыкновенная	Медведь бурый	Барсук	Кабан
1. Длина диафемы нижней челюсти		1 (—) 23,50				
2. Толщина диафемы ee		1 (—) 12,50				

Приложение III

Продолжение табл. III.3.

Признак: мм, %	Заяц русак	Бобр речной	Лисица обыкновенная	Медведь бурый	Барсук	Кабан
44. ДСРЛ ее						5 (88,5—49) 44,50 ± 2,25
45. ШВК ее						5 (21,5—26,5) 22,90 ± 1,05
46. ШВК ее						5 (22,5—27,5) 24,20 ± 1,19
47. ПД ее						5 (16—17) 16,20 ± 0,38
48. ПД ее						5 (12—14) 12,60 ± 0,41
49. ШНК ее						5 (19—21) 20,10 ± 0,37
50. ПНК ее						5 (13,5—15,5) 14,30 ± 0,38
51. Соотношение 45 к 43						5 (41—57,5) 46,30 ± 3,66
52. Соотношение 47 к 43						5 (31—37) 33,70 ± 1,32
53. Соотношение 49 к 43						5 (37,5—46) 40,40 ± 1,74
54. Соотношение 46 к 45						5 (104—111) 105,70 ± 1,49
55. Соотношение 48 к 47						5 (67,5—78) 73,50 ± 2,02
56. Соотношение 50 к 49						5 (67,5—74) 71,10 ± 1,34
57. ПДЛ II фаланги						3 (32—35) 33,67
58. ДСРЛ ее						3 (29—32) 30,67
59. ШВК ее						3 (19—21,5) 20,67
60. ШВК ее						3 (21,5—23,5) 22,00
61. ПД ее						3 (3 (15—16,5) 15,83
62. ПД ее						3 (12—15) 13,50
63. ШНК ее						3 (17—19,5) 18,50
64. ПНК ее						3 (17—20) 18,50
65. Соотношение 59 к 57						3 (59,5—63) 61,33
66. Соотношение 61 к 57						3 (45,5—48,5) 47,00
67. Соотношение 63 к 57						3 (53—56) 54,83
68. Соотношение 60 к 50						3 (100—110,5) 106,67
69. Соотношение 62 к 61						3 (80—91) 85,17
70. Соотношение 64 к 63						3 (95—105,5) 100,33
71. ДНКР III фаланги						1 (—) 39,00
72. Подпывенная длина ее						1 (—) 40,00
73. Высота ее						1 (—) 23,50
74. Соотношение 73 к 71						1 (—) 60,50
75. Высота в холке, см						2 (88,5—95,5) 92,00

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Олень обыкновенный	Косуля обыкновенная	Лось	Олень северный
1. М ₁ —М ₃ нижней челюсти				
2. Длина М ₃		1 (—) 41,50		
3. Ширина М ₃		3 (15—16) 15,67		
4. Длина венгальной дуги атланта		3 (9,5—9,5) 8,83		
5. Ширина венгальной дуги его		1 (—) 21,50		
6. Соотношение 4 к 5		1 (—) 19,50		
7. ПНК лопатки		1 (—) 123,00		
8. ВД СЗ ее		3 (29—30) 29,67		
9. МД СЗ лопатки		3 (22—23,5) 29,50		
10. Расстояние от начала гребня до СЗ ее		4 (20,5—23) 21,75 ± 0,60		
11. ПШ ее		4 (19,5—21,5) 20,875 ± 0,55		
12. Соотношение 9 к 7		4 (15—18,5) 17,50 ± 0,97		
13. Соотношение 9 к 8		3 (70,5—76,5) 72,83		
14. Соотношение 10 к 11		3 (86—98) 92,33		
15. Соотношение 11 к 10		3 (1,14—1,19) 1,163		
16. ПНК плечевой		3 (83,5—88) 85,83		
17. ПБЛ ее		3 (27,5—30) 29,67		
18. МВБЛ ее		3 (26—28) 27,33		
19. НВБЛ ее		3 (20,5—21,5) 20,83		
20. Соотношение 18 к 17		4 (14,5—17) 16,375 ± 0,43		
21. Соотношение 19 к 17		3 (73—79) 76,33		
22. ПБК лучевой		3 (57—60,5) 59,00		
23. Ширина ВСП ее		3 (27,5—28,5) 28,17		
24. МП ВСП ее		3 (26,5—28) 27,16		
25. ЛП ВСП ее		4 (16,5—17,5) 16,675 ± 0,14		
26. ПД ее		3 (11,5—13) 12,50		
27. Соотношение 24 к 23		1 (—) 17,00		
28. Соотношение 25 к 24		3 (59—62,5) 60,83		
29. ПНУ ВО локтевой		3 (69,5—79) 75,83		
30. ПБК пястной		1 (—) 23,50		
31. ПБК ее		3 (22—23,5) 22,83		1 (—) 36,00
32. ПД ее		4 (18—19,5) 18,625 ± 0,43		1 (—) 27,50
33. ПД ее		5 (13,5—15) 14,20 ± 0,38		1 (—) 23,00
34. ПНК ее		3 (10—12) 10,67		
35. ПНК ее		2 (24—24) 24,00		
		2 (15,5—16) 15,75		

Приложение III

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Олень обыкновенный	Косуля обыкновенная	Лось	Олень северный
36. Соотношение 31 к 30		3 (82—83) 82,50		1 (—) 76,50
37. Соотношение 33 к 32		3 (66,5—80) 72,67		
38. Соотношение 35 к 34		2 (64,5—66,5) 65,50		
39. ИНДМВ ее		2 (74—75) 74,50		
40. ИНДЛВ ее		3 (68,5—75) 72,50		
41. Длина КЗ таза		2 (30,5—33,5) 32,00		
42. Ширина КЗ его		2 (25,5—29) 27,25		
43. ШВК большеберцовой		1 (—) 46,00		
44. ПД ее		1 (—) 16,00		
45. ШНК ее		4 (28,5—30,5) 29,375 ± 0,76		
46. ПНК ее		4 (22—24) 22,75 ± 0,50		1 (—) 36,00
47. Соотношение 46 к 45		4 (72—80,5) 77,50 ± 2,17		
48. ВДЛ таранной	1 (—) 55,50	1 (—) 32,00		
49. ВНДЛ ее	1 (—) 53,50	1 (—) 31,00		
50. ШВК ее	1 (—) 35,00	1 (—) 21,50		
51. ШНК ее	1 (—) 35,00	1 (—) 19,50		
52. Соотношение 51 к 48	1 (—) 63,00	1 (—) 61,00		
53. ПДЛ пяточной		3 (68—70) 69,00		
54. ШНУ ВО ее		3 (19,5—21) 20,17		
55. ПНУ ВО ее		4 (21,5—24) 22,75 ± 0,60		1 (—) 37,50
56. Ширина центральной	1 (—) 46,00	1 (—) 24,50		1 (—) 32,50
57. Поперечник ее	1 (—) 41,00	1 (—) 21,00		
58. ПД плюсовой		1 (—) 14,00		
59. ПД ее		1 (—) 12,50		
60. ШНК ее		1 (—) 26,00		
61. ПНК ее		1 (—) 18,00		
62. Соотношение 59 к 58		1 (—) 89,50		
63. Соотношение 61 к 60		1 (—) 49,00		
64. ИНМВ ее		1 (—) 79,00		
65. ИНДЛВ ее		1 (—) 69,50		
66. ПДЛ I фаланги		5 (39,5—50,5) 44,60 ± 1,97		
67. ДСРЛ ее		5 (36—46) 40,70 ± 1,72		
68. ШВК ее		5 (11,5—13,5) 12,40 ± 0,37		
69. ШВК ее		5 (14,5—17,5) 16,80 ± 0,65		
70. ПД ее		5 (7,5—10) 8,90 ± 0,48		

71. ПД ee	6 (7,5—9) 8,50 ± 0,32			
72. ШНК ee	6 (10—12) 11,00 ± 0,42			
73. ШНК ee	6 (8,5—10) 9,50 ± 0,39			
74. Соотношение 68 к 66	5 (26,5—28,5) 27,80 ± 0,52			
75. Соотношение 70 к 66	5 (19—21,5) 20,00 ± 0,47			
76. Соотношение 72 к 66	5 (23—26,5) 25,30 ± 0,68			
77. Соотношение 69 к 68	5 (126—141,5) 135,40 ± 3,56			
78. Соотношение 71 к 70	5 (90—100) 96,90 ± 2,27			
79. Соотношение 73 к 72	6 (83,5—91) 86,42 ± 1,31			
80. ПДЛ II фаланги	4 (29—32) 30,125 ± 0,83			
81. ДСРЛ ee	4 (27,5—31) 28,75 ± 0,78			
82. ШВК ee	4 (9,5—12) 10,875 ± 0,60		1 (—) 29,50	1 (—) 37,00
83. ШВК ee	4 (12—15,5) 14,375 ± 0,92		1 (—) 38,00	1 (—) 18,00
84. ШД ee	4 (6,5—8,5) 7,375 ± 0,49			
85. ПД ee	4 (8,5—10,5) 9,875 ± 0,55			
86. ШНК ee	4 (7—9,5) 8,375 ± 0,60			
87. ШНК ee	4 (10—13,5) 12,375 ± 0,92			
88. Соотношение 82 к 80	4 (33—38) 36,125 ± 1,30			
89. Соотношение 84 к 80	4 (22,5—26,5) 24,50 ± 1,18			
90. Соотношение 86 к 80	4 (24—29,5) 27,75 ± 1,50			
91. Соотношение 83 к 82	4 (126,5—136,5) 132,125 ± 2,98			
92. Соотношение 85 к 84	4 (123,5—143) 134,375 ± 5,12			
93. Соотношение 87 к 86	4 (142—153) 147,75 ± 3,51			

Таблица III.4. Критерии оценки t признаков костей быка домашнего с городища юхновской культуры Бужанка I.

Признак	Александровка I, киевская культура ¹	
1. ПДЛ I фаланги ²	-1,86	
2. ДСРЛ ee	-0,52	
3. ШВК ee	-2,37	
4. ШВК ee	-0,85	
5. ШД ee	-0,85	
6. ПД ee	-5,82	
7. ШНК ee	-0,75	
8. ШНК ee	-0,33	
9. Соотношение 3 к 1	-1,80	
10. Соотношение 5 к 1	-1,80	
11. Соотношение 7 к 1	-1,00	

Приложение III

Признак	Александровка I, киевская культура ⁹
12. Соотношение 4 к 3	-0,22
13. Соотношение 6 к 5	+0,20
14. Соотношение 8 к 7	-0,79
15. ПДЛ П фаланги	+0,82
16. ДСРЛ ee	+0,82
17. ШВК ee	-0,17
18. ПВК ee	
19. ШД ee	
20. ПД ee	
21. ШНК ee	-0,51
22. ПНК ee	-1,52
23. Соотношение 17 к 15	
24. Соотношение 19 к 15	
25. Соотношение 21 к 15	
26. Соотношение 18 к 17	
27. Соотношение 20 к 19	
28. Соотношение 22 к 21	-1,67

1. Сравнения проведены по данным, опубликованными в статье О.П. Журавлева (Журавльов, 1996, с. 112—122, табл. 2).

2. Сокращения в табл. III.4—7 те же, что и в табл. III.3.

Таблица III.5. Критерий оценки t признаков костей свиньи домашней с городища юхновской культуры Бужанка I

Признак	
1. ПНУ ВО локтевой	

Таблица III.6. Критерий оценки t признаков костей кабана с городища юхновской культуры Бужанка I.

Признак	
1. ШНК большеберцовой	

		<p>2. ПНК ее 3. Соотношение 2 к 1 4. ПДЛ I фаланги 5. ДСРЛ ее 6. ШВК ее 7. ПВК ее 8. ШД ее 9. ПД ее 10. ПНК ее 11. ПНК ее 12. Соотношение 6 к 4 13. Соотношение 8 к 4 14. Соотношение 10 к 4 15. Соотношение 7 к 6 16. Соотношение 9 к 8 17. Соотношение 11 к 10</p>
--	--	---

Таблица III.7. Критерий оценки t признаков костей кошули обыкновенной с городища юхновской культуры Бужанка I.

Признак		
<p>1. МД СЗ лопатки 2. Расстояние от СЗ до начала гребня ее 3. ППШ ее 4. Соотношение 2 к 3 5. Соотношение 3 к 2 6. НВБЛ плечевой 7. МП ВСП лучевой 8. ПВК пястной 9. ШД ее 10. ПНК большеберцовой 11. ПНК ее 12. Соотношение 11 к 10 13. ПНУ ВО пяточной 14. ПДЛ I фаланги 15. ДСРЛ ее</p>		

Окончание табл. III.7.

Признак		
16. ШВК` ee 17. ПВК` ee 18. ШД` ee 19. ПД` ee 20. ШНК` ee 21. ПНК` ee 22. Соотношение 16 к 14 23. Соотношение 18 к 14 24. Соотношение 20 к 14 25. Соотношение 17 к 16 26. Соотношение 19 к 18 27. Соотношение 21 к 20 28. ПДЛ II фаланги 29. ДСРД` ee 30. ШВК` ee 31. ПВК` ee 32. ШД` ee 33. ПД` ee 34. ШНК` ee 35. ПНК` ee 36. Соотношение 30 к 28 37. Соотношение 32 к 28 38. Соотношение 34 к 28 39. Соотношение 31 к 30 40. Соотношение 33 к 32 41. Соотношение 35 к 34		

Таблица III.9. Перечень находок костей животных с территории юхновской культуры Киселевка II.

Признак	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашний	Овца и коза	Сви-ня домашняя	Конь домашний	Осел домашний	Собака домашняя	Заяц русак	Бобр речной	Кабан	Олень обичный	Косуля обичная	Лось
1. Часть скелета														
Роговые стержни вола	1													
Роговые стержни самца	2	1												
Роговые стержни самки	7													
Мозговые части черепа	3				1	1				2	1			2
Лицевые части черепа	3			2	4	8		1		1	1			1
Зубы верхние	6			4	7	22		2		1	7	1		1
Нижние челюсти	3			3	2	12 ¹				1		1		
Зубы нижние	13			16	1						2			16
Позвонки	17			19	1			1	1	1		4		10
Ребра	5	1		2	25			1	1	2			7	
Лопатка	8(1)	4		8	3			2(2)		4(1)	2			2
Плечевая	2	2		6	11(4)	1					5			
Лучевая + локтевая	2	2		1	1(1)						2			9
Пястная	1	2	1	1	2	5				2	2	1		1
Тазовая	2	2		3	2(1)					5				2
Бедро	4	1	8	2	1									
Большеберцовая	1	1		2	1						1			1
Малоберцовая	1	1		2	2						1			1
Таранная	1	2		1(1)	1(1)									
Пяточная	1			3										
Центральная	1			1										
Надколенный														
Грифельная	1			2										
Другие суставные	6	1		2										
Плюсовая	1			1	2(1)								2	3
Метопдии	2(1)	4			3(1)						1			
I фаланга	3	1			1(1)									
II фаланга	1			1										
III фаланга	96	24	1	82	75	55	1	8	2	18	26	9		53
Итого ³														

Признак	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашний	Овца и коза	Свинья домашняя	Конь домашний	Осел домашний	Собака домашняя	Заяц русак	Бобр речной	Кабан	Олень обыкновенный	Косуля обыкновенная	Лось
2. Число особей														
Молодые	1			2	6			1		1				
Полувзрослые				1	1			1						
Взрослые	8	3	1		2	3	1	2	1	3	5	1	2	3
Итого	9	3	1	3	9	3	1	4	1	4	5	1	2	3
3. Состояние зубного ряда нижних челюстей														
M ₁ еще нет					1									
M ₂ еще нет					3									
M ₃ прорезаются				1							1			
M ₃ есть	1			2		2		2		1	1			
Все постоянные				1		1				1	1			
Итого	1			4	4	3		1		1	2			

1. Из них 1 клык.

2. В скобках тут и далее приведено количество костей, у которых еще не приросли эпифизы.

3. Кроме того, найдено кости: 2 сома, 2 карповых рыб, 3 птицы, 1 плечевая и 1 большеберцовая кости грызуна (вид?), 19 человека, не определено 503 фрагмента костей млекопитающих.

Таблица III.9. Соотношение между млекопитающими с городища юхновской культуры Киселевка П.

Признак	Кости		Особи	
	Абс.	%	Абс.	%
1. Домашние				
Бык домашний (<i>Bos taurus</i> L.)	96	28	9	27,5
Овца домашняя (<i>Ovis aries</i> L.)	24	7	3	9
Коза домашняя (<i>Capra hircus</i> L.)	1	0,5	1	3
Овца и коза	82	24	3	9

Свинья домашняя (<i>Sus domestica</i> Gray)	75	22	9	27,5
Козь домашний (<i>Equus caballus</i> L.)	55	16	3	9
Осел домашний (<i>Asinus domesticus</i> L.)	1	0,5	1	3
Собака домашняя (<i>Canis familiaris</i> L.)	8	2	4	12
И т о г о	342	100,0	33	100,0
2. Дикие				
Заяц русак (<i>Lepus europaeus</i> Pallas)	2	2	1	6,25
Бобр речной (<i>Castor fiber</i> L.)	18	15	4	25,00
Кабан (<i>Sus scrofa</i> L.)	26	22	5	31,25
Олень обыкновенный (<i>Cervus elaphus</i> L.)	9	8	1	6,25
Косуля обыкновенная (<i>Capreolus capreolus</i> L.)	9	8	2	12,5
Лось (<i>Alces alces</i> L.)	53	45	3	18,75
И т о г о	117	100,0	16	100,0
3. Соотношение между домашними и дикими				
Домашние	342	75	33	67
Дикие	117	25	16	33
И т о г о	459	100,0	49	100,0

Таблица III.10. Изменчивость костей млекопитающих с городища юхновской культуры Киселевка II.

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашняя	Свинья домашняя	Козь домашний	Осел домашний
1. Длина М ³				1 (—) 20,00	1 (—) 29,50 ¹	
2. Ширина М ³					1 (—) 24,00	
3. Длина протокона М ³					1 (—) 15,50	
4. Соотношение 3 к 1					1 (—) 52,50	
5. АД зубного ряда нижней челюсти					1 (—) 176,00	
6. АД предкоренных ее					1 (—) 98,00	
7. АД коренных ее	1 (—) 77,00				1 (—) 86,00	
8. Длина Р ₂					2 (33,5—34) 33,75	
9. Ширина Р ₂					2 (17,5—18,5) 18,00	
10. Длина Р ₃					1 (—) 29,00	
11. Ширина Р ₃					1 (—) 19,50	
12. Длина Р ₄					1 (—) 27,00	
13. Ширина Р ₄					1 (—) 19,50	

Приложение III

Продолжение табл. III.10.

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашняя	Свинья домашняя	Конь домашний	Оседломашинный
14. Длина М ₁					1 (—) 26,00	
15. Ширина М ₁					1 (—) 17,50	
16. Длина М ₂					1 (—) 25,00	
17. Ширина М ₂					1 (—) 17,50	
18. Длина М ₃	1 (—) 31,00				1 (—) 32,00	
19. Ширина М ₃	1 (—) 13,00				1 (—) 13,50	
20. ПНК лопатки		1 (—) 32,00				
21. ВД СЗ ее		1 (—) 25,00				
22. МД СЗ ее		1 (—) 20,00				
23. Расстояние от СЗ до начала гребня ее		1 (—) 19,50				
24. Ширина шейки (далее — ПШ) ее		1 (—) 19,50				
25. Соотношение 22 к 20		1 (—) 57,50				
33. Соотношение 22 к 21		1 (—) 80,00				
34. Соотношение 23 к 24		1 (—) 1,00				
35. Соотношение 24 к 23		1 (—) 100,00				
36. Физиологическая длина плечевой		1 (—) 147,50				
37. ПВК ее		2 (35—40) 37,50				
38. ПНК ее		2 (27,5—30) 28,75				
39. ШБЛ ее		2 (25,5—28) 26,75				
40. МВБЛ ее		2 (17,5—19) 18,25				
41. НВБЛ ее		2 (13,5—14) 13,75				
42. Соотношение 40 к 39		2 (68,8—69) 68,75				
43. Соотношение 40 к 39		2 (50—53) 51,50				
44. ПДЛ предплечья		1 (—) 174,00				
45. ПДЛ лучевой		1 (—) 141,00				
46. ПВК ее		1 (—) 28,00		2 (30—30) 30,00		
47. Ширина ВСП ее		1 (—) 25,50				
48. МП ВСП ее		1 (—) 14,50		2 (19—22) 20,50		
49. ЛП ВСП ее		1 (—) 11,00				
50. ПД ее		1 (—) 13,50		2 (17—18) 17,50		
51. ПД ее				1 (—) 11,50		
52. ПНК ее		2 (24—28) 26,00				

53. Соотношение 46 к 45	1 (—) 20,00		
54. Соотношение 50 к 45	1 (—) 9,50		
55. Соотношение 52 к 45	1 (—) 17,00		
56. Соотношение 48 к 46			2 (63,5—73,5) 68,50
57. Соотношение 48 к 47	1 (—) 57,00		
58. Соотношение 49 к 48	1 (—) 76,00		
59. Соотношение 51 к 50			1 (—) 67,50
60. Расстояние от ВО до верхнего конца горбистости локтевой	1 (—) 35,00		
61. Длина горбистости ee	1 (—) 22,00		
62. Ширина горбистости ee	1 (—) 10,00		
63. ПНУ ВО ee	1 (—) 24,00		1 (—) 39,00
64. Соотношение 62 к 61	1 (—) 45,50		
65. ПДЛ пястной	2 (115—116) 115,50		
66. ШВК ee	2 (20—20) 20,00		
67. ШВК ee	2 (13,5—15) 14,25		
68. ПД ee	2 (2 (11,5—11,5) 11,50		
69. ПД ee	2 (7,5—8,5) 8,00		1 (—) 45,00
70. ШНК ee	2 (2 (23—24) 23,50		1 (—) 31,50
71. ШНК ee	2 (15—15) 15,00		1 (—) 33,00
72. Соотношение 66 к 65	2 (17—17,5) 17,25		
73. Соотношение 68 к 65	2 (10—10) 10,00		
74. Соотношение 70 к 65	2 (20—21) 20,50		
75. Соотношение 67 к 66	2 (67,5—75) 71,25		
76. Соотношение 69 к 68	2 (66—74) 69,50		
77. Соотношение 71 к 70	2 (62,5—65) 63,75		
78. ИНДМВ ee	2 (70—70) 70,00		
79. ИНДЛВ ee	2 (71,5—71,5) 71,50		
80. Длина КЗ таза	2 (26—26) 26,00		
81. Ширина КЗ его	2 (23—23,5) 23,25		
82. ШВК бедра	2 (38,5—41,5) 40,00		
83. ПД большеберцовой	1 (—) 12,00		
84. ШНК ee	1 (—) 24,00		1 (—) 20,00
85. ШНК ee	1 (—) 18,00		1 (—) 31,50
86. Соотношение 85 к 84	1 (—) 75,00		1 (—) 17,00
87. ВДЛ таранной	1 (—) 25,00		1 (—) 54,00
88. ВНДЛ ee	1 (—) 24,00		2 (38—39,5) 38,75
89. ШВК ee	1 (—) 17,00		2 (34—35) 34,50
90. ШНК ee	1 (—) 15,50		2 (19—19) 19,00
			1 (—) 22,00
		1 (—) 32,00	
		1 (—) 27,50	
			1 (—) 70,00

Приложение III

Признак (мм, %, абсолютные величины)	Бык домашний	Овца домашняя	Коза домашняя	Свинья домашняя	Конь домашний	Осел домашний
91. Соотношение 90 к 87		1 (—) 62,00		1 (—) 55,50		
92. ПДЛ пяточной		1 (—) 49,50		1 (—) 17,50		
93. ПНУ ВО ее		2 (14,5—16) 15,25		1 (—) 20,00		
94. ПНУ ВО ее		2 (16—16,5) 16,25				
95. Ширина центральной	1 (—) 48,00					
96. Поперечник ее	1 (—) 46,50					
97. ПДЛ плюсовой		1 (—) 125,00				
98. ПБК ее	1 (—) 42,00	1 (—) 18,00				
99. ПБК ее	1 (—) 40,00	1 (—) 18,00				
100. ПД ее	1 (—) 24,00	1 (—) 10,00				
101. ПД ее		1 (—) 8,50				
102. ПНК ее		1 (—) 18,50				
103. ПНК ее		1 (—) 14,50				
104. Соотношение 98 к 97		1 (—) 14,50				
105. Соотношение 100 к 97		1 (—) 8,00				
106. Соотношение 102 к 97		1 (—) 15,00				
107. Соотношение 99 к 98	1 (—) 95,00	1 (—) 100,00				
108. Соотношение 101 к 100		1 (—) 85,00				
109. Соотношение 103 к 102		1 (—) 78,50				
110. ИНДМВ ее		1 (—) 65,50				
111. ИНДЛВ ее		1 (—) 54,50				
112. ПДЛ I фаланги	1 (—) 57,00	4 (33—34) 33,75 ± 0,25		1 (—) 36,00		
113. ДСРЛ ее	1 (—) 49,00	4 (29,5—30) 29,875 ± 0,12		1 (—) 32,00		
114. ПБК ее	1 (—) 30,00	4 (11,2—12) 11,75 ± 0,14		1 (—) 17,00		
115. ПБК ее	1 (—) 35,00	4 (13,5—14) 13,75 ± 0,14				
116. ПД ее	1 (—) 23,00	4 (9,5—9,5) 9,00 ± 0,20		1 (—) 13,00		
117. ПД ее	1 (—) 19,00	4 (6,5—7,5) 7,25 ± 0,25		1 (—) 10,00		
118. ПНК ее	1 (—) 28,50	4 (10—11) 10,75 ± 0,25		1 (—) 15,00		
119. ПНК ее	1 (—) 25,00	4 (8,5—10) 9,25 ± 0,32		1 (—) 11,50		
120. Соотношение 114 до	1 (—) 52,50	4 (34—35,5) 35,00 ± 0,35		1 (—) 47,00		
121. Соотношение 116 до	1 (—) 40,50	4 (25—28) 26,75 ± 0,66		1 (—) 36,00		
122. Соотношение 118 до	1 (—) 50,00	4 (29,5—33,5) 32,00 ± 0,87		1 (—) 41,50		

123. Соотношение 115 к 114	1 (←) 116,50	4 (116,5—117,5) 117,00 ± 0,29			
124. Соотношение 117 к 116	1 (←) 82,50	4 (76,5—79) 78,375 ± 0,63		1 (←) 77,00	
125. Соотношение 119 к 118	1 (←) 87,50	4 (82—91) 86,125 ± 1,88		1 (←) 76,50	
126. ПУИ II фаланги	2 (35,5—36) 35,75	1 (←) 20,50			
127. ДСРЛ ee	2 (31—32) 31,50	1 (←) 19,00			
128. ПВК ee	2 (26—26) 26,00	1 (←) 10,00			
129. ПВК ee	1 (←) 28,50	1 (←) 11,00			
130. ШД ee	2 (20—20,5) 20,25	1 (←) 7,00			
131. ПД ee	2 (19,5—20) 19,75	1 (←) 7,50			
132. ПНК ee	2 (21,5—22) 21,75	1 (←) 7,50			
133. ПНК ee	2 (23,5—25) 24,25	1 (←) 9,50			
134. Соотношение 128 к 126	2 (72—73) 72,50	1 (←) 49,00			
135. Соотношение 130 к 126	2 (55,5—57,5) 56,50	1 (←) 34,00			1 (←) 43,00
136. Соотношение 132 к 126	2 (59,5—69) 64,25	1 (←) 35,00			1 (←) 23,00
137. Соотношение 129 к 128	1 (←) 109,50	1 (←) 110,00			1 (←) 53,50
138. Соотношение 131 к 130	2 (95—100) 97,50	1 (←) 107,00			
139. Соотношение 133 к 132	2 (107—116,5) 111,75	1 (←) 126,50			
140. ДШКР III фаланги (у ослы — задней)	1 (←) 50,00				
141. Подопынная длина ee	1 (←) 67,00				
142. Высота ee	1 (←) 31,50				
143. Соотношение 142 к 140	1 (←) 63,00				
144. Высота в холке самок (в см)		3 (56—58,5) 57,00			
145. Высота в холке в целом (в см)		4 (56—58,5) 56,75 ± 0,60		2 (68—70,5) 69,25	

1. Обозначения и сокращения те же, что и в табл. III.3.

Продолжение табл. III.10.

Признак: мм, %	Собака домашняя	Бобр речной	Кабан	Олень обыкновенный	Лось
1. АДМ—М ²			1 (←) 88,50		
2. Длина М ³			1 (←) 45,50		

Приложение III

Признак: мм, %	Собака домашняя	Бобр речной	Кабан	Олень обыкновенный	Лось
3. Ширина М ³			1 (—) 25,00		
4. Артикулярная длина нижней челюсти	1 (—) 137,00				
5. Ангулярная высота ее	1 (—) 139,50				
6. Высота перед зубным рядом ее	2 (20—21) 20,50				
7. Высота сзади зубного ряда ее	2 (26—27) 26,50				
8. Высота по суставной поверхности ее	1 (—) 27,00				
9. Длина альвеолы клыка ее	1 (—) 12,00				
10. Ширина альвеолы клыка ее	1 (—) 10,00				
11. АД всего зубного ряда ее	2 (71,5—73) 72,25	1 (—) 35,00			
12. АД передкоренных ее	2 (38,5—39,5) 39,00				
13. АД коренных ее	2 (33,5—36,5) 35,00				
14. ШНК лопатки	1 (—) 29,50				
15. ВД СЗ ее	1 (—) 26,50				
16. МД СЗ лопатки	1 (—) 18,50				
17. Соотношение 16 к 14	1 (—) 62,50				
18. Соотношение я 16 к 15	1 (—) 70,50				
19. ШНК плечевой		3 (24,5—29) 26,67			
20. ШБЛ ее		3 (20—21,5) 20,83			
21. МВБЛ ее		3 (10—10) 10,00			
22. НВБЛ ее		3 (7,5—8,5) 7,83			
23. Соотношение 21 к 20		3 (46,5—50) 48,00			
24. ШВК лучевой		3 (35—42,5) 37,66			
25. ПВК ее			3 (38—42) 40,00		
26. ПД ее			3 (26—28,5) 27,16		
27. ПД ее			2 (23—24,5) 23,75		
28. Соотношение 25 к 24			2 (15—16) 15,50		
29. Соотношение 27 к 26			3 (3 (65—71) 68,00		
30. ПНУ ВО локтевой			2 (61—69,5) 65,25		
31. ШВК пястной (у кабана — пястной—III)			2 (50—50,5) 50,25		
32. ПВК ее			1 (—) 24,00		1 (—) 61,00
33. ПД ее			1 (—) 24,00		1 (—) 42,50
34. ПД ее			1 (—) 17,00		1 (—) 44,00
35. Соотношение 32 к 31			1 (—) 12,50		
36. Соотношение 34 к 33			1 (—) 100,00		1 (—) 69,50
37. Длина КЗ газа		1 (—) 24,50	1 (—) 73,50		
			1 (—) 47,00		

38. Ширина КЗ его	1 (—) 47,00			
39. ШВК бедренной	1 (—) 48,00			
40. ШВК таранной	1 (—) 68,00			
41. ПНУ ВО ее	1 (—) 61,50			
42. ПДЛ II фаланги	2 (33—35) 34,00			
43. ДСРЛ ее	2 (42—45) 43,50			
44. ШВК ее	3 (20,5—23) 22,00			
45. ШВК ее	3 (30—32) 31,33			
46. ПД ее	2 (27—27) 27,00			
47. ПД ее	2 (39—40) 39,50			
48. ПНК ее	1 (—) 53,00			
49. ПНК ее	1 (—) 48,50			
50. Соотношение 44 к 42	1 (—) 36,50			
51. Соотношение 46 к 42	1 (—) 33,00			
52. Соотношение 48 к 42	1 (—) 42,50			
53. Соотношение 45 к 44	1 (—) 39,50			
54. Соотношение 47 к 46	1 (—) 114,50			
55. Соотношение 48 к 47	2 (120—136,5) 128,25			
	3 (139—146,5) 142,50			
	2 (144,5—148) 146,25			

Таблица III.11. Критерий оценки t признаков костей овцы домашней с городища Киселевка II.

Признак				
1. ПДЛ I фаланги ¹				
2. ДСРЛ ее				
3. ШВК ее				
4. ШВК ее				
5. ШД ее				
6. ПД ее				
7. ПНК ее				
8. ПНК ее				
9. Соотношение 3 к 1				
10. Соотношение 5 к 1				
11. Соотношение 7 к 1				
12. Соотношение 4 к 3				
13. Соотношение 6 к 5				
14. Соотношение 8 к 7				
15. Высота в холке				

1. Сокращения те же, что и табл. III.3.

Л.В. Литвинова

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЕ ОПРЕДЕЛЕНИЯ КОСТЯКОВ ИЗ ПОГРЕБЕНИЙ НА ГОРОДИЩЕ КИСЕЛЕВКА II

АНТРОПОЛОГИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛ ИЗ ГОРОДИЩА КИСЕЛЕВКА II; ИССЛЕДОВАНИЯ 2007 года

Антропологический материал происходит из городища Киселевка II (см. приложение I, 9).

Раскоп 3 квадрат А (1)—5 (1). Кости найдены в заполнении канавки от стены длинного дома. Сохранились мелкие фрагменты черепа, фрагмент плечевой и локтевой костей, фрагмент бедренной кости, лопатка ребенка. Размеры плечевой кости — 10,5—11,0 см (с эпифизами). Следы искусственной обработки кости отсутствуют.

Возраст ребенка — не более 2-х лет.

ИССЛЕДОВАНИЯ 2008 года

Раскоп 4, погребение 1. Сохранились фрагменты черепного свода и нижней челюсти, кости верхних и нижних конечностей (плечевая — правая и левая), бедренная кости.

На нижней челюсти прорезались постоянные зубы — первый моляр и прорезается второй моляр.

На длинных трубчатых костях разрушены эпифизы, поэтому измерения невозможны.

Возраст ребенка определен на основании состояния зубной системы — 1,5—2,0 года.

Погребение 2. Крупные фрагменты черепа (сохранилась нижняя челюсть, фрагменты верхней челюсти), а также кости верхних и нижних конечностей.

Состояние зубной системы — все молочные зубы прорезались. Размеры длинных трубчатых костей (с учетом эпифизов) следующие: плечевая — 11,5—12,0 см, локтевая — 10,0—10,5 см, бедренная — 15,0—15,5 см, большая берцовая — 12,0—12,5 см.

Возраст ребенка определен на основании состояния зубной системы, а также размеров длинных костей — не более 2-х лет.

Погребение 3. Сохранились незначительные фрагменты черепа (лобная кость, правая височная кость, основание черепа, нижняя челюсть без правой ветви), мелкие фрагменты костей верхних и нижних конечностей (правая и левая стороны), кости стопы.

Судя по сохранившимся фрагментам череп среднемаассивный: надбровные дуги более 1 балла, сосцевидный отросток — 1 балл, стенки черепа массивные, венечный шов не облитерирован, края черепного шва острые, края глазниц закруглены. Нижняя челюсть небольших размеров, угол ветви нижней челюсти приближается к прямому, средне развит подбородочный выступ, стертость зубов минимальная — 1—2 балла. На третьем нижнем моляре отсутствуют следы стертости.

На длинных трубчатых костях поверхность диафиза сильно повреждена, эпифизы разрушены, поэтому измерения невозможны. Длинные трубчатые кости среднемаассивные, мышечный рельеф развит довольно хорошо.

На лобной кости обнаружены следы травмы. На внутренней поверхности лобной кости (слева в области лобного бугра) прослеживается отслоение костной ткани, а на внешней поверхности лобной кости в этой же области видны небольшие микротрещины, вероятнее всего, они образовались вследствие удара.

Скелет принадлежал мужчине (пол определен с некоторой долей сомнения), возраст определен в интервале 25—30 лет.

Измерения черепа и длинных трубчатых костей невозможны из-за плохой сохранности костей.

На поселении обнаружены также отдельные кости, описание которых приводим ниже.

Раскоп 3, яма 7. Найдены очень мелкие обломки черепа (со следами сожжения, кости имеют белый и черный цвет). Сохранился также небольшой фрагмент подвздошной кости. Из-за значительной фрагментарности костей невозможно определить принадлежали ли кости одному индивидууму. Пол и возраст определить нельзя. Взрослый.

Раскоп 3, культурный слой. Сохранился крупный фрагмент плечевой кости. Эпифизы отсутствуют. Кость среднемаассивная, мышечный рельеф развит средне. Плечевая кость частично измерена. Измерения даны ниже.

5. Наибольший диаметр середины диафиза — 24,0 мм.

6. Наименьший диаметр середины диафиза — 17,0 мм.

7а. Окружность середины диафиза — 65,0 мм.

7. Наименьшая окружность диафиза — 58,0 мм.

■ Приложение IV ■

Пол определить невозможно, возраст определен в широком интервале — возмужалый—зрелый (adultus—maturus).

Обнаружен небольшой фрагмент бедренной кости. Кость довольно грацильная, умеренно развит мышечный рельеф. Взрослый, пол и возраст определить невозможно.

Найден крупный фрагмент бедренной (левой) кости ребенка. Размеры бедренной кости (с учетом эпифизов) — 12,0—12,5 см.

Возраст ребенка определен в широком интервале — 6—12 месяцев.

Д.В. Ступак

КРЕМНЕВАЯ КОЛЛЕКЦИЯ С РАСКОПОК ГОРОДИЩА КИСЕЛЕВКА II

Памятник Киселевка II в литературе известен в первую очередь, как городище юхновской культуры. Во время работ Д.В. Каравайко было найдено 270 кремней. Часть из них уже была предметом публикации. Большинство полученных в первый год раскопок городища кремневых артефактов отнесены к песочноровской мезолитической культуре. Часть была связана с среднеднепровской культурой эпохи бронзы (Каравайко, Ступак, 2005, с. 178—180).

Преимущественное большинство кремневых находок относятся к местному сырью — деснянскому чёрному или светло-серому желвачному кремню. Его выходы встречаются в меловых отложениях в районе городища. Часть продуктов раскалывания покрыта бело-голубой патиной разной интенсивности.

Кремни встречались от поверхности до самого дна раскопа. Возможно, единичные находки, происходящие из линз серо-белой лессовидной супеси толщиной 3—5 см, располагались *in situ*. Они, как правило, полностью или частично покрыты патиной разной глубины.

Всего найдено 16 изделий со вторичной обработкой (табл. V.1). Наибольший интерес среди них представляют два проксимальных обломка двухстороннеобработанных наконечников (рис. V.1, 1, 2) и фрагмент серпа с характерной заполировкой (рис. V.1, 4). Эти изделия, по нашему мнению, следует отнести к среднеднепровской культуре эпохи бронзы, находки керамики которой встречались на городище во время раскопок (рис. V.1, 7, 8). Один из обломков наконечников (рис. V.1, 1) имеет близкие аналогии в материалах среднеднепровского поселения Мыс Очкинский (Розенфельд, 1950, с. 135, рис. 46, 7).

Два концевых скребка были изготовлены на отщепях и оба имеют следы действия огня (рис. V.1, 5, 6).

Пластины с ретушью представлены двумя целыми экземплярами, двумя медиальными и одним дистальным фрагментом. Одна целая пластина (рис. V.1, 3), один медиальный и дистальный фрагменты патинированы. Особенно следует отметить целую пластину и дистальный фрагмент: они имеют ретушь, нанесенную по патинированным поверхностям, т. е. являются изделиями вторичного использования.

■ Приложение V ■

Таблица V.1. Соотношение кремневых находок из раскопок городища.

Название изделий	Количество
Фрагменты двухстороннеобработанных наконечников	2
Серп. Фрагмент	1
Скребки	2
Пластины с ретушью и их фрагменты	5
Отщепы с ретушью	5
Обломок с ретушью	1
Пренуклеусы	1
Нуклеусы	9
Обломок нуклеуса	1
Пластина корочная	1
Пластины снятые с природных ребер конкреций и их фрагменты	9
Пластины с разнонаправленными негативами и их обломки	5
Пластина реберчатая односторонняя	1
Пластины реберчатые двухсторонние. Дистальные фрагменты	2
Пластина с поперечными негативами. Медиальный фрагмент	1
Реберчатые отщепы	2
Сколы подправки площадок нуклеусов	3
Пластины и их фрагменты	14
Отщеп со следами использования	1
Отщепы	159
Чешуйки	14
Обломок кремневого отбойника	1
Обломки кремня	30
Всего	270

Отщепы с ретушью представлены пятью экземплярами. Среди них один, частично патинированный, тоже является изделием вторичного использования. Кроме описанных изделий вторичную обработку ретушью имеет один обломок кремня.

За время раскопок был найден 1 пренуклеус и 9 нуклеусов (табл. V.1). Пренуклеус был сформирован на небольшом обломке кремня размерами 50 × 46 × 25 мм. На его поверхности видны два ребра, созданные короткими раковистыми сколами. Снятые проксимальные части последних свидетельствуют о применении твердого отбойника. Это изделие имеет следы пребывания в огне.

Среди нуклеусов 6 относится к одноплощадочным односторонним, один является двухплощадочным ортогонально-двухсторонним и два — многоплощадочные.

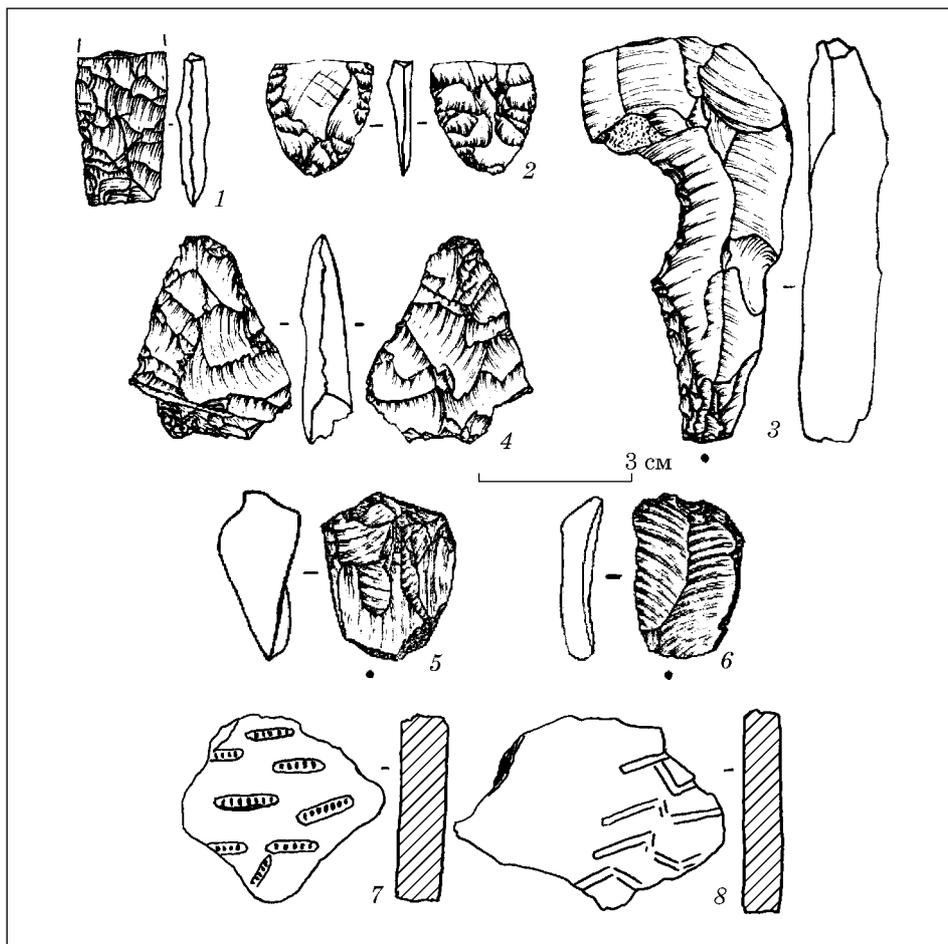

Рис. V.1. Материалы с городища Киселевка II: 1—6 — кремневые орудия, 7, 8 — фрагменты керамики среднеднепровской культуры эпохи бронзы

Судя по поверхностям части нуклеусов и имеющемуся пренуклеусу, заготовками для их изготовления служили преимущественно небольшие обломки желвачного кремня.

Среди одноплощадочных нуклеусов 4 подпризматических. Наибольший из них — $68 \times 58 \times 40$ мм (рис. V.2, 6), наименьший — $32 \times 22 \times 14$ мм (рис. V.2, 1). Единичными экземплярами представлены торцевые (рис. V.2, 5) и уплощенные (рис. V.2, 4). Их размеры соответственно: $48 \times 35 \times 63$ мм и $35 \times 45 \times 13$ мм.

Рабочие поверхности одноплощадочных нуклеусов несут негативы отщепов и широкие негативы пластин не регулярных очертаний с, как

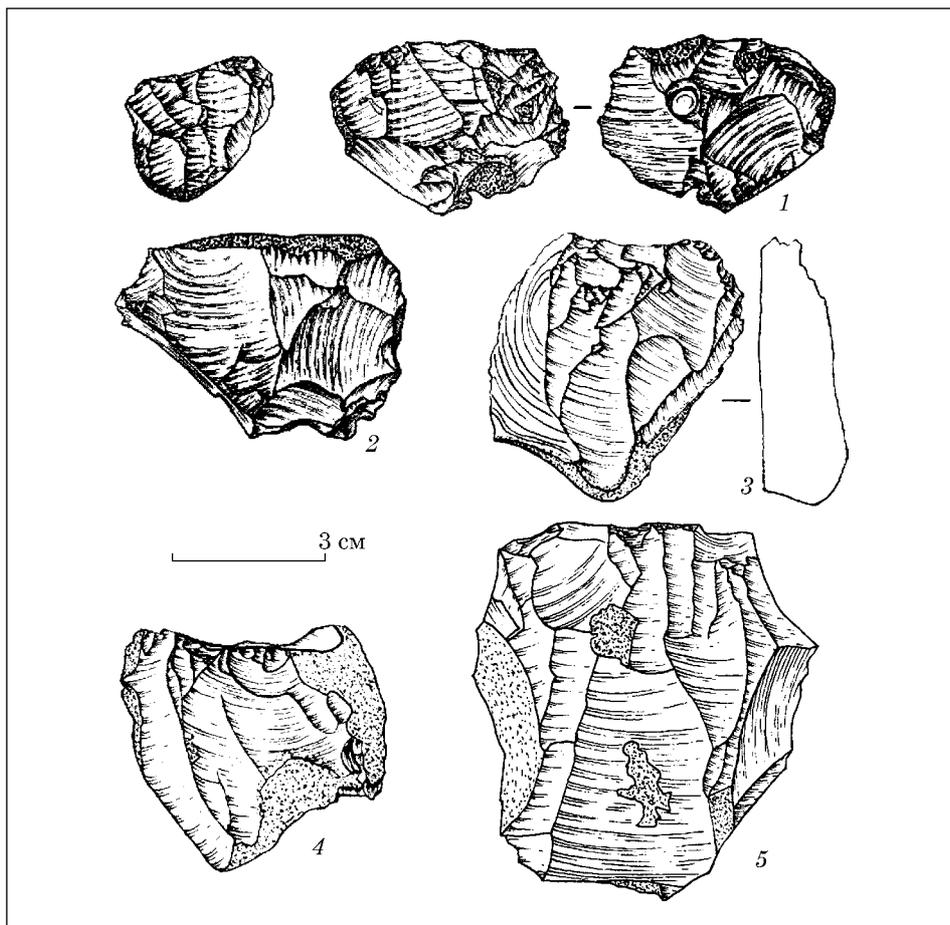

Рис. V.2. Материалы с городища Киселевка II: 1, 4, 6 — нуклеусы одноплощадочные, 2, 3 — нуклеусы многоплощадочные

правило, хорошо выраженной волнистостью. Боковые и тыльные поверхности у большинства не имеют следов специальной подготовки нуклеусов к работе. Только у самого большого подпризматического одна боковая поверхность подправлена поперечным сколом. Этот нуклеус отличается от остальных большей регулярностью негативов и в отличие от остальных нуклеусов, которые не патинированы, он частично покрыт патиной. Площадки скалывания одноплощадочных нуклеусов расположены к рабочей поверхности под углом меньшим 90 градусов и оформлены одним или несколькими сколами, снятыми со стороны рабочей поверхности. Редуцирование отмечено только на одном нуклеусе, абразив полностью отсутствует.

Нуклеус двухплощадочный ортогонально-двухсторонний имеет размеры — $63 \times 39 \times 18$ мм. Он не патинирован. Его рабочие поверхности несут негативы отщепов. Следы подготовки нуклеуса к эксплуатации отсутствуют. На боковых поверхностях сохранились небольшие участки корки. В процессе раскалывания нуклеус, как минимум, один раз переоформлялся. Об этом свидетельствует участок рабочей поверхности, которая использовалась до его переоформления. Он сохранился на боковой поверхности нуклеуса. Одна из площадок скалывания сформирована двумя сколами, снятыми со стороны рабочей поверхности и расположена к ней под углом 70 градусов. В качестве второй площадки скалывания использована боковая поверхность нуклеуса, которая частично покрыта коркой, а частично сформирована одним сколом. К рабочей поверхности она расположена под углом 85 градусов. Следов применения редуцирования и абразивной обработки на этом нуклеусе не обнаружено.

Нуклеусы многоплощадочные, представлены двумя экземплярами, оба уплощенные (рис. V.2, 2, 3). Размеры большего — $57 \times 40 \times 19$ мм, меньшего — $38 \times 43 \times 11$ мм. Они не патинированы. Более крупный нуклеус имеет одну рабочую поверхность, покрытую негативами отщепов. Остальная его поверхность преимущественно покрыта коркой. В качестве площадок скалывания использовались удобные для этого плоскости нуклеуса, в том числе и корочные. Углы скалывания колеблются от 90 до 60 градусов. Следы редуцирования и абразива отсутствуют.

Меньший нуклеус имеет две рабочие поверхности, покрытые отщеповыми негативами. Небольшие боковые участки несут следы корки. Как и на предыдущем нуклеусе, в качестве площадок использовались удобные для этого поверхности. Углы скалывания имеют диапазон 65—45 градусов. На одной из зон расщепления есть следы редуцирования. Абразивная обработка не отмечена.

О том, что в процессе подготовки нуклеусов к использованию формировались реберчатые грани, свидетельствуют присутствующие в коллекции пластина реберчатая односторонняя, две дистальные части реберчатых двухсторонних, медиальный фрагмент пластины с поперечными негативами и два реберчатых отщепов (табл. V.1). Реберчатая односторонняя имеет нерегулярные очертания, гладкую площадку и перовидное окончание. Один фрагмент реберчатой двухсторонней имеет перовидное окончание, второй — петлевидное. Патинированными являются фрагмент реберчатой двухсторонней с перовидным окончанием, медиальный фрагмент пластины с поперечными негативами и 1 реберчатый отщеп.

К сколам формирования / переоформления и подправки нуклеусов также относятся и сколы подправки площадок ядрищ. Всего их найдено 3 (табл. V.1). Среди них один покрыт легкой бело-голубой патиной. Все подправки сняты со стороны рабочих поверхностей нуклеусов. Снятием одного из отщепов подправили площадку, которой служила естественная поверхность слома конкреции. На двух подправках площадок присутствуют следы грубого редуцирования. Следы абразива не отмечены.

К сколам формирования / переоформления и подправки нуклеусов, на наш взгляд, следует отнести и корочную пластину, целые пластины и их фрагменты, снятые с природных ребер конкреций, а также пластины и их фрагменты с разнонаправленными негативами (табл. V.1). Среди них 2 пластины, снятые с природных ребер конкреций и проксимальный фрагмент пластины с разнонаправленными негативами патинированы.

Для большинства этих сколов характерна нерегулярная форма, гладкие площадки и перовидное окончание. Редуцирование отмечено только на одной пластине, снятой с природного ребра конкреции. Применение абразивной обработки отсутствует.

Пластины и их фрагменты представлены небольшим количеством (табл. V.1). Целых пластин — 6, проксимальных фрагментов — 2, медиальных — 5, дистальных — 1. Для них характерна нерегулярная форма, латеральная или продольная огранка и перовидное окончание. Среди целых пластин у трех площадки разбиты, три другие имеют, гладкую, линейную и точечную. Среди проксимальных частей одна имеет точечную и одна двухгранную площадки. Ни одна площадка не имеет следов применения редуцирования или абразивной обработки. Платина присутствует на двух целых пластинах и на одной проксимальной, медиальной и дистальной части.

Наибольшую категорию сколов составляют отщепы. Их насчитывается 159 (табл. V.1). Приблизительно треть из них полностью или частично покрыта патиной. На поверхностях большинства отщепов присутствует корка. Негативы на их дорсальных поверхностях преимущественно продольные или разнонаправленные. Больше половины отщепов не имеет площадок. Среди имеющих площадки преобладают сколы с гладкими и линейными. Редуцирование представлено только на трех экземплярах. Следы абразивной обработки отсутствуют. Для большого количества отщепов характерна сильная волнистость на вентральной и дорсальной поверхностях. Последнее, а также значительное количество отщепов с разбитыми площадками является результатом применения твердого отбойника. В пользу этого мнения свидетельствует и присутствующий в коллекции, фрагмент кремневого отбойника с характерной забитостью (табл. V.1).

В коллекции присутствуют 30 обломков кремня и 14 чешуек (табл. V.1). Часть этих вещей патинирована. Не исключено, что некоторые из обломков кремня, являются обломками сработанных нуклеусов.

Таким образом, исходя из присутствия в материалах городища кремневых орудий и керамики и судя по характеристике большинства нуклеусов, не регулярности форм большинства сколов, минимальному количеству пластин, снятых с нуклеусов, единичным свидетельствам применения подготовки зоны расщепления, широкому применению твердого отбойника — подавляющее большинство кремней коллекции относится к среднеднепровской культуре эпохи бронзы.

Часть предметов следует отнести к более раннему времени, чем эпоха бронзы. В частности это самый большой нуклеус коллекции. Он мор-

фологически отличается от всех остальных и по своим характеристикам наиболее близок к нуклеусам песочноровской мезолитической культуры. Стоянки этой культуры, в том числе эпонимная — Песочный Ров, расположены приблизительно в 10 км выше по Десне (Зализняк, 1984, с. 1—17; 1986, с. 74—142; 2009, с. 58—94, 234—244; Зализняк, Каравайко, Маярчак, 2003, с. 5—13). Также, вероятнее всего, к более раннему комплексу, чем среднеднепровский, следует отнести единичные сколы, выявленные в линзах серо-белой супеси — 2 пластины, проксимальный фрагмент пластины с разнонаправленными негативами и отщеп, а также ряд патинированных сколов со следами вторичного использования. Возможно, часть или даже большая часть патинированных отщепов тоже относятся к более раннему времени, чем эпоха бронзы.

Не исключено, что отдельные сколы, покрытые более густой белой патиной, в частности фрагменты пластин с более регулярной огранкой относятся к еще более раннему, вероятно, верхнепалеолитическому времени.

Естественно, не большое количество материала, который мы можем отнести ко времени раннее эпохи бронзы, и его не выразительность не дает возможности точно определить культурно-хронологическую позицию. Остается надеяться, что дальнейшие исследования смогут дать ответ на этот вопрос и соответственно на вопрос о том, кто были первые обитатели территории городища.

Литература:

- Зализняк Л.Л.* Деснянська мезолітична культура // Археологія. — 1984. — № 46. — С. 1—17.
- Зализняк Л.Л.* Культурно-хронологическая периодизация мезолита Новгород-Северского Полесья // Неприна В.И., Кротова А.А., Зализняк Л.Л. Памятники каменого века Левобережной Украины. — К.: Наук. думка, 1986. — С. 74—142.
- Зализняк Л.Л.* Мезоліт заходу Східної Європи / Кам'яна доба України. — К.: Шлях, 2009. — Вип. 12. — 280 с.
- Зализняк Л.Л., Каравайко Д.В., Маярчак С.П.* Археологічна експедиція НаУКМА 2002 р. Дослідження городища Пісочний Рів на Десні // Магістеріум: Археологічні студії. — К., 2003. — Вип. 11. — С. 5—13.
- Зализняк Л.Л.* Фінальний палеоліт і мезоліт континентальної України. Культурний поділ та періодизація / Кам'яна доба України. — К.: Шлях, 2005. — Вип. 8. — 184 с.
- Каравайко Д.В., Ступак Д.В.* Розкопки городища Киселівка II у 2005 році // АДУ 2004—2005 рр., К., 2006. — С. 178—182.
- Розенфельд И.Г.* Стоянка Мыс Очкинский // КСИИМК. — 1950. — № XXXI. — С. 130—140.

Список сокращений

АВУ	— Археологічні відкриття в Україні
АДІУ	— Археологія і давня історія України
АДУ	— Археологічні дослідження в Україні
АЛЛУ	— Археологічний літопис Лівобережної України
АО	— Археологические открытия
АП	— Археологические памятники
ГАЧО	— Государственный архив Черниговской области
ИА РАН	— Институт археологии Российской академии наук
КСИА	— Краткие сообщения института археологии
КСИИМК	— Краткие сообщения института истории материальной культуры
МИА	— Материалы по истории и археологии
НА ІА НАН України	— Науковий архів Інституту археології НАН України
НаУКМА	— Национальный Университет Киево-Могилянская академия
РА	— Российская археология
СА	— Советская археология
САИ	— Свод археологических источников
Тр. ГИМ	— Труды Государственного исторического музея
ХИАО	— Харьковское историко-археологическое общество

Содержание

Введение	3
Глава 1. История изучения памятников юхновской культуры Новгород-Северского Полесья	7
Глава 2. Памятники юхновской культуры	17
2.1. Городища и поселения	17
2.2. Планировка городищ и характер домостроительства	23
2.3. Проблема погребального обряда юхновской культуры	46
Глава 3. Материальная культура	75
3.1. Изделия из глины	75
3.2. Костяные изделия	110
3.3. Железные вещи	116
3.4. Находки из бронзы	119
3.5. О некоторых иных категориях вещей	123
Глава 4. Хозяйственный уклад	125
4.1. Животноводство	125
4.2. Земледелие	129
4.3. Рыболовство	133
4.4. Охота	134
Глава 5. Вопросы хронологии и этноса	137
5.1. Хронология	137
5.2. Этнос	145
Заключение	150
Summary	154
Литература	156
Архивные материалы	163
ПРИЛОЖЕНИЯ	
Приложение I. <i>Киравайко Д.В.</i> Каталог памятников юхновской культуры	165
Приложение II. <i>Горбаненко С.А.</i> Палеоэтноботанические материалы с юхновских городищ Новгород-Северского Полесья	217
Приложение III. <i>Журавлев О.П.</i> Osteологические материалы с горо- дищ юхновской культуры Бужанка I и Киселевка II	227
Приложение IV. <i>Литвинова Л.В.</i> Антропологические определения костяков из погребений на городище Киселевка II	264
Приложение V. <i>Ступак Д.В.</i> Кремневая коллекция с раскопок горо- дища Киселевка II	267
Список сокращений	274

Наукове видання

НАЦІОНАЛЬНА АКАДЕМІЯ НАУК УКРАЇНИ
ІНСТИТУТ АРХЕОЛОГІЇ

КАРАВАЙКО
Дмитро Володимирович

ПАМ'ЯТКИ
ЮХНІВСЬКОЇ
КУЛЬТУРИ
НОВГОРОД-
СІВЕРСЬКОГО
ПОЛІССЯ

Російською мовою

Друкується в авторській редакції

Рецензенти:

доктор історичних наук, професор *О.П. Медведев*
доктор історичних наук *С.В. Махортих*

Науковий редактор:

доктор історичних наук, професор *С.А. Скорий*

Рекомендовано до друку Вченою радою
Інституту археології НАН України

Комп'ютерна верстка *С. А. Горбаненка*

Підписано до друку 10.02.2012. Формат 70 × 100/16.

Папір офсетний. Друк офсетний. Ум. друк. арк. 19,7.

Обл.-вид. арк. 20,2. Тираж 300 екз.

Тираж віддруковано ТОВ «Майдан»,
61002, Харків, вул. Чернишевська, 59. Тел.: (057) 700-37-30

Свідоцтво про внесення суб'єкта видавничої справи до Державного реєстру видавців
і розповсюджувачів видавничої продукції ДК № 1002 від 31.07.2002 р.